Анри Мендра

ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ

NOTA BENE

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Издание осуществлено
в рамках программы "Пушкин"
при поддержке Министерства иностранных дел Франции
и Посольства Франции в России

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide
à la publication Pouchkine avec le soutien
du Ministère des Affaires Etrangères français
et de l'Ambassade de France en Russie

HENRI MENDRAS

ÉLÉMENTS DE SOCIOLOGIE

Quatrième édition 2e tirage

ARMAND COLIN

А. МЕНДРА

ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ

Учебное пособие для вузов

Москва
NOTA BENE
2000

УДК 316(075.8)
ББК 605я7
М 59

Перевод с французского *Е.О. Пучковой*

Мендра А.
Л 27 **Основы социологии:** Учебное пособие для вузов. — М.: Издательский дом NOTA BENE, 1998. — 344 с.
ISBN 5-8188-0006-7

Анри Мендра — один из крупнейших французских социологов, профессор Института политических исследований в Париже, руководитель Национального центра научных исследований. Книга "Основы социологии" выдержавшая во Франции четыре издания, представляет собой введение в социологию, понимаемую в широком смысле — собственно социологию, социальную психологию, этнологию и этнополитологию. Книга снабжена научно-справочным аппаратом: именным указателем, глоссарием, примечаниями и подробной библиографией.

Адресована студентам высших учебных заведений и всем интересующимся социологией, а также историей, психологией, политологией, экономикой, географией.

ISBN 5-8188-0006-7

© Armand Colin/Masson, 1989, 1996
© Издательский Дом NOTA BENE, 1999

Памяти Габриэля Ле Бра

Чтобы ученики учеников знали,
кто был учителем их учителей

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ СОЦИОЛОГИЯ?

На этот вопрос мы и постараемся ответить. Но задача не в том, чтобы дать определение, которое тут же вызовет бурю ссор и придирок. Социологи и специалисты различных социальных дисциплин напрасно дискутировали в начале века, пытаясь определить объект социологии, область ее применения и точные границы ее научной сферы. Это досье закрыто, не будем снова его ворошить. Однако другое досье, считавшееся аккуратно упорядоченным, в последние годы вновь привлекает к себе внимание. Кто-то полагает, что социология не более чем критика общества и все претензии на научную строгость — маска буржуазной идеологии. Иные под "критической" социологией понимают лишь обновленную форму размышлений в области социальной доктрины — один из видов возрождения идеологии. И те и другие щедры на анафемы, но не разделяют ни позиции, ни терминологии, ни знаний друг друга, доказывая таким образом, что социология все еще жива. В книге, которую вы держите в руках, отражены основы этого общего знания.

Давать определение науки, начиная с ее истоков, не имеет смысла: могли бы, скажем, физики XIX века "определить" проблемы своих коллег-ядерщиков XX века?

Однако, чтобы быстрее найти общий язык, необходимо уяснить смысл некоторых слов. Эти слова и обороты в настоящее время используются всеми специалистами социальных наук: словарь, приведенный в конце книги, содержит наиболее употре-

бимые из них. Под социологией мы понимаем собственно социологию, социальную психологию и этнологию. Речь идет не об имперских замашках социологии, а о простой констатации: не существует фундаментального различия между проблематикой и методологией этих трех дисциплин.

Даже дилетант может увидеть их взаимосвязанность. Так этнолог, имеющий призвание к отдаленным путешествиям, изучает экзотические народы и пытается, наблюдая за их жизнью, понять неповторимость и целостность этих народов. В то же время социальный психолог с помощью общения и лабораторных экспериментов над отдельными группами индивидов занимается техникой и методикой опросов. При этом этнологи рассматривают общество педантично, но глобально, что и является их особым талантом, а социологи интересуются далекими странами и активно используют технику психосоциологов; что же касается последних, то они стараются не слишком афишировать свою профессию.

Таким образом, не кривя душой, можно сказать, что в теоретической и методологической перспективе социальная наука едина.

Она базируется на данных, меняющихся в зависимости от социальных условий; и как мозг, достаточно развитый и глубокий, не может постичь всего, так и исследователь должен сконцентрироваться на одном из аспектов жизни общества, чтобы стать в этой области специалистом. Отсюда появляется дробление: социология индустрии, социология религии, социология сельской жизни, социология политики, социология экономики и т. д.

Некоторые ученые, занимающиеся политическими науками или демографией, хотят подчеркнуть свою независимость. Но они приносят только вред, смешивая интеллектуальную дисциплину и поле ее исследований. Необходимо классическое многообразие, при котором политические науки объединяют историю идей, конституционное право, политическую историю, политическую социологию... То же можно сказать и о других социальных науках, где наряду, например, с экономикой или теологией имеют место социология промышленности и социология религии. В поле любого исследования попадает несколько дисциплин, что по правильной логике классификации не годится для определения науки.

Социология не занимается исследованием сугубо своих проблем и тем более исследованием новых проблем. Начиная с высо-

кой античности лучшие умы задумывались над положением человека, над жизнью городов и над общественным благом. Все было сказано еще Платоном. Но если проблемы не новы и если их изучают не только социологи, как охарактеризовать оригинальность социологии по отношению к ее предкам и в сравнении с другими социальными науками? Скажем для начала, что социология претендует на создание позитивной и совокупной науки о социальных фактах, и уточним эти два понятия в коротком историческом обзоре.

ВЕЛИКИЕ ПРЕДКИ

Воображаемый диалог между Платоном и Аристотелем может пояснить противостояние позитивистской озабоченности социолога и нормативной озабоченности моралиста. Исходя из некоторого набора идей a priori[1] относительно ценности и идеалов человека, Платон сконструировал город, который должен был помочь людям реализовать этот идеал. Аристотель, следуя в корне другой методе, подробно исследовал строение различных городов эллинского мира и создал их типологию, пробуя понять ее сокровенный смысл. В результате изучения нормативных интересов Платона было установлено, что правление в Афинах казалось ему наилучшим. Но ход его интеллектуальных рассуждений, если и привел к этому выводу, полностью противоположен, потому что Платон исходил из реальности политических систем, относительно которых он рассуждал. Такой подход в принципе характерен для современной социологии.

Чтобы увидеть эмпирические и позитивные перспективы Аристотеля, пришлось ждать до XVIII века. Между тем по стопам Платона пошли многие великие умы. Святой Фома сконструировал город Бога, а Томас Мор построил идеальный город, свою Утопию, для которого он начертил даже план, что позволяет назвать его предком всех "утопистов" и урбанистов современности. Особое место принадлежит Ибн Хальдуну, чьи "Пролегомены" заслуживают быть прочтенными социологами.

По мнению многих, первые социологические сочинения написаны Монтескьё. В "Размышлениях о причинах величия и паде-

[1] A priori — независимо от опыта, до опыта (*лат.*). — Здесь и далее прим. перев.

ния римлян"[1] он пытается понять, как цивилизация крепнет, приходит к своему апогею и умирает; здесь же он рассматривает проблемы философии истории, которые излагает в терминах социальной истории. Монтескьё не предписывает правил, обычно навязываемых обществом своим членам, а пытается понять их внутреннюю сущность: в работе "О духе законов"[2] он описывает поведение людей и структуру общества, то есть ставит социальные проблемы. Изучая реалии и размышляя над ними прежде, чем вынести свои заключения, Монтескьё, таким образом, стал первым социологом в современном смысле этого слова.

Теперь перенесемся в XIX век, чтобы увидеть рождение социологии, названной так Огюстом Контом. Великие умы этого века стремились немного пророческим взглядом охватить прошлое, настоящее и будущее человечества. Они хотели осуществить тотальный синтез философской "антропологии" человека и общества. Однако что нам осталось от Огюста Конта, основателя и крестного отца социологии? Несколько светлых анализов некоторых ограниченных проблем. Закон трех состояний[3] и перспективы человеческого прогресса кажутся сегодня крайне устаревшими. Позитивная религия достигла своего звездного часа во Франции и, в еще большей степени, в Бразилии, тогда как социология значит теперь гораздо больше, чем религиозные пророчества.

Были еще великие оракулы французского и английского социализма XIX века: Фурье и Оуэн, достаточно упомянуть только два этих имени. Их доктрины и в наше время кажутся прозорли-

---

[1] Впервые опубликована в 1734 г Так же, как Вебер, Монтескьё стремится внести в мир разрозненных явлений вполне осмысленный порядок. Такой подход к фактам подход социолога. Монтескьё доказывает на примере римлян, что за хаосом случайных явлений кроются глубокие причины, которым подвластна иррациональность событий. "Миром управляет не фортуна... Все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала" (Œuvres complètes, t. II, p, 173).

[2] Издана в 1748 г в Женеве без указания имени автора. Разнообразие законов, считает Монтескьё, можно объяснить, ибо, свойственные каждому отдельному обществу, они определяются рядом причин, действующих иногда независимо от сознания людей. "История каждого народа – следствие частных случаев, – пишет он далее, любой частный закон связан с другим законом или зависит от более общего закона" (ibid., p, 229).

[3] Впервые изложен в "Проспекте научных работ, необходимых для реорганизации общества", опубликованном в апреле 1822 г в книге Сен-Симона "Последовательность работ, имеющих целью создание индустриальной системы".

выми, открывающими горизонты для исследования современных обществ. Также можно упомянуть Сен-Симона и сен-симонизм.

Наиболее крупный социолог XIX века, Карл Маркс, в начале своих исследований воплотил глубокие противоречия социологии. Его анализ английского капитализма XIX века несомненно является шедевром социологического анализа. Все ссылаются на эти исследования вне зависимости от собственных политических взглядов. Но когда, исходя из своего анализа, Маркс претендует на вывод основополагающих законов, применяет их к истории, чтобы понять эволюцию ушедших общественных формаций и предсказать будущее человечества, это вызывает дебаты между скептиками и последователями марксистской идеи. Дебаты, которые свидетельствуют, что Маркс, очевидно, был не только социологом, человеком науки, но также и пророком: он претендовал на то, чтобы применить к прогрессу человечества теорию, выведенную в результате изучения всего лишь одного общества. Это было плохо обосновано методологически. Его объяснение истории весьма дискуссионно, а предсказания будущего ложны, что не помешало ему добиться политического успеха, который известен всем, и оказать значительное влияние на общество в XIX и XX веках. Социологи могут восхищенно изучать политическую эффективность марксизма, но следует иметь в виду, что теория Маркса не подтверждена фактами и в действительности марксизм не является настоящей теорией, а представляет собой социальную доктрину

Третий великий социолог XIX века, Алексис де Токвиль, продемонстрировал совершенно современную методику в исследованиях американской демократии и Старого французского порядка[1] В течение трех лет он изучал функционирование общества в Соединенных Штатах Америки. Затем, в заключение, сообщил несколько замечаний о будущем этого общества. В частности, считая, что будущее Соединенных Штатов станет mutatis mutandis[2] западной цивилизации, он провозгласил несколько догадок, но воздержался от того, чтобы пойти дальше. Ограничившись конкрет-

[1] "Демократия в Америке" (I и II тт. опубликованы в 1835 г.; III и IV тт. — 1840 г.) и "Старый порядок и революция" (1856 г на русском языке см.: Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1997.) две главные работы Алексиса де Токвиля.

Mutatis mutandis — внося соответствующие изменения (*лат.*).

ным обществом и конкретной эпохой, Токвиль создал настоящий социологический шедевр, его анализ оставался верным в течение ста пятидесяти лет, а книга, написанная в 1830-х годах, до сих пор — среди лучших работ о Соединенных Штатах. В исследовании Старого порядка и революции Токвиль дает настолько актуальное объяснение Франции, что американские социологи часто лишь переводят его слова на современный язык.

Также следует упомянуть Спенсера и Ле Пле. В "Принципах социологии" Спенсер излагает первый систематизированный подход к социологической теории. Чтобы лучше понять, как функционирует общество, он сравнивает его с биологическим организмом, что приводит к взглядам органистическим и функционалистическим, которые кажутся теперь наивными и против которых современная социология должна защищаться.

Ле Пле, очень близкий нам своим вкусом к исследованиям каждодневной реальности, создал "расследования на почве": монографии о семьях со всего света. К сожалению, на основании изучения этих многочисленных семей, он не вывел теории, а использовал данную работу лишь для подтверждения своей социальной, католической и консервативной, доктрины. "Начальную" семью он оценивал выше, чем патриархальную и, тем более, брачную. Великолепный наблюдатель социальных реальностей, Ле Пле всегда готов был встать в позу и сказать: "Вот что хорошо и правильно в том, что я вижу" Наблюдение фактов приводило его к предвзятым идеям, к учению наблюдателя, а не к теоретическим обобщениям, позволяющим понять процессы и, в известных случаях, их предотвратить. Его последователь Анри де Турвиль, осознав это, написал "Номенклатуру социальных фактов" работу, которую следует изучить.

О МЕТОДЕ

Наблюдать социальную реальность без минимума теории невозможно. Пусть это будут хотя бы несколько предвзятых идей, рожденных здравым смыслом или заимствованных из социологических исследований. Социология, как и все современные науки, создает свой образ из реальности, на основании собственного объема гипотез и теорий. Позитивная наука должна рассматривать социальные факты так же, как ученые рассматривают биоло-

гические, физические или химические феномены. Социальные факты становятся объектами исследований только тогда, когда они выражаются в социальных терминах.

Существует фундаментальная разница между социальными позитивными науками и науками нормативными, такими, как, например, мораль и право. Ученому-физику не приходится долго объяснять, что он занимается позитивной наукой, потому что в физике нет морали. Социальная жизнь, напротив, организована и руководима моралью и законами. Науки морали и права предлагают знания законов морали и юриспруденции, а также размышления об этих законах; нормативные науки исходят из норм, устанавливая практические правила поведения. Позитивные науки изучают условия поведения, описывают и интерпретируют их, но не выносят им приговоров. Для социологии предосудительное поведение — это нормальное поведение, такое же, как и принимаемое обществом. Создавать теорию, которая бы учитывала реальность, не означает выносить приговор этой реальности.

Социология — позитивная, но одновременно и кумулятивная наука.

Пророческие амбиции великих мыслителей XIX века были не такими, как у социологов XX века, что не мешает последним питать большое уважение к этим титанам ушедшего столетия. Но современная социология, хотя и более скромная, в то же время и более амбициозная. Она стремится ограничиться пониманием связных фактов, по отношению к которым можно построить локальную теорию, или, как говорит Мертон, среднее значение. Такая теория базируется на малом количестве фактов, и ее легко перенести в другую плоскость для того, чтобы учесть другие факты. Она может быть объединена с какой-либо иной теорией, построенной на ином фундаменте фактов, — в результате, создается теория несколько более широкая. Вот что означает слово "кумулятивный"

Тот, кто размышляет над великими социальными проблемами, читал своих предшественников, но читал их для того, чтобы отбросить и вернуться к "чистой доске" Это нормальный путь философа и доктринера. Социология, напротив, не претендует на обдумывание тотальности проблемы. Она лишь обсуждает факты и извлекает из них схемы анализа и интерпретации. Для этого социологи изучают своих предшественников, которые рассмат-

ривали такие же, или аналогичные, факты, и, используя их умозаключения, стараются идти дальше с более совершенными инструментами анализа.

Если сегодня кто-нибудь хочет изучить феномен самоубийства, то он начинает с уже имеющихся эмпирических трудов — прежде всего с работ Эмиля Дюркгейма, с собранных им данных, приводимых в последующих исследованиях, и лишь после этого обращается к новейшим работам. Теория самоубийства, предложенная Дюркгеймом сто лет назад, критикуемая и улучшаемая последователями, может быть представлена на испытание новыми фактами. Теория — это интеллектуальный инструмент для понимания реальности, для учета совокупности фактов, и в этом она противопоставляется социальной доктринс. Доктрина должна быть более или менее генеральной и глобальной. Хорошая, пусть даже достаточно скромная теория, отражающая социальный феномен, зачастую помогает понять общество лучше, чем теория, быстро сконструированная на основе разрозненных фактов.

В своем труде "Самоубийство" Дюркгейм ввел понятие "аномии" которое стало одним из основных понятий современной социологии и используется для анализа различных социальных механизмов без обязательной связи с самоубийством. Например, Мертон использует его для объяснения некоторых черт современного американского общества, правда в несколько ином смысле[1] Изучение определенного социального феномена самоубийства привело к изобретению понятия аномии, которое позволяет анализировать различные феномены и часто с гораздо большим охватом.

Аналогичные умозаключения и сравнения одновременно соблазнительны и полны подвохов, поскольку, следуя мсье де ля Палиссу, не стоит сравнивать то, что является сравнимым; такая очевидность скрывает капканы, которые трудно обнаружить в процессе работы. Политологи на протяжении двух веков прилагали усилия для сравнения политических режимов, но не приходили к каким-либо твердым заключениям. И этнологи тоже. А тем не менее очевидно, что нет ничего ярче, чем хорошее сравнение, для соци-

[1] В книге "Самоубийство" впервые опубликованной в 1897 г., было введено понятие "аномия", происходящее от *франц.* anomie (отсутствие закона, организации) Роберт Кинг Мертон, используя термины Эмиля Дюркгейма, разработал теорию аномии поведения, отклоняющегося от социальных норм.

ологов, которые не могут получить прямого подтверждения своим теориям, как их коллеги по "несоциальным" наукам.

Рассуждения о схемах, о моделях, об идеальных типах или, чтобы не прослыть педантом, о "фигурах", позволяют избежать многих ловушек. Это любимый демарш социологов начиная со знаменитого сочинения Макса Вебера "Протестантская этика и дух капитализма"[1] Тщательный анализ практических применений моральной теологии и кальвинистской метафизики выразился в построении модели видения мира и поведения пуритан: Вебер констатировал, что эта модель близка к той, которая диктует поведение капиталисту Далее, одновременное историческое развитие этих двух моделей приводит к обнаружению некоторых связей между ними, но не позволяет заключить, что одна является причиной другой.

Остается следующая фундаментальная проблема: может ли эта наука об обществе примыкать к законам? Все науки должны однажды формулировать законы. В конце прошлого века, в эпоху эйфории от первых открытий, многие социологи, уверенные в прогрессе человечества, считали, что существуют социальные законы. Сегодня они призывают быть более скромными. Возможно, социальные законы и существуют, но не следует формулировать их слишком быстро, будем довольны, констатировав хотя бы некоторое постоянство: например, если "А" в наших опытах встречается всегда вместе с "В" это не означает, что "А" является причиной "В" или что "А" неотделимо от "В" Исследование этих закономерностей позволяет сделать вывод: если вы хотите "А" то, может быть, получите и "В" Как видите, различие между предвидением и пророчеством весьма существенное.

Рассмотрим пример. Быстрое развитие индустриального общества предполагает большую географическую и социальную мобильность людей. Чтобы построить завод в таком месте, где он будет рентабельным, надо мобилизовать техников и рабочих. С другой стороны, большое число техников, составляющих современное индустриальное общество, предполагает, что можно быстро выбрать из них специалистов с талантом. В результате традиционная семья, в которой молодежь остается около родителей и

[1] Опубликовано в 1904—1905 гг Протестантская этика в изложении М. Вебера это в основном кальвинистская концепция.

сын имеет те же социальные условия, что и отец, несовместима с современным развитием промышленности. Для подрыва патриархальной семьи достаточно, чтобы люди вступали в брак не в интересах своих семей, а могли бы выбирать себе невест в зависимости от собственных индивидуальных привязанностей; и наиболее индивидуальным является, несомненно, "чувство", которое становится существенным стимулом свадьбы. Если молодожены вступают в брак по любви и выбирают ремесло, освоенное в соответствующем учебном заведении, они больше не обязаны оставаться ни в доме родителей, ни в тех же социальных условиях. Если муж никуда не годится, семья потеряет свой социальный престиж, если же муж вышел первым из Политехнической школы, он поднимется по социальной лестнице. Кажется, что существует функциональная связь между двумя феноменами, достаточно отдаленными друг от друга: романтическим мифом о внезапной любви и экономическим развитием индустриального общества.

Но этот союз не имеет силы закона и не образует причинной связи. Можно вообразить индустриальное общество, в котором нет места Случаю или, как в России и Японии, романтической любви. Здесь остается только выяснить, что является причиной, а что следствием? Социальная причинность почти всегда представляет собой замкнутый круг, и на смену одним феноменам приходят другие.

ТЕХНИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для социологии одного лишь уважения к наиболее здравым методам рассуждений недостаточно; ей необходимо питать свои рассуждения изучением фактов. Или, как было сказано выше, поскольку социология берет свой объект — социальные факты из жизни, требуется не просто рассматривать эту реальность без заранее обдуманной мысли, но найти в ней что-то важное для теории. Другими словами, как превратить абстрактные понятия в повседневные факты?

Определяя аномию, Дюркгейм сделал важный шаг в теории; но для того, чтобы это понятие стало доступно научному исследованию, его надо было суметь измерить, то есть необходимы индикаторы, насколько возможно численные, позволяющие учесть

уровень аномии общества или какой-то его группы. Эти индикаторы измеряют отдельные составляющие аномии, но каковы ее составляющие для данной группы или общества? Можно ли в конце концов установить надежность каждого индикатора и коэффициент, который ему дается, чтобы сконструировать индекс аномии? Напрасно будут определять переменные, действующие на аномию, и устанавливать ее корреляции и т. д. Эти вопросы позволяют смутно почувствовать необходимость принятия предосторожностей, определений и разграничений, требующихся для создания теоретического аппарата: в игру вступает все искусство исследователя.

Довольно часто случается, что социолог не находит для поставленной задачи теоретической базы или даже описания феноменов в точных и значащих терминах. Первое, что в этом случае следует сделать, это, очевидно, описание. На заре науки требовались кропотливые описания, "чтобы ничего не забыть" Тогда не знали, что значимо, а что нет, и приходилось учитывать массу вещей, которые могли оказаться совсем ненужными; однако другой социолог, вооруженный более совершенным подходом, получал возможность снова рассмотреть их, чтобы обнаружить то, что не разглядели прежде. Это дотошное описание реальности было названо социографией или этнографией.

Для социологов, как и для других ученых, фундаментальная проблема заключена в дистанции между наблюдателем и наблюдаемым объектом. Так между биологом и объектом его исследования вклинивается микроскоп. Социолог изучает до некоторой степени самого себя, рассматривая особей общества, в котором он сам живет. Если социолог не обладает научно разработанной картиной познания, он пользуется здравым смыслом и понятиями, заимствованными у общества, частичкой которого он сам является Невозможно научно изучать общество, будучи членом этого общества, без влияния всех проблем, психологических и социальных, приносящих страдание или дарующих увлечение.

Главная проблема социологии состоит как раз в том, чтобы сознательно установить дистанцию между исследователем и наблюдаемой реальностью. Техника исследования направлена именно на это. Для этнолога, изучающего народности, дистанция устанавливается благодаря долгому странствию и различию между цивилизацией исследователя и той, которую он изучает. Но и

здесь кроется опасность увидеть необычную цивилизацию через некую призму Можно вспомнить, как в начале века в Нью-Йорк привезли для изучения американских индейцев. На этих туземцев не произвели впечатления ни небоскребы, ни уличное движение; значимым для них было только то, что ценилось в их собственной цивилизации, например, стеклянные шары на поручнях лестницы или женщины-карлики, которых демонстрировали на ярмарках. При изучении цивилизаций, сильно отличающихся от привычной, этнолог всегда впадает в риск принять необычное за существенное. Для социолога техника опроса — способ раздвоения личности, чтобы избавиться от себя и от своего окружения.

Описывать — это прежде всего считать. Считать вещи и факты, находящиеся на некотором расстоянии друг от друга. Цифровые таблицы имеют определенную форму Статистика показывает, что наиболее запоминающийся внешний облик — тот, который позволяет себя сосчитать. Важно понять то, что обычно не понимается. Социология религии дает возможность сосчитать число людей, приходящих к мессе; но какой смысл в полученной цифре? Гораздо важнее выделить истинно верующих, ибо посещение мессы еще не говорит о степени веры человека.

Следующее обычное действие — это монография, то есть углубленное изучение ограниченного социального феномена в ансамбле всего общества: небольшой социальной группы (деревня, семья, администрация), в которой стараются определить внутреннюю деятельность; отдельного социального феномена (например, самоубийства), чтобы проанализировать все его связи с социальной средой, с обществом, в котором существует этот феномен. Для понимания функционирования общества монография дает больше горизонтов и позволяет конструировать схемы, разрабатывать теории, определять понятия и выводить гипотетические соотношения, которые дальнейшие исследования позволят подтвердить, опровергнуть или уточнить.

Социология прогрессирует благодаря совместному применению монографии и статистики. Первая открывает явления, дает им оценку, связывает с другими явлениями. Вторая измеряет размеры феномена и его представительность в ансамбле изучаемого общества. Все современные усилия методологии направлены на соединение этих двух направлений с помощью утонченной техни-

ки статистики и индикаторов, позволяющих сделать статистические выборки и подготовить теоретические модели.

В своей описательной работе социолог часто опирается на данные, предоставленные другими, например административной и экономической статистикой. В странах, где статистика развита, то, как поданы эти данные, не всегда годится для социолога, который вынужден их перерабатывать и заново интерпретировать. В странах с "неполной статистикой" работа становится гораздо более деликатной.

Для всех явлений, которые не стали объектами административной или экономической статистики, социология должна сама собирать свой урожай. Будучи неспособной взять на исчерпывающий учет все стороны жизни страны, она конструирует примеры и делает зондажи. В области мнений, сознания, образа действий, политических убеждений данные наиболее редки; психосоциологи получают их с помощью различной техники — от исследования общественного мнения до рассмотрения в клинике мотиваций или получения свежих материалов, прямо используемых в социологическом анализе. Наконец, наблюдение за поступками, обрядами и нравами составляет особую область этнологии. Иногда исследователи могут сконструировать настоящую параэкспериментальную ситуацию, если план анализа позволяет изменять некоторые переменные, играя на параметрах контрольной группы.

СОЦИОЛОГИЯ И ДЕЙСТВИЕ

С помощью техники и методов социология пытается переосмыслить социальные проблемы. Но погоня за ненужными знаниями недостаточна для утверждения науки в обществе, которое требует, возможно непомерно, эффективности. Люди действия ждут от социологии "пользы" и незамедлительного решения проблем. Агроном спрашивает: "Я знаю лучшие агротехнические приемы, почему крестьяне их не используют?" Священник недоумевает, почему его паства проявляет столько терпимости в своей вере и в своих поступках. Юрист удивляется, что его законы — строгие, но справедливые — применяются не всегда. Хозяин фабрики хочет, чтобы его рабочие жили строго по моральным правилам и чтобы его продукция хорошо продавалась: он вводит на своем предприятии "человеческие отношения" и изучение общественного мне-

ния, чтобы лучше обслуживать своих клиентов. И все требуют от социологии приемов и методов, обеспечивающих повышение эффективности.

Однако социология не располагает рецептами повышения дохода и, в еще меньшей степени, способностью предвидения или возможностью оказать воздействие на будущее. Скажем скромно, что техника социологии позволяет дать удовлетворительное описание ограниченных феноменов. Однако в тех областях, где она проявила себя полезной, теперь считается, что социология — это некий волшебник современности, которому под силу решить все проблемы.

Например, исследования общественного мнения, так называемые "зондажи", достаточны для того, чтобы дать хорошую картину мнений на данный момент. Сказать, с фиксированной оценкой точности, что французы в момент "Т" думают о Миттеране, легко; однако ничто не говорит о том, что таким же будет мнение в момент "Т'", через три дня, три месяца или через год. Между тем, когда события пройдут, легко определить результаты зондажа. Зная, что, скорее всего, мсье "Х" будет избран, обеспокоенные сторонники месье "Y" могут проявить активность и изменить результат. Это то, что Мертон называет "пророчеством о созидании или разрушении" и этим объясняется знаменитый провал института общественного мнения Гэллапа в момент выборов Трумэна и неуверенность, которая сопровождает использование зондажей политиками. Описывать реальность не значит ее предвидеть.

В некоторых случаях используют технику внедрения. Были проведены многочисленные исследования, чтобы создать способы воздействия на публику Белое мыло вызывает у покупателей одни чувства, розовое или голубое — другие; если хотят привлечь внимание той части населения, которая ценит чистоту и a priori считает, что мыться — это приближаться к белизне чистоты, делают акцент на том, что мыло — белое и, значит, способствует приближению к чистоте. Но кто-то любит мыться, а кто-то нет. И тогда говорят о "розовом мыле, которое будет смотреться в вашей розовой ванной комнате так же хорошо, как у знаменитой актрисы кино" Таким образом аргументацию приспосабливают к социальным группам, которым она адресуется.

Во время войны в американском воздушном флоте социологические тесты служили для определения сплоченности и взаимо-

понимания экипажей, чтобы они "функционировали" но в то же время были бдительны и не становились просто группами хороших друзей, весело проводящих время, когда их предназначение — выиграть войну.

Существуют техники исследования, относительно эффективные для некоторых простых задач (важных, например, для для армии) Но фундамент социологии составляют глобальные проблемы, привлекавшие внимание еще великих мыслителей античности и значимые для всех людей, чувствующих себя более или менее ответственными за общество, в котором они живут. Для этих проблем не существует ни "научного" ни "магического" решения.

В большинстве случаев социолога, когда от него ждут совета, можно сравнить с врачом: налицо некий феномен, о котором просят сделать заключение и затем определить способ действия. Но социолог вооружен, как врач Мольера. Уровень его знаний ограничен, и он не способен определить диагноз по имеющимся признакам: у него нет инструкций, описывающих симптомы. Врача зовут, когда болеют, чтобы восстановить хорошее здоровье, в то время как социолога приглашают в обычной, "нормальной" социальной жизни. Для социолога нет ни патологии, ни нормы: хулиганствующая молодежь и самоубийцы — продукты общества, для которого не существует ни хорошего, ни плохого, ни святых, ни безнравственных.

Перед лицом социальной ситуации социолог-советник должен понять всю ее полноту: завод, епархия, деревня, район. Для этого необходимо провести опрос, так как социолог еще недостаточно вооружен, чтобы начать простые "терапевтические исследования" До того как интерпретировать реальность, ее надо тщательно изучить. Возможно, что затем она будет интерпретирована в свете социологических теорий и приобретет свой научный язык, который станет почти непонятным человеку действия. Но последний очень хорошо знает свои проблемы, учреждения, ситуации; он их видит каждый день и кричит о педантизме и шарлатанстве, если социология употребляет слова, которые он не понимает, применительно к ситуации, которую, по его мнению, он знает лучше. Однако, глубже изучая ситуацию, социология имеет естественную тенденцию к ее усложнению, к подчеркиванию аспектов, проходящих незамеченными в обычной жизни, но часто являющихся

определяющими. Чтобы принять решение и действовать, необходимо, напротив, упростить ситуацию и иметь волю к ее преобразованию. Зачем нужны эти не несущие ответственности интеллектуалы, все усложняющие, когда их призывают для упрощения жизненных проблем?

Если какая-то фабрика работает "плохо" с точки зрения ее директора, социолог может увидеть здесь проблемы институции и структуры, восходящие к анализу структур и теории организаций, а также к теории информации и коммуникации, наконец — к проблеме морали, которая может быть исследована социальной психологией. Данная социальная проблема подвергается анализу с разных социологических сторон, ею занимаются различные специалисты. Когда же социолог будет говорить с директором фабрики, ему придется перевести этот анализ на понятный бытовой язык, тогда как врач не станет объяснять пациенту суть болезни, а просто пропишет лекарство.

С другой стороны, наивная вера человека действия в ресурсы социологии не исключает систематического скептицизма по отношению к социальным наукам под предлогом, что достаточно здравого смысла: "Зачем уделять этому столько внимания, когда каждый знает, как существует общество, в котором он живет?" Однако здравый смысл всегда противоречив. Здравый смысл нации убеждает, что "стоит сделать только первый шаг", и в то же время: "один раз — это еще не привычка" Всем наблюдениям над здравым смыслом можно противопоставить в корне иные. Вот почему так интересно обсуждать функционирование общества: вы можете говорить противоположное тому, что говорит ваш оппонент, с тем же правдоподобием и с той же уверенностью.

В заключение заметим, вместе с Леви-Строссом, что социология, дающая советы, подобна астрологии при дворах принцев XV века, то есть она существует, наблюдая звезды и извлекая из этих наблюдений правила действия. Однако амбиции социологии распространяются на то, чтобы заменить астрономию и понять социальные феномены, при этом не определяя правил ежедневного поведения. Знать, что произойдет при нормальном функционировании, какие условия нельзя трогать, чтобы не нарушить равновесия и какие вмешательства допустимы, — вот для чего человеку действия нужна социология, помогающая вносить коррективы в зависимости от необходимости.

В приложении можно найти основные исторические вехи социологии и библиографический список, который пригодится начинающему социологу при создании своей библиотеки и который, в соответствующем порядке, может быть использован как первая программа чтения. Литература, предлагаемая в конце каждой главы, более специфическая, она касается отдельных проблем. Это и теоретические труды, и классика, и примеры хороших эмпирических исследований.

На страницах нашей книги мы редко делаем реверансы авторам. Данное упущение может восполнить труд, в котором изложены тезисы великих социологов от Маркса до Парсонса и две истории социологии:

* Guy Rocher, Introduction à la sociologie générale. Paris, Seuil, 1970 (Points).

Tome I L'action social, 187 p.

Tome II L'organisation sociale, 252 p.

Tome III Le changement social, 318 p.

* Raymond Aron, Les étapes de la pensée sociologique. Paris, Gallimard, 1967

* Robert Nisbet, La tradition sociologique. Paris, PUF, 1984.

В "Основах социологии" представлены важнейшие концептуальные разработки, которые продолжены в следующей работе:

* Henri Mendras et Michel Forsé, Le Changement social, tendances et paradigmes. Paris, A.Colin, 1983, 284 p.

Социологические положения аргументированы и проиллюстрированы в:

* Bourdieu et Passeron, Le Métier de sociologue. Paris, Mouton, 1968, 432 p.

* Champagne, Lenoir, Merllié, Pinto, Initiation à la pratique sociologique. Paris, Dunod, 1989.

Наконец, необходимо прочесть введение и главы I и II (об отношении социологической теории к эмпирическим исследованиям и эмпирических исследований к социологической теории,

стр. 27 – 64) и об отношениях социальных наук и действия в главе IV (предсказание создания, стр. 140 – 167) в:

* R.K. Merton, Eléments de théorie et de méthode sociologique. Paris, Plon, 1966, 514 p.

И, чтобы вернуться к классике:

* Max Weber, Le Savant et le politique. Paris, 10/18 (1re édition 1919)

Ле Пле действительно не чуждо обновление:

* Frédéric Le Play, La méthode sociale. Paris, Méridiens Klincksieck, 1989, 652 p.

ГЛАВА 1
ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО

ЛИЧНОСТЬ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Что в индивиде является врожденным и что он приобретает в процессе своего воспитания? Эта древнейшая проблема представляет собой классический сюжет при изучении философии. Некоторые считают, что личность создают таланты, данные индивиду при рождении. Их оппоненты настаивают на важности воспитания и образования, утверждая, что при рождении индивид не более чем бесформенная материя и лишь образование придает ему форму Социология изучает механизмы, с помощью которых индивид получает от общества элементы своей личности; при этом она не делает различия между тем, что является врожденным, а что приобретенным, следовательно, перед социологией данная проблема не стоит.

Каковы связи между индивидом и обществом? В этом вопросе заключена вторая классическая философская проблема. Другими словами, как общество предписывает законы своим членам? В поисках ответа предлагались различные теории. Но социологию не волнует и эта проблема. Для нее нет ни общества без индивидов, ни индивидов, изолированных от общества.

Не останавливаясь на названных проблемах, социология в своих исследованиях стремится узнать, что есть "социального" в индивидах и как члены одной и той же группы, ограниченной или протяженной (нация или цивилизация), образуют некую общность, передаваемую им обществом.

Этими исследованиями занимаются уже давно, но у прежних, даже очень хороших, наблюдателей не было средств современных ученых, и они руководствовались здравым смыслом, а не тем, что мы называем научными наблюдениями. Не будем задерживаться на Паскале или Пиренейцах и процитируем Монтескьё: "Я не знаю, каким образом турок очутится однажды среди каннибалов. «Вы очень кровожадны, — скажет магометанин, — вы едите своих врагов" "А что вы делаете со своими врагами?" — спросит у него каннибал. "Мы их убиваем, но мы никогда не едим мертвых врагов"». И Монтескьё добавляет: "Сам по себе

человек не враг человеку, но, похоже, нет народа, который не был бы жесток; каждая нация впитывает жестокость других, словно варварство — такое же обычное явление, как мода или одежда"[1]

Первыми проблему взаимоотношений человека и общества поставили этнологи. Рут Бенедикт в "Модели цивилизации (Pattern of culture)" рассматривая некоторые племена Северной Америки и Океании, на примере народов цуни и квакиутл развивает гипотезу о том, что определенный тип цивилизации соответствует определенному складу личности.

Цуни — это тихие люди, которые считают, что активность, борьба и соревнование достойны презрения. Больше всего они ценят согласие между людьми и между человеком и природой. Квакиутл, напротив, убеждены, что человек, достойный этого имени, утверждается, унижая других и властвуя над миром.

Общественная жизнь цуни — это слепок с "аполлоновской" цивилизации, а жизнь квакиутл — с "дионисийской", если вспомнить старую терминологию Ницше[2].

Особенности индивида, в какой-то степени, — результат цивилизации и учреждений общества; индивид развивается согласно определенной модели, зафиксированной обществом. Забегая вперед, можно сказать, что не бывает общества без образующих его индивидов, оно существует, выживает и меняет свою цивилизацию только благодаря входящим в него индивидам. Если завтра все квакиутл решат стать послушными, как цуни, общество квакиутл перестанет существовать. Это может показаться очевидным, но фиксация очевидных фактов — одна из задач социологии, порождающая множество важных следствий. Цивилизация не существует вне воплощающих ее индивидов, так же как индивиды не могут существовать вне цивилизации, в которой они живут и которую они создают.

Между структурой индивида и структурой общества имеются определенные связи, необходимые для нормально "функционирующих" в своем обществе индивидов: представитель племени цуни не смог бы вписаться в общество народа квакиутл —

---

[1] В книге "О духе законов" Шарль Луи Монтескьё опровергает Томаса Гоббса, утверждавшего, что человек по своей природе агрессивен к себе подобным.

[2] Противопоставление двух начал бытия — "дионисийского" (жизненно-оргаистического) и "аполлоновского" (созерцательно-упорядочивающего) Фридрих Ницше дает в "Рождении трагедии из духа музыки" (1872 г.).

его считали бы выродком, патологическим типом, даже если среди цуни он выделялся своей агрессивностью. Аналогично не слишком агрессивный представитель народа квакиутл в племени цуни будет принят за сумасшедшего. Иными словами, то, что в обществе цуни — патология, может быть нормой для общества квакиутл, и наоборот. Норма и патология определяются обществом и меняются от общества к обществу, поэтому для социологии не существует патологии in abstracto[1]

ГИПОТЕЗЫ, ПОСТУЛАТЫ И ПРИМЕРЫ

В обществе существует определенная "логика" — таков один из главных постулатов социологии. Отдельные фундаментальные черты общества проявляются на различных уровнях: в идеологии, в поступках, в институтах, даже в технологии. Парадоксально, но можно сказать, что "видение мира" и нужды общества взаимосвязаны.

Если это логическое построение верно, должна существовать некая функциональная связь между элементами. Общество "находится в движении" — значит оно предназначено для функционирования, подобно тому как в машине детали должны взаимодействовать друг с другом, чтобы машина работала.

Если эти два постулата установлены, этнология может реконструировать "социальную машину" из элементов, которые наблюдают этнологи. Это относительно малочисленные и мало дифференцированные народы. Можно ли наблюдать такие же процессы в нашем "массовом" и "сильно дифференцированном" обществе? Между племенем в тысячу членов в глубине Амазонии и Францией, Россией или Соединенными Штатами существует такая разница масштабов и структуры, что нельзя говорить об обществе без учета этих различий.

Франция когда-то возникла из нескольких регионов, каждый из которых был отдельной цивилизацией. С другой стороны, социальная иерархия Франции включает некоторое число социальных "классов" Кроме того, имеется определенное число профессий, и каждый знает, что взгляды, скажем, медиков отличаются от взглядов учителей. Наконец, существуют извечные проблемы

[1] In abstracto — отвлеченно, само по себе (*лат.*).

"отцов и детей" и "мужчин и женщин" Очевидно, что заботы пожилых людей и молодежи в корне разные. Так же сильно различны по положению в обществе мужчины и женщины. Отсюда приходим к двойной констатации. С одной стороны, несколько фундаментальных черт позволяют дать описание Франции. Так, по физическому типу, по поведению и по языку всегда можно определить национальность туристов — американцы они, португальцы, немцы или французы; следовательно, существуют национальные черты. Но и среди представителей одной нации наблюдаются серьезные отличия. Например, буржуазная и пролетарская цивилизации. С другой стороны, что объединяет рабочие цивилизации Франции и Германии или Франции и Англии? Различаются ли классы сильнее, чем национальности? Это старые проблемы, уже пережившие свой звездный политический час, но заслуживающие эмпирических исследований. Города и деревни; подростки, молодежь и люди в возрасте; мужчины и женщины... этот ряд можно продолжить. Рассмотрим пример: мужчина 30 лет, француз, буржуа, горожанин, медик, южного происхождения; если по названным чертам можно сразу представить определенный портрет, значит, данный индивид принадлежит к определенной части французского общества.

Я говорил до сих пор о "цивилизации" Обычно этнологи говорят о "культуре" Во Франции под "культурой" как правило, понимают интеллектуальную культуру Ее пестуют, как пестуют свой сад. Здесь слиты идеи утонченности и прогресса. Однако в этнологии это не так. Слово "культура" было заимствовано этнологией у немецких этнологов. Этнология быстро развивалась в англосаксонских странах, особенно в Соединенных Штатах, и слово "культура" приобрело там смысл, близкий к немецкому значению слова, эквивалентному французскому слову "цивилизация" Этот термин имеет два значения. В социологии и этнологии он употребляется, когда хотят осветить разницу между цивилизованными и нецивилизованными народами. Для социологии и этнологии все народы имеют цивилизацию, невзирая на то, являются ли они "цивилизованными" или нет. Таким образом говорят о "цивилизации" нецивилизованных народов. Поскольку нет термина, соответствующего этому типу цивилизации, приходится использовать слово "культура" (*см.* Dampierre (Дампьер), "*Textes*", pp. 9—21).

Психологи сосредоточены на проблеме формирования индивидов. Огромное значение для социальных наук имеет глобальное открытие XX века — фрейдистские взгляды на первоначальное обучение и его роль в формировании личности ребенка. Психоанализ вызывает острые дискуссии, но не относительно этого фундаментального положения. Эксперименты с грудными детьми крайне важны, так как социология может констатировать, что воспитание детей очень точно закодировано в зависимости от социальной группы и цивилизации. Французские буржуа кормят своих детей так же, как, например, крестьяне Среднего Востока. То, что становится индивидуальным для психолога, — всего лишь результат социального механизма, общего для всех индивидов, принадлежащих к одной и той же группе. Вот почему исследование механизмов воспитания и обучения так существенно для понимания формирования социального типа. Еще Стендаль в романе "Красное и черное" отмечал: "В этих странных обстоятельствах главные черты характера, отпечатанные воспоминаниями молодости, восстанавливают все свое влияние" Идея, следовательно, не так уж и нова.

Обратимся к примеру Что представляет собой знаменитый комплекс Эдипа? Это частный механизм венской буржуазии начала века, который исследовал Фрейд? Или это свойство венских семей, конфликт сына с отцом, сопровождаемый обостренной привязанностью сына к матери и чувством враждебности к отцу? Многие воспитанные на психоанализе этнологи путешествовали по свету, чтобы изучить Эдипов комплекс полинезийцев, индусов, жителей Амазонии и других народов. Они возвратились с противоречивыми результатами, и это предмет для дискуссий.

Система воспитания играет ключевую роль в преобразовании моделей человека и, следовательно, в увековечивании цивилизации. Изучать семью и школу необходимо, но не менее важно понять технику воспитания, начиная с кормления младенцев вплоть до способов наказания и поощрения детей, до моделей мужчины и женщины, которые представляют ребенку идеальный тип.

Мы подошли к мысли о существовании социального типа или "национального характера" для каждого народа. Пьер Бурдьё возвратил термин габитус (habitus), ранее использованный Дюркгеймом. Этот термин означает манеру поведения и психические склонности, внушаемые ребенку с момента его появления

на свет, которые варьируются в зависимости от социального класса. Для социолога это просто анализируемая гипотеза и способ изучить некоторое количество фундаментальных признаков и механизмы, изменяющие эти признаки. Если механизмы изменения меняются, есть вероятность, что и признаки изменятся. Таким образом, речь идет об оперативном инструменте, о теории, одновременно объясняющей и динамичной, а не просто об описании, более или менее приближенном к определенной реальности; душа народа вечна и неприкосновенна, как говорили в начале века.

Теперь, когда мы уточнили перспективу, исследуем фундаментальные гипотезы, которые вытекают из базового постулата, сформулированного выше.

Во-первых, для социологии наибольший интерес представляет глубинная сущность индивида — то, что было внушено ему в самые юные годы: главные поступки, позиции, которые определяют личность и по отношению к которым строятся супер-структуры. Связи между моделями и методами воспитания и образования, начиная с раннего детства и кончая юношеством, очевидно, важны для формирования личности. Существует противоречие между ситуацией, в которой находится маленький ребенок, и социальным кругом, в который этот ребенок попадет в 10 или 12 лет; способ, выбранный им для разрешения противоречия будет определяющим для его личности.

Во-вторых, социология исходит из предположения, что в нормальной ситуации нормальный человек реагирует так, как он привык нормально реагировать. Вот почему социология интересуется прежде всего этим социальным аспектом. Что является общим у всех членов общества и что объясняет нормальное функционирование общества? В периоды острого кризиса человек может реагировать под действием глубинных побуждений, импульсов почти звериных и биологических. Однако социология интересуется нормальным функционированием общества и пытается выяснить, что в индивиде есть социального, иными словами, приобретенного, а не врожденного, если пользоваться классической терминологией.

Более того: все, что является биологическим, специфически трактуется обществом. Можно привести множество примеров. Жесты, манера держаться, двигаться, отличаются в разных обществах. Этнологи пришли к выводу, что разные народы произво-

дят биологичные акты самыми различными способами. Сексуальный акт, болезнь, половая зрелость, смерть и т. п. в каждом обществе имеют свои особенности.

Например, есть ли что-нибудь более биологическое, чем проявления половой зрелости? В нашем обществе считается абсолютно нормальным, что, достигнув половой зрелости, юноша восстает против авторитетов: обычно в таких случаях говорят, что в нем "бушует энергия" Однако есть общества, где половая зрелость, напротив, сопровождается повышенным конформизмом. У индейцев шейеннов детям с самых ранних лет внушают, что главное — как можно больше походить на отца. Ребенку дают маленький лук и предлагают убить животное, за которым легко охотиться, а когда у него это получается, его публично восхваляют. Весь процесс воспитания направлен на развитие у детей конформизма, и они никогда не восстают против своих родителей. Половая зрелость для шейеннов — это конформизм к социальным условиям.

В результате наблюдений и размышлений становится ясно, что, хорошо изучив механизмы развития общества, можно предсказать, как в конкретных условиях проявятся их высшие формы. Определенным, относительно понятным ситуациям повседневной жизни взрослых соответствуют строго определенные ситуации жизни детей. Подчеркнем это важное свойство — определение ситуации, которое является исключительно полезным для социологического анализа.

Эта схема позволяет также сравнивать одну нацию с другой. Например, как объяснить, что румыны фаталисты, а американцы оптимисты? Существуют общества, в которых не любят детей. У румын и американцев, напротив, матери сильно любят своих детей и окружают их нежностью и заботой. Рассмотрим детали и изучим основы отношений между матерью и ребенком. Чувства американцев можно определить как условную любовь матери к своему ребенку, а чувства румын — как безусловную любовь. Если юный американец ведет себя хорошо, мать дает ему понять, что она довольна, а если плохо — проявляет суровость. Таким образом, ребенок понимает, что он может вызывать определенные чувства у своей матери и, если он будет вести себя хорошо, его поощрят. В Румынии мать демонстрирует свою любовь к ребенку всегда — и когда он ведет себя хорошо, и когда он ведет себя

плохо, и, если ребенок ведет себя хорошо, он рискует получить меньше внимания, потому что, когда он ведет себя плохо, им "занимаются"

Существует ли связь между этими двумя ситуациями, оптимистичной в одном случае и фатальной в другом? Безусловно такая связь существует: ребенок, осознавший, что он — хозяин своей судьбы, становится оптимистом; напротив, если ребенок не создавал настроение своей матери, он не чувствует себя хозяином своей судьбы и вверяет себя провидению или фатальности.

Другой пример: русская крестьянка, отправляясь в поле, вынуждена оставлять своего ребенка дома одного, и, чтобы быть уверенной, что он не сможет причинить себе вреда, она его пеленает очень туго. Вернувшись домой, мать жалеет ребенка, столько времени терпевшего тугие пеленки и одиночество; она освобождает его от пеленок, ласкает, целует, кормит, купает. Периоды полного одиночества и неподвижности сменяются периодами физического удовольствия: помыться, поесть, подвигаться — все это большое наслаждение, потому что мама ласкает ребенка и он не скован в движениях. В русских селениях, считает Горе, такая смена периодов полной неподвижности периодами повышенной активности является нормой.

К такому же выводу приходят все наблюдатели русской жизни. Историки вспоминают, что в средние века русские пригласили к себе править варягов, потому что чувствовали себя неспособными что-либо предпринять. В XIX веке Кюстин заметил: "Здесь люди либо спят, либо в лихорадке" У Достоевского, и вообще в русской литературе, герои мгновенно переходят от возбуждения к спокойствию, от презрения к себе к восхищению собой.

Позволяет ли эта аналитическая схема изучить цивилизацию? Во-первых, мы можем изучать цивилизацию на примере нескольких ее представителей. Если цивилизация представлена индивидами, достаточно изучить некоторое ограниченное число, например, французов, чтобы понять французскую цивилизацию, по крайней мере в ее основных проявлениях. Метро и Меад во время войны, когда они не могли попасть во Францию, работали с пятнадцатью французами, эмигрировавшими в Нью-Йорк. Благодаря длительным беседам, они описали основы французского характера. Эта работа была на грани скандала, но тем не менее французы в ней вполне узнаваемы.

Во-вторых, можно использовать "истории из жизни" — технику, часто применяемую этнологами. В племени или в деревне история любого мужчины и любой женщины — это история всего племени или всей деревни. Социологи, которые используют эту технику в нашем современном обществе, обязаны увеличивать число обследованных, чтобы рассматривать самые разнообразные ситуации. Наряду с персональной и семейной жизнью им приходится иметь дело с общественными ритмами и социальными подходами к общественной активности.

Еще одна возможность заключается в изучении не индивидов, а малого образчика данной цивилизации, например деревни. Существует план ЮНЕСКО по изучению деревень во всех странах мира. Во Франции Берно и Бланкар изучили деревню Нувиль. В Америке ту же работу проделал Л.Вилли.

Наконец, можно изучать цивилизацию по ее культурной продукции, например по научным трудам или по кинофильмам. Лейт изучил речи и труды советских руководителей — Ленина, Сталина, членов политбюро. Он выделил то, что назвал "операционным кодом политбюро" который позволил ему сделать вывод, что в данной ситуации советский руководитель, благодаря своему русскому и большевистскому сознанию, будет иметь тенденцию реагировать именно таким образом.

В кинофильмах можно видеть ситуации, часто встречающиеся в отношениях между людьми. Например, в американских фильмах отец и мать смотрят спектакль, который им показывают дети; в европейских фильмах, наоборот, спектакль смотрят послушные дети.

Этот подход к проблеме цивилизаций раскритикован за то, что он придает большое значение субъективным впечатлениям, но тем не менее у него много сторонников.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ У ДЕТЕЙ

Все, что было сказано выше, свидетельствует о том, какое огромное внимание должно быть уделено изучению методов воспитания, образования и обучения. Другими словами, надо изменить перспективу и отойти от макросоциологической точки зрения при изучении цивилизации, чтобы принять микросоциологическую и генетическую точки зрения, проявив интерес к индивидам

и их персональным историям в индивидуальных группах в детском и юношеском возрасте.

Рассмотрим три основные составляющие личности. Во-первых, биологические данные. Биологические черты характеризуют наследственность и определяют некоторые возможности: например, хорошее или плохое здоровье. Во вторых, социальное обучение: общество передает ребенку одобренные правила поведения. Если ребенок согласен с условностями, принятыми обществом, он получает поддержку, в противном случае ему грозит наказание. И наконец, третья составляющая — персональная история индивида. Нельзя свести формирование личности только к индивидуальным биологическим данным и к общим данным для социальной группы. Уникальность каждого индивида определяется его персональной историей.

Большое значение в персональной истории индивида имеет понятие "чужие" Необходимо отличать чужих вообще от чужих, с которыми индивид состоит в эффективных и конкретных отношениях. Маленького ребенка всегда окружают чужие: мать, отец, братья и сестры, товарищи по школе, соседи по кварталу и т. д. Ребенок вступает с ними в персональные и прямые отношения, причем эти чужие все очень разные. Общество выставляет таким образом свой поведенческий код. Некоторые исходят из собственного опыта общения с чужими, в то время как чужие — это просто понятие, позволяющее выстроить отношения индивида с обществом и социальным окружением.

Персональная история индивида впрямую зависит от этого абстрактного "чужого" и от особой психологии каждого из чужих: мать и отец в семье перевоплощаются в мать и отца в обществе, но в то же время они являются определенными индивидами — Марией и Полем — со своими чертами характера. С другой стороны, в жизни ребенка происходит много самых разнообразных событий. Например, хорошо он себя чувствует или, напротив, часто болеет? Если ребенок перенес в грудном возрасте опасную болезнь, его родители внимательно следят за ним и часто продолжают относиться к нему как к больному, даже если он хорошо себя чувствует.

Три важнейшие составляющие личности — биологические данные, социальное обучение и персональная история — делают каждого индивида уникальным, хотя, с другой стороны, каждый

индивид относится к определенному социальному типу Единственный и индивидуальный характер — это объект исследования для психологов. Социологию интересуют проявления социального обучения в индивидах и то, в какой мере оно общепринято для большинства детей данного общества, получивших социальное обучение практически одинаковым способом.

Эти три элемента образуют mutatis mutandis теории психоанализа. Фрейд выделяет в структуре человеческой личности три компонента: "Ид" (или "Оно"), то есть инстинкты индивида, "Эго" (или "Я"), служащее требованиям "Ид" но следующее принципу реальности, и "Супер-эго" (или "Сверх-я") — продукт влияния других людей, общества и социальной среды, источник моральных и религиозных чувств. Эти три компонента образуют уникальные связи в каждом индивиде. Со стороны "Ид" и "Супер-эго" происходит интенсивное давление на "Эго" которое спасается от напряжения с помощью различных "защитных механизмов" — вытеснения, регрессии, сублимации и др.[1]

Согласно теории познания у животного и человека можно выработать определенные более или менее автоматические реакции с помощью повторения какого-нибудь стимула. Разработанный И. Павловым знаменитый метод условных рефлексов применяется и в социологическом анализе. Можно сказать, что социальное обучение направлено на то, чтобы выработать у ребенка определенные социальные рефлексы перед лицом конкретных социальных ситуаций. Условные рефлексы, привитые в детстве, имеют тенденцию повторяться у взрослых в аналогичных, может быть, как говорилось выше, отличающихся в деталях, социальных ситуациях.

Например, предрассудок — это условный рефлекс индивида на определенную ситуацию или поступок. По мнению некоторых психоаналитиков, расовые предрассудки представляют собой средство, с помощью которого индивид экстериоризирует свою агрессивность; это защитное действие по отношению к чувству незащищенности. В условиях, когда человек испытывает неуверенность, он имеет тенденцию искать объект для проявления своей агрессивности и обвиняет евреев или негров во всех грехах, воплоща-

[1] Эта трактовка структуры человеческой личности, впервые представленная в книге "Я и Оно" (1923), изложена в 31-й лекции "Введения в психоанализ" (*см.*: Зигмунд Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. М., "Наука" 1989).

ющих его страхи и комплексы. Если социальное обучение способствует появлению тех или иных форм личной неуверенности, предрассудки — индивидуальный феномен для психолога — могут быть исследованы как социологический феномен социологом.

Чтобы проанализировать наиболее характерные ситуации каждого возраста, надо изучить все стадии развития ребенка. Для младенца авторитет и любовь воплощены главным образом в матери. Если ребенок мальчик, то наступает момент, когда он должен отдалиться от матери и приблизиться к отцу, включив механизм идентификации по отношению к мужчине, иначе его будут считать "мокрой курицей" и "маменькиным сыночком" В жизни мальчика это первый серьезный "инцидент" — переход от матери к отцу. Дочь имеет возможность включить механизм идентификации, не отдаляясь от матери; вероятно, это одно из условий более раннего созревания девочек.

Идентификация с отцом не представляет сложностей в традиционном кругу крестьян, где сын постоянно видит отца за работой, помогает ему, учится у него. В городе мальчик растет в отрыве от своего отца, который трудится на заводе или в бюро, и ему становится все труднее и труднее идентифицироваться с ним. Тем более что мелкий административный служащий или рядовой работник банка не является для сына воплощением мужских качеств. Супермен или Тарзан из детских журналов, книг и кинофильмов кажется ему куда более идеальным и мужественным человеком. Мальчик видит, что существует определенное противоречие между его отцом и Суперменом: с кем ему идентифицироваться? Это второй серьезный "инцидент" — взросление в душевном конфликте с отцом. Психоаналитик, развивая тему отцеубийства, скажет, что юноша не станет действительно "взрослым" пока не "убьет" своего отца. У крестьян этот конфликт происходит не в возрасте полового созревания, а в момент, когда сын уже может заменить отца в роли главы семьи или взять в свои руки его дело.

Девочки переживают тот же конфликт. Дочь знает, что когда-нибудь и она станет мамой. Каждый день так же, как и ее братья и сестры, она видит в этой роли свою мать. И пока ее удовлетворяет этот идеал, все идет хорошо: она старается подражать матери, помогая ей исполнять роль приятной хозяйки дома, и механизм идентификации продолжает работать. Но в один прекрасный день девочка осознает, как важно быть красивой, соблаз-

нительной, светской, особенно если хочешь выйти замуж. И идеал мамы-хозяйки ее уже не устраивает, она стремится идентифицироваться с идеальной девушкой из фильмов и книг. А если учесть, что современные женщины ходят на службу наравне с мужчинами, становится очевидным, что девочка так же, как и мальчик по отношению к отцу, сталкивается с трудностями, вызванными профессией матери.

Этот краткий экскурс позволяет увидеть, как общество с самого раннего возраста учит детей конфликту ролей (см. главу 4); в процессе взросления ребенку придется отвечать на противоречивые ожидания, которые по отношению к нему будут иметь другие члены общества. Если схема такого типа применима к нашему обществу, ее можно исследовать и на других обществах, чтобы затем сравнить их.

Каждое общество создает себе определенный образ ребенка и действует в зависимости от этого образа. Ребенка можно воспринимать как маленькую куклу, маленького зверька или маленького человека — мужчину в миниатюре. В нашем обществе на ребенка до трех лет смотрят как на маленького забавного зверька, и только лет в семь он становится отроком "разумного возраста" Но в других обществах отношение к ребенку может быть иным. "Новая педагогика" настаивает на определяющей роли воспитания и требует, чтобы все действия родителей были направлены на благо детей. С другой стороны, ребенка можно рассматривать как естественное и здоровое существо; в этом случае задача воспитания в том, чтобы сохранить непосредственность и естественность ребенка или, если он опасен физически и психологически, — привить ему хорошее поведение. История воспитания показывает, как на протяжении веков трансформировалось отношение к детям.

Большое значение в системе воспитания имеет та социальная роль, которая, по мнению родителей, предназначена их детям: роль мужчины или женщины, начальника или подчиненного и т. п. Не удивительно, что воспитание меняется в зависимости от социальной группы даже в одном и том же обществе.

То, каким родители представляют будущее своих детей, весьма разнообразно. Американский социолог Инкель, русский по происхождению, исследовал идеальное воспитание детей в России на протяжении трех последовательных поколений: до революции, назовем это поколение "царистским", во времена поколе-

ния "революционеров" и при новом "советском" поколении. Инкель изучил наиболее важные ценности и движущие силы в системе воспитания этих трех поколений. Во-первых — награда: ребенок ведет себя хорошо, чтобы получить поощрение. Во-вторых — традиции: надо идти по стопам отцов, следовать традиционной модели. В-третьих — стихийность: позволить ребенку самовыразиться. И наконец — политика: "Сверх-я" отношений с государством и обществом.

	Цариста %	Революционеры %	Советские %
Награда	41	25	14
Традиции	35	14	11
Стихийность	21	38	62
Политика	3	23	13
	100	100	100

На протяжении трех поколений, в условиях очень быстрой смены социальных структур, можно наблюдать радикальные изменения того, что обычно является наиболее стабильным в обществе: фундаментальных ценностей, которые стремятся передать от поколения к поколению. Во всех трех случаях "награда" — существенный стимул: однако при царизме за наградой следуют традиции. Стихийность регулярно растет от одного поколения к другому, в то время как политика и потребности национального порядка, очень важные в революционную эпоху, в советский период возвращаются к предреволюционному уровню.

Эти ценностные ориентиры можно наблюдать в различных моделях мужчин и женщин. Например, очень заметно противостояние между идеальным человеком традиционного крестьянского общества и идеальным человеком современного промышленного общества. Идеальный крестьянин — это старый, бородатый, окруженный всеми своими детьми старейшина многочисленного рода, освобожденный от ручного труда ради сохранения морального авторитета и передачи детям и внукам достижений цивилизации; он играет доминирующую социальную роль, потому что является собственником земли и, следовательно, — хозяином семьи. Идеальный человек индустриального общества — это взрослый мужчина, полностью владеющий своими средствами труда, находящийся

на подъеме профессиональной карьеры и живущий вместе с детьми. Когда дети его покинут, он станет стариком, лишенным существенных атрибутов человека — профессии и детей. Сегодня входит в жизнь новая модель: молодой(ая) пенсионер, который использует свободное время для того, чтобы путешествовать и заниматься внуками.

Этнолог Берно и психолог Бланкар, изучавшие методы воспитания и образования детей во французских деревнях рядом с нормандской границей и в Пикардии, наглядно проиллюстрировали сказанное выше. В Нувилле детей пеленают очень туго, и когда у матерей спрашивают почему, они отвечают: "Чтобы не искривились ножки" Матери также высказывают беспокойство по поводу естественного физического развития своих детей. Современные средства воспитания предполагают, что природа воспроизводит хороших детей с прямыми ногами. В Нувилле, напротив, считают, что природные недостатки исправятся с помощью пеленок.

Ребенку все время говорят: "Будь внимательней, иначе ты сделаешь себе больно!", "Остерегайся дороги, там машины!" Сказки, которые родители рассказывают детям, полны злых фей и плохих существ. Оборотни уносят непослушных мальчиков и девочек. Внешний мир полон опасностей, и существенная роль матери заключается в том, чтобы защитить ребенка от возможных неприятностей. В другом обществе, наоборот, считается, что надо помогать детям познавать внешний мир, чтобы они учились его завоевывать и были к этому подготовлены. Внешний мир рассматривается не как опасность, а как способ самореализации.

Аналогичные механизмы действуют и в школе. Лоренс Вилли в своей деревне в Воклюзе спросил у ребенка: "Почему ты работаешь хорошо? Почему ты всегда первый?" — и услышал в ответ: "Я хорошо работаю, чтобы меня оставили в покое!" Вилли был очень удивлен этим ответом. Он думал, что у ребенка есть амбиции, что он хочет завоевать мир, как хороший маленький американец, но маленький француз искал только защиты от внешнего мира!

Джесс Питтс и Мишель Крозье показали, что французская школа развивает отношения соучастия между детьми, которые они назвали "общностью правонарушителей" Эти отношения представляют собой механизм защиты от власти учителя над телом ученика, власти, задуманной как нерушимый авторитет и не исключающей соревнования, побуждающего ребенка к первенству,

чтобы приблизиться к учителю и идентифицироваться с ним. Этот двойной феномен олицетворяет характерную черту французского воспитания в противоположность отношениям между учителем и учеником и соревнованию между учениками, например, в Соединенных Штатах, где учитель — это старший брат и где нет стремления к первенству В своих исследованиях Мишель Крозье характеризует взаимоотношения французов как "страх быть лицом к лицу" что создает фундаментальные сложности для сотрудничества, в то время как американцы всегда готовы создать команду. Французская культура сильно изменилась на протяжении жизни последнего поколения, потому что изменились педагогические методы в семье и в школе. Родители стали менее авторитарны; школа развивает педагогику любознательности, а не дисциплины.

Чтобы понять общество, необходим детальный анализ системы воспитания. Анализ содержания воспитания и образования — это хороший способ исследования цивилизации и конфликта, который может существовать в стране между "культурой", преобразованной школой, и культурой самих детей. На примере Франции Бурдьё и Пассерон неистово разоблачали буржуазную сторону гуманистической культуры, которая внушала детям, что они ее наследники, но при этом ставила в неблагоприятные условия детей, не являющихся выходцами из буржуазии, в то время, когда общество крайне заинтересовано, чтобы отмобилизовать все свои таланты. Социология воспитания освещает стратификацию и социальную мобильность так же, как и цивилизацию, и делает рельефной разницу, существующую в данной стране (см. главу 10).

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Исследование различий между мужчинами и женщинами — главная проблема всех цивилизаций, решения которой подчас диаметрально противоположны. Следуя аргументам здравого смысла, можно сказать, что биологическое различие — главная причина социальных различий, и нет нужды искать другие причины: везде женщины — это женщины, а мужчины — мужчины; естественно, что общества признают это главное биологическое различие нормой. Приверженцы биологизма говорят, что сексуальные модели пришли к нам от приматов, которые были охотниками: первые люди охотились на протяжении миллионов лет, но охота не всегда

и не для всех была единственным способом добывать пищу, и в результате быстро проявились физические различия. Этот малоубедительный эволюционистский аргумент может объяснить универсальность различий, но ничего не дает для понимания неравенства полов. Физические отличия очевидны: мужчины больше и сильнее, организм женщин предназначен для беременности, мужские гормоны предполагают агрессивность и т. д. Однако многие женщины крупнее и сильнее мужчин, у народностей Юго-Восточной Азии оба пола имеют одинаковую мускулатуру; и те и другие производят мужские и женские гормоны, которые могут иметь различный эффект в отличающихся ситуациях.

Не будем пытаться выступить третейским судьей в этих спорах и остановимся на этнографических наблюдениях: во всех известных обществах мужчины и женщины выполняют различные задачи и несут разную ответственность. Как правило, это разделение полное: мужчины и женщины могут выполнять одни и те же роли, но не сходятся в решении задачи. Нет ремесла "типично мужского" или "типично женского"; в одних обществах изготовление гончарной посуды, корзин, пошив платья поручаются женщинам, в других — мужчинам. Контакты со сверхъестественными силами могут осуществлять как мужчины, так и женщины, в равном распределении между полами. Земледелием занимаются и женщины, и мужчины. Торговлей тоже. Сексуальный акт отличается в зависимости от общества: инициатива принадлежит иногда мужчине, иногда женщине. Мнение о том, кто получает больше удовольствия от секса, также разное: в одних обществах предполагается, что женщины, в других — что мужчины.

Распределение задач почти у всех народов организуется таким образом, что областью действия женщин является домашнее хозяйство, а мужчин — внешний мир. Конечно, известны женщины-воины и охотницы, но война, охота и политика, как правило, считаются мужским делом. Отсюда выводят заключение, что мужское преимущество почти универсально. На самом деле проблема не так проста, потому что надо знать, где находится реальная власть. В сохранении потомства и в матримониальной стратегии преимущество принадлежит женщинам, в особенности в обществах, основанных на родстве по материнской линии (см. главу 8). "Политическая" власть, возможно более видимая, чем реальная, предназначенная для разбора конфликтов на деревен-

ских площадях и для почетного приема проезжающих путешественников, может ввести в заблуждение. Этнолог, который является иностранцем (а часто и мужчиной), рискует принять за истину преподносимую ему внешнюю роль.

На самом деле распределение власти в доме, происхождение, работа, социальная и "политическая" жизнь — индикаторы неравноправия мужчин и женщин, и особенно это проявляется в наследственном праве, передаче собственности и данных о личности. Во Франции семьи юга, как и все средиземноморские семьи, подчиняют женщин домашнему очагу и деревенскому обществу На севере и на западе наследственное равенство следует за разделением обязанностей между мужчинами и женщинами, а в Бретани можно найти формы "матриархата" В этнологии дебаты об универсальности преимущества мужчин связаны с дебатами о равноправии женщин. Во всех известных обществах задачи мужчин и женщин противоположны. Никогда мужчина не станет решать женскую задачу и наоборот. Наше современное общество первым провозгласило, что все задачи, все социальные роли могут выполняться одинаково женщинами и мужчинами. Несомненно, это связано с идеологией равенства нашего общества, которое видит в любом различии полов источник неравенства. Американский этнолог Эрнестина Фридл мобилизовала свою эрудицию, чтобы по-новому взглянуть на наше общество и ответить на вопрос: "Неизбежно ли преимущество мужчин?" (*"Textes"* pp. 23—44).

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Наиболее простые временные и пространственные характеристики цивилизации никто не ставит под сомнение: каждый знает, что в сутках двадцать четыре часа, а дистанцию в пять километров проходят пешком за один час. Однако путешественники давно поведали нам, что время и пространство имеют различное значение в разных странах. Слова Протагора "человек есть мерило всех вещей"[1] относятся к средиземноморской цивилизации, ко-

[1] Протагор из Абдеры (ок. 480 ок. 410 до н.э.) — др.-греч. философ, виднейший из софистов. Исходя из учения Гераклита о всеобщей текучести вещей, утверждал субъективную обусловленность знания и выдвинул тезис: "Человек есть мерило всех вещей..."

торая включает природу в человеческую шкалу, но они теряют силу на огромных евро-азиатских равнинах, посреди Канады или у подножия Гималаев. Путешественники заметили, что время не везде ценится одинаково; для некоторых цивилизаций оно вообще не представляет ценности: "терять свое время" — выражение, характерное для нас, для такой цивилизации лишено всякого смысла.

Историки отмечают огромное количество взглядов на время и пространство в различных странах мира. Изучая "интеллектуальный инструментарий" времен Рабле, Люсьен Февр настаивал на использовании всех способов измерения; время дня оценивается по положению солнца, разному в зависимости от сезона, но важны и другие знаки, например появление перелетных птиц. Единицы измерения площади и веса меняются от одного кантона[1] к другому: морг — это мера площади, которую человек может обработать за день, но на ее величину влияют "тяжесть" земли (насколько трудно обрабатывать землю) и техника обработки (быки, лошади или руки человека; плуг или заступ), в результате — морг не имеет одинаковой величины в двух различных регионах и даже в двух соседних кантонах. Этот пример показывает также, какие связи существуют между измерениями времени и пространства и человеческой активностью; в странах с плохими дорогами дистанции измеряются часом ходьбы (или часом езды на автомобиле), причем это расстояние может существенно меняться. В нашем обществе не работа измеряет время, а, наоборот, время (стрелки часов, служба в бюро) измеряет и организует работу Цивилизация, основанная на орошении, очень точно фиксирует время, отводимое каждому для полива его участка; и это точное время может уживаться с неточным временем повседневной жизни. Жан Дювиньё описывает нескончаемые разговоры у клепсидры[2] в Чебике (Тунис), рядом с которой мужчины проводят целые дни, ожидая момента, когда надо будет перевести струю из одного желобка в другой. Некоторые общества воспринимают

[1] Кантон — избирательный округ во Франции.

Клепсидра — водяные часы, прибор, в котором уровень воды, каплями вдающей в сосуд, указывает протекшее время. Клепсидра появилась в глубокой древности в Индии, Китае, Египте; в усовершенствованном виде использовалась в Древней Греции и Риме, в Европе применялась до 18 в.

будущее как продолжение настоящего; в их языке отсутствует будущее время – есть только условное наклонение; они не способны предвидеть будущее, а могут лишь предохраняться от будущих неопределенностей.

Две главные концепции времени сталкиваются и взаимодополняются. Время можно рассматривать как постоянно повторяющийся цикл: циклическое время сезонов, лет, поколений и вечного возвращения. Можно принять его за линию без конца и начала, на которую нанизываются события; это линейное время текущей реки, когда нельзя искупаться дважды в одной и той же воде. Наше общество явно тяготеет к линейному времени: периодичность уик-эндов и больших каникул менее заметно, чем краткосрочные и длинносрочные программы. Большинство преиндустриальных обществ живут в циклическом времени.

Время можно разделить — как по ритму, так и по протяженности — на единицы одинаковой длительности, делимые на еще более мелкие единицы: век состоит из ста лет, каждый год — из двенадцати месяцев, и так далее до секунд и миллионных долей секунды. Деление можно продолжать до бесконечности. Но время подразделяется и на события: хорошее время или плохое, благоприятное или роковое; календарь становится альманахом, показывающим собственные свойства каждого периода и каждого мгновения, когда надо сеять или идти на войну с максимальными шансами на успех. Периоды времени, ограниченные двумя событиями, могут показаться короткими, даже если на самом деле длятся долго. Два неравных периода иногда воспринимаются как равные, если одна из дат меняется от года к году: так, между Рождеством и Масленицей проходит достаточно много времени, и не случайно, что Пасха, последний двигающийся праздник нашего календаря, не определяет более школьных каникул.

В своих этюдах генетической психологии Жан Пиаже проанализировал то, как дети приобретают понятия времени и пространства. Его эксперименты были очень простыми. Сначала дети рассматривали два сосуда: вода перетекала из одного сосуда в другой; в зависимости от формы сосудов и их взаимного расположения дети говорили, что один из них наполняется быстрее, чем опорожняется второй. Затем, одновременно из

одной точки выходили двое ребят — один шагом, другой бегом; оба они останавливались в один и тот же момент; второй пробегал, естественно, более длинное расстояние: дети говорили, что тот, который бежал, затратил больше времени, потому что для них продолжительность измеряется произведенной деятельностью. Заметим мимоходом, что время, на протяжении которого происходит много событий или осуществляется много дел, "хорошо заполненное" время, часто кажется длящимся дольше, чем время бездействия, это наблюдение хорошо известно психологам. Пиаже заключает: "В концепции, к которой мы привыкли в классической механике, пространство и время соответствуют двум фундаментальным понятиям, скорость же производится от них. Наблюдения, проведенные над этой группой детей, приводят к другой интерпретации, основанной на релятивистской механике, где элементарными понятиями являются пройденный путь и скорость"

Из этих экспериментов следуют три вывода:

1) Для детей время не гомогенно. Одна минута — всегда лишь одна минута, и это должно быть выучено детьми, которые не могут "освободить" время от его содержания: час игры не сравним с часом вычислений.

2) Время не безостановочно, это не бесконечный поток, а ритм, последовательность движений и событий.

3) Время неоднородно, оно не течет всегда с одной и той же скоростью.

Наблюдения экспериментальной психологии подтверждают выводы этнологов и историков: достаточно фундаментальные, элементарные" и очевидные понятия о том, что время и пространство меняются от цивилизации к цивилизации, для детей не являются элементарными. И несмотря на внешний облик, в нашем обществе многие аспекты социальной жизни организуются в "реальном" времени вместо "абстрактного"; люди живут именно в реальном времени, а не в абстрактном, в котором должны жить, доказательством чему служит то, как часто они смотрят на часы, "чтобы узнать время" Но в обществах, которые изучают этнологи, абстрактное время не исчезло, об этом, например, говорят годовые циклы или клепсидры Чебики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Макс Вебер в книге "Протестантская этика и дух капитализма" рассматривает цивилизацию особой социальной группы — общества — и выстраивает схему, представляющую идеальный тип. В соответствии с этим глобальным пониманием цивилизации было проведено персональное изучение отдельных индивидов данной цивилизации, той "социальной базы" (или "базового персонала"), которая является пружиной функционирования общества и механизмом распространения цивилизации.

Давид Рисман попытался показать три принципиальных типа личности, соответствующих трем основным типам общества. Эти три типа определены на основании того, что составляет основу действия индивидов.

Во-первых, это индивиды, чьими каждодневными действиями управляют традиции, я назову этот тип традиционным (traditionnel-directed). Во всех случаях люди, относящиеся к данному типу, стараются следовать традициям, действуют как некое приспособление для проведения традиций в жизнь. Этот тип соответствует, очевидно, крестьянину традиционного общества; изменения в таком обществе происходят крайне медленно. На протяжении жизни человека перемен так мало, что каждый может заменить своего отца; мир также меняется слишком медленно, чтобы ситуация радикально изменилась по сравнению с той, которую знали отцы.

Если же ситуация меняется слишком быстро, мы имеем тип человека, назовем его автономным (inner-directed), подчиняющегося своему сознанию. Он знает, что надо поступать так или иначе, потому что в детстве приобрел именно такие нормы поведения. И ведет себя в соответствии с этими нормами и ценностями, которые общество ему внушило в процессе воспитания. Цивилизация капитализма, одержавшая триумф в XIX веке, представляет собой как раз такую модель. Человек этого типа — капитан огромного лайнера промышленности, единственный во главе своего дела, командующий ситуацией и другими людьми, внушающий свою волю людям и вещам.

И наконец, тип человека, который можно назвать гетерономным (other-directed): люди этого типа живут идеей, внушаемой им другими. Все поступки гетерономного человека направлены

на то, чтобы казаться хорошим не самому себе, а окружающим. Общество таких индивидов, развивающееся в нашем западном мире, непрерывно порождает движение, но не всегда — изменения, потому что активность человека — это результат ситуации и активности других людей. Важные решения принимаются не по воле большого босса, но по соглашению представителей различных интересов, заключенному за игральным столом. Чиновник администрации, желающий получить хороший отзыв своего шефа, должен вести себя так, как хочет шеф. В этом случае командуют "логика ситуации" и "чувство истории"

В заключение следует подчеркнуть, что предыдущий анализ и, в частности, исследования типологии не касаются глобальных философских проблем человеческой свободы и детерминизма. Очевидно, что три типа людей, выделенные Рисманом, определены соответствующим обществом, различными его факторами (обычаи, воспитание и образование, отношения между людьми), но все они являются достаточно жесткими. Социология изучает эти регулирующие механизмы в каждом обществе, не отрицая, что индивиды имеют свободу действий; анализ социальных механизмов не позволяет получить результаты, описывающие индивидов.

Рекомендуемая литература

Для знакомства с проблемой рекомендуется начать с трех коротких текстов, представляющих собой введение в данную проблему, политический этюд и работу, в которой поставлен указанный вопрос:

* R. Linton, Les Fondements culturels de la personnalité. Paris, Dunod, 1959, 139 p.

* Talcott Parsons, Éléments pour une sociologie de l'action. Paris, Plon, 1955, chapitre III: Sources et formes de l'agressivité dans la civilisation occidentale, pp. 151-182.

* Jean Stoetzel, La Psychoiogie sociale. Paris, Flammarion, 1963, Ire partie: l'individu et la culture, pp. 41-84.

А также:

* Annick Percheron, L'Univers politique des enfants. Paris, F.N.S.P., 1974, 253 p.

* Ruth Benedict, Échantillons de civilisations. Paris, Gallimard, 1950, 311 p.

* G. Lemaine et B. Matalon, Hommes supérieurs, hommes inferieurs? La controverse sur l'hérédité de l'intelligence. Paris, Colin, 1985.

Две книги, этнолога и психоаналитика, позволят поставить точку в уже старом споре об универсальности Эдипова комплекса и расставят на соответствующие места модные возражения:

* Bronislaw Malinowski, La Sexualité et sa répression dans les sociétés primitives. Paris, Payot, 1967, 240 p. (Ire edition 1927).

* Geza Roheim, Psychanalyse et antropologie. Paris, Gallimard, 1967, 602 p.

Советуем также почитать:

* Roger Bastide, Sociologie et psychanalyse, Paris, P U.F 1950, 320 p.

К сожалению, нет книг, рассматривающих время и пространство, вместе взятые, однако приведем два главных труда на эту тему и один перевод с английского.

* H. Hubert et M. Mauss, "La représentation du temps" in Mélanges d'histoire des religions. Paris, Alcan, 1929.

* Jean Piaget, Le Développement de la notion de temps chez l'enfant. Paris, P U.F., 1946.

* David S. Landes, L'heure qu'il est: les horloges, la mesure du temps et la formation du monde moderne. Paris, Gallimard, 1987

Интересна еще одна работа:

* Philippe Besnard, Moeurs et humeurs des Fransais au fil des saisons. Paris, Balland, 1989.

Американская и японская литература:

* Geoffrey Gorer, Les Americains, étude d'un caractère national. Paris, Calmann-Lévy, 1949, 290 p.

* David Riesman, La Foule solitaire. Paris, Arthaud, 1964, 383 p.

* Chie Nakane, La société japonaise. Paris, Colin, 1974.

ГЛАВА 2
ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ГРУППЫ В ОБЩЕСТВЕ

Для начала уточним терминологию: то, что названо здесь "элементарной группой", иногда называется также "первичной группой" "малой группой" "ограниченной группой" или просто "группой", например, в выражении "динамика группы" Мы будем употреблять эти термины во взаимно замещающих значениях, не пытаясь делать различия между ними. Но именно различие в терминах позволяет понять, что такое "элементарная группа"

Малая группа — это группа, немногочисленная по составу Однако указанное определение не является очевидным: во-первых, необходимо четко зафиксировать число, во-вторых одного этого критерия недостаточно. Группа людей в автобусе (кондуктор и пассажиры) не образует малую, или элементарную группу Люди, которых в автобусе действительно немного, имеют между собой случайные и кратковременные отношения; о "группе" же можно говорить лишь в том случае, если кондуктор хорошо знает пассажиров и встречает их каждый день. Другими словами, элементарная группа определяется не только количественно, важно, сложились ли внутри нее определенные взаимоотношения.

Выражение "ограниченная группа" имеет значение "ограниченная по числу членов" но также и — "ограниченная по сравнению с более обширным ансамблем" Охотно говорят об ограниченных группах внутри большой организации, чтобы подчеркнуть наличие в ней малых организаций. Однако дело не только в количестве: отношения, существующие внутри небольшой группы, не аналогичны отношениям внутри больших групп. Отношения политического оратора и его аудитории не совпадают с теми, которые установятся, если он пригласит после конференции нескольких руководителей выпить по фужеру вина. Очевидно, что почти все наши социальные контакты индивидуальны. "Администрация" обращается к нам через мелких служащих, людей сидящих за бюро, которые вступают с нами в разговор; но подобные разговоры не относятся к "разговорам малой группы" Чтобы стать таковыми, они должны вестись с определенной интенсивностью и частотой, и, кроме того, им должен быть присущ в какой-то степени интимный характер.

Термин "первичная группа" часто используется для определения группы, имеющей особое влияние на эмоциональное состояние индивида. Американский социолог Кули, который ввел этот термин, расшифровал его следующим образом:

> Под первичными группами я понимаю интимные объединения людей, связанных между собой общей деятельностью и сотрудничеством. Такие группы первичны во многом, особенно в том, что влияет на создание социальных идеалов человека. Интимное социологическое сотрудничество приводит индивидуальности к общности: "я" по крайней мере в определенных смыслах, растворяется в общей жизни и общих интересах группы. Самый простой способ описать это чувство общности сказать о группе "мы"

Здесь объединены две идеи: с одной стороны, экспериментальный факт существования ограниченной группы, с другой — форма отношений, чувство объективной общности, интимности. Двое не всегда необходимо связаны друг с другом; в то же время можно наблюдать живое чувство "мы" в очень больших группах, например у верующих в церкви. Тем не менее Кули прав: малая группа интересует нас, когда обладает несколько интимным характером.

Границы феномена малых групп очень трудно определить. Рассмотрим простой пример. Судья, обвиняемый, адвокат, прокурор: образуют ли они малую группу? Согласно нашему определению, нет. Все, что происходит в этой малой группе, не зависит от свойств перечисленных индивидов, но подчиняется жестко установленным законам, которые надо всецело уважать под страхом признания процесса недействительным; это отношения типично "вторичные" а не "первичные" Однако манера ведения дебатов, хотим мы того или нет, определяется не только юридическими правилами. Иными словами, события, относящиеся к поведению малых групп, имеют место даже в этом, институционализированном и ритуализированном случае. Интимные отношения между индивидами, которые в принципе должны быть исключены, окрашивают всю жестко запрограммированную церемонию.

Наиболее известная группа, представляющая собой классический пример малой группы, — это семья, но существуют и многие другие. Уже давно социологи интересуются семьей, шко-

лой, группами товарищей и друзей или криминальными группами. Воспитатели и специалисты по семейным вопросам всегда чувствительны к интимным проблемам. Но вплоть до последнего времени эти исследования не имели экспериментальной формы.

ПРЕДВЕСТНИКИ

Изучение малых групп — поле исследований, наиболее быстро развивающихся в социальной психологии; библиография по этому вопросу насчитывает тысячи названий. У истоков стояли три человека.

Первый из них — Элтон Мэйо, специалист в индустриальной социологии и истории человеческих отношений. Без преувеличения можно констатировать, что в своих работах он открыл "малые группы" в промышленности. Мэйо был призван в "Вестерн электрик компани", поскольку инженеры не понимали, что происходит в их мастерских. Они решили выявить зависимость между изменениями в интенсивности освещения и производительностью труда. Согласно их заключению, следовало увеличить освещение. Предупредив персонал о проводимых исследованиях, стали менять освещение и регистрировать производительность труда; результат оказался неожиданным. При увеличении освещения выработка росла, но и при меньшей интенсивности освещения производительность либо оставалась неизменной, либо увеличивалась. Перед лицом этого странного факта инженеры обратились к психологам, как поступают всегда, когда не понимают, что происходит.

Мэйо прибыл без заранее обдуманной идеи, зная, что в компании что-то происходит, но не понимая, что именно. Он выделил небольшую группу рабочих, поместив их в специальную "испытательную комнату", где были созданы прекрасные экспериментальные условия. Мэйо объяснил шести рабочим-добровольцам, в чем будет заключаться их задача, связанная с некоторыми трудностями, например с частыми медицинскими осмотрами. С помощью великолепного экспериментального оборудования все, что происходило в комнате, измерялось: начиная от температуры и влажности воздуха, вплоть до ежедневной выработки и здоровья индивидов; фиксировались также и разговоры.

Затем Мэйо решил углубить эксперимент, введя в число переменных сочетание рабочих часов и пауз отдыха. Он менял распределение и количество пауз, время завтраков, расписание работы. И очень тщательно регистрировал производительность труда и влияющие на нее факторы, такие, как, например, погода или здоровье рабочих.

Однако когда на основании бесчисленного количества цифр он начал искать предполагавшиеся корреляции, то пришел к выводу, что никаких корреляций не существует. Обнаружился неожиданный феномен. Мэйо собрал рабочих и оставил их в покое, без экспериментов, чтобы они приспособились к новой ситуации; потом он стал давать им две паузы — производительность возросла; четыре более коротких паузы — производительность вновь увеличилась. Он ввел завтраки — производительность продолжала расти; завтраки отменили производительность не изменилась. Наконец, психологи ушли, все вернулось к исходной ситуации, наихудшей из возможных, а производительность опять увеличилась. Стало ясно, что условия труда не непосредственно воздействуют на трудовое поведение индивидов.

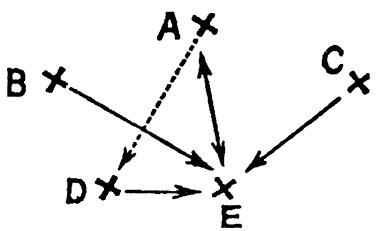
В результате экспериментов образовалась маленькая группа рабочих, хорошо понимавших друг друга, чувствовавших себя избранными; у них не было надзирателя за спиной, и они могли говорить все, что захотят. Таким образом, была создана ситуация особой группы со своим "групповым духом", и именно эта ситуация привела к полученным результатам. Такой вывод мог показаться банальным. Но для хорошо организованного предприятия, где занимались поиском оптимальных форм оплаты и обращали большое внимание на условия индивидуальной работы, оказалось, что с точки зрения рентабельности и текущих интересов важнее всего наладить хорошие отношения внутри малых групп.

Вторым, кто стоял у истоков изучения "малых групп", был Якоб Морено. Румынский психиатр, эмигрировавший в Соединенные Штаты Америки, выдвинул идею, что психоанализ Фрейда был неполным, так как не рассматривал психологического состояния малых групп. Чтобы понять психологические проблемы индивида, необходимо связать их с группой, в которой этот индивид работает. "Социодрама" и "психодрама" представляют собой инструменты коллективного лечения больного, иногда более эф-

фективные, чем посещение врача. Лечение происходит в форме игры: больной весело разыгрывает травмирующую его ситуацию, часто с посторонней помощью, в необходимых случаях — с помощью других больных.

"Социометрия" как назвал эти исследования сам Морено, вскоре обрела свое место в социологии. Термин, придуманный Морено, звучит довольно амбициозно, ибо означает: "все, что измеряется в социологии" В современном понимании социометрия представляет собой специальную технику анализа малых групп. Социометрический тест позволяет выявить невидимые эмоциональные связи между людьми, личные предпочтения и неприязни индивидов, например: "Кого вы любите?" или "С кем бы вы провели вечер?" После того как этот тест будет предложен всем членам группы, можно нарисовать то, что называется "социограммой" т. е. изобразить отношения привязанности и отталкивания между индивидами в виде схемы.

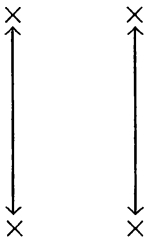
Допустим, имеется группа из пяти человек: "А", "В", "С" "D", "Е" Каждого индивида обозначают маленьким крестом и проводят линии, например стрелку от "А" к "Е" изображая отношение "А" к "Е"; если "Е" питает такие же чувства к "А" стрелку рисуют в двух направлениях; отталкивание изображают пунктирными стрелками:



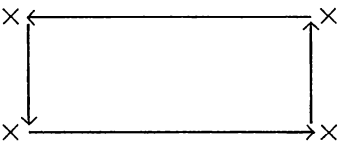
Изучив приведенную выше схему, можно заметить, что некоторые индивиды играют особую роль в группе. Так, "Е", имеющего большой выбор, можно назвать "звездой" (это понятно по нескольким сходящимся стрелкам).

Очевидно, что "Е" играет особую роль, с его мнением считаются, у него есть шансы управлять группой. С другой стороны, мы видим и изолированных индивидов, не получающих никакого выбора. Имеются и некоторые пары, которые делают взаимный выбор и т. д.

Таким образом мы получаем возможность анализировать ситуацию в группах. В группе из четырех человек с двумя изолированными подгруппами всегда есть риск раскола при возникновении важной проблемы. Группа из тех же четырех человек, если в ней имеется кольцевой выбор, напротив, может оказаться более "функциональной"



Группа с двумя изолированными подгруппами



Группа с кольцевым выбором

Мы часто говорим "предпочитать" и "отвергать" Но в большинстве случаев следует уточнить: "Почему предпочитать? Почему отвергать?" Нет одинаковых ответов на вопросы: "Кого вы любите больше?" или "С кем вы предпочитаете работать?" И если хотят выявить еще больше отличий, опираются на индивидуальный выбор. Можно также спросить: "Кем бы вы хотели быть избранным?" Другими словами, существует много структур для одной и той же конкретной группы. Социограмма группы будет различной, если речь идет об отношениях чисто эмоциональных или о выполнении задания.

Социограмма — очень практичное средство, помогающее делать предсказания о фукционировании малых групп, составлять команды из детей или размещать людей за столом. Но социограмма используется и в более серьезных случаях. Социометрический тест длительное время применялся для составления экипажей бомбардировщиков. Наиболее эффективный экипаж складывается не только благодаря дружеским отношениям между его членами; так же как группа друзей, хорошо развлекающихся вместе, отличается от той, члены которой вместе готовятся к экзаменам. Оптимум с точки зрения производительности требует деликатности: не должно быть неприязни, параллельных структур,

полной изоляции, но также нельзя допускать и слишком сильной привязанности.

Мэйо открыл феномен и дал ему скрупулезное описание, но не объяснил, как его анализировать. Морено изобрел инструмент ограниченных возможностей, социограмму, которая представляет собой всего лишь удобную схему, отражающую наши знания о группе. И только третий предтеча — К. Левин — дал обширный словарь и полный набор мер предосторожности для изучения проблемы малых групп. Левин — отец того, что мы называем сегодня "динамикой группы" т е. описания внутреннего функционирования групп.

В Соединенных Штатах во время второй мировой войны Левин предложил изменить потребление мяса: есть немного меньше бифштексов и немного больше низкосортной мясной продукции. Поставщики отреагировали на это предложение отрицательно, поскольку руководствовались общепринятым мнением. Опросы Шомбар де Лоу во Франции показывают: свежее мясо считается необходимым работающему, чтобы восстанавливать силы, и если мать семейства не приготовит качественного мяса, значит, она не выполняет своих семейных обязанностей. Левин искал наилучший способ внушить людям, что низкосортное мясо так же питательно, как, например, вырезка, и что военная экономия в Соединенных Штатах требует уменьшить расточительство мяса.

Он собрал группу менеджеров, выбирающих на рынке мясную продукцию, и для начала провел серию конференций. Экономист объяснял, что в современных условиях мяса производится недостаточно и, чтобы избежать карточек, необходимо изменить потребление. Диетолог рассказывала о том, что в почках или мозгах достаточно питательных веществ. Наконец, повар делился тем, как наилучшим способом приготовить низкосортное мясо.

Затем Левин пригласил тех же трех специалистов, но поставил перед ними уже другую задачу: они должны были отвечать на вопросы менеджеров. Вопросы приводили к необходимости говорить о том же, о чем шла речь на конференциях. Менеджеры спрашивали: "Почему нельзя съесть хороший бифштекс?", на что экономист отвечал: "Но это же вредно для здоровья", диетолог добавляла: "Мой муж не любит бифштексы!", а повар приводил примеры более полезных, но не менее вкусных кушаний. Разница, следова-

тельно, была не в содержании посланий, но в отношении к существу проблемы тех, кто посылал послания, и тех, кто их получал.

Опыт показал, что вторым способом уговорить людей гораздо легче, чем первым. Попробуем понять почему Когда индивидам читают лекции, не проявляется феномен группы: время от времени публика смеется, выражает свое неодобрение или энтузиазм, но все это остается на элементарном уровне коллективной реакции. Группа, слушающая оратора, не имеет прочных связей. Когда же общение построено по принципу "вопрос—ответ" люди становятся активными и стараются формулировать свое мнение, они живо общаются, и постепенно между ними устанавливается сложное взаимодействие. Образуется группа, впитывающая информацию и определенные требования, которые она принимает или отбрасывает.

Можно также провести анализ влияния коллективного мнения группы на индивидуальное мнение одного из ее членов. Это сделал Асх в своем знаменитом эксперименте, участникам которого предлагали сравнить длины трех отрезков с эталоном. По-отдельности все отвечали правильно; однако в экспериментальных группах, где две трети членов группы в соответствии с договоренностью давали заведомо неверные ответы, многие из испытуемых соглашались с большинством и также давали неверные ответы.

Другой эксперимент связан с кормлением младенцев. В женской консультации врач принимает молодых матерей, чтобы дать им несколько советов и объяснить, что начиная с определенного возраста необходимо включать в рацион детей апельсиновый сок. Однако в консультации заметили, что многие не следуют этим советам. Данная ситуация отличалась от той, где не было никакого резона предпочитать почки бифштексу Молодые матери имеют сильную мотивацию и хотят, чтобы их дети питались наилучшим образом. Тем не менее советы врача, принимавшего роды, слабо убеждали их, хотя они и испытывали к врачу доверие.

Вместо того чтобы индивидуально разговаривать с матерями, Левин собрал пять или шесть из них и предложил им задать интересующие их вопросы, особенно по кормлению детей, лечащему врачу, который специально пришел, чтобы дать им необходимые советы. Женщины задавали вопросы, и, конечно, им говорили про апельсиновый сок. Так же, как и в предыдущем случае, второй метод оказался куда более эффективным.

Вернувшись домой, молодая мать оказывается в своем кругу, где ей говорят, что она никогда не пила апельсиновый сок, когда была маленькой, но выросла не хуже других! Что все эти новации опасны, что ребенок слишком мал и т. д. Мать должна сопротивляться влиянию близких людей. И очевидно, что она сопротивляется по-разному — в зависимости от того, соответствует это ее непрочным индивидуальным убеждениям, или она является членом группы молодых матерей, находящихся на острие прогресса и вооруженных последними достижениями современной науки. Люди боятся перемен потому, что не хотят нарушать норму группы; создав другую группу с новыми нормами, они облегчат себе перемены.

Другими словами, если мы хотим иметь "минимальные издержки" перемен, надо, чтобы группа проделала часть пути и участвовала в принятии решения.

Данные принципы применялись не только в экспериментальных группах; их использовали, например, в мастерских, предназначенных для внедрения технических новинок. Это тема классической работы Коша и Френча о преодолении сопротивления переменам (*"Changement"*, глава 4)

Первые эксперименты Левина дали начало целому направлению по исследованию внутренней динамики экспериментальных групп: в лабораториях членам группы предлагали различные стимулы и изучали реакцию. За этими экспериментами последовали многочисленные исследования индустриальных и инженерных психологов, которые сейчас представляют весьма процветающую профессию.

ВОЖАКИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Для начала уточним терминологию. "Вожак" — это тот, кого по английски называют "leader" Единственный недостаток такого определения в том, что нет имени существительного, обозначающего действия вожака, которые позволяют ему соответствовать английскому "leadership" Слово "leadership" мы переводим как "директор" Эта традиция не единственная: в очень респектабельных книгах "leadership" переводят как "управляющий" Исходя из изложенных далее соображений, мы будем использовать слово "директор".

Понятие "директор" заключает в себе очень многое. Это не означает быть полковником и вести свой полк в бой или быть вожаком группы друзей. Лидер имеет в своем распоряжении награды и наказания, различные авторитарные способы передавать свои распоряжения подчиненным. Однако этот феномен значительно менее институционен. В группе друзей тот, кто является наиболее влиятельным, вожак, не может наложить санкцию на человека, не принадлежащего к его группе. Здесь мы наблюдаем разницу между "директором" и "управляющим" Эта разница существенна, так как нельзя путать упражнения с элементарными и с институционными группами.

Когда говорят о директоре малой группы, употребляют те же термины, которые используют в другом значении при рассмотрении более крупных ансамблей. Например, мы говорим о директоре-демократе. Политическая демократия, очевидно, отличается от демократии малой группы. Переход из одной в другую необязателен, и понятия здесь не идентичны. Каждый может руководствоваться определенными правилами для анализа текущей ситуации, использовать различные идеи, спрашивать себя, применима ли данная схема в данной ситуации, но не надо упускать из виду, что речь идет о простой перестановке.

Принято считать, что выдающиеся личности возвышаются над окружающими и управляют ими. Но это не точно. Зоопсихологам известно, что у кур в курятнике стабильная иерархия. Но трудность заключается в том, чтобы определить основные качества руководителя. Конечно, руководитель должен быть выдающимся, иначе он не станет руководителем, это тавтология. Однако следует уточнить индивидуальные характеристики, которые позволили бы определить, что один индивид скорее станет руководителем, чем другой.

Традиционные работы на эту тему не могут дать оптимальной характеристики руководителя, поэтому приписывают ему высшие моральные достоинства. Когда в поисках объяснения начинают использовать моральные термины, это означает, что коснулись социального феномена, который не способны анализировать. Если, например, говорят, что руководитель честный, преданный делу, умный, то таким образом констатируют, что люди группы признают его превосходство. Итак, мы вернулись к начальной тавтологии, потому что на самом деле здесь прибавить нечего. На-

пример, руководитель честен. Но если речь идет о группе гангстеров, будет ли это главной добродетелью лидера группы? Все зависит от того, как вы объясняете честность. Честность воспринимается по-разному в зависимости от того, о ком идет речь: о главе гангстеров или, скажем, о казначее ассоциации. Считается, что руководитель должен быть умным. Однако всегда ли руководят самые умные? Все знают, что нет.

Чтобы уйти от этой тавтологии, необходимо изучить отношения индивида и группы, а не собственные переменные членов данной группы. Направление феномен взаимодействия. Чтобы почувствовать этот феномен на этапе рождения, рассмотрим простой пример. Предположим, что в шесть часов вечера пятеро студентов, немного знающих друг друга, случайно встретились в одном дворе. "Не пойти ли в кино?" — решают они. И обсуждают, где пообедать, какой фильм посмотреть и чем заняться после кино: выпить по стаканчику или вернуться к себе, чтобы приготовиться к завтрашним занятиям.

Эта простая история позволяет выявить очень многое. Во-первых, имеется проблема, которую должна решить группа. Во-вторых, кто-то из членов группы должен взять на себя руководство, чтобы оживлять и направлять дискуссию, а затем закрыть ее в целях решения проблемы. При решении каждой отдельной проблемы может появиться свой вожак или, напротив, это будет один и тот же лидер. Очевидно, что хорошие идеи по поводу разных вещей (например, куда пойти поесть или какой фильм посмотреть) не всегда может предложить один человек. Кто-то скажет: "Лучше всего подойти к восьми часам к кинотеатру"; другой возразит: "Кроме вестерна, в "Наполеоне" сегодня нет ничего интересного" Иными словами, выбор вожака в очень зыбкой группе всегда обусловлен обсуждаемым предметом. Тогда как в группе старых друзей зачастую действует привычка всегда и во всем прислушиваться к мнению признанного лидера. Но в менее структурированной группе в каждой ситуации может появиться новый вожак.

Лидера определяют не только хорошие идеи или ценная информация (например, лежащий в кармане "Парископ"), но также и отношения, которые сложились у него с остальными членами группы. Если один из друзей, достоинства которого известны всем, скажет: «Сегодня вечером стоит сходить на концерт из серии

"Музыкальных вечеров"», очень может быть, что ему ответят: "Слушай, мы слишком устали и хотим заняться совсем другим" Лидер, предлагающий идеи, неприемлемые или странные для остальных, перестает быть лидером, и его заменяет другой. Предложения лидера должны приниматься всеми членами группы.

Рассмотрим еще одну старую проблему Для одних лидер — это человек, способный внушить ведомым все, что захочет. Например, забастовщиков — и это знает каждый — направляют вожаки, лидеры, которые отвлекают рабочих от истинных интересов и заставляют их делать то, что сами рабочие никогда бы не сделали. Другие считают, что лидер не придумывает почти ничего, а лишь ограничивается интерпретацией замыслов и движений своих войск. Как гласит поговорка: "Я ими командую, значит, я за ними следую" Оба тезиса неверны. Лидер не может делать все, что захочет. Многие крупные политические деятели не сумели убедить партию принять их проект, независимо от своего таланта, престижа и влияния. Реальное место лидера между этими двумя вариантами. Лидер должен понимать, насколько можно вмешиваться в происходящее в каждой конкретной группе и ситуации.

Чтобы разобраться в этом вопросе необходим анализ типов директоров и структур коммуникаций, упрощающих или усложняющих управление.

Начнем с различий на уровне здравого смысла. Есть люди авторитарные, любящие командовать, но есть и склонные к подчинению. Кому-то нравится собирать мнения окружающих, а кто-то не желает знать чужого мнения. Можно ли сформировать типы лидеров "авторитарного" и "демократического" направлений и третьего направления "анархического" или "попустительского" когда руководитель почти не вмешивается в дела группы? Эти типы точно определяются действиями лидера, а не тем резонансом, какой имеют для нас слова "демократический", "авторитарный" или "анархический"

Выделив три названных типа, Липпит и Уайт образовали по возможности одинаковые группы детей для проведения досуга. Одинаковые группы это группы, состоящие из индивидов, которые не отличаются ни особым умственным развитием, ни легкостью в общении, ни дружескими связями между собой. Таким образом были созданы усредненные начальные условия, как в экспериментах естественных наук. Группы отличались только

фиксированной переменной. В каждой группе был один взрослый, руководящий действиями детей на протяжении двух часов раз в неделю. Чтобы аннулировать личностный эффект руководителя, в каждой группе таких руководителей было трое, и они последовательно сменяли друг друга.

Одинаковые по индивидуальным и групповым характеристикам, эти группы отличались стилем руководства. В группе с авторитарным руководством решение что-то делать, например модели самолетов, принимал руководитель, который использовал все свое влияние для осуществления задуманного. Конечно, он хотел заинтересовать детей, но решения принимал только он. В группе с демократическим руководством все вопросы и идеи, которые предлагал руководитель, обсуждались сообща, и в результате обсуждения выбирались наиболее интересные предложения — то есть все действия определялись самой группой. Группа с анархическим, или попустительским, руководством была предоставлена сама себе, и руководитель принимал участие в ее проблемах, только когда члены группы обращались к нему за советом.

Авторитарный руководитель сам определял последовательность действий и давал инструкции на каждый этап. Он говорил: "Чтобы сделать уменьшенные модели самолетов, необходимо собрать документацию на те модели, которые мы выбрали; разделим задачу таким образом, чтобы решить ее" Когда задачи первого этапа решались, он ставил задачи второго этапа. Демократичный руководитель пытался определить предстоящие этапы вместе с группой. Когда дети уясняли общую задачу, переходили к постановке задач каждого этапа и к последовательной их реализации. В группе с анархическим руководством не уточняли этапов. Руководитель лишь отвечал на вопросы в соответствии со своей компетенцией. Он был скорее экспертом, чем руководителем.

Авторитарный руководитель распределял задания в зависимости от возможностей детей. В демократической группе распределение обязанностей происходило на основании взаимной дискуссии. Каждый стремился получить интересное задание, и никто не хотел заниматься скучными мелочами. В процессе дискуссии случалось по новой распределять как интересные, так и трудные или непривлекательные задания. В группе с анархическим стилем руководства проблем не было: каждый делал, что хотел, распределение обязанностей не требовало организации.

Авторитарный руководитель выставлял персональные оценки. Он говорил: "Поль сделал все очень хорошо, а Анри совсем не старался" В демократической группе руководитель выражал свое мнение в объективной форме: "Ты использовал не тот клей, поэтому твоя модель не держится" Руководитель анархической группы не оценивал работу детей, он лишь давал информацию, когда к нему обращались. Руководители авторитарного и анархического типа не участвуют в действиях группы, они только руководят. В демократической группе руководитель участвует в решении задач, он такой же член группы, как и остальные.

Что можно вынести из этого эксперимента? Во-первых, мы можем определить эффективность каждого типа управления. Группа с авторитарным руководством наиболее продуктивна, при демократическом руководстве группа делает работу наивысшего качества. Во-вторых, если на несколько минут удалить руководителя и зафиксировать, что будут в это время делать дети, можно увидеть, что в авторитарной группе дети сразу прекращают работу и начинают разговаривать, восславляя свободу, обретенную на короткое мгновение. В демократической группе все продолжают работать. Инструкции в демократической группе усваиваются быстрее, чем в авторитарной, и выполняются, даже когда руководитель отсутствует и не контролирует ситуацию.

И наконец, в группе с демократическим стилем руководства несколько выше групповая мораль. Например (хотя это и не является элементом морали), в демократической группе существует тенденция говорить "мы" вместо "я" Однако, сравнивая агрессивность различных групп, мы сталкиваемся с фрустрацией. Во всех группах посторонний является козлом отпущения, и, если в группу в отсутствие руководителя придет новый ребенок, можно констатировать, что в авторитарной группе он будет принят гораздо хуже, чем в демократической.

Данный опыт позволяет нам выделить два важных элемента. Прежде всего — условия опыта. Группа детей, проводящих вместе свободное время, существенно отличается, например, от группы электромонтеров. Невозможно механически перенести результаты конкретных опытов в ситуацию, отличную от той, в которой проводились данные опыты. Попробуйте, например, объяснить бригадиру, что он должен быть демократом. Однако многие реакции детей связаны с той цивилизацией, в которой эти дети жи-

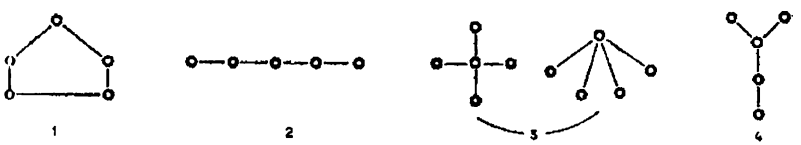
вут. Дома и в школе им прививали определенное поведение, они привыкли следовать за руководителями, любить определенный тип управления. Если они выказывают повышенную агрессивность, столкнувшись с чьей-нибудь властностью, то, возможно, у них просто нет к этому привычки. Эксперимент, проведенный над маленькими французами или маленькими немцами, будет иметь различные результаты, и вполне вероятно, что в демократической группе возникнет замешательство.

Каждый тип характеризуется пятью чертами. Но всегда ли эти пять черт имеются одновременно? Даже при очень авторитарном типе управления бывает, что руководитель участвует в работе; причем это не обязательно должно быть связано с демократическим стилем. Исследования, проведенные на предприятиях, показали, что некоторые демократические черты производства состоят в корреляции с удовлетворением, получаемым рабочими, и с производительностью труда. Однако лучшие бригадиры не те, которые непосредственно участвуют в работе, а, напротив, те, что придерживаются авторитарного стиля руководства. Для углубления анализа перейдем от типологии к анализу переменных, которые можно заставить изменяться по очереди.

ВНУТРЕННИЕ СВЯЗИ

Остановимся на некоторых переменных. Если стиль руководства отражается на эффективности и морали группы, нужно рассмотреть и другие элементы. Внутренняя структура групп показывает, что информация (а руководство — это только одно из проявлений информации) следует определенным канонам внутри группы. Идея не овладевает всеми членами группы в один момент и с одинаковой силой. От структуры группы зависят ее эффективность, мораль и направление действия.

Представим структуру группы схематически, обозначив кружками индивидов, а черточками — связи между ними.



Вариантов подобных схем может быть бесконечное множество. Бавела в одном классическом исследовании рассматривает структурные схемы в виде пятиугольника (или круга), в виде цепи, в виде "Y" и в виде креста. Отметим, что схема в виде креста, идентична схеме управления: четыре человека сгруппированы внизу как бы в подчинении у центрального индивида. В лабораторных экспериментах для реализации различных схем коммуникаций испытуемых помещают в маленькие будки со смотровыми щелями, открываемыми и закрываемыми, чтобы пустить или прекратить поток информации.

Бавела задался вопросом: действуют ли при решении проблем управления пятеро индивидов так же эффективно в одной структуре, как и в другой? Раздав каждому по несколько игральных карт, он спросил: "Какую наилучшую покерную комбинацию можно составить из всех этих карт?" Обменявшись информацией относительно карт, которые были у них в руках, индивиды не испытывали трудностей при решении этой задачи, не было необходимости ни в обработке информации, ни в придумывании, достаточно было просто объединить требуемую информацию.

Различные группы можно сравнивать по централизации, которая представляет собой уникальную характеристику. Круг не централизован, потому что все позиции эквивалентны; крест, напротив, очень централизован. Опыт показывает, что централизованные группы более эффективны, они делают меньше ошибок и значительно быстрее продвигаются к решению проблем. Но они меньше удовлетворены, и мораль у них гораздо ниже; индивиды в круговой группе находят эксперимент интересным и более расположены к повторению, чем члены централизованной группы.

Централизованные системы во всех случаях являются более эффективными и меньше удовлетворяют своих членов. Структурно-функциональный подход позволяет поставить ряд вопросов для новых исследований. В какой степени результат зависит от типа проблемы? Влияет ли на результат способность к изобретательству? Количество информации — это вторая переменная, которую мы можем ввести в нашу схему Третьей переменной будет распределение информации между участниками. Можно также менять тип управления внутри каждой структуры.

Руководитель авторитарного типа имеет тенденцию централизовывать коммуникации и уменьшать их число. В сильно цент-

рализованной группе, где руководитель сам за все отвечает, находит решение проблем и устанавливает запреты, число требуемых коммуникаций минимально, что увеличивает эффективность, особенно в областях, в которых это уменьшает риск насыщения средств коммуникаций.

Точный анализ переменных дает возможность объединить целую серию проблем и описать их не на полуклиническом языке, а в четких схемах групповой структуры. В конечном счете стиль управления сводится к определенной структуре группы и к некоторым эффектам обмена информацией.

Такой подход позволяет сконструировать модели, более приближенные к реальности. Первые схемы Бавелы были лабораторными. Маленькие рисунки не очень отражали то, что происходит на самом деле; жестко определенные пути коммуникаций сочетались у Бавелы с весьма узким кругом проблем. Эксперименты по чистой социальной психологии только приближенно могут осветить то, что происходит в реальных группах, например, в мастерской. Но модель, обогащенная некоторым числом вспомогательных переменных, сразу приближается к реальности. Необходимо наличие такого числа переменных, которое даст возможность проанализировать конкретную ситуацию.

Здесь достаточно простого примера. Рассмотрим два крайних случая. В промышленности работа на участках сборки строго запрограммирована и не требует дополнительной информации: рабочие делают то, что им предписано, так как ничего непредусмотренного быть не должно. В данном примере строгая централизация производства не причинит неудобств. В противоположном случае, например, в исследовательской лаборатории, ученые добывают информацию, ибо их труд состоит в том, чтобы открывать неизвестное. Если запрограммировать работу ученых, то, скорее всего, они не сделают ничего полезного. Поэтому сети информации в лаборатории должны быть намного сложнее.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ГРУППЫ И МАССОВЫЕ ОБЩЕСТВА

Перенести результаты лабораторных экспериментов в реальную социальную жизнь не просто, для этого необходимо изучить ежедневное функционирование реальных групп в конкретных ситуациях.

Война позволила провести эксперименты в характерных обстоятельствах. Американское министерство обороны обратилось к социальным психологам с просьбой определить, в каких условиях американские солдаты воюют лучше. Укрепляет ли их дух понимание того, что они защищают вечные ценности западной цивилизации? Социальные психологи пришли к тем же выводам, что и Мэйо в индустриальной социологии: важнее всего личные отношения солдат, унтер-офицеров и офицеров. Именно человеческий и групповой факторы определяют дисциплину и мораль, воодушевляют солдат хорошо исполнять свой воинский долг.

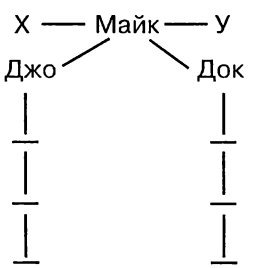
Еще один эксперимент в этой области был проведен в конце войны в немецкой армии Шильзом и Яновицем (*"Textes"*, pp. 45—79). В 1945 году союзники организовали большую кампанию, направленную на то, чтобы убедить немецких солдат сдаться. "Все кончено, — говорили солдатам, — вы были не правы, следуя за генералами, которые привели вас к поражению, теперь вам осталось только сдаться, игра сделана" Можно было предположить, что идеологические стереотипы скорее подействуют на солдат, зараженных нацистской идеологией. Однако было установлено, что нацистская идеология имела относительно малое значение по сравнению с фундаментальной ролью, которую играли межличностные отношения. Для солдат, сдавшихся в плен, все идеологические аргументы полностью теряли смысл, тогда как аргументы, относящиеся к персональной ситуации каждого из них, связанные с поведением их непосредственных начальников, значительно влияли на принятие решения.

Если сравнить американскую демократическую идеологию с идеологией немецкого общества, пропитанного авторитарными традициями (в частности, нацизмом), то можно констатировать, что в обоих случаях в момент сражений факторы макросоциологические и идеологические имели значение только как функция межличностных отношений и структур элементарных групп.

Можно также провести исследования бюрократических структур, например, в армии, в администрации или на фабрике, чтобы увидеть, каковы отношения между официальными структурами (организационная схема) и персональные отношения между индивидами (реальная жизнь элементарных групп). Опыт индустриальной жизни показывает, что группы рабочих очень быстро реагируют на усилия администрации организовать работу и

фиксировать ее ритмы. Ежедневные наблюдения подтверждены результатами опросов в компании "Вестерн электрик" и на французских заводах.

Существуют различные формы элементарных групп. Например, Трашер изучил около тысячи банд в Чикаго, выявив в них наличие различных структур и внутренней жизни. Уайт исследовал итальянский пригород Бостона, чтобы выяснить, как живут молодые рабочие итальянского происхождения. В качестве "участника-наблюдателя" группы он целый год прожил в этом пригороде, присутствовал на всех сборищах и участвовал во всех мероприятиях. Позже Уайт опубликовал свои наблюдения. Под неорганизованными отношениями в группе он заметил наличие нескольких структур, более или менее известных членам группы, структур, которые обеспечивали их жизнь и функционирование. Все были согласны, что лидер группы — Майк. Именно у него всегда появлялись идеи вылазок, загулов, и все остальные члены группы следовали за ним. Можно было подумать, что он представляет собой демократического лидера; Майк воспринимал настроения в группе и трансформировал их в идеи, соответствующие настроению большинства. Но вскоре Уайт заметил, что рядом с Майком были Джо и Док — его заместители. Майк очень мало говорил с членами группы. Здесь имел место двусторонний поток информации: Джо и Док передавали желания своих подчиненных Майку, а затем — приказы Майка подчиненным. Два других члена группы, назовем их "X" и "Y", не были подчиненными ни Джо, ни Дока, они играли роль своего рода консультантов: это были фантазеры, которые давали Майку советы в различных ситуациях. Прожив четыре или пять месяцев вместе с группой, Уайт понял эту схему, но большинство членов группы считали, что именно Майк оказывает влияние на их повседневную жизнь.

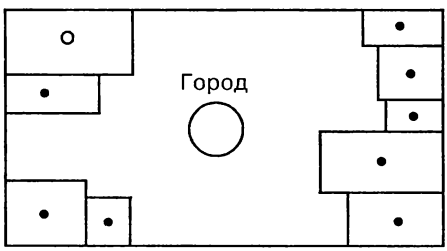


Любопытно, но это аналогично тому, что пишет Ф. Барт об одном из кочующих народов на юге Ирана. Каждый день перед кочевниками встает проблема: исчерпано ли данное пастбище и не пора ли переносить лагерь, чтобы найти лучшее? Роль лидера заключается в том, чтобы почувствовать доминантную тенденцию и принять соответствующее ей решение. Если лидер решит переносить лагерь, а меньшинство будет против, он рискует вызвать в племени раскол; если же остаться на месте решит большинство, власть лидера будет подорвана.

Приведенные выше примеры позволяют предположить, что элементарные группы играют важную роль в преиндустриальных обществах, особенно в обществах, слабо структурированных, но их роль не менее важна и в массовых обществах. Многие думают, что радио, кино, телевидение оказывают на массы радиослушателей и телезрителей непосредственное воздействие. Однако Кац и Лазарсфельд в книге, в которой на примере одного из маленьких городов Соединенных Штатов анализируется связь информации с покупательским спросом, показали, что действие не следует непосредственно из требований масс и индивидов и, чтобы стать лидером какой-то группы, нужны личные отношения. Люди, на которых влияет пресса и другие средства информации, в свою очередь, влияют на соседей и на лиц, с которыми встречаются в различных элементарных группах. Авторы, в частности, показали, как жители городка принимают решение сходить в кино: многие из горожан, конечно, читают кинематографическую критику в газете, но эта информация не влияет на их решение, пока они не обсудят ее с определенным количеством людей, которые истолкуют и подтвердят прочитанное в газете. Таким же способом принимаются решения о покупке женского белья или мужского костюма. Исследования политических предпочтений дали примерно тот же результат: изменение мнений не было следствием предвыборной пропаганды, а почти всегда происходило в силу изменения личных пристрастий в недрах элементарной группы.

Министр сельского хозяйства Соединенных Штатов, заинтересованный (как и министры других стран) в распространении хорошей сельскохозяйственной техники среди фермеров, озабочен тем, насколько эффективны различные способы информации, достигает ли информация адресата и убеждает ли фермеров? Что делать, если требуется защитить сельскохозяйственную культуру

от угрожающей болезни: просто предупредить людей, собрать их, разослать персональные письма, опубликовать статьи в газетах или устроить показательные демонстрации? В одном из американских графств провели исследование. Город, расположенный в центре графства, был окружден несколькими периферийными фермами с небольшими деревенскими центрами. На окраинах самого города также располагались фермы, но, в отличие от периферийных ферм, никаких других центров, кроме главного города графства, у жителей этих ферм не было. Здесь, чтобы сделать покупки, чтобы посетить воскресную службу или встретиться с друзьями, люди направлялись в город. Таким образом, имелся прямой контакт между городом и фермерами, которые, наравне с горожанами, были членами "городского общества" Аграрные службы через доступные фермерам средства массовой информации — радиопередачи, сельскохозяйственные брошюры и журналы — доводили до них всю необходимую информацию.



Окружающее жилье

На периферийных фермах все были объединены в одну элементарную группу со своими учреждениями и локальной жизнью, основанной на персональных связях между индивидами. Например, дети все вместе ходили в школу и в церковь. Новости черпались из разговоров, а не из газет или радиопередач. Пропагандисты вынуждены были посещать фермы, чтобы объяснить персонально "X" и "Y" что они должны делать. Если "X" был звездой социометрии, он распространял информацию вокруг себя. Но если информация попадала к изолированному "Y", никуда дальше она уже не распространялась. Обнаружив это, службы Министерства сельского хозяйства подготовили упрощенный социометрический тест, позволявший выявить в каждом коллективе лидеров, чтобы не терять время на беседы с большим количеством фермеров.

МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Функционирование индустриального общества во многом основано на игре знаков и символов, на использовании стереотипных картинок. Различные институты, особенно все органы распространения информации (пресса, радио, телевидение), запускают в общество картинки и символы и пытаются закрепить их с помощью журналистов, артистов, писателей, продюсеров, профессионально манипулирующих стереотипами. С другой стороны, это облегчает общение между индивидами, которые имеют в своем распоряжении общую игру символов и стереотипов. Всегда можно поговорить при встрече о том, что прочли в последней газете или журнале ("Фигаро", "Юманите" и др.). Модные фасоны одежды или отклики на речь президента — обычные темы для разговоров. Средства массовой информации предлагают для обсуждения определенные события или ситуации и упрощают обмен мнениями. Такая своего рода игра с глазу на глаз при общении на дистанции является существенной характеристикой индустриального общества. В традиционном обществе, где преобладают межличностные отношения, логичный ансамбль обычного поведения, веры, норм и ценностей организуется в систему, приспособленную ко всему, позволяющую справиться с любой ситуацией (см. главу 7).

С другой стороны, чтобы индивид мог существовать в обществе, в котором он живет, необходимо, чтобы он стал определенным представителем этого общества. В традиционных обществах дети изучают космологию, взгляды на материальный и социальный окружающий мир — то, что объединяет всех членов данного общества и никогда не ставится под сомнение при возникновении новой ситуации или появлении иностранцев. Эти основополагающие постулаты действуют в течение всей жизни.

В индустриальных обществах картинки, созданные средствами массовой информации, позволяют индивидам занять определенное место в обществе и соответственно вести себя: нормы связаны здесь со стереотипами. То, как надо себя вести, диктуют, например, кинофильмы или женские журналы, и каждый может выбрать себе эталон героя или, напротив, не придерживаться определенной модели. Со своей стороны, манипуляторы символами стараются использовать в фильмах и журналах людей повсе-

дневной жизни, одного класса. Этот механизм подкрепления социальной реальности картинками очень существенен.

Описать себя перед лицом других и понять других, чтобы можно было поставить себя на их место, — этот принцип создает тип межличностных отношений, характерных для индустриального общества, которому психологи посвящают все более многочисленные исследования, в частности, по эмпатии. Эмпатия, если говорить коротко, как раз и выражает способность одного индивида встать на место другого. Для традиционного деревенского общества эмпатия не характерна, потому что, зная все о другом, нет необходимости вставать на его место, чтобы начать диалог. В массовом обществе, наоборот, очень важно, чтобы индивиды, выполняя свою социальную роль, были способны понять других индивидов и, отождествив себя с ними, могли начать диалог.

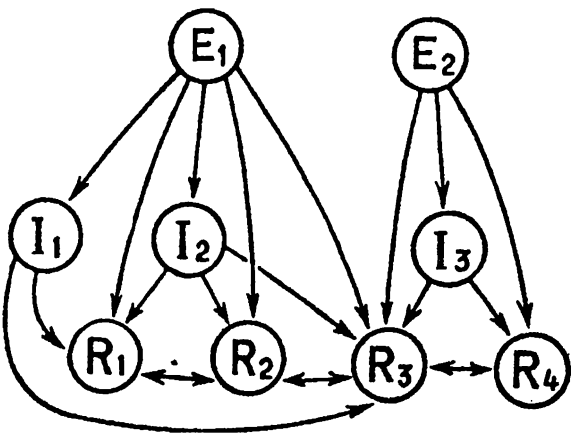
Техника исследования, достаточная в массовых обществах, сталкивается с деликатными проблемами в обществах традиционных. Американский социолог Дэниель Лернер использовал на Среднем Востоке "проективные" вопросы, создававшие эмпатическую ситуацию: поставить себя на чье-то место, чтобы понять другого. Турецкого крестьянина спросили: "Если вы станете председателем Совета, что вы будете делать?" Крестьянин никак не реагировал. Вопрос повторили, и турок воскликнул: "Я — Хозяин мира!" Но тут же замолчал, испуганный идеей, что он может стать председателем Совета. Пастуху где-нибудь в горах Анатолии совершенно невозможно представить себя на месте председателя Совета или султана, который при прежней Оттоманской империи считался "хозяином мира" В противоположность этому любой американец знает, что он будет делать, если попадет в Белый дом.

Теперь рассмотрим другой пример. На главной площади небольшого города на юге Франции располагалось привычное для таких городков кафе, носившее название "Коммерческое кафе" Постепенно горожане перестали его посещать, и в первую очередь — молодежь. Кафе закрыли, и на протяжении целого года все гадали, что будет на его месте. Через год на месте "Коммерческого кафе" открылся магазин, в котором продавались газеты, иллюстрированные журналы и карманные книги. Этот пример прекрасно демонстрирует переход от традиционной средиземноморской цивилизации к индустриальной, от разговоров, представляющих собой главное

социальное развлечение, к стереотипам средств массовой информации, необходимым индивиду в его межличностном общении. Это, конечно, только иллюстрация, но очень яркая.

Элементарные группы могут иметь весьма существенные отличия. Между группой, в которой проходит вся жизнь традиционного крестьянина (семья, соседи), и многочисленными элементарными группами, где осуществляется семейная, профессиональная, политическая, спортивная и т. п. жизнь современного горожанина, есть радикальная разница: первая охватывает всю жизнь индивида, а вторая сконцентрирована на функциях, объединенных в сеть массовой коммуникации.

Рассмотрим схему средств связи в элементарной группе: передатчик ("E") (журнал или телевидение) отправляет послания, касающиеся некоторого числа людей, которые относятся к "влиятельным" ("I") и обыкновенным ("R"). Обмен информацией между передатчиками и приемниками происходит как непосредственно, так и через промежуточные реле.



Послание получают "R_1", "R_2", "R_3", "R_4", но они формулируют мнение или принимают решение только после дискуссии с "I" ("влиятельными") и с другими "R", которые являются частью тех же элементарных групп. Каждый индивид участвует в нескольких элементарных группах с различным противоречивым влиянием на автономию выбора, например "R_1" Если "I_1 и "I_2"

получают то же послание, что и "R_1 совпадающая информация легко усиливает мнение каждого. Но если "R_3" поддался влиянию своих сослуживцев, читающих "Юманите " ("I_3", "R_4" и т. д.), в то время как его жена ("I_2") и все его друзья ("I_1" "R_1" "R_2") читают "Ле паризьен очень мало шансов, что их мнения о последней речи президента или о событиях на Среднем Востоке совпадут при обсуждении вечером с семьей, с друзьями или с соседями.

Эта схема отличается от простой схемы, действующей в деревне, где влияние оказывает "именитый" — тот, кто благодаря своей социальной позиции находится в контакте с окружающим миром, умеет читать, путешествует и разговаривает с иностранцами. В греческой деревне мужчины собираются в кафе, чтобы выпить раки, или послушать священника, или почитать газету, или пересказать прочитанное. В традиционном иерархизированном обществе информация и влияние как-бы спускаются по социальной лестнице — влияние имеют "именитые" Например, владелец замка говорит что-то кюре, тот, в свою очередь, убеждает в этом крестьян; радикальный нотариус сообщает ту же новость учителю, который пересказывает ее крестьянам. Эти две цепочки противоположных политических идей приводят к тому, что двое крестьян из одной элементарной группы имеют противоположные политические взгляды. Бывает и так, что противоречия раздирают одного крестьянина.

Помещая элементарную группу в более широкую социальную структуру, необходимо знать, все ли члены группы находятся на одном уровне, нет ли среди них влиятельного индивида, который занимает более высокое положение, а также охватывает ли группа практически все аспекты жизни своих членов и нет ли других элементарных групп, в которых они параллельно участвуют. В традиционном обществе люди, имевшие влияние, были "именитыми" и занимали высокое место в деревенской иерархии; в "индустриальном" обществе люди, имеющие влияние, часто принадлежат к той же социальной страте, что и те, на кого они оказывают влияние ("*Changement*", глава 3).

Это верно для определенного типа влияния, для определенного типа посланий. Но в других случаях влияющий может находиться на более высоком уровне в социальной структуре. Американские исследования установили наличие двух основных типов влияния:

"локально влияющий" и "космополитически влияющий" "Космополитически влияющий" легко оказывается во главе группы, которую он хочет возглавить. Его роль прежде всего сводится к передаче информации. В маленьком американском городе "космополитически влияющий" — это человек, читающий национальные газеты ("Нью-Йорк таймс") и журналы (такие, как "Лайф" и др.) больше, чем местные. Ориентированный на социальные ценности, он воспринимает информацию и затем переводит ее на язык, понятный членам группы, в которой он претендует на роль лидера. Члены группы обращаются к нему, когда хотят разобраться в чем-то необычном, происходящем во внешнем мире. "Космополитически влияющий" близок к "именитому" в традиционном обществе, хотя между ними есть и различия.

Влияние "космополита" или "именитого" похоже на то, что англичане называют "gate keeper": это своего рода портье, открывающий дверь для прохода определенной информации, а затем закрывающий ее, чтобы остановить другой тип информации. Информатор всегда селективен: он выбирает в потоке информации ту, что кажется ему подходящей для группы, на которую он ориентирован. Контроль информации — это его орудие власти, потому что информацией можно манипулировать, акцентируя одну и пропуская другую ее часть.

"Локально влияющий" имеет относительно мало контактов с внешним миром; он погружен в свою группу, которую знает очень хорошо. Социальные отношения, желания, нормы группы не составляют для него секрета, потому что он разделяет их. Здесь мы встречаемся с функционированием малых групп. Влияние — это из области социометрии, оно дает сравнительно небольшую информацию для группы, но позволяет интерпретировать внешнюю информацию и принимать решения по поводу ежедневных ситуаций. "Локально влияющий" утрясает споры, советует в делах, устраивает свадьбы и т. д.

Лидер традиционного коллектива, например, упомянутых выше иранских кочевников, имеет влияние "локального" типа, поскольку его контакты с внешним миром ограничены. Он выражает, "озвучивает" мнение группы так, как чувствует его, и группа признает его лидерство. Отдельные индивиды не могут выразить коллективного мнения, это задача лидера как функции единогласных норм и взглядов группы.

Либеральные политические мыслители обратили внимание на ослабление роли семьи и промежуточных образований в нашем "массовом" обществе, где индивид изолирован перед лицом государства Левиафана. Многие считают эту ситуацию опасной и стремятся укрепить семью как ячейку общества и промежуточных образований. Однако все исследования показывают, что нет никаких противоречий между элементарными группами и "массовой" цивилизацией: элементарные группы и промежуточные образования весьма разнообразны. Каждый присутствует во все более многочисленных группах и ассоциациях, и устройство этих групп становится все более важным для анализа и понимания структуры общества.

Рекомендуемая литература

Исследования малых групп и динамики групп в различных формах получили широкое развитие в последние годы:

* Anzieu et Martin, La Dynamique des groupes restreints. Paris, P.U.F., 1969, 288 p.

* Jean Maisonneuve, La Dynamique des groupes. Paris, P.U.F., 1968, 128 p.

* Claude Flament, Réseaux de communications et structures de groupes. Paris, Dunod, 1965, 196 p.

Процитируем также некоторых классиков:

* J.L. Moreno, Les Fondements de la sociométrie. Paris, P.U.F 1954, 400 p.

* K. Lewin, Psychologie dynamique. Paris, P.U.F., 1964, 300 p.

* Brown et Cohn, Chefs et meneurs, psychologie sociale de l'autorité et de la direction. Paris, P.U.F., 1963, 359 p.

Об отношениях между элементарными группами и обществом можно прочитать:

* R.K. Merton, Éléments de théorie et de métode sociologique. Paris, Plon, 1965, глава IX, pp. 295-321.

ГЛАВА 3
МНЕНИЯ И АТТИТЮДЫ

В предыдущих главах мы выяснили, что индивиды разделяют идеи и устремления своих цивилизаций, а элементарные группы играют решающую роль в механизмах их усвоения и усиления. Как объективно изучить эти механизмы и при необходимости измерить их? Что можно вменить в вину индивиду, группе или социальной категории?

В этой главе мы пойдем по пути, противоположному тому, которым следовали в предыдущих главах, где толчком к социологическому анализу служила "вечная" проблема. Здесь, напротив, речь пойдет об эмпирическом анализе, вытекающем из практической проблемы, которую ставит исследователь, чтобы нащупать связи между этой "эмпирической" теорией и перспективами, намеченными выше.

Как выявить менталитет индивида или группы? Для этого есть два способа. Во-первых, можно попытаться понять их действия, наблюдая за поступками, в которых проявляются их нравы и менталитет, если использовать эти слова в обычном смысле. Второй способ заключается в том, чтобы попросить членов группы выразиться не в действиях, а в словах. Всем известно, какая заметная разница существует между тем, что люди делают, и тем, что они говорят. В словах частенько отсутствует логика, да и от лжи никто не застрахован. Роль социолога заключается в том, чтобы интерпретировать отношение и "вербальные выражения" индивидов и сделать на их основе описание, объясняющее, а при случае и предсказывающее. Хорошо зная менталитет индивида или группы, можно предсказать их действия в конкретной ситуации.

Чтобы узнать, верят ли люди в Бога, достаточно спросить их об этом или посмотреть, ходят ли они по воскресеньям в церковь. Однако и посещение воскресных служб, и устные признания в набожности могут быть просто демонстрацией определенного социального статута; исследователь не в силах определить степень веры какого-либо индивида без сложной игры опросов.

Среди социологов просматриваются две тенденции. Этнологи считают, что важно не то, что люди говорят, а то, как они живут. Психологи придерживаются другой точки зрения, утверждая, что достаточно правильно задать ряд вопросов, чтобы полу-

чить ответ, необходимый для анализа и интерпретации. Наблюдение длится долго, интерпретация достаточно сложна, в то время как техника социальной психологии позволяет быстро узнать, что думают люди.

Эти различные точки зрения лежат в основе дебатов о технике исследования. Рассмотрим пример. Мы часто сталкиваемся с такими понятиями, как действие, поступок и общественное мнение. Идти голосовать в определенный день — это ритуальный поступок, привитый обществом, поступок, который является также способом выражения мнения, потому что в процессе голосования констатируют: "Я люблю Миттерана" или "Я не люблю Миттерана", "Я люблю "Объединение в поддержку республики" (R.P.R.)" или "Я согласен с социалистической или коммунистической доктриной"

Измеряемый индикатор, который можно назвать "выражаемое мнение", имеет определенную стабильность. В частности, политические мнения в определенных регионах и в определенных общественных слоях на удивление постоянны. Каждый знает, что рабочие склонны голосовать за коммунистов, а на юго-востоке Центрального массива отдают предпочтение правым. Американские исследования показали, что все избирательные кампании приводят не к изменению мнения избирателей, а к укреплению избирателей в их собственном мнении. На протяжении избирательной кампании политические лидеры претендуют на то, что им удастся изменить мнение людей, однако фактически они только убеждают тех, кто уже убежден. Есть, конечно, среди избирателей и те, что не имеют никаких убеждений, но они, как правило, не интересуются избирательной кампанией и попадают под влияние друзей и знакомых, уже выбравших, за кого голосовать. Бывают, правда, и сюрпризы, когда люди меняют свое мнение и проходят социальные категории слева направо. Иногда они загораются идеей или движением, таким, как пужадизм. Можно сказать, что мнения только относительно стабильны, они изменяются и эволюционируют. Прорывом в исследованиях и зондировании общественного мнения стало глобальное открытие Гэллапа, которое позволяет определить мнение группы или страны в данный момент.

Из исследовательской техники социальной психологии зондаж общественного мнения превратился в инструмент правительства.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Жан Стотцель в "Теории мнений" ("Theorie des opinions") дал следующее определение мнения: "Выражение мнения — это нюансированная формула по определенному вопросу, высказанная в данный момент времени и выражающая оценку чего-либо с той или иной степенью уверенности в правильности высказываемых суждений" Данное определение не затрагивает никаких философских проблем: оно операционно, т. е. позволяет начать расследование. Ответ мсье "X" на вопрос: "Любите ли вы Миттерана немного, сильно, или совсем нет?" можно рассматривать как мнение. Если мсье "X" говорит: "Я немного люблю", и возникает ощущение, что можно положиться на этот ответ, то мнение мсье "X" будет: "Я немного люблю"

Когда это простое, но важное замечание установлено, внезапно появляются трудности. Если тот же вопрос задан большому числу индивидов, которые отвечают, выбирая один из трех ответов: "Я люблю Миттерана немного, сильно, совсем нет", их ответы образуют веер мнений по поводу Миттерана. Здесь имеется инструмент исследования, позволяющий определить поведение группы или категории индивидов.

Мнение — это ответ на конкретный вопрос в конкретный момент. Если меняются формулировка или социальный контекст вопроса, индивид уже не ответит на него так же, как в прошлый раз. Если вопрос касается определенной ситуации в данный момент времени, а ситуация изменится, меняется и ответ. Следовательно, мнение меняется в зависимости от внешней ситуации.

Если вместо того, чтобы задавать один и тот же вопрос многим индивидам, предложить серию вопросов одному и тому же индивиду, в его ответах будет присутствовать некоторая связь, когерентность. A priori, если мсье "X" любит "Объединение в поддержку республики", очень мало шансов, что он любит Миттерана. В ответах различных индивидов на вопросы о Миттеране, об "Объединении в поддержку республики" о политике Франции, о политических партиях также проявляется некоторая когерентность.

При наличии когерентности в выражении мнений индивидов возникает вопрос: нет ли здесь чего-то более глубокого и стабильного, нет ли здесь "аттитюда"? В связи с этим можно попытаться воспользоваться другой техникой анализа, которая называется "шкалой установок".

"Я за сегрегацию рас. Негры ужасны, я не могу их видеть" Если кто-то на это расистское утверждение ответит "да", скорее всего, окажется, что этот кто-то выступает и за подчинение женщин, которых рассматривает как вторичных существ, нуждающихся в опеке. Не менее вероятно, что на вопрос о том, каким он представляет себе хорошего отца, данный индивид ответит, что хороший отец должен быть властным, влиятельным и авторитетным. Наконец, он добавит, что кто-то должен командовать и что нация — главная ценность для него. Основные источники расистских предубеждений наглядно проанализированы Марией Ягодой (*"Textes"*, p. 81-112).

Исследования показывают, что между подобными ответами существует достаточно прочная корреляция, т. е. если кто-то высказывает расистскую точку зрения, он поддерживает и все вытекающие из нее. Задавая различные вопросы, можно сконструировать исследовательский инструмент. Индивид "А" (крайний расист) отвечает "да" на все вопросы; индивид "В" отвечает "да" на первые вопросы, но "нет" на последний ("умеренный расист"), и наконец, мы находим индивида (не расиста), ответившего "нет" на все вопросы. Это так называемая лестница Гуттмана (по имени психолога, который ввел данный способ исследования)[1], иначе именуемая иерархическим анализом.

Вопрос	Индивиды				
	A	D	C	D	E
1	+	+	+	+	–
2	+	+	+	–	–
3	+	+	–	–	–
4	+	–	–	–	–

Терстоун и Лайкерт были первыми, кто начал измерять поведение с помощью шкал[2]. На протяжении пятидесяти лет эта техника постоянно улучшалась, и сегодня имеется множество разнооб-

[1] *См.*: Гуттман Л. Основные компоненты шкального анализа // Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966.

[2] Шкала — алгоритм, с помощью которого осуществляется измерение, когда оно является отражением изучаемых объектов в числовую математическую систему. О шкалах Терстоуна и Лайкерта см.: Thurstone L.L., Chave E.J. The measurement of attitude. Chicago, 1929; Likert R.A. Technique for a measurement of attitudes // Archive of Psichology. 1932. Vol. 7, N 140.

разных типов шкал. Важно то, что между тотальным "да" со стороны "А" и тотальным "нет" со стороны "Е" есть и другие более или менее "расистские" ответы, благодаря чему мы можем дать "оценку" расизма индивидов. Шкала становится инструментом для исследований. Это основа социальной психологии, наряду с которой существуют и другие основы, не имеющие одинакового значения во всех группах, поэтому применять их надо достаточно деликатно. Наиболее выдающееся исследование, выполненное в этой области, — работа Адорно и его коллег об авторитарных личностях, где была сконструирована знаменитая шкала "F" (фашизм)[1].

Аттитюд — это "более или менее постоянная ситуация, дающая большое число свойств и мнений относительно данного сюжета"

Определенный таким образом аттитюд есть понятие теоретическое и техническое: оно подводит итог работам в области социальной психологии и характеризуется четырьмя свойствами:

1) "Логической переменной", восстанавливаемой после проведения анализа мнений и поступков, благодаря которой становится возможным многомерный факторный анализ, позволяющий представить в компактной форме обобщенную информацию на основе ансамбля мнений. Аттитюд здесь не наблюдается непосредственно.

2) Способностью аттитюда характеризовать человека или группу, а не только их действия.

3) Сосредоточенностью аттитюда, который нагружен аффективностью по поводу заданной темы и находится в соотношении с верованиями и стоимостью. Всегда существуют аттитюды "за" и аттитюды "против"

4) Наличием внешних влияний. Социализация — это просто образование у индивида подходящих аттитюдов в соответствии с ценностями и социальными нормами группы.

Данные характеристики аттитюда и мнения позволяют перейти от количественных описаний "менталитета" к настоящему измерению, построенному на технике описания мнений и шкал установок. Здесь мы не будем подробно описывать эту технику, а лишь упомянем ее (см. приложение 2).

---

[1] Имеется в виду коллективный труд представителей Франкфуртской школы "Авторитарная личность" (1950), подготовленный под руководством и при непосредственном участии Теодора Адорно (1903—1969).

Конструкция вопросника, использующего или не использующего шкалы, требует предварительного разговора с респондентом. Свободный, или клинический (также называемый "недирективным"), подход — это разговор, в котором опрашивающий позволяет респонденту говорить и, следуя за нитью его идей, довольствуется тем, чтобы респондент не уходил от заданной темы. Тема монолога задается с большей или меньшей точностью, а затем опрашивающий поддерживает монолог респондента, не давая собеседнику уклоняться от центральной темы, и иногда подсказывая ему второстепенные темы, которые тот не затронул.

Этот тип опросов образует качественный материал для "этюдов мотиваций", в которых описываются мотивации, связанные с темой или объектом. Например, продавец мыла хочет узнать, правда ли, что для определенных социальных категорий чистота и белизна являются показателями, вокруг которых можно развернуть рекламную кампанию, увеличивающую продажу.

"Этюды мотиваций" служат также для подготовки вопросов, называемых "открытыми" когда респонденту предлагают высказаться своими словами (например: "Что вы думаете о последней речи Жискара?"), и "закрытыми", или "предварительно кодированными" когда респондент выбирает ответ из предложенных вариантов (например: "Какое мыло вы больше любите: голубое, белое, розовое или зеленое?"). Эти вопросы могут быть объединены в вопросник на ту или иную тему. Построенные в порядке иерархии, они позволяют создавать шкалы.

Респондент помещается в выборку изучаемой популяции. Представительная выборка составляется в соответствии со статистической и математической техниками, позволяющими сказать, что на основании выборки в 5000 человек можно получить знание обо всем населении (например, о 56 миллионах жителей Франции) с коэффициентом погрешности столько-то процентов. Чтобы представить отдельные характеристики, предположительно существенные для темы исследования, делается анализ выборок по избранным группам.

Ответы, объединенные в выборках, затем кодируются и интерпретируются исследователем.

ГЕНЕЗИС И ДИНАМИКА АТТИТЮДА

Определенное количество аттитюдов вырабатывается у ребенка еще при начальном обучении. Это постоянные конструкции, образующие фундаментальные аттитюды индивида, глубокие или поверхностные. Затем, по мере того как ребенок растет и формируется его личность, к фундаментальным аттитюдам добавляются аттитюды менее фундаментальные и более специфичные. Способ расположения аттитюдов можно сравнить с бессознательным, подсознательным и сознательным в психоанализе. В соответствии с теоретической схемой у индивида имеются глубоко заложенные аттитюды, управляющие общими реакциями поведения, и связанные с ними более частные аттитюды, позволяющие реагировать на ту или иную социально заданную ситуацию.

Это дает возможность правильно расположить результаты исследования, не вдаваясь в объяснение, что является "реальностью" человеческого существования. Социологию вышеназванная "реальность" не интересует: задача социологии в том, чтобы построить интеллектуальную схему, позволяющую изучать мнения и поступки и давать им оценку

Аттитюдам присущи две основные функции. С одной стороны, аттитюды относительно стабильны. Это они последовательно объясняют индивидуальность индивида и делают так, что каждый остается самим собой в течение всей жизни. С другой стороны, аттитюды могут меняться, но относительно медленно, в соответствии с механизмами, которые поддаются изучению. Этим объясняется, что, сохраняя "свою" личность в течение всей жизни, человек может измениться и приспособиться к новым социальным условиям. Или, имея вполне определенное мнение, в какой-то момент поменять его.

Каково соотношение между этим понятием об аттитюдах и двумя другими, часто употребляемыми в обычном языке понятиями: мотивацией и верой? Упрощенно можно сказать, что мотивация — это активный аспект аттитюдов. Исследования мотиваций сильно продвинулись за последние годы в Соединенных Штатах и во Франции. Это очень полезная техника, в которой термин "мотивация" — почти синоним глубоким и распространенным аттитюдам, разве что основное внимание обращается на их динамический аспект. Иными словами, когда

говорят о мотивации, имеют в виду аттитюды, служащие толчком к поступкам, а говоря об аттитюдах, подразумевают выражение мнения.

В противоположность зондажу общественного мнения с его простыми вопросами, которые задают максимально возможному количеству среднестатистических индивидов, в исследованиях мотивации выбирают несколько десятков представителей различных социальных групп и подробно опрашивают их для получения точной картины мнений; логика и ассоциация идей этих респондентов качественно анализируются, что позволяет определить мотивации. Такие опросы называют "недирективными" или "полудирективными"

Некоторые психологи, особенно сторонники биопсихологизма, имеют тенденцию думать, что мотивации обусловлены биологически: голодом, жаждой, сексуальным инстинктом, необходимостью отдыха или активности. Мотивации, не вытекающие из этих основных биологических нужд, являются только вторичными признаками первичных импульсов.

Зигмунд Фрейд, полемизируя с вышеизложенной точкой зрения, показал, что фундаментальные инстинкты человека (сохраним этот термин) закладываются в раннем детстве, особенно в процессе воспитания и при взаимоотношениях с отцом и с матерью. Если какой-то человек анархист, то, возможно, это потому, что у него очень силен Эдипов комплекс; если он отвергает авторитет государства, то вполне вероятно, что в детстве он был чрезвычайно привязан к матери и испытывал враждебность к отцу. Существование подобных объяснений показывает, что вместо того, чтобы искать чисто биологические причины мотиваций, можно попытаться найти их в раннем детстве.

Мотивации представляют собой активный, а верования — познавательный мотив. Зная что-то о ситуации, мы имеем определенный аттитюд по отношению к ней. Аттитюд — это результат определенной веры и определенного знания, которые привносят в поведение каждого из индивидов определенную мотивацию.

Будучи более или менее постоянным, аттитюд утверждает постоянство индивида, и одним из способов утверждения этого постоянства является активная роль аттитюда в восприятии. Перед лицом некоторой реальности каждый видит то, что хочет видеть, или, более точно, — то, что имеет для него смысл.

Видеть это не только смотреть, но еще и понимать. Благодаря игре аттитюдов индивид выбирает в реальности то, что имеет для него определенный смысл, и удерживает из данной реальности только это. Аттитюды помогают сделать выбор из реальности и усиливают восприятие, поскольку дают возможность видеть в реальности то, что соответствует норме. Это обычный, простой и хорошо известный механизм селективного восприятия.

Селективность восприятия была исследована с помощью многочисленных психологических опытов. Например, почтовые марки одинакового размера, но отличающиеся по стоимости — 1, 10, 100 или 500 франков, воспринимаются детьми как разные по размеру: юные респонденты неизменно отвечают, что марки стоимостью в 500 франков больше, чем марки по 1 франку. Аналогичная ситуация и с монетами одинакового размера: дети считают, что более дорогие монеты больше. Это результат искажения восприятия как функции социальных привычек.

Многочисленные деформации восприятия определяются обучением. Один из наиболее давних экспериментов в этой области проделал Бине еще в начале века. Последовательно показывая три десятка линий, он обращал внимание испытуемых на то, что вторая линия длиннее первой, третья длиннее второй и так далее. Затем он показывал линии одинаковой длины, но испытуемые продолжали утверждать, что каждая следующая длиннее предыдущей. Чтобы убедиться, что линии равны, им требовалось увидеть некоторое количество одинаковых линий. Следовательно, обучение, даже короткое, изменяет восприятие.

Как правило, пониманию доступно лишь то, что имеет смысл в соответствии с уже имеющимся знанием. Память не только индивидуальна, она еще и коллективна. Хэлбвоч, изучивший социальные рамки памяти, показал, что воспоминания не "сохраняются" а "реконструируются", и эта реконструкция ориентирована целым рядом социальных рамок. Важна также динамика коллективных воспоминаний.

В одном исследовании группе респондентов был представлен портрет рабочего со следующей характеристикой: рабочий — это тот, кто работает на фабрике, получает такую-то зарплату и придерживается определенных политических взглядов (например, голосует за коммунистов). К этому короткому портрету добавляли: "Средний рабочий умен". Затем просили респондентов по-

вторить описание рабочего. Люди, имеющие прорабочие взгляды, повторяли предложенную им характеристику почти дословно, не забывая отметить, что рабочий умен. Те, у кого были сильны антирабочие взгляды, повторяя описание, опускали, что рабочий умен. Объективные факты из предложенной характеристики (работает на фабрике, зарабатывает столько-то и имеет такие-то политические взгляды) совпадали со стереотипом, к которому привыкли эти респонденты; однако то, что рабочий умен, противоречило стереотипу, и они опускали данное обстоятельство из описания, отказываясь воспринимать утверждение, "диссонирующее" с их стереотипом. Они повторяли лишь то, что было "созвучным" привычному для них образу рабочего, — то есть клише, картинку, которую общество представляет личности.

Чтобы примирить стереотип с восприятием, возможны четыре решения.

Первое решение: не замечать нелепой или диссонирующей ситуации, отрицать ее, другими словами — "забыть", что рабочий умен.

Второе решение: деформировать данное описание. Смешать ум с другими характерными особенностями индивида — например, вместо "умный" сказать "умелый" Поскольку понятие "умный", без сомнения, имеет положительную окраску, можно попытаться подать его в уничижительном значении, что позволит торжествовать победу.

Третье решение — это полный отказ от предложенной характеристики, которая кажется противоречивой и, следовательно, абсурдной: "Кое-что здесь очевидно, например, что рабочие трудятся на фабрике, но остальное — полная чушь"

Четвертое решение состоит в том, чтобы реформировать стереотип, то есть принять во внимание внешнюю реальность и подвергнуть сомнению прежние убеждения. Но индивиды крайне редко меняют свои стереотипы под влиянием действительности. Необходим очень долгий период приобретения опыта, противоположного стереотипам, чтобы индивиды подвергли их сомнению. Селективное восприятие — это один из способов решения конфликта, созданного познавательным диссонансом: индивид обязан поддерживать максимально возможную гармонию в своих знаниях.

Отсюда вытекает второй аспект аттитюдов: "относительно" устойчивые, они могут трансформироваться, то есть существует

динамика аттитюдов. В быстро изменяющемся обществе индивидам приходится приспосабливаться к изменениям и примирять с ними свои глубокие аттитюды; необходимо оценить реальность и принять ее. Это неизбежно.

Например, тот, кто кардинально меняет социальный круг или профессию, должен решительно пересмотреть свое видение мира и свое отношение к людям, с которыми он находится в контакте; но, не подвергнув сомнению собственные аттидюды, он не может этого сделать. Попадая в новую ситуацию, кто-то изменяет лишь свои внешние аттитюды, а кто-то — саму их структуру.

Способность к адаптации — один из основных механизмов социального подъема. Рассмотрим пример. Если сын рабочего, имеющий рабочий менталитет, "рабочее" видение мира и общества, прекрасно учится и в результате получает престижную должность, он должен тем или иным способом приспособиться к правящему классу, а для этого изменить не только свои взгляды на общество, но и свои аттидюды; иначе его обвинят в увриеризме[1] (Lieberman (Либерман), "*Textes*", pp. 113-144).

Это механизм референсной группы и предваряющей социализации. Если кто-то хочет присоединиться к другой группе, он должен принять господствующие в ней идеи, манеры, мнения; мы еще вернемся к этому, когда будем рассматривать роли и позиции.

КОЛЛЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ АТТИТЮДЫ

Долгое время дискутировался вопрос: существуют ли коллективное мнение и коллективные аттитюды, кардинально отличающиеся от суммы мнений и индивидуальных аттитюдов? Социологию не интересует этот, скорее философский, вопрос: достаточно того, что при зондаже общественного мнения такая разница обнаруживается. Исследования показывают, что в одной и той же проблеме можно выделить мнение как индивидуальное, так и коллективное.

До сих пор мы говорили об индивидуальных мнениях. Но бывает, что по какому-то вопросу одинаковое мнение высказывают сразу несколько человек. Если эти люди выбраны наугад и не имеют между собой ничего общего, речь идет просто о слу-

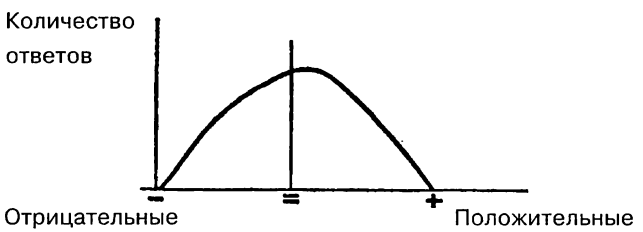
[1] От *франц.* ouvrier — рабочий.

чае — случайное совпадение мнений по данному вопросу и ничего больше. Если же в определенной социальной группе все согласны с каким-то мнением, можно констатировать, что это мнение коллективное, поскольку оно едино для всех членов группы.

Когда согласие с каким-то мнением выражают люди, не образующие группу и, казалось бы, не имеющие друг с другом ничего общего, это означает, что нечто общее между ними все-таки есть: согласие проявляет то, что связывает этих людей, — например, их доход. Зондажи показывают: люди с доходом от 5000 до 10 000 франков не очень любят Миттерана, а те, что зарабатывают более 20 000, являются его горячими сторонниками. Они образуют категорию индивидов, но не группу; попасть в ту же категорию еще не значит стать частью той же социальной группы. Различие между социальной категорией и социальной группой имеет большое значение для социологии.

Вернемся к результатам зондажа: предположим, опросили 2000 индивидов об их отношении к Миттерану и получили некоторое количество мнений: крайне отрицательных, скорее отрицательных, чем положительных, скорее положительных, чем отрицательных, очень положительных. Эти ответы могут распределяться различными способами.

Распределение по кривой Гаусса показывает, что общественного мнения как такового нет — существует лишь сумма отдельных мнений. Те, что любят Миттерана, наиболее многочисленны, а остальные распределяются равномерно по обе стороны от максимума. Такое распределение статистики называют "нормальным" Если вы спросите группу индивидов, не имеющих общего мнения, об их отношении к чему-либо, распределение их высказываний продемонстрирует отмеченный выше аспект. Речь идет, следовательно, о сумме индивидуальных мнений, а не об общем мнении, разделяемом некоторым числом людей.



Когда кривая имеет форму "L" или "J", это указывает на коллективное мнение: большинство либо любит, либо ненавидит Миттерана. Кривая может быть похожа на "U", если мнения "за" или "против" Миттерана разделились очень сильно.

Итак, мы показали, что коллективное и индивидуальное мнения, которые могут сменять друг друга или даже сосуществовать, совсем не одно и то же. В Элмвуде — маленьком городке в окрестностях Нью-Йорка — встал вопрос о строительстве школы. Детей в Элмвуде было мало, и у жителей спросили: хотят они, чтобы школу построили в их городе, в соседнем городе или где-то между этими двумя городами? Абстрактный вопрос (ибо по нему еще не сформировалось мнение) привел к следующим ответам: 15% опрошенных высказались за строительство школы в Элмвуде, 62% сказали, что им все равно, и 3% дали другие ответы. Как мы видим, коллективного мнения нет. Через некоторое время в Элмвуд пришло послание от министра народного образования, в котором говорилось, что школу строить необходимо и нужно скорее решить, в каком месте. Жителям Элмвуда снова предложили тот же вопрос. На этот раз 77% опрошенных высказались за строительство школы в их городе, 6% не имели определенного мнения и 1% — хотели бы, чтобы школу построили в соседнем городе. Став объектом забот и размышлений, школа сплотила людей, и в результате сформировалось коллективное мнение.

Теперь рассмотрим пример сосуществования коллективного и индивидуального мнений. Методистов и баптистов спросили о том, какое крещение они считают правильным: когда просто опрыскивают водой или когда погружают в купель (заметим, что это — одна из основных проблем в теологии названных сект). Методисты, которых опрашивали при выходе из церкви, почти единодушно (91%) высказались за опрыскивание; лишь 9% не возражали против окунания в купель. Баптисты в той же ситуа-

ции дали следующие ответы: только за опрыскивание не высказался никто — 0%, за сочетание опрыскивания и купели — 24%, исключительно за купель — 76%. Затем тот же вопрос был поставлен в вопросниксе, включавшем и другие, совсем не религиозные, темы. На этот раз только 16% тех же респондентов-методистов ответили, что признают исключительно опрыскивание (сравните с 91% в предыдущем опросе); 78% сказали, что не видят особой разницы между опрыскиванием и купелью, и 7% высказались за купель. Из баптистов за опрыскивание по-прежнему не высказался никто (0%), 85% согласились с тем, что возможно и то и другое, и 15% сказали, что признают исключительно купель.

Таким образом, мы видим, что в конкретной социальной ситуации индивиды придерживаются определенного коллективного мнения; но в другой социальной ситуации те же люди могут иметь индивидуальное мнение. Это не тема для философской или моральной дискуссии, а результаты исследования. Причем вовсе не следует думать, что приведенные в примере люди "обманывают" или не верят по-настоящему в то, о чем говорят. Социология не призвана давать мнение по таким вопросам: она просто констатирует факты. Ни методистов, ни баптистов нельзя обвинить в том, что, выходя из церкви, они лгали или что они не имеют истинной веры; это не подтверждается никакими объективными данными. Более того, подобные суждения мешают в дальнейших исследованиях, то есть приговаривают к запрету понимания. Социология объясняет, что в определенных, плохо обусловленных, социальных ситуациях существуют только индивидуальные мнения, а в других, лучше определенных, таких, как религиозная ситуация, складывается коллективное мнение. Эта теория позволяет предсказать, что во второй ситуации люди действуют под влиянием игры глубоких аттитюдов, которые раскрываются в поступках и мнениях. В первой ситуации эта игра аттитюдов остается скрытой и не проявляется.

Отсюда вытекает важное следствие относительно зондажа общественного мнения и опросов по социальной психологии: если в данный момент некоторые индивиды могут иметь личное мнение и при этом разделять коллективное, становится очень трудно интерпретировать результаты опросов. Таким образом, для опроса необходима социальная ситуация, соответствующая постав-

ленным вопросам; нельзя задавать вопросы, относительно которых у индивидов нет своего мнения. Данное утверждение перекликается с высказываниями господина де ля Палисса, но это главное правило при зондаже общественного мнения. На практике очень трудно определить, по каким вопросам опрашиваемые имеют свое мнение, а какие поставят их в тупик, и они будут сидеть тихо, подобно турецким крестьянам, или станут отвечать лишь для того, чтобы сделать приятное человеку, задающему вопросы, и не выглядеть идиотом. Вот почему составление вопросника — весьма сложная задача.

Стабильность мнений демонстрируется и объясняется распространенностью стереотипов и символов, лежащих в основе этих мнений. Все согласны с небольшим количеством клише, которые мало изменяются под посторонним влиянием. Люди верят в то, во что они верят, и в то, во что верят окружающие. Таков основной механизм создания общественного мнения.

Социальная игра городской жизни основана на частичном знании и бесконечно обновляется в каждом индивиде. Это знание проявляется в утверждении мнений. В седьмой главе мы вернемся к рассмотрению кардинальных различий между индустриальным и традиционным обществами; здесь же пока лишь подчеркнем, что зондаж общественного мнения адаптирован к "массовому" городскому обществу. В "традиционных" обществах зондаж общественного мнения не согласуется с социальной структурой.

Социологическая, или психосоциологическая техника исследования представляет собой также социальный феномен и должна быть приведена в соответствие с социальной реальностью, которую она исследует. Если в традиционной деревне, по определению, нет ни общественного мнения, ни выражения частных мнений, то в процессе зондажа трудно будет определить аттитюды крестьян; здесь лучше наблюдать за поведением индивидов. Опыт показывает, что во Франции зондаж общественного мнения в городских районах дает лучшие результаты, чем в сельских. В странах "архаичных", или слабо развитых, зондаж общественного мнения a fortiori[1] ставит очень любопытные проблемы.

[1] A fortiori — тем более (*лат.*).

Рекомендуемая литература

Во Франции фундаментальные работы, посвященные общественному мнению, основываются на тезисах одного автора — профессора Сорбонны и президента Французского института общественного мнения (I.F.O.P.) Жана Стотцеля:

* Jean Stoetzel, La Téorie des opinions. Paris, P U.F 1943, 455 p.

* Jean Stoetzel, "La concepction actuelle de la notion d'attitude en psychologie sociale" Bulletin de psychologie, 221, XVI, 13 мая 1963, pp. 1003—1009.

* Jean Stoetzel, Alain Girard, Les sondages d'opinion publique. Paris, P.U.F 1983.

А также:

* Jean Padioleau, L'Opinion publque, examen critique, nouvelles direction, recueil de textes. Paris, Mouton, 1981, 392 p. (особенно вторая часть, стр. 125—284).

* Victor Alexandre, Les échelles d'attitudes. Paris, Éd. universitaires, 1971.

* SOFRES, Opinion publique, enquetes et commentaires. Paris, Gallimard, каждый год, начиная с 1984-го.

О коллективной памяти:

* Maurice Halbwachs, La Topographie légendaire des évangiles en Terre Sainte. Paris, P.U.F., 1941, 206 p.

О расхождениях в познании:

* Jean-Pierre Poitou, La Dissonance cognitive, Paris, Colin, 1974, 125 p.

О молве:

* Edgar Morin, La Rumeur d'Orléans. Paris, Seuil, 1969, 232 p.

ГЛАВА 4
ПОЗИЦИЯ, РОЛЬ И СТАТУС

МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

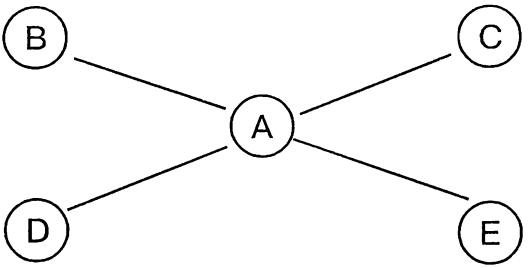
При изучении индивида, общества и объединяющих их связей можно использовать теорию позиций и ролей. Целью многочисленных набросков, сделанных в предыдущих главах, было сконструировать теоретическую схему, позволяющую понять, как индивиды живут в обществе и дают жизнь обществу, образуют группы, участвуют в аттитюдах и коллективных мнениях. Роли и позиции, как таковые, "не существуют" — это интеллектуальные решетки, которые позволяют судить о реальности.

В комедии дель арте[1] автор задает драматическую или комическую ситуацию и основных персонажей, которые наделены той или иной социальной позицией и характерными чертами, влияющими на общее поведение героев; актерам поручается придумывать роли, воплощать персонажи и сочинять диалоги. С точки зрения микросоциологии теория позиций и ролей напоминает комедию дель арте. Общество предлагает более или менее определенные социальные ситуации, предназначенные для определенных ролей. Все роли и позиции взаимосвязаны. В комедии дель арте актер вступает в диалог с другими персонажами; аналогично в повседневной жизни индивиды должны реагировать на каждую ситуацию, в которой они оказываются, должны, подобно актерам, играть свои роли.

Рассмотрим, например, роль школьного учителя ("A"). Эта роль четко определена школой. Что такое школа и каким должен быть учитель, диктует общество. Роль учителя четко задана в определенном контексте: школьное образование в современной Франции. Социальная роль "A" находится в отношениях с другими социальными ролями: учениками — "B", дирекцией — "C", другими учителями — "D", родителями учеников — "E"

Каковы отношения между ролью "A" и другими ролями — "B" "C", "D" и "E", образующими ансамбль ролей? Роли "B",

[1] Комедия дель арте (комедия масок) — вид итальянского театра (16—17 вв.), спектакли которого создавались методом импровизации на основе сценария.



“C”, “D” и “E” постоянно “ожидают” чего-то от роли “A” Ученики предъявляют учителю те или иные требования, и последний стремится соответствовать им. Другие учителя ожидают от своего коллеги определенного поведения, и он должен “вести себя как надо” Дирекция и родители также надеются, что учитель не обманет их ожиданий.

Известно, что некоторые учителя не пытаются отвечать возлагаемым на них ожиданиям и получают злобное удовольствие от поступков, противоположных тем, какие понравились бы ученикам, от нарушения административных норм и от “медвежьего” поведения по отношению к своим коллегам и к родителям учеников. Но эти “отклонения” не перечеркивают саму схему “ожиданий”, а, наоборот, косвенно подтверждают ее.

Ученики ожидают, что учитель даст им необходимые знания, но при этом не будет сильно докучать. Учитель надеется, что ученики постараются понять его объяснения и хорошо сдадут экзамены в конце учебного года, в результате чего все увидят, что он — хороший педагог. Можно провести такой же анализ, исходя из ситуации учеников: это “симметричные отношения” между двумя связанными ролями.

Мадам Рошеблав-Спенле показала, что ожидания мужей по отношению к женам достаточно симметричны ожиданиям жен по отношению к мужьям. И те и другие придерживаются одной точки зрения на роль мужа. Однако к роли жены они относятся совершенно по-разному:

Французские мужчины претендуют на роль умного и независимого лидера. Эти интеллектуальные качества свойственны и женщинам, но основными для женщин считаются доброта, великодушие и другие эмоциональные качества. Французские женщины предпочитают мужчин с сильным характером и живым

умом, однако сами не столько ищут эмоциональных проявлений, сколько стремятся доказать свою независимость, свое умение заняться предпринимательством.

В других странах эти позиции и роли определяются иначе:

> В Германии, как у мужчин, так и у женщин, идеальный портрет предполагает наличие эмоциональности, которую часто причисляют к интеллектуальным качествам, считающимся практически во всех странах основными. Исключение составляет только идеальный портрет женщины, написанный самой женщиной. В Германии женщины стремятся быть чистосердечными и честными даже в ущерб интеллигентности. Представление об идеальном мужчине у немецких мужчин и женщин совпадает, но в определении идеальной женщины они не со всем согласны. Это несогласие, имеющее значение для интеллектуальных возможностей женщин, не перерастает в конфликт, который наблюдается во Франции.

Таким образом, мы схематически показали, как сравнение идеальной и жизненной ролей позволяет понять функционирование общества.

До сих пор мы использовали термины описания, но не менее важны термины изображения и термины нормы. Это способ изучить определенную позицию и роль: например, роль учителя лицея Монтеня в 1990 или 1930 году. Необходимо понять, как воспринимают учителя его ученики, другие учителя, родители и, наконец, люди вообще. Изучить и "объективно" определить роль и соотношение ролей не означает изучить лишь конкретные случаи. Это очень важно для социологического анализа: реальность, которую общество предлагает своим членам, исполняющим определенные роли, различна для непосредственных участников событий и для наблюдающих со стороны.

Роль учителя подразумевает некоторые социальные привычки и может быть "объективно" описана; причем отдельные черты в этом описании предусмотрены регламентом. Когда будущий учитель выбирает свою профессию, он принимает правила игры. Учитель может и не соблюдать эту модель норм, установленных обществом с помощью регламентации, но в таком случае он рискует получить некоторые неудобства. Социальная роль предписывает учителю респектабельность, однако реальный учитель бывает

плохо одет и не всегда ведет себя соответственно своей роли. Описание "среднего" учителя в 1990 году — результат анализа отдельных учителей и вычисления среднего значения. "Средний" учитель отличается от "типичного", то есть от идеального архетипа учителя, имеющегося в обществе. Реальные учителя не совпадают ни со "средним", ни с "типичным" учителем.

Чтобы получить идеальный портрет учителя, можно опросить всех учителей и согласовать их мнения. Дирекция составит другой портрет, школьники третий, родители четвертый. Известно, что ученики не любят перетруждаться, хотят учиться без проблем и легко сдавать экзамены. Дирекция требует от учителей соответствовать ожиданиям учеников, чтобы была дисциплина и ученики работали. Ожидания дирекции несколько отличаются от ожиданий учеников, но приближаются к ожиданиям родителей. С другой стороны, дирекция надеется на помощь учителя в административной деятельности. Учителя ожидают, что их коллега будет приятен в компании; это не очень обременительно, но четко обозначено. Ожидания окружающих различны и зависят от стереотипа учителя, который каждый себе создает. Стереотип варьируется в зависимости от того, кто его создал.

Позиции и роли существуют сами по себе, без связи с конкретными индивидами. Рассмотрим пример. В течение какого-то времени на университетской кафедре нет профессора, должность остается вакантной, студенты не могут изучать курсы, которые ведет отсутствующий профессор, но в схематическом анализе общества отсутствие профессора не имеет никакого значения для существования или несуществования данной роли, ибо роль установлена обществом и учреждением — кафедра и должность существуют вне зависимости от конкретного индивида, занимающего эту должность.

Одну и ту же роль могут играть сразу несколько индивидов; в то же время любой человек всегда играет много ролей. Например, учитель "X" (не роль, а индивид "X") заполняет другие позиции и роли вне школы. В своей семье он — отец, и его роль главы семейства (мужа и отца) строго определена обществом. Он может быть ревностным профсоюзным деятелем и секретарем профсоюзной ячейки. Может быть страстным любителем музыки, посещающим воскресные концерты или "Музыкальные вечера" по вторникам, и общество присвоит ему роль меломана.

"X" играет в данном обществе большое число ролей, формирующих многочисленные вспомогательные роли. Он может наполнить их своей активностью. Здесь заключена одна из кардинальных сложностей теории ролей — знать, когда можно определить одну роль независимо от другой, а когда роли практически совпадают, объединяясь в конце концов в одну роль; далее мы еще вернемся к этому вопросу

МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Простая схема, представленная выше, отражает точку зрения конкретного общества. Таким же образом можно взглянуть на французское общество 1990 года как на гигантскую схему ролей. Задача относительно простая для заданного учреждения. В министерстве существует схема, определяющая роли всех его служащих, начиная от министра и кончая уборщицей, включая руководителей служб и отделов, машинисток и атташе кабинета. Схема необходима, чтобы определиться в любой организации и разобраться в отношениях внутри нее.

Как легко понять строение учреждения по его схеме, так можно понять и все общество, например французское, в целом по его схеме. В схеме министерства каждый индивид играет свою единственную роль, впрочем, случается, что кто-то одновременно является генеральным директором и членом кабинета министров, но это бывает относительно редко. В обществе, напротив, каждый индивид имеет определенный набор ролей, которые, по определению, не пересекаются в общественной жизни. Например, в нашем обществе профессиональные роли мало связаны с семейными и политическими. Политика не затрагивает семью и профессиональную жизнь индивида, что не мешает одним и тем же людям играть все три роли. Можно заметить структурные связи между политической и профессиональной ролью: если министр излишне политизирован, его заместителем назначают члена оппозиционной партии. Даже если такого рода связей не существует, заместитель министра, являющийся активным сторонником проводимой политики, будет иметь позицию, отличную от позиции аполитичного заместителя министра. В идеале необходимо иметь набор многочисленных схем, чтобы представить различные аспекты социальной жизни общества.

Группа с заданными ролями определяется как группа принадлежности: учитель принадлежит своей школе. Но способ выполнять роль определяется группами, которые мы назовем референтными. Если учитель лицея хочет стать профессором университета, он представляет себе эту роль и старается ей соответствовать. Следовательно, роль учителя в лицее не определяется факультетом, но то, как данный индивид выполняет свою роль в лицее, частично определяется референтной группой университета. Многие учителя лицеев мечтают перейти в университет, эти две роли слиты в схеме, поскольку педагогическая карьера часто приводит к подобным переходам. Группа принадлежности и референтная группа фиксируют ценности и нормы как функции последовательности ролей этого типа.

Такой ансамбль схем общества, или, скорее, игра схем, позволяет описать общество, его функционирование и динамику.

В некоторых обществах социальных ролей много, в других, напротив, мало. В традиционном обществе, например, в крестьянской деревне, главные роли — это роли отца семьи, матери семьи, детей, мальчиков и девочек, мужчин и женщин. Профессиональные роли не отличаются от семейных, поскольку отец семьи одновременно является главой сельскохозяйственного предприятия, мать также занимается сельским хозяйством, а ребенок изучает дело рядом со своим отцом. Соответственно, отец одновременно является руководителем предприятия и учителем, а сын — сыном, работником и учеником. И эти три роли, которые в теории можно разделить, в действительности не делятся, поскольку постоянно совпадают. Конечно, могут существовать и другие роли. Отец семейства может быть певчим в церкви, или членом муниципального совета, или великолепным охотником. Но на самом деле в традиционном обществе ролей немного.

В сильно дифференцированном и индустриализированном обществе индивиды играют большое количество резко различающихся социальных ролей. Число этих ролей, их пересечение, взаимные отношения, наконец, переплетение, приводят к тому, что схема французского общества 1990 года существенно отличается от традиционной крестьянской схемы.

Этим объясняется то, что теория ролей воспринимается этнологами и социологами по-разному. Этнологи подразумевают комплексные роли, которые следуют из одновременного совпаде-

ния некоторого числа ролей, определяемых социологами в "современном" обществе.

Данная схема очень динамична. В обществе изменения происходят путем исчезновения некоторых ролей и появления новых. Рассмотрим простой исторический пример. Если мы знаем, что некий индивид — купец или коммерсант, мы хотим тут же уточнить, чем торгует коммерсант: фортепьяно или луком, так как наше отношение к нему не будет одинаковым в обоих случаях. Добавим, что, если он торгует лекарством для больных, мы не отнесем его к негоциантам по целому ряду соображений. Роль коммерсанта появилась в средние века, и прошло много времени прежде, чем она определилась и стала общепринятой. Роль купца в течение длительного времени была близка к роли вора или пирата. Она определилась в области, где мало-помалу образовывалось торговое право, которому первоначально отказывали в легальном существовании. Сегодня эта роль разделилась на некоторое число других, более специализированных ролей.

Так образуется новая роль. Пока точно неизвестно, какова ее суть, какие обязательства она налагает, каковы ее принципиальные атрибуты. Возьмем, например, роль научного работника. Достоин ли стипендии тот, кто готовит тезисы? Определение было принято только двадцать лет назад: сегодня оно кажется недостаточным. Роль научного работника гораздо лучше определяется, если он входит в большие институты, объединяющие сотни и тысячи исследователей, которые не являются ни студентами с "хвостами", ни "учеными" и больше всего напоминают административные кадры. Социолог еще совсем недавно играл среди других исследователей плохо определенную роль. Если он говорил: "Я социолог", в большинстве случаев ему отвечали: "Кто это?" или "Я знал, что они существуют, но не подозревал, что это — профессия!" В терминах анализа ролей данная фраза звучит так: "Я знаю, что можно заниматься социологией, но не предполагал, что социолог представляет собой определенную социальную роль!" В нашем обществе профессия — это прежде всего роль, позволяющая получать зарплату, но многим было непонятно, как можно зарабатывать, будучи социологом. Сегодня все знают, что социолог — это профессия; социолог занимается исследованием общества; созданы специальные исследовательские институты... Роль исследователя-социолога теперь ясна.

СОЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И КОНФЛИКТ РОЛЕЙ

Вернемся к роли "А", которую мы рассматривали выше. Роль "А" определяется, как мы уже говорили, ожиданиями ролей "В" "С", "D" и "Е", но в какой степени роль "А" обязана отвечать на ожидания других ролей? Проблема регуляции и социальных ограничений хорошо изучена в социологии, особенно Дюркгеймом.

Действуют ли ожидания с одинаковой силой, есть ли ожидания более важные, чем другие, с точки зрения роли "А"? В зависимости от характера требований, заключенных в нормативной структуре социальной роли, можно выделить нормы (или ожидания) должного (обязательного), желательного и возможного поведения. Они соответствуют трем основным типам санкций, которыми располагают общество и социальные группы по отношению к своим членам. С помощью этих санкций общество прививает индивидам уважение к социальным порядкам.

Наиболее известный пример *должного (обязательного) ожидания* — ожидание, санкционированное законом, чтобы обязать граждан уважать закон, жандармерию и суд. При чистом анализе обязательные нормативные требования полностью фиксируется, и исполнитель роли имеет очень мало свободы. Если он не выполняет обязательных норм, его грубо наказывают. Например, если кассир в банке ворует, он будет судим и помещен в тюрьму; таким образом, он окончит свою роль. Увернуться от обязательных нормативных требований можно, лишь избегая санкций.

Нормы ролей, воплощающие *желательное (*с точки зрения общества) поведение, используются внутри социальной группы. В определенных обстоятельствах поведение можно менять, так как нарушение желательного ожидания не влечет за собой таких же строгих санкций, как нарушение обязательного ожидания. Определенная социальная группа предлагает своим членам правила поведения, но индивиды могут более или менее приспосабливаться к ним, и если они не хотят выполнять эти требования, то могут выйти из группы и к ним не будут применены никакие санкции. Например, в коллегии адвокатов или врачей существует своя профессиональная этика — правила поведения для адвоката или врача. Люди, более или менее соблюдающие эти правила, более или менее соответствуют своим ролям. Поле деятельно-

сти, которое может быть им предоставлено, достаточно велико, но если они нарушают правила, коллегия может вынести им неодобрение и в конце концов изгнать их.

При *возможном ожидании* также имеются свои санкции: другие члены группы дают почувствовать нарушителю, что он поступает дурно. Скандал и боязнь скандала являются санкциями и способом давления.

Существуют и позитивные способы воздействия, или позитивные санкции. Обязательные ожидания грозят суровыми наказаниями в случае каких-либо нарушений, но не предполагают вознаграждений: они неизбежны и служат только выполнению долга (естественно, что нечистый на руку кассир не будет вознагражден). Возможные ожидания существенно зависят от положительных моментов. Хорошо выполняя свою роль, вы добьетесь успеха, будете привлекать улыбки. Таким образом вы способствуете хорошей работе всей социальной машины, и вам за это благодарны.

Давление общества больше склоняется к позитивным моментам, чем к отрицательным. Санкции юридического порядка привычны, но они всегда негативны и часто действуют из-за внушенного индивидам страха. Социальные игры действуют за счет позитивных моментов, которыми располагают различные социальные группы, чтобы убедить индивидов выполнять свои роли так, как они должны это делать. Тот, кто предпочитает жить без проблем или хочет "иметь успех" в социальной группе, делает все, что может, чтобы соответствовать ожиданиям окружающих. Он изо всех сил играет свою роль в социальной игре и получает компенсацию, делая быструю карьеру или имея в той или иной форме признание и социальный престиж.

Ожидания различных социальных ролей, как мы уже сказали, заставляют признать себя с большей или меньшей силой, так как располагают различными способами принуждения. В рассмотренном ранее примере выбор положительных моментов со стороны учеников гораздо чувствительнее для учителя, чем негативные санкции, которые может применить дирекция. Значение этих санкций (возможное увольнение) опасно, но так как учитель имеет относительно мало контактов с дирекцией, отрицательные санкции почти не затрагивают его каждодневную жизнь, в то время как ученики могут сделать его жизнь невыносимой в любой момент, на каждом уроке.

Теперь рассмотрим конфликт между ожиданиями различных ролей. Ученик хочет не слишком усердствовать, в то время как дирекция требует, чтобы он просвещался. Следовательно, учитель должен не только учить, но и развлекать учеников. Учитель, которому удалось найти подход к ученикам, рискует войти в конфликт с другими учителями, не сумевшими наладить отношения с учениками. Разрешить конфликт ожиданий — задача каждого индивида, который добивается успеха как функции своей личности и других своих ролей.

Все вышесказанное может привести к мысли, что индивид, названный Жюлем, Пьером или Полем и играющий роль "А" является просто деталью в социальной механике, деталью, функционирующей без какой-либо свободы, как зубчатое колесо. На самом деле социальная машина значительно сложнее и оставляет некоторую свободу Жюлю, Пьеру или Полю, которые могут делать свой персональный выбор в условиях, предоставляемых им партнерами. Они могут быть любимы своими коллегами и нелюбимы учениками или быть любимы учениками и нелюбимы коллегами и т. д.

Конформист выполняет свою роль, приближаясь, насколько возможно, к институционализированным ожиданиям. Человек, отклоняющийся от нормы, который выполняет свою роль, избегая нормативного поведения, может принимать санкции, а может искать способы от них избавиться. Наконец, он может быть гиперконформистом. В каждой стране, в каждом общественном круге, роль "хорошего католика" определяется на основании правил поведения католиков. Но хороший католик может отклониться от "религиозных обычаев" и при этом быть святым, правда, он уже не будет "хорошим католиком" Святость представляет собой очень редкую разновидность в католичестве; она отвечает идеальным ожиданиям, делая человека отклоняющимся от своей социальной группы (Lieberman (Либерман), *"Textes"*, pp. 113-143).

С точки зрения макросоциологии роли появляются и исчезают, образуя динамику ролей. Схема не становится менее динамичной от того, что ожидаются конфликты. Во множестве ролей отношения между "А" и "В" могут стать в некоторый момент очень важными, а отношения между "А" и "С" — менее важными: в результате, определение роли "А" изменится. Схема вносит фактор неравновесия и возможности динамизма. Кроме того, мы

показали, что в определенные моменты жизни индивида роли оказываются связанными и образуют игру ролей; причем композиция игр может меняться от одной группы к другой и от одного момента к другому. В современной католической Церкви, чтобы получить сан священника, надо быть холостым, но вечно ли это правило? В персональной истории индивидов определенное количество ролей регулярно следует друг за другом, образуя последовательность ролей, более или менее зафиксированную обществом, понимающим альтернативы и изменяющимся во времени. Здесь надо различать предписанную и приобретенную позиции.

ТИПОЛОГИЯ ПОЗИЦИЙ И РОЛЕЙ

Социальные роли представляют собой совокупность требований, которые общество предъявляет индивидам, занимающим определенные социальные позиции. Социальные позиции задаются общественной структурой. Ту или иную позицию можно выбрать, приобрести или даже завоевать. Играя роль мужчины или женщины, вы занимаете позицию, в которой ничего нельзя изменить. Это не ваш выбор и не ваши усилия. Профессиональные роли, напротив, приобретаются, особенно в нашем обществе. Это не означает, что индивид абсолютно свободен в выборе профессии; тем не менее в одном случае роль вам дается, в другом она выбирается вами, то ли в условиях полной свободы, то ли исходя из условий, в которых вы находитесь. Естественно, существуют промежуточные стадии; роль сына, например, вполне определена, но рано или поздно можно убежать от роли сына, "убив" социально или психологически своего отца.

Роль крестьянина, по крайней мере на первый взгляд, кажется вполне определенной, поскольку только дети крестьян становятся крестьянами. Вы рождены крестьянином, и роль вам назначена; однако вы имеете возможность выбрать другую профессию, выучившись, например, на инженера и поступив работать на завод. Но тем не менее профессиональная роль крестьянина рассматривается как роль определенная, в то время как профессиональные роли являются ролями приобретенными. Таким образом, есть роли, которые можно приобрести, а есть и такие, от которых можно отказаться.

Это динамическое различие позволяет понять эволюцию карьеры, отношения между между социальными стратификациями и различные профессиональные роли. Поскольку вы занимаете позицию мужчины или женщины, рожденных в буржуазном или рабочем классе, вы можете более или менее легко играть некоторое количество ролей. Взаимодействие различных ролей происходит таким образом, что ребенок из семьи рабочих имеет тенденцию стать членом рабочего класса, если он хочет пойти по стопам своих родителей; определяя себя по отношению к своему учителю, он играет роль хорошего ученика, занимающего такое социальное положение, которое выведет его из рабочего класса.

Таким образом, существуют роли назначенные и приобретенные: они очень близки и могут перетекать из одной в другую. Изучая данное общество, можно составить "карьерные схемы" ролей, представляющие собой функцию возможности перехода, более или менее легкого, от одной роли к другой. Анализ "социальных карьер" очень показателен при изучении общества как арены для карьеры политика или профессионала. Имеются также отклоняющиеся от нормы карьеры: например, воры или наркоманы (см. следующую главу). Биографический анализ полезен для исследований в этой области.

Как мы уже говорили, один и тот же индивид может совмещать много ролей, находящихся в конфликте. Какая из них является для него наиболее естественной? Между профессиональной ролью и ролью отца семейства существуют иерархические отношения: если заболел ребенок и отец вынужден выбирать, остаться дома или все-таки пойти на работу, возникает конфликт ролей. В данном случае, как правило, побеждает профессиональная роль. Для матери такой конфликт значительно опасней, так как два различных критерия (материнский и профессиональный долг) неоднозначно оцениваются обществом, которое не дает четкого преимущества ни одному, ни другому.

Иерархию различных ролей часто бывает трудно установить. Возникает вопрос: кто имеет право определять роли и функцией каких норм и ценностей они являются? В случае крестьянина, который одновременно играет роли руководителя производства и воспитателя своих детей эту проблему решить относительно несложно. В массовом индустриальном обществе подобные случаи встречаются редко, а коалиции ролей — более мягкие. Круп-

ный руководитель в промышленности, как правило, имеет некоторое влияние на жизнь своего города, особенно в сфере политики. Однако такая коалиция лишь изредка бывает полной.

Надель выделял два типа ролей или, вернее, два аспекта одной роли: независимый и зависимый. Некоторые роли, например семейные, невозможны без взаимодействия с другими ролями. Роль отца можно изучать только с точки зрения сына или дочери. Независимые роли подразумевают, что рядом с ними находятся точно определенные контрроли. Так, рядом с ролью писателя можно представить себе роль читателя, но в большинстве случаев эта роль только слегка определена: писатель существует и без читателей, в то время как отца без сына представить себе невозможно. Или другой пример: издатель газеты адресуется к своим читателям; но роль покупателя газеты будет иметь смысл лишь в том случае, если покупатели газеты образуют представительную группу, то есть создадут некоторую организацию.

Взаимодействие отца и сына, хорошо или плохо исполняющих свои роли, можно проанализировать в терминах взаимного влияния. Между судьей и обвиняемым также устанавливаются различные отношения: судья говорит обвиняемому, что он хорошо или плохо сыграл свою роль коммерсанта, если речь идет, например, об экономическом правонарушении, но обвиняемый не прислушивается к мнению судьи. Подобные роли влекут за собой механизмы контроля и власти, которыми поддерживаются определенные социальные роли и привычки. Назначение ролей, служащих для внешних выражений (священник, поэт, моралист, журналист), состоит в обмене идеями или эмоциональным опытом, в действиях над символами общества. Во всех случаях соотношения между ролями существенно асимметричны. Имеются также служебные роли, проявляющиеся сугубо экономически, в которых обмен гораздо менее симметричен, чем это кажется.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

Отсюда вытекает ряд других проблем. В нашем дифференцированном индустриальном обществе индивид играет большое количество различных ролей. Социологически индивид определяется путем переустройства ролей и позиций, существующих в обществе. Вы можете сконструировать "модель" Жюля, Поля или

Виктора, зная, что Жюль — мужчина, шофер такси, сторонник компартии и завсегдатай кафе. Индивид "X" определяется игрой ролей, соответствующих его социальной позиции. Такую игру ролей, обеспечивающую социальные связи между субъектами общественных отношений, называют "статусом", или распределением членов общества по позициям. В некотором смысле это — положение позиции в обществе. Мы говорим именно о "статусе" поскольку слово "статут" обозначает юридическую позицию индивида. В англосаксонской литературе термин "статус" обычно употребляется в том смысле, в котором здесь мы используем термин "позиция", а "глобальный статус" ("status global") соответствует нашему термину "статус"

Статус определяется различными позициями индивидов и их соответствием друг другу. Внутренние конфликты между элементами или атрибутами статуса обычны в повседневной жизни. Мы говорили об этом по отношению к ролям, но здесь речь идет о представлении позиций, а не об ожидании ролей.

Любая профессиональная роль подразумевает определенную позицию. Например, четыре переменные — престиж, интерес к работе, свобода и жалованье — позволяют определить соответствующие им позиции в бюрократической структуре и выставить каждой оценочные "баллы" В обычной иерархической структуре нашего общества чем сильнее у индивида интерес к работе, тем больше свободы он имеет, тем выше его престиж и оклад. Наиболее высокопоставленные руководители по всем этим параметрам имеют наилучшее положение: интересную работу, максимум свободы, наивысший престиж в обществе и высокий гарантированный оклад, а не фиксированную почасовую оплату. На промежуточных ступенях административной лестницы индивиды подчас соглашаются на относительно малый оклад, чтобы получить более престижную или более интересную работу, чтобы иметь больше свободы; или, наоборот, ради высокого заработка они готовы выполнять менее интересную работу; некоторые могут променять свободу на престиж и т. д. Между этими четырьмя переменными возможны любые комбинации.

Исследования, проведенные в Соединенных Штатах, подтвердили: если работа, за счет того или иного показателя, становится для индивида интересной, он чувствует себя удовлетворенным и имеет высокий престиж, хороший оклад и достаточную степень

свободы. Если же он теряет интерес к работе (например, потому, что ему не повышают жалованье), окружающие также начинают воспринимать его работу как малоинтересную и, следовательно, не очень важную, в результате чего разочаровавшийся в работе индивид теряет свой престиж, ему уменьшают оклад, и степень его свободы понижается. Другими словами, наблюдается тенденция к легализации атрибутики совпадения ролей. Анализ соотношения различных элементов роли позволяет выполнить конкретные эмпирические исследования по преобразованию административной структуры и показывает внутреннюю динамику позиций, соответствующую групповой структуре и системе доминирующих ценностей.

Вернемся к конфликту, возникающему между различными позициями индивида, когда высокий статус в одном из измерений стратификации противоречит, вступает в конфликт с низким статусом в других измерениях. Подобный конфликт можно наблюдать довольно часто. Но наряду с противоречиями между различными позициями (профессиональными, семейными, политическими и т. п.) отмечается и совпадение статусов. Ленский показал, что политическое положение может быть объяснено анализом совпадения статусов[1] Он пришел к следующему заключению: в Соединенных Штатах согласие между различными элементами глобального статуса приводит к сдвигу политических взглядов вправо. Другими словами, если индивид занимает достаточно высокую профессиональную позицию, живет в роскошном квартале, принадлежит к протестантской церкви и является потомком древнего протестантского рода (четыре основные позиции, часто используемые американскими социологами для размещения индивидов на социальной лестнице), есть все шансы, что он будет голосовать на выборах за кандидата от партии правых. Однако, если какая-то из этих позиций выпадает (например, он имеет соответствующую профессию, живет в роскошном квартале, но католик и выходец с юга Италии), у него есть шанс голосовать за левых.

[1] Дж.Ленский использовал термин "статус" наряду с термином "статусная кристаллизация", обозначающим согласованность различных статусов индивида. Согласно его классификации, существует четыре важных статуса: доход, профессиональный престиж, образование и этническая принадлежность. *См.*: Lenski G.E. "Status crystallization: a non-vertical dimension of social status", in *American Sociological Review*, vol. 19, pp. 405—14.

Этот вывод, важный для Соединенных Штатов, нельзя механически перенести в другое общество. Во Франции, скажем, вывод может оказаться иным. Рассмотрим, например, коммерсантов. С одной стороны, коммерсанты занимают относительно низкую социальную позицию в общей социальной структуре Франции; с другой стороны, они относятся к преуспевающей части населения. В Соединенных Штатах такое несоответствие статусов привело бы к тому, что на выборах эти коммерсанты голосовали бы за левых, однако во Франции они голосуют преимущественно за правых. В каждом конкретном случае можно провести аналогичный анализ, но следует остерегаться механического перенесения выводов, сделанных в другой ситуации.

Конфликт и соответствие позиций помогают понять поведение индивида. Здесь на первый план выходит психология. Отсутствие соответствия создает некоторую неуверенность у индивида, в отдельных случаях определенное чувство вины, и это чувство может быть скомпенсировано с помощью подчеркнутого конформизма или, напротив, — бунта, в зависимости от глобального типа общества. Формирование личности ребенка тесно связано с тем, имеется ли конфликт между его положением в семье, в школе и на улице. Отсутствие совпадения может привести к неуверенности, которая в действительности является особой формой предубеждения, а может, напротив, привести к способности адаптироваться в новой конфликтной ситуации.

Как индивид выбирает ту или иную роль, чтобы удовлетворить свои психологические требования, и как ему удается легко идентифицироваться с социальной ролью, которую он выбрал? Обычно говорят: "Такой-то — прирожденный учитель" Индивид, играющий какую-то роль, имеет тенденцию более или менее идентифицироваться с этой ролью. Чтобы соответствовать своим персональным нуждам и индивидуальным мотивациям, он старается хорошо играть свою роль. Люди, психологически расположенные к службе в армии, имеют тенденцию максимально сливаться со своей ролью офицера, "хорошо ее наполнять", не только чтобы отвечать на запросы других, но также чтобы выполнить свои собственные психологические потребности.

Рекомендуемая литература

Тема, рассмотренная в данной главе, занимает видное место в исследованиях, проводимых в Соединенных Штатах. Во Франции таких исследований мало. Рекомендую обратить внимание на:

* A.M. Rocheblave-Spenlé, La Notion de rôle en psychologie social. Paris, P.U.F 1962, 434 p.

Тот же автор провел сравнительные исследования во Франции, в Англии и в Германии; можно сравнить его подход с этнологическим:

* A.M. Rocheblave-Spenlé, Les Rôles masculin et féminin. Paris, P.U.F 1964, 347 p.

А также:

* Georges Balandier, Anthropo-Logiques. Paris, P.U.F 1974 (глава I: Hommes et femmes, pp. 13-62).

* R.K. Merton, Éléments de théorie et de methode sociologique. Paris, Plon, 1965, 514 p. Содержит многочисленные подробности о социологической роли и сравнения с положениями этнологии.

* S.F Nadel, La Théorie de la structure. Paris, Éd. de Minuit, 1970, 231 p.

Наконец, упомянем американскую работу, посвященную ролям, статусу и социальной иерархии:

* Peter M. Blau, Inequality and heterogeneity New York, Free Press, 1977.

ГЛАВА 5
СОЦИАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ: ЦЕННОСТЬ, НОРМЫ И ОБЫЧАИ

Как индивид интегрируется в общество? Эта старая проблема политической философии имеет большое значение и в социологии. Не обошел ее в своих исследованиях социального контроля и Дюркгейм. В англосаксонской литературе по социологии анализы *социального контроля* многочисленны, а само выражение *"social control"* точно переведено на французский: *"contrôle social"* (*социальный контроль*). Однако в английском языке смысл слова *control* — власть, мощь, влияние, в то время как во французском *"contrôle"* означает надзор, верификацию, инспекцию. Без сомнения, английское слово лучше соответствует смыслу социального контроля.

Социология морали и права, социология познания и социология политики, каждая в своей области, объясняют, какими инструментами располагает общество, чтобы заставлять индивидов жить в определенной цивилизации, участвовать в выработке общего мнения, разделять нормы и ценности группы, соблюдать обычаи. Обычаи, нормы и ценности образуют три звена в инструментах социальной регуляции, связанных с воспитательными механизмами.

ЦЕННОСТИ

Каждое общество определяет, что является хорошим и плохим, красивым и уродливым, честным и бесчестным, удобным и неудобным или, выражаясь высоким стилем, почему стоит жить и, в известных случаях, умирать. Когда ребенку, который плохо себя ведет, говорят: "Тебе не стыдно за то, что ты сделал? Так поступать нельзя, это — плохо", ему внушают ценности и нормы общества и приучают к определенным нравам, не предлагая ничего, кроме очевидности. Каждый должен "чувствовать", что хорошо и что плохо. Кант противопоставлял "способность представлять правду" (сознание) и способность воспринимать добро (чувство). В силу своей трансцендентности и преимуществ, которые она дает, ценность представляется индивиду несомненной, очевидной и безусловной.

Ценности меняются в зависимости от цивилизации и даже внутри одной цивилизации, в разных социальных группах и категориях. Например, вкусы и мораль у буржуазии и у рабочих разные. История изучает этические и эстетические изменения. Для каждой эпохи и для каждой группы мораль представляет собой абсолют, налагаемый на тех, кто не страдает от релятивизма. Это привносит в социологию деликатные и опасные моменты: ценность есть трансцендентность и абсолют для того, кто ее видит; социология относительна, и, что особенно важно, в системе общественных ценностей она теряет свои главнейшие черты. Правда, социология имеет собственные ценности, которые ориентируют в выборе сюжетов для исследования и в интерпретации результатов.

Эти проблемы хорошо известны экономистам, о них рассуждал еще Аристотель в "*Этике*" В средние века Альберт Великий возражал святому Фоме Аквинскому, утверждая, что при обмене ценность благ должна быть одинаковой; Фома Аквинский настаивал на том, что важен труд, вложенный в ту или иную вещь, и равной должна быть затраченная работа. Субъективности полезной работы противопоставлялась объективность работы как труда. Карл Маркс также не обошел своим вниманием эту проблему: "Никакая вещь не может иметь ценности, если она не является полезной. Труд, затраченный на бесполезную вещь, не создает ценности"

Экономисты смогли разрешить это противоречие, только отступив от понятия ценности и приняв наблюдаемую реальность, в которой ценность рассматривается как эмпирическое проявление стоимости в рыночной экономике при денежном обмене. Данное положение не вписывается в исследования немонетарной экономики и экономики с высоким потреблением продукции самими производителями, как, например, в крестьянском хозяйстве. Эта проблема была изучена Чаяновым (*см.* "*Textes*", pp. 173-198). В современном обществе солидные суммы выделяются большому числу служб, например администрации по обучению. Социолог не может не принимать этого в расчет. Стоимость — одна из центральных тем социологического анализа, и социолог прибегает к помощи экономистов, чтобы понять некоторые феномены и заполнить "психологическими аспектами" эконометрические модели.

Общество предлагает своим членам "идеалы", создающие ценности. Это не просто будущее, о котором мечтают люди. Идеал ориентирует мысли и действия. Как говорил Дюркгейм, "обще-

ство не может существовать, не создав себе идеала" В конкретном обществе ценности организуются в некую систему, или лестницу ценностей, которые должны обладать определенной связью даже при наличии отдельных противоречий. Этнолог изучает эту систему ценностей для всего общества в целом, исследует, что лежит в основе практических нравов и мнений, выражаемых народом. Американский социолог Э.Бэнфилд описал "этос" деревни на юге Италии и подытожил свои наблюдения в формуле "аморального фамилизма[1]": индивиды этой деревни всегда поступают в интересах семьи, не обращая внимания на теоретическую мораль; другими словами, практическая мораль определяется семейными интересами, а не моральными принципами, которые религия, школа и общественные учреждения прокламируют и санкционируют. Этот "аморальный фамилизм" позволил Бэнфилду предсказать, как будут вести себя люди в некоторых ситуациях, определить их "габитус" (см. главу 1).

Этнологами и психологами был проведен сравнительный анализ ценности пяти народов американского Востока: мормонов Юты, американцев Техаса, мексиканцев (или *испано-американцев*) Техаса, индейцев навахо и индейцев цуни. Почти во всех классификациях, составленных на основе отношения этих народов к главным ценностям, американцы (мормоны и техасцы) были противопоставлены мексиканцам, а индейцы располагались между ними. Например, американцы — фундаментальные индивидуалисты, мексиканцы более сконцентрированы на своих обширных семействах, и, если воспользоваться терминологий Бэнфилда, можно назвать их "фамилистами" Поступками американцев руководит уверенность в том, что они — представители будущего, что человек утверждается, подчиняя себе природу. Для них главное — воля и действие. Мексиканцы, напротив, обращены в прошлое, в котором ищут модели поведения; для них важнее быть, чем делать, и так как природа сильнее человека, люди должны подчиняться ей. Отличается у этих двух групп и ценность времени.

Если система ценностей, особенно теоретической морали, должна соответствовать идеологии, мифам и верованиям социальной группы, она должна также соответствовать, в виде практической

[1] Термин "фамилизм" (от *лат.* familia — семья) употребляется для характеристики просемейных систем ценностей, где наивысшее значение по сравнению с остальными благами жизни придается семье и детям.

морали, организации и функционированию социальной и экономической жизни. "Порядочные" крестьяне, воспитанные на деревенской литературе, не могут понять, что отношения в их форме производства, семейной жизни — это отношения локального коллектива. Привязанность к земле, мужество, горение в работе, бережливость — вот необходимые качества труженика, который, будучи хозяином себе, должен сам устанавливать трудовую дисциплину на своем предприятии ради безопасности собственной семьи. Во внутренней группе, которую представляет собой деревня, честность по отношению к соседу сочетается с хитростью по отношению к мошенникам из внешней группы, хотя официальная мораль отрицает всякую нечестность в отношениях. Для французов скрывать свои доходы от налогов — это не воровство.

Изменения социальных структур совпадают с изменениями морали, но данное совпадение не означает, что одни являются причинами других. Современные сельскохозяйственные производители теряют свои сельские добродетели вместе с изменениями системы производства. Лучше других подготовлены к "модернизации" те, кому удалось принять "современную" систему ценностей, которую им внушают школа, молодежное движение и средства массовой информации (пресса, радио, телевидение).

В работе "Протестантская этика и дух капитализма" Макс Вебер, рассматривая связи между кальвинистской этикой и духом капиталистического предпринимательства, не утверждал, хотя некоторые его в этом и упрекали, что кальвинизм — причина или необходимое условие развития капитализма. Рассуждая о "философии скупости", он писал: "Идеал ее — *кредитоспособный* добропорядочный человек, *долг* которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная "этика", отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идет не *только* о "практической мудрости" (это было бы не ново), но о выражении некоего *этоса*, а именно в *таком* аспекте данная философия нас и интересует"[1]. Вот он — "дух капитализма", настоящий этос, подобный достоинствам крестьян или амо-

[1] Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 73—74. Перевод с немецкого М.И. Левиной.

ральному фамильяризму И этот этос позволяет отличать современный капитализм от того, который существовал в Китае, Индии, Вавилоне, в античность или в средние века.

Понятие ценности приводит к сравнительным исследованиям, более систематическим, чем упомянутые в первой главе этнологические исследования (особенно Р Бенедикт). Анализируя социальную жизнь групп, социальные психологи разработали методы изучения популяции с помощью опросов индивидов. Предмет этих исследований — мотивации и позиции, моральные и идеологические ценности, которые поддерживают общие ценности личности. Благодаря социальным психологам французская армия, может, например, узнать, какое место занимает патриотизм в системе ценностей молодежи; американский социолог может разработать тест, предназначенный для описания и измерения системы ценностей, которая, на взгляд городских американцев, характеризует сельскую жизнь.

Анализируя результаты большого международного исследования, Жан Стотцель показал, что *ценности современного мира* в принципе одинаковы для всех западных стран и совпадают с десятью заповедями "Нагорной проповеди" Но каждая нация имеет отличительные черты. Датчане представляются значительно более счастливыми в семье, чем французы, испанцы или бельгийцы. Немцы и датчане считают себя более свободными в выборе, чем итальянцы или голландцы. Среди добродетелей все народы на первое место ставят честность; на вторую позицию итальянцы, ирландцы и англичане ставят хорошие манеры, французы — терпимость, испанцы, датчане и немцы — чувство ответственности.

НОРМЫ И ОБЫЧАИ

Моральные ценности неразрывно связаны с обществом, так как именно в нормах и ценностях осуществляется регуляция жизни индивидов и групп. Изучение норм — весьма сложная задача: если теоретическая разница между ценностью, нормой и общественным мнением достаточно ясна и определена, изолировать социальную норму и изучить на практике ее функционирование в группе значительно труднее. Как и манера поведения, это подчиненная переменная. Но, поскольку манера поведения является фактором, поддерживающим игру мнений, норму можно восстановить, изучая три величины: мнение, поведение и социальный поступок.

Рассмотрим пример: десять человек, сидящих в зале, точно знают, что курить — вредно для здоровья. Это общепринятое мнение представляет собой осознанный выбор, а не просто случайное мнение, и подразумевает, что никто не должен курить. Но такова ли норма в действительности? Совсем не обязательно. Существенное различие между описанной ситуацией и невозможностью курения в классной комнате заключается в том, что за курение в классе грозит наказание. Наказание может быть предусмотрено в регламенте, а может проявиться только в осуждении со стороны окружающих: если кто-либо достает сигарету и зажигает ее, окружающие поворачиваются к нарушителю с осуждающим видом, и в большинстве случаев этого бывает достаточно, чтобы "виновный" погасил сигарету.

Ж. Стотцель, изучавший японскую молодежь, описал, как юноши и девушки в Японии вступают в брак. Юноши женятся в возрасте от 22-х до 34-х лет. В 26 и в 30 лет наблюдаются максимумы, первый из которых относится к молодым людям, еще не пришедшим к окончательному решению по этому вопросу, а второй связан с теми, кто сознательно откладывал свою свадьбу. Эти два варианта хорошо проявляются в беседах. Кривая возраста девушек имеет вид "J": в основном девушки выходят замуж между 22 и 25 годами; это — норма, социальный порядок диктует, что девушка к 25 годам должна выйти замуж. Отметим, что в современной Франции возрастные нормы замужества соответствуют приведенным выше. Этнограф и социальный психолог проводят свои исследования на основании различных методик в разных концах планеты, чтобы прийти к одинаковому выводу.

Между общим мнением и нормой существует определенное различие; члены группы, в которой нарушена норма, как правило, готовы пойти на конфликт. Но можно наблюдать и взаимное влияние мнения и нормы. Нормы постепенно деградируют, никто не стремится их выполнять, им придают все меньше значения, и они становятся предметом для дискуссий. Например, в нашем обществе невинность девушек была фундаментальной нормой, поддерживаемой огромным большинством французов: около 80% опрошенных утверждали, что девушка до замужества обязана сохранять девственность. Но в действительности, когда девушек спрашивали, имели ли они перед свадьбой сексуальные отношения с мужчинами или со своими будущими мужьями, всего 40

или 50% соответствовали провозглашенной норме. Моральные правила и нормы поведения не всегда превращаются в социальную практику Многочисленные мнения также заставляют предсказывать изменения этих правил. Сегодня норма девственности более не является доминантной: она сосредоточена в малых группах. Это не означает, что сексуальная свобода распространена во всех социальных кругах: многие молодые люди имеют только одного социального партнера. Но появление внебрачных связей у молодежи и распространение этой тенденции во всех социальных кругах свидетельствуют об изменении нормы.

Если общественное мнение становится доминирующим, оно приобретает силу нормы. Отрыв от реальности подрывает социальную эффективность соответствующих норм. Отношения, возможные между людьми, позволяют понять, как образуются нормы (“*Changement*”, глава 8).

Исследования Левина, упомянутые во второй главе, позволили высветить некоторые механизмы образования и изменения норм в ограниченных группах почти в экспериментальных условиях.

Другой знаменитый пример — это исследования, проведенные в американской армии во время второй мировой войны, которые упоминает Мертон в главе о референтных группах[1] В военной комендатуре повышение в чинах происходило довольно редко, в то время как в военно-воздушных силах очередные звания присваивались значительно быстрее. Однако опросы показали, что офицеры и унтер-офицеры комендатуры были относительно удовлетворены своими возможностями продвижения по службе, а летчики нет. В терминах индивидуальной реакции это совершенно непонятно, ибо как раз те, что имели лучшие условия, оказались неудовлетворенными этими условиями. Но в терминах норм группы становится очевидным, что в комендатуре, где все ждали, длительное ожидание повышения по службе было “нормальным”, а в авиации, где быстро присваивали новые звания, — тягостным.

Исследования Р.Сенсольё[2], в которых он рассматривал социальные отношения в мастерских и бюро, между рабочими, техниками и служащими, показали, что в каждом виде работы существуют нормы поведения, предписываемые индивиду. Индивид должен

---

[1] *См.* Merton, R.K. Social Theory and Social Strukture. N.Y 1957

[2] *См.*: Sainsaulieu, R. L'identité au travail. Paris, 1977.

изучить их и выполнять под страхом быть отвергнутым коллегами. Рабочих, многократно исполняющих одни и те же задачи, характеризует *их собственный унанимизм*[1]: все различия между индивидами или между группами представляются им как расколы солидарности; они могут участвовать только в коллективных действиях масс, обращаясь к руководителям, чтобы формулировать объекты и способы действий; все индивидуальные действия воспринимаются ими как отклоняющиеся от нормы и приводят к исключению выбивающегося из коллектива индивида.

Служащий, напротив, воспринимает отношения на работе по модели *стратегии*: поскольку он обычно занимает уникальную персональную позицию в иерархии и может действовать только в одиночку, добиваясь своих целей в сражении с другими собственным оружием, для него проблема авторитета — решающая, он управляет делом. Служащие бюро всегда озабочены тем, чтобы получать хорошую зарплату и иметь интересную работу; они ищут компромисс между необходимостью поддерживать отношения с коллегами и своими индивидуальными ценностями. *Ждите и соглашайтесь* — вот их девиз действия.

Если условия работы меняются, модель поведения также меняется. Например, рабочие ополчаются на техников за их предложения отставить унанимизм, чтобы принять персональный план профессионального совершенствования и улучшения карьеры. Модели поведения, определенные условиями работы, предполагают конкретные ситуации и выражают, в свою очередь, реакцию индивидов, особенно процедуру переговоров, индивидуальных и коллективных.

Еще одно исследование касается "движения норм группы", если повторить название известной работы Л. Фестингера[2]. Объек-

---

[1] Унанимизм (от *франц.* unanime — единодушный) — культурное течение во Франции (особенно во французской литературе) начала 20 в., проповедовавшее абстрактный гуманизм и мистический культ надклассового "единодушия"

[2] Американский ученый Л.Фестингер — один из авторов теории когнитивного диссонанса, которая сегодня занимает ведущее место в исследовании закономерностей социального поведения и оказания коммуникативного воздействия на массы. В основе этой теории лежит гомеостазис — индивид стремится уравновесить (сбалансировать) свое поведение, следуя логике связей в системе общих мнений и убеждений. *См.*: Festinger, L. A Theory of Cognitive Dissonance. Evanston, 1957

том исследования были группы студентов в двух университетах (назовем один из них "Восточным", а второй — "Западным"). Студенты, проживающие в университетских домах, имеют ассоциацию съемщиков, призванную защищать их интересы перед лицом владельца — университета. Фестингер задался простым вопросом: "Интересуются ли студенты этой ассоциацией?" Чтобы получить ответ на свой вопрос, он решил выяснить два основных момента: во-первых — *мнение* (благоприятно или неблагоприятно относятся студенты к ассоциации); во-вторых — *активность* (имеются ли среди них лидеры, активные члены; присутствуют ли они на собраниях или пассивны).

В результате опроса было обнаружено, что в Восточном университете в пяти из девяти опрошенных групп большинство относится к этим вопросам положительно и активно; в одной — положительно, но пассивно; в трех — отрицательно и пассивно. С другой стороны, в каждой группе отклоняющихся во мнении по сравнению с большинством было относительно мало, то есть имелось единство взглядов. В Западном университете мнения оказались более однородными: в тринадцати группах наблюдалось активное и положительное отношение, в четырех — положительное, но малоактивное, и ни в одной группе не было отрицательного мнения.

Отсюда можно сделать вывод: существование норм в Восточном университете приводит к тому, что студенты, не сгибающиеся перед обстоятельствами, отклоняются от нормы; в Западном университете те, что отстраняются от общепринятого мнения, не проявляют такого острого противостояния своей группе и нормам.

Между двумя этими группами имеется существенная разница. В Восточном университете ассоциация съемщиков была организована давно. На Западе студенты обосновались значительно позже, к тому же они находятся в отношениях с владельцем жилья не более месяца в году. Соответственно в первом случае могло сформироваться общественное мнение, а во втором — нет. Студенты демонстрируют общее мнение в силу того, что находятся в одинаковых условиях и имеют приблизительно одни и те же интересы. Другими словами, в первом случае поведение и поступки, с точки зрения ассоциации, руководствуются нормами, а во втором — нет.

Можно ли попытаться доказать эту гипотезу?

Если допустить, что в каждом обществе имеются нормы группы, следует также допустить, что мнения людей не связаны напрямую с их индивидуальными характеристиками, поскольку между ними встают групповые нормы.

Индивидуальная характеристика *a priori* важна с точки зрения того, что человек приносит в ассоциацию: прежде всего это время, которое он рассчитывает провести в ней. Тот, кто вступает в ассоциацию на два месяца, интересуется ее проблемами значительно меньше, чем тот, кто вступает на два года. Если верно, что на Востоке существуют нормы группы, а на Западе их нет, влияние индивидуальных различий в Восточном университете должно быть гораздо сильнее, чем в Западном, где нормы группы не вклиниваются между индивидуальными ситуациями.

Опросы великолепно подтверждают высказанную выше гипотезу: в Восточном университете почти не существует разницы между студентами, предполагающими находиться в университете долго, и теми, что поступили лишь на короткое время. В Западном университете ситуация иная: студенты, рассчитывающие провести в университете мало времени, показывают активность в 50%, а те, что собираются учиться долго, — до 72%.

Две категории социальных норм могут быть изучены без обращения к сложной технике социальной психологии. Это нормы, зафиксированные в праве и санкционированные общественным мнением, а также нормы, предписанные обычаями и повседневными поступками. Первые опираются на социологию права, которая показывает, как юридический аппарат адаптируется к социальным изменениям коллектива и как влиять на эти изменения при улучшении законов. Здесь мы не будем подробно останавливаться на этом (см. главу 4).

Хорошо знакомая и достаточно сложная система норм — это система норм вежливости. Принято, что в отношениях между индивидами должны соблюдаться определенные формы. Манера обращения к кому-нибудь, определение того, кто должен первым здороваться, кому нужно пожимать руку, а кому нет и т. д., составляют часть системы, которая подчиняется правилам и воспитывается в процессе социализации. В большинстве случаев мы не нуждаемся в перечислении правил вежливости, чтобы соблюдать их. В каком-то смысле они стали частью нас самих, и лучшее

тому доказательство — это чувство вины, когда по недосмотру мы их нарушаем. Другими словами, индивид применяет к самому себе определенные санкции в соответствии с нормами группы, и соблюдение норм не является только внешней функцией.

Эта интериоризация обусловливает, что часто трудно изменить нормы или даже заметить существование различных норм. Если рассматривать другую страну, где правила приличия отличаются от тех, к которым вы привыкли, поведение людей может показаться вам грубым или странным. Когда глубоко усвоены определенные нормы, трудно не интерпретировать нормы, отличающиеся от привычных, как нарушение известных правил, как желание быть невежливым или безразличным. Стотцель подчеркивает существенную разницу между европейскими народами: в отношениях с чужими итальянцы, ирландцы и англичане придают большое значение хорошим манерам, в то время как французы — терпимости. Французы перешли от концепции социальных отношений, выраженных в терминах вежливости, к ценности терпимости.

Институционализация и ритуализация норм происходят путем интериоризации, а также благодаря сложной системе санкций. В каждой группе существуют механизмы, призванные заставить уважать нормы и применять санкции. Эти механизмы могут быть различных типов. Полиция и магистратура в стране, располагающей юридической системой; дисциплинарный совет в школе; процедуры исключения в ассоциации и т. д. Но институционализация не означает обязательного применения юридических норм. Огромное число институционализированных норм не санкционировано юридически, а просто представляют собой формализацию ожиданий всех по отношению к каждому (см. главу 4).

Правила и нормы, устанавливаемые группой, служат для определенных ценностных ожиданий, они концентрируют ценность в себе самих и благодаря этому относительно стабильны; нормы закрепляются в сознании индивидуальных членов группы и располагают санкциями для укрепления своей стабильности.

Обычно институционализируется не одна норма, а целый ансамбль норм, или, более точно, система норм. В нашем обществе семейные нормы институционализированы. Они могут изменяться в зависимости от эпохи и групп; например, степень уважения, которую должны выражать дети по отношению к своим родите-

лям, варьируется от одной социальной группы к другой и значительно эволюционизирует в последние десятилетия.

В существующих системах нормы зависят от роли; нормы различных ролей знают и принимают все. Дети ожидают, что родители будут вести себя определенным образом, родители ожидают, что дети будут вести себя определенным образом: так в семейной жизни проявляется эта система норм.

Следует обратить внимание на следующий нюанс: существуют различные степени интериоризации. Например, женитьба представляет собой систему норм, и в данном смысле можно сказать, что женитьба — это учреждение, то есть ансамбль институционализированных норм, регулирующих брачные отношения. Но нормы женитьбы не имеют одинакового веса, и не все показывают себя с одинаковой энергией. Приготовление завтрака для мужа не является нормой такого же порядка, как супружеская верность. Каждая пара, как и каждая социальная группа, создает собственные нормы: в одной семейной паре будет расценено как скандал, если муж пойдет куда-то без жены, в другой — это будет вполне нормальным. Существуют как "частные", так и более общие нормы, определяющие женитьбу. Любая семейная пара имеет свои "частные" нормы, но вынуждена считаться с нормами других семейных пар и уважать нормы общества.

Организация представляет собой ансамбль норм, которые укладываются в социальную систему, определяющую, что законно, а что нет в этой системе. В данном смысле женитьба, семья, школа, университет и т. д. являются организациями. В более обычном смысле слово "организация" ("institution") определяет социальную систему, к которой применяются эти нормы. Например, говоря о политических организациях, имеют в виду ансамбль инструментов правительства: ассамблеи, министерства и весь аппарат власти. Эти два аспекта организации одинаково важны, когда хотят понять и познать функционирование организации так же хорошо, как и функционирование норм.

Наиболее употребимые ценности, такие, как безопасность, порядочность, успех, солидарность и т. п., относятся к общему уровню. Затем идет форма, принимающая свои особенности по отношению к определенной роли: таким образом говорят о норме. Например, в правилах дорожного движения безопасность требует определенных мер, которые надо принять, чтобы обогнать другой

автомобиль. Или, например, соотношение норм при сдаче экзамена: честность может оказаться в конфликте с солидарностью; нормы взаимопомощи студентов во время экзамена часто не совпадают с общепринятыми нормами поведения.

СООТВЕТСТВИЕ, ОТКЛОНЕНИЯ И АНОМИЯ

Существование и соблюдение норм — это две различные проблемы. Есть нормы, которые все принимают в любых социальных ситуациях; но многие люди не следуют нормам: это феномен отклонения от нормы путем оппозиции (данное слово не содержит никакого осуждения смысла). Следование нормам может быть восторженным согласием или фактом привитой дисциплины. Люди либо поступают так, как им диктуют нормы, либо пренебрегают нормами.

Если в какой-либо школе составить список всех норм, которые в соответствии с официальными правилами должны выполняться учениками, можно без всякого сомнения констатировать, что в полном объеме выполняют их немногие. В основном ученики лишь приближаются к идеалу в той или иной степени, не неся наказания за отклонение от идеала. Существует определенная терпимость. Даже в церкви от всех прихожан не требуют святости. В любой социальной системе членов этой системы не заставляют безупречно следовать нормам; степень широты взглядов или терпимости является характеристикой группы или системы.

Терпимость варьируется в широких пределах в зависимости от того, как часто появляется в группе новый индивид. Известно, что новички проявляют старание. Это касается новых работников на предприятии, новых студентов, новичков в армии; вновь прибывшие воспринимаются с презрением "стариками" и должны демонстрировать свою солидарность, чтобы быть принятыми в сложившееся общество: они "слишком стараются", как про них вульгарно говорят. Этот гиперконформизм — способ для новичков утвердить ситуацию. Новые члены группы перенимают официальные нормы, а не их практическое применение; они, как железо, крепки к правилам. Освоившись, они уже начинают понимать, как можно "и брать, и оставлять"

Знаменитый эксперимент Милгрэма показывает, что индивид, помещенный в экспериментальные условия, может слушаться пред-

писаний, которые он не одобряет в нормальных условиях. Милгрэм требовал от испытуемого применять к "ученику" (помощнику экспериментатора) электрические удары; чем больше накапливалось неправильных ответов, тем более высокое напряжение подавалось. Несмотря на мольбы и крики, которые издавал помощник экспериментатора, испытуемый "слушался" и посылал все более "опасные" импульсы, 62% испытуемых посылали импульсы в 450 вольт.

Позиция группы влияет на толерантность. Чем более выдающимися качествами обладает индивид, тем больше требуют от него соответствия нормам. Грех кюре гораздо опаснее, чем грехи его прихожан; то же можно сказать о крайне набожных людях и тех, что просто соблюдают религиозные обряды. В группе, где наблюдается определенное соответствие нормам, это относится ко всем, имеющим высокий статус. Длительность пребывания в группе и чувство безопасности или безнаказанности могут привести к некоторому пренебрежению нормами. Другими словами, индивид с высоким статусом может позволить себе то, что индивид с более низким статусом никогда себе не позволит.

Обществ, в которых все действия идеально контролируемы и санкции налагаются автоматически, не существует. И это к счастью. Немногие общества были бы жизнеспособны в условиях, когда каждый промах на виду и за любым отклонением от нормы сразу следуют репрессии. Даже ограниченное общество, такое, как семья, больница или монастырь, предполагает некоторую степень скрытности, или социальной неясности, ведущей к толерантности в применении норм. Подобная "неясность" необходима для хорошего функционирования группы или института. Если бы руководитель знал все, что происходит в его ведомстве, он не смог бы руководить; если бы родители знали все действия своего ребенка, жизнь в семье стала бы невыносимой. "Параллельная жизнь" также является объектом социологических описаний.

Помимо примиренчества и неясности, позволяющих не всегда следовать нормам, существуют также люди, чье поведение отклоняется от общепринятых норм, чья деятельность часто откровенно противоречит этим нормам.

В любой группе, маленькой или большой, некоторые индивиды являются членами группы в меньшей степени, чем другие. Они не очень интересуются делами группы, не связывают с ней

свои надежды и не проникаются ее правилами. В школьном классе тупица — это не только тот, кто стремится "занять место поближе к печке", но и тот, кто не принимает норм школьной жизни и индифферентен к текущим санкциям; отстраненный от школьной жизни, добровольно или нет, он получает наказания, которые мало его волнуют, потому что у него нет ни малейшего желания стать хорошим учеником.

"Маргиналами" становятся по самым различным причинам. Например, "тупица" может быть индифферентен к школе потому, что ничего не ждет от этой социальной системы. Сын обстоятельств, он не видит, чем школа поможет ему в труде; сын семьи, он ждет папиных денег. Для одного предлагаемые цели кажутся недоступными, для другого — они бесполезны и никчемны. Нарушение норм приводит к конфликту норм и ролей. И эти конфликты не исключение. Большинство ролей подразумевает внутренние конфликты (см. главу 4). Например, существует очевидный конфликт между университетской свободой, которая требует, чтобы профессор открыто выражал свое мнение и мог бы преподавать неортодоксально, поскольку у него нет другой заботы, кроме поисков истины, и социальной ролью профессора, который, хочет он того или нет, занимает определенную социальную позицию в обществе; от него ждут, что он будет выполнять нормы общества и, соответственно, выражать общепринятое мнение: нонконформизм профессора противоречил бы его статусу.

Наконец, некий индивид может быть маргиналом потому, что интересуется другой группой, которая является для него группой преобладающих интересов. На всех фабриках некоторые рабочие придерживаются позиции хозяев, считая, что дисциплина недостаточна, а профсоюз бесполезен или даже вреден. Они объединяются с хозяином фабрики и с руководящими кадрами, а не с месячным заработком. Это обычно рабочие, находящиеся на социальном подъеме, те, что самоидентифицируются с кадрами, в которые они когда-нибудь хотели бы попасть. Таков механизм досрочного социализма, выдвигающий на первый план нормы группы, к которой хотели бы принадлежать отдельные индивиды.

Эксперименты Либермана показали, что рабочие, ставшие мастерами, меняют свои взгляды на дирекцию и считают, что прежде они были ретроградами (Lieberman (Либерман), "*Textes*", p. 113-143).

Формы отклонения от нормы зависят от конфликта между ценностями общества и способами, которыми располагают определенные категории людей, чтобы применить свои ценности в повседневной жизни. Мертон продемонстрировал, как характер отношений в американском обществе создает глубокую неудовлетворенность у индивидов, находящихся внизу социальной лестницы, не имеющих надежды на успех, несмотря на миф о *self made man*, согласно которому мальчик-посыльный становится генеральным президентом-директором. Нарушение равновесия между целями и средствами как фазами социальной структуры служит основанием для возникновения состояния аномии. Большинство решает этот конфликт между доминирующими социальными ценностями и их реальным существованием, приспосабливаясь к нормам своих групп и рассматривая ценности общества как идеал, далекий от них самих. Если индивид придает нормам такое значение, что полностью забывает об их реальной ценности, его *приспособленность* к нормам может стать *ритуальной:* это случай чиновника, затерроризированного своим шефом или ревностного бюрократа, ничего не видящего из-за своего стола. Некоторые индивиды вступают в достаточно глубокие конфликты, чтобы изменить ситуацию, добиться определенной *"новации"*, например, чтобы законно или незаконно разбогатеть: так негр становится чемпионом по боксу, итальянец вступает в мафию, а бизнесмен использует не совсем законные методы торговли.

Отрицание и целей, и любых средств ведет к уходу от жизни — *"ретритизму"* (наиболее характерный пример — алкоголики, наркоманы и т. д.).

Отвлечение позволяет избегать конфликтов, одновременно отказываясь от ценностей общества и от норм групп. Люди попрежнему принадлежат к обществу, но реально не являются его частью. Это случай бродяг и монахов, но также и секретарш, живущих в своих сентиментальных мечтах, или человека, погруженного в отрезанную от внешнего мира счастливую семейную жизнь. *"Бунт"*, или *"мятеж"*, представляет собой противоположность отвлечению: индивид отказывается от социальных норм и, переделывая мир, хочет предписать это другим. Все внимание уделяется достижению цели.

Включая поведение, подчиняющееся нормам, эти пять логически возможных вариантов отношения к целям деятельности и

избираемым при этом средствам, установленные Мертоном[1], содержат различные механизмы адаптации индивида к обществу. Хиршманн, со своей стороны, определяет: *exit, voice* и *loyality.* Что можно сформулировать как: выход, мятеж и лояльность.

Крайние отклонения от нормы, такие, как у бродяг или сумасшедших, бывают приняты обществом, и, более того, им даже может быть придана ценность. Во Франции — негативное отношение к бродягам; в Индии отрекающийся отбрасывает все социальные принципы, живет в нищете, но вызывает восхищение, потому что воплощает высшие ценности общества.

Наиболее часто встречающиеся формы отклонения в нашем обществе — это преступления и наркотики. Возникает вопрос: как преступник становится преступником и наркоман — наркоманом? Общество ищет психологические и социальные условия такого отклонения от нормы; адвокат использует социальную ситуацию для привлечения смягчающих обстоятельств. С точки зрения социологии логичнее противоположный вопрос: почему не крадут все? Почему не все употребляют наркотики? В действительности феномен преступности очень крепко связан с молодежью и с нижними категориями индивидов на социальной лестнице. Многие молодые люди периодически совершают кражи, но после 25 лет редко бывают повторные кражи, в этом возрасте воры уже, как правило, рецидивисты. Если молодые люди дружно возвращаются на "прямую дорогу", это потому, что их поддерживают и защищают семьи; когда же отсутствует такая семейная поддержка, отдельные индивиды продолжают карьеру преступника.

В своем классическом исследовании Говард Беккер[2] проанализировал, "как становятся курильщиками марихуаны" Прежде всего происходит обучение технике, потом приходят восприятие эффектов и понимание их вкуса. Только в совокупности трех перечисленных этапов можно полностью прочувствовать наркотик: ...ощущения, порождаемые марихуаной, не являются ни автоматическими, ни даже обязательно приятными. Как у устриц или сухого мартини, вкус этих яств социально обусловлен. Курильщик испытывает головокружение и зуд в корнях волос, ему

[1] *См.*: Мертон Р. Социальная структура и аномия// Социология преступности. М., 1966.

[2] *См.*: Becker, H.S. Outsiders: Studies in the sociology of deviance. Glencoe, 1963.

хочется пить, он теряет чувство времени и дистанции. Все это приятно? Не уверен. Чтобы продолжать употребление марихуаны, надо высказать положительное отношение к этому..." и быть поддержанным группой друзей, которые постараются убедить вас, что нет причин бояться и удовольствие придет[1].

Михаэль Поллак исследовал "жесты невысказанной тождественности" у гомосексуалистов. Гомосексуальная либерализация различает дифференциацию между частной ("настоящая жизнь") и публичной жизнью; семейные связи не располагаются ни в той, ни в другой, они относятся к нейтральной зоне. Как говорил один двадцатипятилетний служащий банка: "У меня две жизни, одна — это жизнь моих родителей, моей семьи, моей работы; когда я нахожусь в своем гомосексуальном кругу, это другая — настоящая жизнь" Такое положение вне общества базируется на конструкциях эго и социальной личности. Оно проявляется очень по-разному в различных социальных группах. Гомосексуалисты из народа ищут убежища в труде, в котором их отличие будет приемлемым или даже ценным: например, в ресторане. В средних городских кругах распространяется оптимистическая оценка будущего гомосексуализма, помогающая переносить трудности повседневной жизни. В высших слоях требования правды и эстетизм часто приводят к подчеркиванию разницы.

Место, которое общество отводит сумасшедшим, дает характеристику самому обществу. В деревенском обществе идиоты и юродивые имеют определенные роли, они полноправные члены деревенской жизни, и их положение определено по отношению к каждому из жителей. В средние века сумасшедшие являлись частью общества и образовывали своеобразную "общину" на подступах к городам; они объединялись в большие группы, подобные религиозным, воплощая полное изменение смысла жизни; они высмеивали владык (шуты короля) и ученых, устанавливали неизреченное знание, перед которым бледнело знание классическое. Сумасшедствие дает смысл разуму, как смерть дает смысл жизни.

---

[1] В данном контексте интересно ознакомиться со знаменитой книгой Томаса де Куинси "Исповедь англичанина — курильщика опиума" Изданная в 1822 г. эта автобиографическая "Исповедь" поразила публику анализом психологии наркомана и необычайной силой в описании грез и галлюцинаций, порождаемых употреблением опиума.

В эпоху, когда смерть была драматизирована и "исключена" из социальной жизни, началось "великое заточение" сумасшедших в лепрозориях, опустевших из-за исчезновения проказы. Затем, в XVII веке, — в госпиталях, где сумасшедших содержали вместе с неизлечимыми больными, преступниками, нищими и другими "асоциальными" элементами, чье существование оскорбляло чувства "нормальных" членов общества, доминирующей ценностью которого были разум и труд. Во времена Революции, когда Конвент послал инспекцию в тюрьмы и госпитали, было с ужасом обнаружено, как там лечат сумасшедших. XIX век рассматривал сумасшествие как болезнь, которую надо пытаться лечить. Если наша эпоха с таким пристрастием занимается психиатрией, очевидно, что она занимается сама собой. Если сумасшедшие не приняты обществом и не удалены от обычной жизни, они неизбежно ставят под вопрос социальный порядок и ценности нормальных людей.

С другой стороны, сумасшествие может рассматриваться как продукт общества. В одном из госпиталей Сены-и-Марны психиатр и социолог были удивлены, встретив пациента, страдающего психозом-молнией: "совершенно нормальный" пациент вдруг впал в состояние непроизвольных движений, требуя применения к себе силы и, необузданный, покончил жизнь самоубийством. Изучение таких случаев почти всегда вскрывает социальную причину: индивид, казавшийся составной частью общества, не имеет никаких контактов с окружающими и живет без социальных отношений; это прежде всего случай аграрного рабочего на больших фермах, который не имеет других человеческих связей, кроме иерархической связи с патроном. "Социальная пустота" (воспользуемся книжным термином), в которой он живет, объясняет кризис, однако не вскрывает его прямой причины. Идеи психотерапии об использовании средств, направленных, с точки зрения психотерапевтов, на агрессивность, показывают, что патология помогает понять нормальные состояния. Контраст между патологией и нормой определяется каждым конкретным обществом: это аналогично общему подходу к данной болезни и образу действия, применяемому к больному.

Наиболее экстремальной аномией, несомненно, является самоубийство, которое, как показал Дюркгейм, может быть поставлено в соответствие с ослаблением норм в обществе. В резуль-

тате аномии, то есть отсутствия норм и законов, индивиды более не знают, каким нормам они должны следовать. Все социальные кризисы несут в себе опасность аномии, даже если основа кризиса в резком увеличении мощи и богатства:

> При изменении условий жизни масштаб, согласно которому исчисляются нужды, не может оставаться тем же... Шкала перевернута; но, с другой стороны, новую шкалу нельзя сымпровизировать. Требуется время для того, чтобы люди и вещи были по-новому классифицированы в общественном сознании. Пока социальные силы, выпущенные таким образом на свободу, не обрели равновесия, их относительная ценность остается неопределенной, и, как следствие, вся регламентация становится через некоторое время несправедливой. Более не знают, что возможно, а что нет, что верно и что неверно, что правильно, что неправильно, каковы требования и законные надежды, каковы те, что соответствуют требованиям (“*Le Suicide*”, p. 280).

Дюркгейм замечательно показал, что количество самоубийств — это индикатор аномии общества в целом или его социальной группы. Под впечатлением большого количества самоубийств в индустрии и коммерции в эпоху индустриального развития, которую он изучал, Дюркгейм заключил, что городское и промышленное общества сильно аномичны, в то время как традиционное общество было иммунизировано своей стабильностью. Последующее развитие показало, что, когда индустриализация прогрессирует, количество городских самоубийств уменьшается и большее число самоубийств наблюдается в сельских районах.

Нормы групп принадлежности и референции влияют на индивида в значительно большей степени, чем нормы общества в целом. Мы уже отмечали, что элементарные и более обширные группы приобретают решительное значение в обществе, называемом массовым. Средства распространения информации (пресса, радио, кино, телевидение) разносят картинки и стереотипы, которые становятся нормами, позволяющими индивидам (ничем не примечательным в массе) знать, как следует себя вести, приспосабливаясь к этим нормам.

ОБРЯДЫ И СИМВОЛЫ

Институционализация ценностей и норм происходит не только благодаря учреждениям, но и благодаря обрядам и символам. Для этнологов обряд можно определить как формализованную и стереотипную последовательность религиозных или магических актов. Этнологи изучают общества, в которых вся социальная жизнь состоит из религии и магии; в нашем обществе, характеризующемся все большей автономизацией святого и религиозного, ограничивать обряды религиозным контекстом было бы ошибочно. Леви-Стросс предостерегает нас от тенденции этнологов всюду видеть магическое и от страха перед табу. Он говорит, смеясь:

> В монографии, посвященной землянам, один этнограф с другой планеты описывает суеверный ужас, мешающий автомобилистам пересечь символический рубеж, просто отмеченный желтой полосой на шоссе; с паническим страхом он бы воспринял наказание в виде столкновения машины нарушителя с другим автомобилем; но мы не испытываем ничего подобного, рассматривая желтую полосу как рутинное дело; мы не придаем ей никакого эмоционального значения; как и во многих других обычных действиях, управление машиной дается само собой тому, кто к этому приспособился, потому что добросовестность, с которой водитель управляет машиной, представляется ему уже в единой концепции мира.

Простейшие обряды являются наиболее значимыми в индустриальном обществе. Но как их определить? Протоколы, церемониалы и, наконец, все правила приличия, должны быть учтены в условиях, когда они предписывают ритуальное поведение; даже на празднике. Семейный обед — это характерный обряд буржуазии XIX века; все жесты фиксированы. Расположение мест каждого из участников соответствует его месту в иерархии: дедушка и бабушка сидят в конце стола с гувернантками, слуги вообще не сидят за столом; отношения полов выражены тем, что мужчины и женщины сидят попеременно. Обеденные приборы и меню подчиняются кропотливо составленным правилам, которые являются продуктами долгого развития и дискуссий хозяек дома. Кос-

тюмы также важны: одеваются специально для обеда. Этот церемониал теперь уже вышел из моды. Развиваются другие церемонии того же типа: например, праздник Рождества, который первоначально воплощался в Рождественской мессе, а трансформировался в ужин у новогодней елки с обменом подарками; рождественский ужин — современное повторение церемониала, к которому прибавляется поцелуй в полночь; праздничный ужин (как и подарки) — это процесс, часто повторяющийся в ритуалах, такой же, как празднование именин Туссена или 11 ноября.

У одного из народов, изученных Э. Ботт[1], народа зонга, людей различают по престижу (обусловленному положением в обществе), власти (олицетворенной с кем-либо) и по формальному рангу в социальной иерархии. Эти три лестницы не пересекаются. На церемонии Кава все располагаются вокруг приготовленной для праздника еды: вождь — во главе, окруженный знатью; простолюдины — во внешнем каре, позиция каждого из них также фиксирована. В других церемониях престижная позиция служит для распределения людей по их месту в деревенской общине. Элизабет Ботт сравнивает эту иерархию с английским правительством, в котором министры, каково бы ни было их социальное происхождение, равны за столом, но во время коронования королевы располагаются в зависимости от своего родства с ней или от положения в иерархии английской аристократии; и бывает, что члены правительства оказываются вне этой системы. Церемония утверждает относительное положение каждого индивида в соответствии с этим принципом организации. Четырнадцатого июля трибуна подчиняется строгому протоколу. В последние годы религиозные и военные ритуалы упрощаются; политика и спорт, напротив, приобретают ярко выраженные черты обрядов: "действа" с костюмами и флажками.

Арнольд ван Геннеп изучал "ритмы переходов"[2], которые во всех обществах переводят индивида из одной группы или категории в другую: рождение, возмужание, свадьба и похороны. Эти обряды всегда включают три этапа: отделение, начало и слияние. Например, католический обряд крещения начинается с отрече-

[1] *См.*: Bott, E. Family and Social Network. London, 1957

[2] *См.*: Van Gennep, A. Les Rites de passage. Paris, 1969 (1-е изд. 1909).

ния от сатаны, затем принимающего таинство испытывают в вере, после чего он приобщается к Церкви. Наиболее интересно анализировать обычаи, связанные с возмужанием, ибо они отмечают момент, когда ребенок переходит в общество мужчин или женщин. Мальчик, становясь мужчиной, должен покинуть мир женщин, чтобы войти в мир мужчин, и ему самому уже предстоит пройти путь от ребенка к взрослому мужчине. Здесь можно выделить три стадии: прощание с миром женщин и детства; пороговую позицию, которая очень часто представляется симуляцией смерти или сродни заблудившемуся в лесу человеку, когда он исчезает из общества живущих; и наконец, приход в мир взрослых. Уход из привычного мира происходит различными способами, часто приносящими страдания или опасными, бывает, что необходима даже некоторая форма анестезии.

Один из обычаев состоит в удалении части плоти индивида; наиболее известное проявление этого обряда — обрезание, которое практикуется и у младенцев, и у взрослых. В других обществах встречается удаление клитора у женщин, причем данный обычай объясняется тем, что это единственный реальный способ сделать женщину совершенной, поскольку клитор похож на пенис. Отрезать мизинец, вырвать зуб, обрезать ногти или волосы — это обычаи, создающие непохожесть: отрезать у себя что-то, чтобы отличаться от других. Люди, которые не обрезаны, — неверующие; женщины, сохраняющие клитор, — не настоящие женщины; человек без тонзуры — не причетник.

Новый обычай связан с астрологией, которая каждому указывает поступки в соответствии с его "знаком", определяющим человека; знак, данный при крещении (или при рождении), материализует судьбу человека и, указывая возраст, одновременно предписывает действия. В нашем обществе позиция индивида часто менее значима, чем его знак или личность, которые приходится фиксировать с помощью ритуалов и символов. В обществе, где индивида определяет положение, люди стараются демонстрировать свои знаки и личности в такой бросающейся в глаза манере.

Астролог также использует магические заклинания, связанные со здоровьем и любовью, якобы оберегая от двух основных рисков общества. Магический ритм позволяет поднять (или создать) беспокойство. Малиновский дал нам знаменитое описание обрядов, совершаемых тробрианданцами, у которых конструкция

лодок, предназначенных для ловли в открытом море, опасна и ненадежна. Ловля в лагуне проста, безопасна и всегда имеет стабильные результаты — рыбу Никакой магический обряд с ней не связывается. Ловля в открытом море технически более сложна: приходится преодолевать волны и уходить далеко в море. Более того, результаты нестабильны, все зависит от наличия косяков рыбы. Чтобы приготовиться к ловле в открытом море, выполняются определенные магические обряды, которые должны оградить от опасности и принести обильную добычу. При строительстве лодок, предназначенных для ближней ловли, никаких обрадов не выполняют.

Обряды, таким образом, одновременно связаны с представлением о вселенной и представлением об обществе и демонстрируют веру и власть.

Они поднимают беспокойство, и чем больше беспокойство, тем более тщательно должны выполняться обряды; если все же случится несчастье, это не означает, что обряды неэффективны, просто они были плохо выполнены или индивид не находился в соответствующем состоянии ума и души. Таким образом, неудача только усиливает веру. Обычаи проявляются и в общественных установлениях: например, церемония свадьбы выражает связанные с ней нормы (девственная белизна платья и сулящий успех дождь риса), олицетворяет союз между двумя родами и слияние кланов (кортеж). Свадьба только с "двумя свидетелями" говорит об отказе от общественных установлений и прославляет дружбу.

Отказ от обряда — всегда вызов обществу, его наиболее глубоким, наиболее очевидным безднам: то, что общепринято считалось правильным и молчаливо соблюдалось, вдруг предстает условностью и, следовательно, становится дискуссионным. Нормы и ценности оказываются поколебленными, и, как следствие, становятся шаткими все социальные институты и их система регуляции. Вот почему, несмотря на видимость, нет ничего более политичного, чем механизмы социальной регуляции: в конечном счете это инструменты социальной власти, а значит — господства. Отказ от вступления в брак молодежи, рожденной после 1968 года, был связан с политической обстановкой и отказом от мужского господства.

В традиционных обществах нормы и обряды принимаются и разделяются всеми, так что обряд может пародировать социальную

организацию. В некоторых индейских племенах Северной Америки "церемониальный клоун" должен в процессе церемонии издеваться над вождем и священником и передразнивать обряды, которые они совершают. У зулусов во время ежегодной церемонии, длящейся четыре дня, женщины, обычно имеющие незаметные роли, "ведут танец" и действуют против правил: они прогуливаются совершенно голые и принимают непристойные позы, затем одеваются мужчинами, вооружаются, занимаются скотом и заставляют мужчин вести себя так, как обычно ведут себя женщины, не выпускают их из хижин, в то время как сами занимают центр деревни. Когда церемония заканчивается, все возвращаются на свои места и выполняют свои обычные роли. Как ни странно, социальный порядок таким отклонением от обычных норм только укрепляется. Ритуальное возмущение изгоняет желание изменять порядок. Этнологические исследования дают тому многочисленные свидетельства: в Руанде, которая была очень иерархизированной страной с каскадом трудноперенос имых обязанностей, крестьянство, находящееся внизу социальной лестницы, имело культ посвящения, Кубандву, некоторое подобие большой братской и равноправной семьи с мифическим королем, который правит сознанием и несет добро всем социальным рангам; прекрасная антитеза деспоту, правившему иерархией каст. Эта вселенная, воображаемая и ритуальная, обращает существующие социальные отношения (Maquet (Маке), "*Textes*", pp. 211-220).

Но в нашем разнообразном обществе каждая группа имеет свои нормы, свои ценности и обычаи, которые к тому же бесконечное число раз модифицировались вместе с обществом. Движение "против общества", развернувшееся после 1968 года и претендовавшее на революционность или, напротив, маргинальность, подобно обществам возвращения к природе, вполне поддается пониманию при таком рассмотрении.

С другой стороны, социальная регуляция представляет собой ставку в борьбе за власть между группами и классами: каждый хочет установить другому свои нормы, ценности и обычаи. Разумно сказать, что "социальная революция вызвана сексуальной революцией" Но, как и в примитивных обществах, наиболее радикальные споры могут в результате усилить систему, которую они собирались победить. Мы к этому еще вернемся, когда будем говорить о социальных классах.

В заключение отметим, что в традиционных обществах можно быть мятежником, т. е. восставать против имеющих власть, чтобы завоевать себе место, без изменения незыблемой системы. В наших обществах, где система власти ставится под вопрос фракцией населения, нельзя стать непокорным, не будучи революционером: если власть вызывает сомнения, речь идет о всей системе власти.

В этом заключается основная разница традиционного общества, принимающего свою систему и никогда ее не пересматривающего, другими словами, никогда не изменяющего себя, и наших индустриальных обществ, в которых определенная сознательность общества приводит к тому, что часть его ставит под сомнение даже принципы политической легитимности. Необходимо подчеркивать легальность и легитимность нашего общества, чтобы предотвратить опасность революции и изменения системы; в традиционном обществе, напротив, даже когда свергают короля и заменяют его кузеном или мятежной группировкой, сама легитимность королевства не вызывает сомнения.

Рекомендуемая литература

Прежде всего, несколько классических социологических произведений и недавно изданных сочинений:

* Émile Durkheim, Le Suicide. Paris, P.U.F.,1960, 462 p.

* Max Weber, L'Éthique protestante et l'esprit du capitalisme. Paris, Plon, 1964, 325 p.

* Talcott Parsons, Éléments pour une sociologie de l'action. Paris, Plon, 1955. Вступление F.Bourricaud (p.1 à 104).

* R.K.Merton, Éléments de théorie et de méthode sociologique. Paris, Plon, 1965, 514 p. (главы V, VII и VIII).

* Jean-Daniel Reynaud, Lès regles du jeu. Paris, Colin, 1989.

* Philippe Besnard, L'anomie, ses usages et ses fonctions. Paris, P.U.F., 1987

* Renaud Sainsaulieu, L'identité au travail. Paris, F.N.S.P 1977

Нормы и ценности в основном одинаковы на западе, но различаются по странам и служат для определения социальной стратификации:

* Jean Stoetzel, Les valeurs du temps présent, une enquête européenne. Paris, P.U.F., 1983, 309 p.

* Pierre Bourdieu, La Distinction, critique sociale du jugement. Paris, Éd. de Minuit, 1979, 672 p.

Количество этнографических описаний обычаев бесконечно:

* Arnold Van Gennep, Les Rites de passage. Paris, Mouton, 1969, 288 p. (1-е издание 1909).

* François Isambert, Le Sens du sacré. Paris, Éd. de Minuit, 1982, 315 p.

* Erving Goffman, Les rites d'interaction. Paris, Éd. de Minuit, 1974.

* Mary Douglas, De la souillure. Paris, Maspéro, 1971.

О сумасшествии:

* Michel Foucault, Histoire de la folie à l'âge classique. Paris, Plon, 1961, 683 p.

* Roger Bastide, La Sociologie des maladies mentales. Paris, Flammarion, 1965, 282 p.

* Erving Goffman, Asyles. Paris, Minuit, 1968.

Опыты социальной психологии представляют полезные сведения по проверке и сравнению:

* Doise, Deschamps, Mugny, Psychologie sociale expérimentale. Paris, Colin, 1978, 264 p.

* Stanley Milgram, Soumission a l'autorité. Paris, Colin, 1978, 264 p.

Об отклонениях от нормы и преступности:

* Howard Becker, Outsiders, études de sociologie de la déviance. Paris, Métailié, 1985.

* Maurice Cusson, Délinquants, pourquoi? Paris, Colin, 1981.

* François Dubet, La galère, jeunes en survie. Paris, Fayard, 1986.

ГЛАВА 6
АКТЕРЫ, СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИИ

Теперь, когда вы получили представление о некоторых основных понятиях современной социологии, перейдем к изучению принципиальных методологических перспектив. Как мы уже отмечали, социология не столько корпус знаний, который можно просто выучить, сколько отношение к социальным фактам, способ ставить и анализировать проблемы, а это требует прогрессивного обучения ума. Нет необходимости погружаться в тонкости гносеологии и в споры, сопровождающие методологию. Достаточно уточнить смысл терминов, часто употребляемых в социальных науках.

ФУНКЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ИЗБЫТОК

Слово "функция" взято из бытового языка, где используется в различных смыслах, показывающих "полезность чего-либо": ложка служит для еды, следовательно, ее функция — помогать тому, кто ест. Термин приложим к самой функции и к человеку, который ее выполняет. Так, например, мэр может выполнять лишь видимость своих функций, а не то, чему он призван служить. Отсюда родилось слово "функционер": функционеры — это люди, выполняющие свои функции.

Но есть и математическая функция. Если сказать, что "Y" является функцией "X", значит, каждому значению "X" соответствует значение "Y" В очень ограниченном смысле слово "функция" используют и социологи. Например, когда говорят, что интенсивность рождений является функцией доходов индивидов, устанавливают функциональную связь (в математическом смысле термина) между двумя интенсивностями. Функции этого вида могут быть представлены графически.

В биологическом значении слова (например, функция органа) термин "функция" также используется социологами, когда речь идет об определенной функциональной зависимости между цивилизацией и персоналиями. Чтобы не встревать в дискуссии, будоражащие этнологию и социологию последние двадцать лет, достаточно будет сказать, что слово "функциональный" означает "определенное соответствие" С другой стороны, когда говорят о функции, подразумевают функционирование общества, которое отождеств-

ляют с некой машиной. Эта аналогия приводит к восприятию индивидов как "колесиков в механизме общества" и приписыванию определенных функций этим колесикам, чтобы анализировать социальные механизмы. Представление об обществе как о машине — это просто картинка, ведущая к риску впасть в заблуждение, так же как и еще более ясная и близкая картинка человеческого организма. В прошлом веке Спенсер прельстился органической моделью эволюции социальных систем, пытаясь увидеть в обществе аналог организма человека, что привело его к ошибкам и заблуждениям, особенно в использовании термина "функция"[1].

Сравнение с машиной или с человеческим организмом весьма соблазнительно для этнологов, отправляющихся в дальние страны, чтобы открыть небольшое ограниченное общество. У них складывается впечатление, что изучаемое общество представляет собой нечто хорошо "функционирующее" Следовательно, имеются функции и функциональные связи между элементами этого маленького мира.

Б. де Сен-Пьер говорил, что дыни разделены на дольки, чтобы их могли есть всей семьей. Мишле восхищался гармонией природы, тем, что дитя имеет мать, которая заботится о нем, когда он приходит в мир. Эти наивные упражнения в финализме смешны, однако нельзя пренебречь высказываниями таких мыслителей, как Б. де Сен-Пьер и Мишле. Они подчеркивают большие опасности, которые влечет за собой функциональный анализ.

Текст великого английского этнолога Рэдклифф-Брауна[2] наглядно иллюстрирует приведенное выше положение:

> Функция социального обычая — это его взнос в общественную жизнь, рассматриваемую как ансамбль функционирующих социальных систем. Данное определение предполагает единство социальной системы (структурный ансамбль общества с его обычаями, которые представляют собой манифесты структуры и залог непрерывности). Мы можем назвать это единство функционирующим и определить его как состояние сплоченности или гармоничной кооперации между всеми элементами социальной системы, отодвигающей конфликты, которые невозможно урегулировать.

---

[1] *См.*: Spenser, H. Principles of Sociology. N.Y., 1876 – 96.

[2] *См.*: Radcliffe-Brown, A.R. Structure and Function in Primitive Society. London, 1952.

Такой педантичный исследователь, как Радклифф-Браун, приходит к заключениям, аналогичным высказываниям Б. де Сен-Пьера или Мишле. Подобный "райский" взгляд на гармоничное функционирование общества приводит к мысли, что каждый элемент общества имеет свою функцию. Как утверждал Малиновский: "Функциональный анализ культуры исходит из принципа, что во всех типах цивилизации каждый обычай, каждый материальный объект, каждая идея и каждое верование исполняет некоторую важную функцию"[1].

Еще до Малиновского и Рэдклифф-Брауна, Дюркгейм подчеркивал существование в обществе нефункциональных элементов, то есть элементов, у которых нет функций. Дюркгейм объединял их с социальными пережитками, когда-то имевшими функции и потерявшими их, но продолжавшими существовать.

Эти пережитки хорошо описывает американский антрополог Клакхон. Довольно наивно он пытается объяснить, почему в мужском костюме на рукавах пришивают пуговицы:

> Пуговицы на рукавах мужских европейских костюмов, теперь бесполезные, заменяют функцию сохранения обычаев и поддержания традиции. Вообще людям приятнее, если они чувствуют определенную непрерывность в поступках и следуют социально принятым обычаям.

Такого объяснения явно недостаточно, можно даже сказать, что его просто нет: все дело, по определению Клакхона, в "функции" сохранения и в укреплении тех, кто следует обычаям. В действительности в обществе можно наблюдать элементы, не имеющие функций.

Более того, существуют дисфункциональные элементы. Традиционные функционалисты не говорят о них. Гармоничное видение мешает им заметить, что некоторые элементы играют роли, в корне противоположные функциональным.

Мишель Крозье проанализировал проблемы функционирования и дисфункционирования бюрократии. Чтобы функционировать, общество усложняется и варьируется в соответствии с необходимостью в специалистах и в управленческой "рационализации" Следом развивается бюрократия, причем ее функция состоит в том, чтобы рационально управлять обществом. Но, разра-

[1] *См.*: Malinowski. B. A Scientific Theory of Culture. Oxford, 1944.

стаясь, бюрократия имеет тенденцию становиться дисфункциональной, аккумулировать бумаги, правила, связи с другими бюрократическими структурами и т. д. Заменяя управление, она запрещает всякие изменения. Бюрократический механизм, предназначенный для лучшего управления обществом, в определенный момент начинает препятствовать хорошему управлению (см. главу 9).

Функционализм упрекали в том, что он насаждает в социологии консервативную идеологию. В действительности, если считать, что все в обществе функционирует, можно предположить, что "все функционирует хорошо" Социологические этюды рискуют прийти к выводу, что вещи сделаны так, потому что они должны быть такими (ну чем не доктор Панглосс?). Однако чистый и, возможно, эмпирический функциональный анализ, не консервативный, а революционный, может восполнить очевидные функции социальных институтов и при случае найти им замену. Если можно заменить один институт другим и удовлетвориться выполнением той же функции, можно построить и функциональные "утопии", определив условия их реализации. Такой возврат к причинам социального порядка является одной из основных способностей функционального анализа и дает определенную силу социологии, которая начинает вызывать тревогу у существующего режима. Именно поэтому при тоталитарных режимах социология находится в загоне.

ПРАВИЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Чтобы избежать опасностей функционализма, исследователи, изучающие функционирование социального ансамбля, должны соблюдать некоторые правила. Эти правила — не более чем кодификация здравого смысла. К. Дэвис (*"Textes"*, pp. 145-172) отказывался видеть в функциональном анализе особую технику исследования, считая его интеллектуальным образом действия, общим для всей социологии, даже для антифункционалистской ее части.

Первая заповедь функционального анализа гласит, что любой социальный элемент должен быть помещен в соответствие с определенной социальной группой. Не бывает функций, относящихся абстрактно ко всему обществу. Функция всегда относится к какому-нибудь элементу общества. Один и тот же элемент может быть функциональным с точки зрения какой-либо социаль-

ной группы, дисфункциональным с точки зрения другой группы и афункциональным с точки зрения третьей.

В качестве примера рассмотрим старое утверждение, принятое как революционерами, так и консерваторами: "религия усыпляет народ" "Спящий" народ устраивает консерваторов, но неприемлем для революционеров. В XIX веке неверующие либералы считали, что кюре — лучшие жандармы для общества. На что Маркс отвечал: "Религия — опиум для народа" В то же время все дружно думали, что основная функция религии — интегрировать общество, влиять на его спаянность. В обществе, исповедующем единственную религию, принятую огромным большинством народа, как во Франции XIX века, результатом усиления католической религии является укрепление равновесия социальных структур в данный момент. В обществе, имеющем многочисленные религиозные течения, как, например, в Соединенных Штатах, секты, напротив, играют социально объединительную роль для своих членов, но одновременно — дисфункциональную роль для всего американского общества, в котором сражаются различные религии. Религиозные конфликты становятся объединяющим фактором для Соединенных Штатов. Можно сказать, что социальные конфликты играют функциональную роль на других уровнях (см. главу 11). Как бы то ни было, дискуссия показывает, что одно и то же понятие, религия, может иметь как функциональную роль — с точки зрения одной социальной единицы, так и дисфункциональную — с точки зрения другой. Иран, Ливан, а также Ирландия, дают исчерпывающие примеры неоднозначной роли религии.

Вторая заповедь функционального анализа связана с замещением функций: одна и та же функция может оказаться заполненной различными социальными элементами в соответствии с требованиями места и времени; один и тот же социальный элемент может менять свои функции в различные моменты времени.

Дюркгейм приводит замечательный пример из римского права: *Pater is est quem justae nuptiae demonstrant* — ребенок, рожденный в браке, является ребенком отца. Это правило подразумевало преимущественное право отца на ребенка. В нашем законодательстве функция данного правила радикально изменилась и направлена лишь на то, чтобы у ребенка был отец. В римском обществе быть настоящим мужчиной означало быть отцом; в со-

временном обществе трудно растить ребенка без отца, поэтому интересы детей охраняются законом. Так, юридическое правило (социальный элемент), имевшее определенную функцию в одном обществе, приобретает "обратную" функцию в другом обществе. Совсем недавно эта современная функция старого правила была усилена законом, разрешающим отцам официально признавать внебрачных детей, все с той же целью — дать ребенку "настоящего" отца.

A contrario[1], поиски функциональных эквивалентов — это очень плодотворные перспективы анализа для социологии. Существуют функции, которые следует наполнить, и, в зависимости от общества, определенный общественный институт или элемент их наполняет. Например, одной из функций семьи является социализация и обучение детей. В "примитивных" обществах эту функцию выполняет только семья. В нашем обществе, напротив, социализация и образование поделены между семьей и другими институтами, особенно школой, движениями молодежи и средствами информации. Очевидно, что социализация детей не одинакова в этих двух случаях: следовательно, одна и та же функция может наполняться различным содержанием.

Третья заповедь функционального анализа приводит к необходимости анализировать разницу между явными и неявными функциями, между видимыми элементами или институтами и скрытыми, но не менее важными, функциями этих элементов или институтов.

Мертон в своем анализе политической машины Соединенных Штатов объясняет, почему люди ошибаются, возмущаясь системой *боссов* и политического *рэкета*, игрой и проституцией. Если политическая машина существует и реагирует на все попытки большого "политического очищения", это потому, что она выполняет необходимые функции в американском обществе. В результате, если кто-то захочет ликвидировать политическую машину, ему надо будет найти ей заместителя, который выполнял бы те же функции, скрытые и явные, по отношению к людям и социальным группам: помощь, защита и т. д.

Другой пример: с точки зрения юристов и конституционалистов, политические кризисы при IV республике были направле-

[1] A contrario — напротив, с другой стороны (*лат.*).

ны на создание нового правительства. С тех пор кризисы считались нежелательными, потому что они препятствовали необходимой стабильности правительства, политическим винтикам, предназначенным для принятия важных решений. Но более тщательный анализ показывает, что кризис происходил каждый раз, когда надо было принимать важное решение. Следовательно, "реальная функция" кризиса заключалась в том, чтобы принимать решения, а "реальная функция" правительства — в выполнении решений, принятых во время кризиса. Парадоксально, но можно утверждать, что система власти IV республики была основана на кризисе — фундаментальном механизме принятия решений. Когда проблемы не наваливались всей своей тяжестью и не требовали срочного решения, примерно раз в пять или шесть месяцев кризис способствовал разрешению какого-то количества проблем. Во время кризиса политические руководители дискутировали до принятия решения, которое в результате представляло собой лишь переориентацию политики, и можно было создать правительство из тех же людей, чтобы его подтвердить. Но когда сложные проблемы буквально не давали вздохнуть, кризисы следовали один за другим, и за решением второстепенных проблем глобальное разрешение главного кризиса постоянно откладывалось, трансформируя правительственный кризис в кризис режима.

Скрытые и явные функции нужно отличать от мотивов индивидов и от значения, которое последние придают своим действиям. Без сомнения, отдельные политические деятели IV республики были довольны кризисом, но что касается политиков вообще, для средней Франции кризис — это скандал; чтобы его остановить, следует найти другой механизм принятия правительственных решений.

В эмпирических решениях исследователь подобен этнологу: он должен заметить все мельчайшие подробности, в процессе утонченного изучения которых могут проявиться скрытые функции.

Функциональный анализ всегда базируется на социальной системе: можно сказать, что в какой-то степени это внутренний анализ: поиск функциональных связей между различными элементами возможен лишь внутри функционирующей системы. Исследователь, углубившийся в недра функционирующей системы, приходит к необходимости понять, как и почему она функционирует, и по-

следовательно объясняет ее функционирование. С помощью функционального анализа очень сложно рассматривать социальные изменения. Социология должна не только понять функционирование общества в момент "T", но и попытаться узнать, как общество переходит от момента "T" к моменту "T´", как соотношение между функциями может быть изменено или, иначе, как функции социального ансамбля могут быть преобразованы.

ПРИЧИНЫ И ПРИЧИННОСТЬ

Функциональный анализ близок к причинному анализу, который связан с большими трудностями. Перефразируя Бэкона, можно сказать, что бывают случаи, когда "A" предшествует "B" и все модификации "A" сопровождаются модификациями "B", а остальные переменные постоянны. Но на практике предшествование очень трудно устанавливается в социальной сфере; на самом деле наблюдаются разнообразные соотношения между "A" и "B":

* "A" влечет за собой "B",

"B" влечет за собой "A",

"A" и "B" находятся в круговом соотношении, вытекая друг из друга,

* "C" действует одновременно на "A" и на "B"

В обществе на один и тот же объект никогда не действует лишь одна причина; причинная схема всегда более сложна, например: "A" имеет влияние на "X", "Y", "Z" Существуют соотношения между "X", "Y", "Z", и, кроме того, "A" испытывает обратное влияние со стороны "X", "Y", "Z" Пытаясь объяснить склонность к голосованию за правых, можно заметить, что религиозная ориентация и обладание имуществом коррелированы с голосованием; определенную роль играет и возраст: пожилые люди, как правило, владеют солидным имуществом и склонны голосовать за правых. Там, где можно воспользоваться количественным критерием, как в данном случае, прибегают к статистическим методам, более или менее тонким, чтобы измерить относительный вес каждой "причины"

В социологическом анализе лучше избегать употребления слова "причина", которое создает обманчивое впечатление научного факта. Более скромным и соответствующим наблюдению будет утверждение: "A" зависит (частично) от "B".

В анализе общества интерес представляют не изолированные элементы "А" и "В", а соотношения между ними в общей структуре. Если существует функциональная связь между "А" и "В", "А" является причиной "В", но одновременно и "В" является причиной "А" Это знаменитая проблема курицы и яйца: если у вас нет яйца, не будет и курицы, и наоборот. В социальных реалиях "круговая" причинность создает взаимные, а не односторонние связи между элементами.

Благодаря кибернетике несколько лет назад проявился так называемый аспект обратной связи, или по-английски — *feedback.* Обратная связь применяется, например, в термостатах на кухне: печь нагревается, и когда она достаточно нагрета, термостат прекращает нагрев. Затем, когда печь охлаждается, термостат снова включает нагрев. В обществе многие системы относятся к такому типу.

СТРУКТУРЫ И СТРУКТУРАЛИЗМ

Принцип Декарта, идти от простого к сложному — неприменим к социальным наукам, где необходимо все время соотносить простые элементы с совокупностью, частью которой они являются. Элемент, изолированный от совокупности, не имеет никакого смысла. Это наблюдение было сделано гораздо раньше, чем появились "социальные науки" Еще Паскаль говорил:

> Части мира находятся в таком соотношении и в такой связи друг с другом, что я считаю невозможным знать одну без другой. Все вещи обсуждаемы и говорящи, получают и оказывают помощь, опосредствованны и непосредственны, все они переплетены натуральными и бесчувственными связями, которые связывают самых отдаленных и самых различных; я считаю невозможным знать все, без того, чтобы хорошо знать части.

Этот постулат структурного анализа — второе фундаментальное положение социологии в области, где он может быть противопоставлен функциональному анализу. Некоторые думают, что на практике функциональный и структурный анализ — одно и то же.

Система представляет собой совокупность элементов, между которыми существуют определенные связи; любые изменения элемента или связи приводят к изменению других элементов или связей и, следовательно, всей системы. Структура системы — это как раз то, что социолог хочет объяснить, и структурный анализ состоит в том, чтобы рассматривать ансамбль фактов как систему. Значащими словами являются "элемент", "отношение", "структура", а не функция и не функционирование.

Это приводит к тому, что уже не раз подчеркивалось: общность, ансамбль существенно отличаются от суммы их частей, а социальная группа — от суммы индивидов. Невозможно понять ансамбль общества или организации, не поняв связей между элементами и способов, которыми эти элементы расставляются.

В предыдущих главах мы уже говорили, что социальная роль, социальная позиция, цивилизация или социальный класс не являются "реальностью" В реальности не существует социальной роли. Это концепции для анализа, абстрактные инструменты, с помощью которых реконструируют интеллектуальную систему, отвечающую социальной реальности, но которые не "включены" в нее. В этом — все проблемы структуры и структурного анализа; забвение данных принципов приводит к бесконечным дискуссиям относительно концепции структуры.

Социологи, экономисты и этнологи сражались между собой, чтобы выяснить, что такое социальная структура. Уважающие факты этнологи пытались в "социальной реальности" найти социальные структуры. Они говорили: "Я наблюдаю социальные отношения и способ их организации, это — социальная структура, образующая костяк общества" Такой "реалистический" подход порождает неразрешимые философские проблемы, препятствует ходу рассуждений и усложняет соотношения между социологической теорией и эмпирическими исследованиями. Позиция "номинализма" наиболее эффективна и формулируется следующим образом: вот реальность, я ее наблюдаю, вытаскиваю из нее некоторое число элементов; из этих элементов я строю систему отношений и пытаюсь понять, соответствует ли она тому, что видел я, и тому, что видели другие. В конце концов данная система отношений может прийти в соответствие с какой-нибудь иной, образованной в другой социальной системе.

Социология работает с интеллектуальными моделями и построениями, а не с самой реальностью. Эта номиналистическая позиция наиболее плодотворна для эмпирических и теоретических исследований. Например, очевидно, что невозможно измерить, определить, сосчитать членов одного социального класса, физически не существующего в обществе. Однако возможно сконструировать модель социального класса в данном обществе, исходя из идеального типа класса, предложенного Марксом, и попытаться понять функционирование этого общества на основании фактов, наблюдаемых в схеме классов (см. главу 10).

На этой стадии анализа модель, схема, фигура, идеальный тип могут рассматриваться как синонимы, благо что имеется твердое различие между эконометрической моделью и идеальным типом Макса Вебера. Последний ясно объяснил:

> В заголовке стоит несколько претенциозно звучащее понятие — *дух* капитализма. Что следует под этим понимать? При первой же попытке дать нечто вроде "дефиниции" этого понятия возникают известные трудности, вытекающие из самого характера исследовательской задачи.
>
> Если вообще существует объект, применительно к которому данное определение может обрести какой-либо смысл, то это может быть только "исторический индивидуум", то есть комплекс связей, существующих в исторической деятельности, которые мы в понятии объединяем в одно целое под углом зрения их *культурного значения*[1].
>
> Однако, поскольку подобное историческое понятие соотносится с явлением, значимым в своей индивидуальной *особенности,* оно не может быть определено по принципу "genus proximum, differentia specifica"[2], то есть вычленено; оно должно быть постепенно скомпоновано из отдельных составных частей, взятых из исторической действительности. Полное теоретическое определение нашего объекта будет поэтому дано не в начале, а в *конце* нашего исследования. Другими словами, лишь в

[1] Модифицированное риккертовское определение "исторического индивидуума"

[2] Genus proximum, differentia specifica — близкое по роду при специфических отличиях (*лат.*).

ходе исследования (и это будет его наиболее важным результатом) мы придем к заключению, как наилучшим образом, то есть наиболее адекватно интересующей нас точке зрения, сформулировать то, что мы здесь понимаем под "духом" капитализма[1]

Этот текст предельно ясен: нельзя давать определения социальным реальностям *a priori*. Только на основании изученных реальностей можно выделить элементы, рассматриваемые как важные, и сконструировать концептуальную схему данной реальности. Таково фундаментальное понятие структуры. Как выделить важные элементы и соотношения между ними? Как определить элементы и присвоить им их значения?

К этому приводит понятие уровня анализа. Чтобы элементы соответствовали друг другу, необходимо, во-первых, чтобы они были четко определены, а во-вторых, чтобы они принадлежали к одной области или к одному ансамблю. Определить элемент реальности и выделить его с некоторой степенью абстракции из общности — операция крайне трудная: где можно "резать" реальности? Разрезая курицу секатором, нетрудно наделать кубов, невзирая на ее анатомию. Если же резать по скелету, куски будут представлять собой "структуру", которую можно восстановить.

В некоторых областях это сравнительно легко, и структурный анализ способствовал здесь революционному прогрессу. Прежде всего это касается лингвистики и изучения родственных отношений. Ансамбль правил женитьбы образует замкнутую систему, в которой элементов немного и они легкоуловимы. Здесь прямо применяется структурный анализ, обнаруживающий "структуры", скрытые для этнологов, которые рассматривают свои правила как обычаи, странные и уникальные, и исследуют их вместо того, чтобы искать связи, образующие структурированную систему. При исследовании языка система более обширна; будучи безграничной, она тем не менее едина, и ее элементы, один раз определенные, могут прямо анализироваться.

---

[1] Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 70—71. Перевод с немецкого М.И. Левиной.

Этнологи или лингвисты работают с конкретным материалом. Но когда экономист или социолог изучает более сложные социальные ансамбли или аспекты общества, которые не так очевидно классифицируются, познание элементов и связей между двумя или более элементами начинает относиться к области интуиции, а не простого анализа: исследователь препарирует действительность, чтобы создать системы для анализа, а не для того, чтобы насладиться видом разреза. В этом заключена основная трудность социологических исследований. Макс Вебер сумел принять на макросоциологическом уровне, на уровне поведения и на теологическом уровне элементы, которые он расценил как фундаментальные: поведение идеального предпринимателя и теологическую мораль посткальвинизма.

Высвободив структуру в определенном секторе общества и найдя аналогичную или гомологичную структуру в другом секторе, а затем совместив их, социология приходит к заключению, что фундаментальная структура объясняет различные аспекты общества. Если в цивилизации находят определенное число фундаментальных черт, позволяющих восстановить ее идеальную схему и если люди, живущие в этой цивилизации, также имеют определенное число фундаментальных черт, соблазнительно установить связь между структурой индивида и структурой общества, как мы это делали в первой главе. Однако "конкретная" социальная структура или базовая "персона" общества не обязательно будет здесь присутствовать.

Этнолог, изучающий структуру родственных связей, пренебрегает реальностью ради теории. Нас же интересует реальность. Когда соотношение между первоначальной теорией и "структурой" очевиднее, чем отношения между "фактами" и структурой, результаты оказываются менее сенсационными. Мы не удивимся, найдя математический закон, характеризующий исследуемый объект, и испытаем чувство откровения, обнаружив этот закон среди этнологических и лингвистических фактов: вместо того чтобы располагать структуру в мозгу наблюдателя, мы испытаем желание приблизить ее к реальности, и "структурализм" будет служить средством определения порядка, "эссенции" социальных отношений, но это будет только иллюзия.

Что касается структурализма и функционализма, то здесь возникает вопрос: существует ли хоть один метод, который мож-

но было бы определить как структурный или функциональный? На этот вопрос хорошо ответил Раймон Будон:

> Да, если слово "метод" употребляется в общем смысле, если говорят о структурном методе как об экспериментальном и признают, что по образцу экспериментального метода структурный метод можно более или менее легко применить с тем или иным эффектом для определенных объектов. Когда же под словом "метод" подразумевают доктрину или технику, которую можно разрешить в несколько магической манере, проблемы остаются нерешенными: несмотря на структурализм, макросоциология (от Монтескьё до Вебера или Парсонса) меньше способствовала прогрессу, чем лингвистика (от Трубецкого до Шомски)[1].

СИСТЕМЫ, МОДЕЛИ И ТЕОРИИ

До сих пор слова "структура", "тип", "схема", "модель" употреблялись равнозначно. В текущих исследованиях в социальных науках обычно предпочитают использовать менее претенциозные слова "схема" или "фигура", которые способствуют желанию упростить реальность и приводят социологию к образованию системы из разрозненных фактов. Можно также схематизировать некоторый набор связей между определенным количеством элементов системы.

Идея "модели" уже сложнее. Бывают модели и модели. "Понятие структуры соответствует не эмпирическому понятию, а модели, сконструированной из него, и это главное", — писал Леви-Стросс. И далее он добавлял: "Во-первых, модель представляет характер системы. Она состоит из таких элементов, что любая модификация одного из них влечет за собой модификацию всех остальных. Во-вторых, все модели принадлежат к одной группе преобразований, причем каждая соответствует другой модели из той же группы, так что ансамбль этих преобразований составляет группу моделей. В-третьих, свойства, отмеченные выше, позволяют предвидеть, как будет реагировать модель в случае изменения одного из ее элементов. Наконец, модель должна быть сконструи-

[1] *См.*: Boudon R. A quoi sert la notion de structure? Paris, 1968.

рована таким образом, чтобы ее функционирование соответствовало всем наблюдаемым фактам"[1]

Модель гораздо претенциознее схемы; она стремится восстановить функции в структуре, так что можно предсказать изменения в системе, когда модифицируют элементы и их отношения. С точки зрения теории модель представляет собой миниатюрную функциональную схему социального ансамбля. Опираясь на одни и те же данные, можно построить различные модели, соответствующие различным теориям.

Как ни странно, трудно сказать, что такое теория в социальных науках и особенно что такое хорошая теория. Во введении мы уже отмечали, что социологи, подобно другим исследователям, "конструируют" объект исследования, исходя из реальности, от которой они потом абстрагируются. Конструирование объекта делается на основании руководящей идеи, еще не обязательно представляющей собой теорию. Руководящие идеи могут быть идеями здравого смысла, уточненными и трансформированными в соответствии с концепциями, строгими, как только возможно: хорошая концепция должна допускать только одно толкование; многозначность руководящих идей приводит к неуверенности и вызывает противоречия при конструировании объекта исследования. Далее мы, например, увидим, что термин "семья" имеет два смысла и желательно заменять его терминами "родители" и "семейная группа", чтобы разделять эти два важных понятия.

а) *Установление концепции* является первым шагом к теории: это часто приводит к словарным дискуссиям, которые могут показаться профанам "византийскими", а значит — очевидными. Это ошибка: немного византийства вначале оберегает от конфузов в дальнейшем; все науки должны создавать свой словарь, даже если этот словарь раздражает неофитов, что особенно наглядно при рассмотрении социальных классов.

б) Однажды собрав и проанализировав "факты", социология сильно подвержена желанию *интерпретировать "post factum"* то есть делать простые комментарии, искать порядок в данных и находить в них смысл, "объяснять" их. Если для этого используют хорошо доказанную теорию — прекрасно; но более часто до-

[1] *См.*: Lévi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris, 1958.

вольствуются аналогиями, интерпретацией ad hoc[1], частичной и нескоординированной, дающей ложное чувство понимания и не стимулирующей работу. Нередко исследователи сталкиваются с различными соотношениями и не имеют средств определить, какие из них правильные. Изучение американских солдат во время войны позволило сопоставить число нервных депрессий и уровень инструктирования.

В результате была составлена простая таблица:

	депрессия: большая	депрессия: малая	
	1	2	высокий
	3	4	низкий

} уровень подготовки

Интерпретация полученных результатов очевидна: клетка 1 соответствует высокому уровню подготовки и состоянию сильной депрессии, следовательно, длительные занятия делают солдат чувствительными к сложным условиям казармы; высокая степень депрессии в клетке 3 показывает, что плохой инструктаж практически не готовит солдат к адаптации в новой ситуации. Как предсказать результат и какое значение приписать интерпретации?*

в) Эмпирические исследования устанавливают закономерности, подобные рассмотренной выше: если встречается "А", имеются все шансы обнаружить и "В" Это то, что можно назвать *эмпирической генерализацией:* высказывание, подразумевающее постоянные отношения между двумя или несколькими переменными. Социальные науки накопили значительное количество таких высказываний. Например, в знаменитом законе Энгеля утверждается, что доля расходов на питание меняется обратно пропорционально росту бюджета. Этот закон, который в принципе подтверждается, имеет исключения. Часто проявляющаяся простая констатация может служить основой для теоретического анализа. Однако это еще не теория, а просто аккумулированное зна-

[1] Ad hog — для данного случая, для этой цели (*лат.*).

* Для тех, кому интересно, могу добавить, что самый высокий показатель нервных депрессий зафиксирован в клетке 3. — *Прим. автора.*

ние, которое правит в эмпирических исследованиях, то есть в установлении фактов.

г) *Настоящая теория* — это ансамбль логически обоснованных высказываний, позволяющих установить порядок в большом количестве фактов и провести их эмпирическое обобщение. Теория, обобщающая только один факт или только один вывод, рискует стать всего лишь интерпретацией *post factum*; она может доказать какие-то версии, риторические или идеологические, но любой факт или эмпирическое обобщение всегда доступны объяснению с точки зрения всевозможных "теорий" Настоящая теория должна описывать большое количество фактов, практически не оставляя шансов какой-либо другой теории также их описать. С другой стороны, обоснованность теории будет выше, если она дает возможность получить специфические выводы, поддающиеся эмпирической проверке.

В действительности теорию нельзя проверить; она может описывать новые факты до тех пор, пока не обесценится другими фактами: тогда отработанную теорию заменяют новой, "лучшей" которая опишет большее количество фактов. Теория — это инструмент для временного пользования. Как только исследователь сформулирует новую гипотезу и сконструирует объект исследования, старую теорию отправляют на заслуженный отдых.

В своей книге о неравенстве шансов Раймон Будон приводит великолепный пример использования моделей в социологических исследованиях. Рассуждая в терминах причин или факторов, влияющих на социальную мобильность, можно прийти к тезисам, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Например, то, что дети рабочих редко попадают в "верхние эшелоны", одни объясняют тем, что их не пускает туда мотивация; другие, напротив, считают, что в этом повинна школа —распространитель буржуазной культуры, отбрасывающей детей рабочих. Оба тезиса равно правдоподобны и взаимно не исключаются; никакой способ измерения не позволит установить, какая из этих двух причин является главной: культурное наследие или уровень стремлений.

Отказавшись от подобных безвыходных рассуждений, Р.Будон сконструировал простую и рациональную модель, в которой школьное обучение представлено как последовательность восьми фильтров, отделяющих тех, что "сохраняются" на последующих этапах обучения, и тех, что "выпадают" (поступить в шестой,

седьмой... в высшее учебное заведение, получить высшее образование, заключительный финал). С помощью теоретических цифр Будон сопоставил свою модель с наблюдаемыми величинами: такое "симулирование" реальности может оказаться полезным для различных манипуляций, устанавливающих статистические связи процента "выживших" в данном фильтре и социального круга, к которому они принадлежат.

То же моделирование может служить для статистического представления неравенства шансов при преподавании в неком теоретическом обществе "X" характеризующемся тремя фундаментальными аксиомами:

1-я аксиома: сильное неравенство шансов при обучении связано с функцией социального происхождения;

2-я аксиома: уровень образования играет существенную роль в определении социального статуса;

3-я аксиома: нет точного соответствия между школьной и социальной структурами.

Переведем эти аксиомы в цифры для популяции в 10 000 человек. Пусть "S_1 "S_2", "S_3" будут тремя школьными уровнями, а "C_1", "C_2" и "C_3" — тремя социальными категориями; 80% молодых "C_1" проходят обучение на наиболее высоком уровне "S_1", 80% из оставшихся — на уровне "S_2", а остальные — на уровне "S_3"; так же распределяются "C_2", которые занимают места в "S_1", "S_2" и "S_3", не занятые "C_1", и, наконец, ту же процедуру распределения проходят "C_3", занимающие места, оставшиеся свободными от "C_1" и "C_2" Таким образом заполняется таблица, в которой можно оперировать соответствующими цифрами.

Школьный уровень / Социальная категория	"S_1"	"S_2"	"S_3"	Все "C"
"C_1"	320	64	16	400
"C_2"	544	2349	1107	4000
"C_3"	136	587	4877	5600
Все "S"	1000	3000	6000	10000

Можно составить аналогичную таблицу, выражающую, например, соотношение между социальным статусом отца и социальным статусом сына и т. д. Серия подобных таблиц дает различные

сведения по модели и, будучи подходящей для аппроксимации[1] механизмов в индустриальном обществе, позволяет рассуждать, уважая ограничения, которые налагают аксиомы и статистические распределения. В частности, можно определить, что увеличение количества школьников в уровне "S_1" если при этом не происходит изменений в соотношениях между социальными категориями, дает непредсказуемые результаты (см. главу 10).

Данный пример свидетельствует, что техника моделирования представляет собой способ уменьшения влияния социальной реальности на более или менее упрощенную количественную модель, способ заставить играть эту модель, чтобы определить последствия изменения какого-либо элемента или соотношения (коэффициента) и затем сравнить полученные результаты с данными по изучаемому обществу; в рассматриваемом примере школьная и университетская статистика — это упражнения по социальной статистике индустриальных стран. Моделирование также является анализом системы, стратификация которой рассматривается как совокупность подсистем, поддерживающих отношения, определенные аксиомами глобальной социальной системы индустриального общества.

В социальных науках экспериментирование невозможно, однако моделирование способствует некоторому квазиэкспериментированию, поскольку позволяет играть различными положениями одной и той же модели и сравнивать результаты с данными, полученными в конкретных обществах. Другая форма квазиэкспериментирования состоит в сравнении результатов решений, принятых на практике, с решениями, ожидаемыми на основании модели.

Только социальные психологи могут проводить эксперименты в лабораториях на маленьких группах и затем сравнивать результаты своих исследований с данными, полученными в "реальных" группах, изучаемых *in vivo* в их социальном контексте (см. главу 2).

Есть еще так называемый системный анализ, рассматривающий систему как своего рода черный ящик, в котором пытаются определить не внутреннее функционирование системы, а лишь ее

[1] Аппроксимация (от *лат.* approximo — приближаюсь) замена одних объектов другими, более простыми и в том или ином смысле близкими к исходным.

взаимодействие с другими системами. Этим занимаются экономисты, не вникающие во внутреннюю деятельность предприятия. В данном смысле исследования Р. Будона также можно назвать системными, поскольку они направлены на изучение индивидов, входящих в школьную систему и покидающих ее на различных этапах, а не на школьные институты или педагогику в целом. Подобными исследованиями занимаются и политологи, которые изучают входы и выходы политической системы, но не анализируют саму систему.

Анализы социальных систем позволяют сравнить социальные ансамбли, и такой сравнительный анализ является основным инструментом социологии. В прошлом часто неоправданно пытались сравнивать элементы из различных политических систем. Это была любимая игра традиционных политических наук и особенно сравнительного конституционного права. Сравнивать систему выбора премьер-министра в различных системах права, безотносительно к тому, что у премьер-министров в этих системах различные функции, что политическое сознание и функционирование парламентов неодинаковы, является очевидной и частой методологической ошибкой, состоящей в том, что сравниваются элементы систем, безотносительно к сравнению структур самих систем. Если принимается постулат, что элементы имеют смысл только по отношению к структуре, нельзя сравнивать их в отрыве от структур: надо вместе с ними сравнивать и структуры.

Здравый смысл в сравнительном анализе восторжествовал уже давно. Рассказывают, что один поляк объяснял Жаку Бенвилю необходимость внедрения английского парламентаризма в Польше, на что Жак Бенвиль спросил: "А вы не собираетесь также окружить Польшу водой?" Из высказываний социологов по этому поводу приведем прозрачный текст Дюркгейма:

> Для социолога, как и для историка, социальные факты представляются функцией социальной системы, частью которой они являются; понять их в отрыве друг от друга невозможно. Вот почему два факта, относящихся к двум различным обществам, нельзя плодотворно сравнивать только потому, что они кажутся похожими; нужно, чтобы были похожими сами общества, другими словами, чтобы общества представляли собой разновидности одной сущности. Сравнительный метод был бы бессилен, если

бы не существовало социальных типов и его применение ограничивалось бы только понятиями того же типа. Сколько ошибок было совершено из-за пренебрежения этой заповедью, когда сопоставляли факты, которые несмотря на внешнее сходство, не имели ни одинакового смысла, ни одинакового значения: примитивную и современную демократии, коллективизм низших обществ и тенденции современного социализма, обычную у австралийских аборигенов моногамию и моногамию нашего общества и т. д.

В "Эссе о даре" ("*L'Essai sur le don*") Мосс, рассматривая различные формы даров в Меланезии и в Северной Америке, приходит к выводу, что эти общества похожи по своей структуре и, следовательно, их можно сравнить, поскольку обмен дарами в этих различных обществах, на его взгляд, одного порядка. Однако, когда Мосс пытается понять обмен дарами в современных западных обществах, он не прибегает к сравнению, а использует аналогию: ...это мне напоминает жизнь парижской буржуазии 1925 года...", когда было принято приглашать друг друга на обеды. Мосс строго разграничивает внешнюю аналогию и систематическое, методически обоснованное сравнение. Аналогия навевает определенные мысли, она позволяет по-новому взглянуть на уже знакомую реальность и лучше понять ее. Аналогия стимулирует воображение исследователя, заключения которого, однако, редко бывают обоснованны, и их трудно проверить.

Используя этнографические монографии, американский этнолог Мердок всесторонне изучил исследования о двухстах пятидесяти обществах, чтобы понять глобальную социальную структуру. Рассматривая эти системы как тотальные, он попытался выделить из них подсистемы: систему семейных отношений, политическую систему, социальную организацию и т. п. С помощью определенной терминологии, которую он ввел, Мердок исследовал связи между различными элементами и подсистемами, их возможности и различия для всех двухсот пятидесяти обществ.

Произвольная система родства не может сочетаться с произвольной экономической системой, так же как произвольная система власти не сочетается с произвольной семейной системой. Однако, играя этими системами и подсистемами, можно предста-

вить себе, что однажды, вместо схем и моделей, сконструируют науку об обществе. Тогда социологи смогут, как это делал Кювье[1] два века тому назад, на основании двух или трех элементов социальной системы или подсистемы реконструировать единственно возможную социальную систему или две-три альтернативных системы. Реконструировать, исходя из одной плюсны, строение неведомого динозавра и реконструировать возможную модель общества на основании некоторых его элементов — это аналогичные действия.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АКТИВНОГО УЧАСТНИКА

Анализ в терминах системы, структуры, функции и конструкции модели рассматривает общество как ансамбль, в котором пытаются понять порядок, не отвлекаясь на отдельных индивидов. У структурофункционалистов и у культурологов (от Маркса до Дюркгейма) преобладающее течение в социологии приспосабливалось к тому, чтобы рассматривать общество "как вещь", откуда пошли аналогии с машиной или живым телом. Это то, что называют "холизмом" Минус холистического подхода заключается в том, что он затрудняет понимание социальных изменений и переносит анализ индивидуальных поступков в ту область социологии, где они рассматриваются вне социального контекста.

В американской социологии традиция, восходящая к Чикагской школе[2], сохранила подход к обществу через индивидов и их взаимодействие (этнометодология и символический интеракционизм). Общество анализируется через взаимодействие индивидов, которое развивается как накапливающийся процесс. При таком

---

[1] Жорж Кювье (1769—1832) — французский зоолог, один из реформаторов сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных. Кювье ввел понятие "типа" в зоологии, установил принцип "корреляции органов", на основе которого реконструировал строение многих вымерших животных.

[2] Чикагская школа сформировалась в период между первой и второй мировыми войнами на базе Чикагского университета, где занимались как эмпирическими, так и теоретическими исследованиями. Наибольший вклад внесла в городскую социологию и в развитие символического интеракционизма. Среди представителей Чикагской школы можно выделить таких известных социологов, как Р. Берджесс, Л. Вирт, Р. Маккензи, Дж.Г. Мид, Р. Парк, У Томас.

анализе необходимо учитывать значение символов, участвующих в этом взаимодействии. Акцент делается на временную последовательность социальных фактов и изучение индивидов в ситуации, полностью соответствующей жизни группы. Наблюдение за жизнью в группе представляет собой довольно старую методику: еще Уайт использовал ее при обучении молодых итальянцев в Бостоне (см. главу 2) социологии труда (исследователь работает в мастерской как обыкновенный рабочий; см. главу 5, Р Сенсольё) и социологии отклонений от нормы и маргиналов (см. главу 5, Г Беккер). Этнометодология усовершенствовала эту технику и применила ее к другим социальным институтам, особенно к формам жизни в обществе.

Данный обзор приводит к Максу Веберу, Зиммелю и Токвилю. В своем знаменитом высказывании Макс Вебер утверждает, что общество можно понять только с точки зрения действия индивидов и групп, поэтому социология должна приспосабливать методы строго индивидуально. Чемпионом в этом "методологическом индивидуализме" стал Раймон Будон. Но "методологический индивидуализм" чреват ошибками, поскольку не учитывает метода анализа индивидов, а имеет в виду анализ социальных ролей, исполняемых индивидами, группами или институтами индивидов, которые поступают одинаково, потому что разделяют те же ценности, нормы и мотивации ("*Changement*", глава 5).

Здесь нет психологизма, нет попыток найти в темпераменте индивидов объяснение социальных феноменов, методологических ошибок, идущих вразрез с дюркгеймовскими предписаниями, что надо всегда "объяснять социальное через социальное" Даже лучшие из социологов иногда поддаются искушению. Экономисты поддаются ему почти всегда: для многих из них предприниматель и потребитель — овеществленные существа, которых они рассматривают конкретно, несмотря на их абстракцию. Эти "овеществленные существа" набивают себе синяки в социальной жизни, а их намерения, особенно иррациональные, помогают объяснить, что́ в "социальной реальности" не подходит под теорию. Все экономисты мечтают привлечь различных "социологов" (точнее, социальных психологов) к своей эконометрической модели, чтобы улучшить ее и сделать более склонной к предсказаниям. К несчастью, ценности, тактика и поведение поддерживают между эконометрическими моделями

и экономической реальностью связи, которые не могут прийти в равновесие. Это отрицает существование общества, его структур, институтов и механизмов.

В послевоенные годы рост западных обществ был таким быстрым и мощным, что казался обусловленным техническим прогрессом и колоссальными коллективными усилиями рабочих. Все познавалось в сравнении; индивиды и группы отошли на второй план. Либералы, марксисты, или плановики, экономисты говорили только о "тяжелых тенденциях", способе производства или о капиталистической логике. Под влиянием этой идеологической атмосферы эпохи все социологи работали в холистической перспективе: понять общество и способ, с помощью которого оно становится необходимым для всех своих членов. В шестидесятые годы некоторые исследователи ввели индивидуальные и коллективные действия в свои схемы анализа. Книга Алена Турэна, названная "*Социология действия*" ("*Sociologie de l'action*"), знаменует этот переворот в 1965 году

Социологи и экономисты, занимавшиеся проблемами сельского хозяйства, одними из первых изменили перспективу. Будучи хозяевами предприятия, свободными в своих решениях, сельские жители стремились к модернизации, их не удовлетворяло просто приспособление к национальному техническому и экономическому способу производства. Капиталистический способ производства не позволял обходиться с продукцией как с излишней, собственник должен был лукавить с "маленькой продажной продукцией" Каждый производитель имел возможность более или менее быстро модернизироваться и выбрать одну из различных стратегий развития: интенсивную или экстенсивную, растениеводство или животноводство, молоко или мясо... Изменчивость возможных выборов была реальной, доступность многочисленных решений приводила к очень быстрому и удивительному изменению хозяйств.

На местном уровне наблюдался тот же феномен. В сельскохозяйственных исследованиях, проведенных Группой сельской социологии, предсказания о развитии каждой исследованной деревни, сделанные в начале шестидесятых годов, спустя десять лет не подтвердились, поскольку исследователи всегда преуменьшали стратегические коллективные возможности. В данном случае сельские жители заключали контракты с коммерчески-

ми фирмами. Повсюду наращивалась активность, что приводило фермеров к необходимости становиться "сверхактивными", если они хотели остаться в деревне; при этом предсказанный массовый исход не наступал. Желая упрочить, сохранить свою идентичность и развиваться, каждая деревня изобретала решения, придумывала стратегию на основании более или менее ясного консенсуса или серии мучительных конфликтов. Каждую деревню, следовательно, можно рассматривать как коллективного активного участника процесса, принимающего свои решения на основании политики; объединение тридцати двух тысяч деревенских стратегий совершило в шестидесятых годах беспрецедентную модернизацию и оживление во Франции ("*Changement*", глава 2).

Одновременно социология организаций настаивает на роли стратегии, которая способствует объединению индивидов в большие группы для реализации индивидуальных стремлений, не мешающих функционированию организации (см. главу 9). Организационная схема определяет позицию власти, однако анализ ежедневной деятельности снова выделяет отношения между старшим и младшим, между различными службами. Каждый индивид имеет преимущество над тем, с кем он сотрудничает, если предусматривает непредсказуемость окончательного результата. Будучи непредсказуемым для своих партнеров, можно получить над ними власть. Маргинальная позиция благоприятствует этой стратегической игре: рабочий, занимающийся уборкой, может выполнять свою работу с большей или меньшей скоростью, пунктуальностью и производительностью в той или иной мастерской. Рациональность каждой позиции зависит от степени принуждения и от конкретного поведения партнеров. Только учитывая стратегию индивидов, можно понять бюрократическую систему.

В исследованиях социальной мобильности стратегия индивида имеет большое значение, особенно при анализе системы образования. Анализ в терминах социальных категорий по таблицам мобильности (см. главу 10) должен быть дополнен исследованием школьной, профессиональной и социальной карьер индивида. Социолог ставит себя в социальную позицию участника и идентифицирует козыри, ограничения, цели — свои и своих партнеров по социальной игре. Каждый сталкивается с необходи-

мостью принятия решений: продолжать учебу или устраиваться на работу, выбирать то или иное ремесло, создавать семью или оставаться холостым, жениться или нет, иметь или не иметь детей и т. д. Эти профессиональная и семейная стратегии сопровождаются выбором стратегии жизни: в каком месте жить, снимать или покупать жилье; выбор зависит от финансовых возможностей, близости места работы, социальных амбиций, перехода на следующую ступень социальной лестницы и т. п. Многочисленные возможности выбора организуются выбором каждой семьи и, объединяясь, создают коллективную стратегию, которая определяет развитие общества.

Этот обоснованный подход помогает анализировать общество, даже такое разнообразное, как наше, которое, усложняясь, предлагает все более широкий выбор своим членам. В супермаркете сегодня гораздо более широкий выбор продуктов, чем в сельской лавочке пятнадцать лет назад. Возможности и способы обучения в школах и университетах также стали разнообразнее. Даже в пределах одного предприятия виды деятельности все сильнее различаются между собой. Холистические перспективы больше подходят обществу с цельными структурами. В периоды быстрого роста они дают чувство понимания изменений во всей их глобальности. В данном обществе технический прогресс, расширяющий возможности общественных решений, важнее стратегии индивидов, групп и институтов.

Рекомендуемая литература

О функциональном анализе:

* R.K. Merton, Éléments de théorie et de méthode sociologique. Paris, Plon, 1965, (главы I, II и III, стр. 27 — 139).

См. также критику Мертона Кингсли Дэвисом (*"Textes"*, pp. 93-128).

Структурализм связан с именем Леви-Стросса, который позаимствовал его у лингвистики, чтобы ввести в этнологию, в анализ родства и мифов:

* Claude Lévi-Strauss, Antropologie structurale. Paris, Plon, 1958, 450 p.

* Raymond Boudon, À quoi sert la notion de structure? Paris, Gallimard, 1968, 253 p.

Чтобы понять оригинальные идеи, можно изучить лингвистику — мать структурализма:

* Ferdinand de Saussure, Cours de linguistique generale. Paris, Alcan, 1927, 186 p.

О методологическом индивидуализме и коллективных действиях:

* Alain Touraine, Le retour de l'acteur. Paris, Fayard, 1984.

* Raymond Boudon, Effets pervers et ordre social. Paris, P.U.F 1988.

* Mancur Olson, Logique de l'action collective. Paris, P.U.F., 1978.

* Michel Crozier, Erhard Friedberg, L'acteur et le système. Paris, Seuil, 1981.

ГЛАВА 7

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА[1]

Обычно противопоставляют капиталистическое и социалистическое общества, две противоречивые формы "демократического" развития: с одной стороны — капитализм и парламентская демократия, с другой — социализм и народная демократия. Распределить другие общества, особенно общества третьего мира, по этим двум категориям нелегко. Но если принять допущение, что советское и американское общества только различные воплощения одного, индустриального общества, можно противопоставить им общества третьего мира, называемые традиционными. Это влечет за собой иное видение планеты: существенно не различие между Востоком и Западом, а, напротив, их сходство. Данный анализ одновременно является научным и идеологическим (*см.* Приложение) и может быть сведен к вопросу исторической эволюции.

Идеальный тип индустриального общества, каким его пытаются сконструировать многочисленные авторы, особенно Раймон Арон, имеет существенные черты индустриализированных обществ, наблюдаемых в Америке, в Западной Европе, в Японии и в советской России. Остальные образуют неясную толпу, которую следует попытаться привести в соответствие с этим идеальным типом. Некоторые считают, что можно сконструировать другой идеальный тип, который будет противопоставлен индустриальному обществу: идеальный тип "традиционного общества" Остается узнать, подпадают ли под понятие "традиционного общества" так называемые "примитивные", "крестьянские" "античные", "классические" и тому подобные общества, или они представляют собой нечто радикально иное.

---

[1] Разработка проблем традиционного общества в современной социологии связана с именами Р.Редфилда, М.Леви, У.Ростоу, Д.Эптера, С.Эйзенштадта и Ф.Риггса. Теория индустриального общества была сформирована в двух вариантах: французским социальным философом Р.Ароном в лекциях в Сорбонне в 1956—1959 гг. и американским экономистом и политологом У.Ростоу в книге "Стадии экономического роста" (The stages of economic growth. Cambr., 1960).

С одной стороны, эти два типа соответствуют концепции Тённиса[1], который противопоставлял общество (*Gesellschaft*) и общину, или общность (*Gemeinschaft*) как два типа социального устройства. Различение общины и общества, правда с диаметрально противоположным, чем у Тённиса, ценностным знаком, Э. Дюркгейм дает как различение солидарности механической и органической, где характеристику "механическая" получает солидарность общественно-родового типа. Роберт Редфилд противопоставлял *folk society* (сельское общество) и *urban society* (городское общество)[2]. Исповедующий другую точку зрения, Жордж Фридман противопоставлял мир техники натуральному миру: он был одним из первых в индустриальной социологии, кто показал, что логика индустриальной жизни накладывает практически одинаковые обязательства на американского и русского рабочего, и дал черновой набросок индустриального общества. Наконец, эту тему глубоко разрабатывал Макс Вебер.

Дюркгейм заметил, что под влиянием экономического развития преобразуются социальные связи: от общности индивидов к сильно дифференцированному обществу или, чтобы сохранить термин, — от "механической солидарности" к "органической солидарности" Дюркгейм показал, что социальное разделение общественного труда (умножение различных профессий, занятий и обязанностей, присущих каждой профессии и каждому занятию) предполагает крайне сложную систему, своего рода "живой организм", в котором дополняющие друг друга социальные связи между людьми резко различны. Противопоставление механической и органической солидарности — это просто оппозиция солидарности, определяемой сходством, подо-

---

[1] Немецкий социолог Фердинанд Тённис (1855—1936) рассматривал общественные отношения как волевые и подразделял их в зависимости от выраженного в них типа воли. Согласно его концепции, естественная воля порождает общность(общину), рассудочная — общество. В общности господствуют инстинкты, чувства, естественные отношения; в обществе — расчетливый ум, механические отношения. Позже во "Введении в социологию" Тённис усложнил эту типологию. Дихотомия "община—общество" играла заметную роль в социологии первой половины 20 в. *См.*: Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Lpz., 1887

[2] Американский культурантрополог Роберт Редфилд (1897—1958), опираясь на ярко выраженную дихотомию "примитивного" и "развитого" обществ, связывал критерии развитости с уровнем технологии. См.: Redfield R. Tepoztian, a Mexican Village: A Study of folk life. Chicago, 1930.

бием индивидов, и солидарности людей, ставших в процессе разделения труда полноправными личностями. Чтобы пояснить типологию Дюркгейма, представим, что "механическое" общество — это земляной червь, которого можно разрезать на кусочки, но при этом каждый кусочек будет продолжать жить; если же разрезать более сложный организм, он погибнет. Такая дифференциация социальных структур должна сопровождаться развитием норм, живо ощущаемых индивидами в каждой группе, иначе можно прийти к ситуации, характеризующейся отсутствием норм. Индивиды не будут больше знать ни своих обязательств, ни чего от них ждут.

Следует остерегаться противопоставлений, являющихся только научным обманом зрения, подобно ложным окнам, сделанным ради архитектурной симметрии. Если кто-нибудь сконструирует идеальные типы, абстрактные схемы исторических реальностей, каждая из них будет уникальной, хотя бы благодаря методу, позволившему их сконструировать. Любой тип имеет семейство подтипов с одинаковыми фундаментальными и разнообразными вспомогательными чертами; однако логически невозможно представить себе "промежуточные" типы среди тех, что не имеют ничего общего между собой. Следуя упрощенному эволюционизму, который всегда опасен для социологии, Роберт Редфилд говорил о континууме *falk-urban* (сельско-городском); другие говорят о континууме традиционно-индустриальном, на протяжении которого располагают все общества, начиная с "наиболее" традиционных и кончая "наиболее" индустриальными. Однако построить континуум можно только на основании измерения его черт или групп черт, характеризующих объект от нуля до ста, от льда до кипящей воды, от белого до черного через серый со всеми его оттенками.

Общества, рассматриваемые в совокупности, образуют структуру: особую форму распорядка, в которой каждый имеет свою ценность как функцию своего положения по отношению к другим (см. предыдущую главу). Например, если говорят, что в некотором "аграрном" обществе все работают на земле, в то время как в Великобритании только 2% активного населения занято в сельском хозяйстве, было бы ошибочно утверждать, что в "аграрном" обществе 100% активного населения занято в сельском хозяйстве; в действительности это общество будут характеризовать с помощью крите-

рия, не имеющего смысла, не означающего "индустриальное" или "сельскохозяйственное" и не различающего производство, распределение и потребление — основные понятия для описания активного населения. Вызывают улыбку усилия некоторых американских политологов классифицировать все общества мира по степени их демократичности, причем максимум ее приходится на американскую демократию. Если для анализа создают некоторый континуум между двумя несравнимыми экстремумами, неизбежно судят об одном по отношению к другому Континуум между традиционным и индустриальным производством призван распределить все остальные общества по отношению к индустриальному: каждый раз, когда общество получает плюс за "индустриальность" ставят минус за "традиционализм" Другими словами, традиционная схема является оборотной стороной индустриальной схемы: таким образом отказываются от всех оригинальностей, свойственных преиндустриальным обществам.

Не избежал этой трудности и К. Маркс. Он сконструировал динамичную модель капиталистического производства, хорошо описывающую капитализм XIX века с его ролями капиталиста и пролетария, причем первый выколачивал прибавочную стоимость из второго, обреченного продавать свою рабочую силу как товар. В обществе эти две роли воплощаются в социальные классы, борющиеся за власть. Маркс набросал в общих чертах и другие способы производства: феодальный, рабовладельческий, крестьянский, германский, азиатский, примитивный, коммунистический и социалистический. Потом марксисты трансформировали эти наброски в настоящие аналитические схемы. Азиатский способ производства стал объектом многочисленных дискуссий. Те, что изучали крестьянский способ производства, и те, что отрицали его существование, оказались во враждующих лагерях. Но наиболее жарко дискутировался социалистический способ производства.

ТРИ ТИПА: ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ, ТРАДИЦИОННЫЙ, КРЕСТЬЯНСКИЙ

Чтобы по мере возможности избежать подобных дискуссий, начнем с характеристики индустриального общества, затем, по контрасту, рассмотрим преиндустриальное общество и, наконец, крестьянское общество.

Согласно Раймону Арону, идеальный тип индустриального общества характеризуется взаимодействием пяти основных черт[1]:

1. Производство полностью отделено от семьи; таким образом, производство и потребление существенно различны, также радикально отличаются работа и досуг.

2. Организация и разделение работы внутри предприятия определяются технологическими требованиями, соответственно все технологические новации отражаются на организации работы и даже на структуре предприятия.

3. Предприятие основывается благодаря аккумуляции капитала, и приводит к увеличению этого капитала.

4. Основанию предприятия предшествуют экономические расчеты.

5. Предприятия притягивают большие массы рабочих, и концентрация этих масс формирует рынок труда.

Схема Арона сформулирована в экономических терминах; описательную, объяснительную и предсказывающую связность ей дают различные независимые друг от друга элементы и основные принципы модели — технология и капитал.

A contrario можно характеризовать все преиндустриальные общества (логика требует, чтобы сказали неиндустриальные, но история показывает, что индустриальное общество прогрессивно распространяется и заменяет все другие):

1. Конфликт между семьей и предприятием и неразделимость продукции и потребления (автопотребление) "производственного" и "непроизводственного" назначения; это не исключает, что активность противопоставляется отдыху и что некоторые общества становятся более активными, а другие — менее. Вспомним, что в античности экономическая активность (негоция = *nec otium*) завершилась оппозицией к досугу благородных классов, а не наоборот, как в наше время.

2. Распределение работ осуществляется социальными структурами и существенно изменяется от общества к обществу; наиболее часто пол, возраст и происхождение (особенно касты) устанавливают индивидам свои цели. Техника этого распределения составляет часть культурного наследия и неизменна на лестнице поколений (см. последнюю главу).

[1] *См.*: Aron R. Dix-huit Lesons sur la sociйtй industrielle. Paris, 1962.

3. "Индустриального капитала" не существует; это не означает, что не существует богатства и особенно тенденции к его накоплению, но богатство, в нашей терминологии, направлено на ограничение расходов и неспособно к воспроизводству.

4. Экономических расчетов, в строгом смысле слова, не существует; это предполагает, что поступками управляют другие понятия: вера, ценность и т. д.

5. Общество организуется в ячейки ограниченного размера и обычно локализовано на данной территории.

Эта схема более социологическая и менее экономическая, чем предыдущая, однако она недостаточно связная: ее элементы не зависят друг от друга и заставляют думать, что либо не берутся в расчет фундаментальные черты, либо следует просто объединить общие черты многих типов; напрашивается вывод, что эта схема сама по себе не является ни идеальной, ни моделью, как и предыдущая.

Крестьянские общества резко выделяются из всех других традиционных обществ: они включены в большее, объединяющее их общество, откуда исходят власть и авторитет. Как утверждал Редфилд, если нет городов (или в феодализме, или в теократии), нет и крестьян. Это не парадокс: крестьяне определяются по отношению к объединяющему их обществу; если такое общество отсутствует, можно говорить об обществах "аграрных", кочевых, античных, но никак не о крестьянских. Когда Рим был городом тружеников, он представлял собой аграрное общество; когда Рим (*urbs* — город) установил свою империю над другими аграрными городами, эти города стали крестьянскими. Аналогично после каролингской эпохи феодализм превращает примитивных земледельцев в крестьян: включенные в общее феодальное общество, коллективы крестьян подчинились внешней власти, которую им надлежало слушаться; поставки товаров вовне были важнее, чем потребление внутри хозяйства. Каждому крестьянину предписывалось нести в замок часть своего урожая (затем шла церковная десятина), работать на барщине и платить налоги центральной власти. Крестьянская экономика должна была одновременно обеспечивать жизнь деревни и отчисления, благодаря которым существовало общество как целое. Аграрные общества, напротив, имели собственную власть (например, "сельские" республики Пиренеев или Карпат), и от них требовалось только удовлетворять

свои собственные потребности; они могли быть полностью автономны во всех смыслах — демографическом, политическом, экономическом или культурном. Каждое аграрное общество имело своих богов и свои культы, свой язык и свое видение мира; видение мира часто приводило к тому, что члены такого общества почитали за людей только себя, считая всех других "варварами", у которых нет человеческого достоинства. Они предпринимали военные набеги, чтобы убивать "варваров", грабить и отправлять в рабство, не считая их противниками, достойными кодекса войны. Для крестьян также существовали чужие, но война была порождением общества, которое в связи с войной могло требовать дополнительных расходов.

Крестьянские коллективы, включенные в более обширные общества, должны были поддерживать отношения с обществом во всех планах:

— религиозные отношения между их собственными культами и общей религиозной системой, претендующей на универсальность (ценность для всех людей);

— юридические отношения между локальными обычаями и общественным правом;

— экономические отношения между самообеспечивающейся деревенской системой и экономическим рынком;

— культурные отношения между местными культурами (и их языками, опошленными до ранга "жаргона") и дворянской, буржуазной священнической или городской культурами;

— отношения власти в процессе как ее внутренних игр, так и во внешних играх с верховными органами.

Священник, нотариус, ростовщик, негоциант, учитель, землевладелец составляют круг влиятельных людей, исполняющих посреднические роли: они одновременно являются членами крестьянского коллектива и общества в целом, говорят на "жаргоне", латинском и французском языках.

В заключение заметим, что идеальный тип крестьянского общества характеризуется шестью чертами, первые три из которых являются общими для всех традиционных обществ:

— экономическая система основана на логике самообеспеченности; производство и потребление не разделяются;

— имеет место конфликт "семья — предприятие", в котором центральную позицию занимает домашняя (семейная) группа;

— локальный коллектив формирует общество взаимопонимания (см. далее);

— традиции управляют всеми поступками;

— локальный коллектив, включенный в единое общество, играет относительно автономную роль;

— функция посредничества с внешним миром очень важна.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Идеальные типы общества ориентируют анализ и позволяют ставить вопросы социальным реальностям. Для иллюстрации опишем общество "традиционной" крестьянской деревни XIX века и общество большого "индустриального" города XX века.

Традиционное общество относительно стабильно, индустриальное общество постоянно оживляется переменами. Это не означает, как пишут некоторые журналисты, что происходит ускорение истории. Все идет так, как должно идти, просто индустриальное общество создано для перемен и может меняться, оставаясь самим собой; традиционное общество меняется относительно медленно, но очень глубоко.

Утверждение, что традиционное общество не меняется, ошибочно. Возможно, некоторые племена на протяжении тысячелетий оставались стабильными, но в крестьянском обществе существует форма медленных изменений, проявляющаяся через поколения. Все нововведения, прежде чем быть принятыми, должны адаптироваться в традиционной социальной структуре. Другими словами, они не должны быть новыми. В индустриальном обществе, напротив, новшество принимается только потому, что является новшеством. В этом — коренное различие традиционного и индустриального обществ (см. главу 11 и "*Changement*", глава 1).

Традиционное общество, как правило, малочисленно и размещается на относительно ограниченной территории. Выражение "массовое общество" подчеркивает гигантские размеры индустриального общества, противопоставляя их относительно небольшим размерам традиционного общества. Отсюда вытекают специализация и разнообразие, более характерные для социальных единиц (групп и индивидов) внутри социального общества.

Основные социальные структуры переходят от общества, в котором роли назначаются, от общества каст, к обществу страти-

фикации или социальной мобильности, где роли приобретаются. В традиционном обществе индивид не может изменить положения, данного ему при рождении. В массовом обществе быстрых изменений, напротив, у индивида есть возможность подняться или спуститься по социальной лестнице. Мы еще вернемся к этому в главе о классах и социальной стратификации.

Общество, определяемое географически или экологически, в котором географические границы являются главной характеристикой, сменяется обществом, в котором основное значение придается социальным границам. Главные роли в таком обществе играют социальные группы, классы, профессиональные группы и большие организации. Каждая из этих групп, или категорий, создает себе автономную цивилизацию в недрах глобальной цивилизации. В традиционных обществах различие цивилизаций прежде всего зависело от места расположения данных обществ: даже в соседних регионах имелись свои отличия. Иногда наречия варьировались от кантона к кантону. Сегодня в городах произношение, акцент или жаргон варьируются в зависимости от социального круга.

Социальная регуляция в традиционном обществе осуществлялась под влиянием незыблемых традиций, которые были усилены системой межличностных отношений и полным согласием членов коллектива с существенными сторонами жизни. В массовом обществе социальная регуляция осуществляется игрой символов и стереотипов, которые отправляются в общество с помощью инструментов массовой коммуникации. Но эти символы и стереотипы также являются в некотором смысле продуктами и отражением общества. Исследования социальной психологии показывают, как мы уже говорили выше, что влияние стереотипов и пропаганды происходит через личностные отношения в элементарных группах.

С точки зрения демографии в традиционных обществах были эндогамные изоляты внутри коллективных обществ, индивиды вступали в брак только с представителями своих локальных обществ. В массовых обществах мы находим демографических изолятов того же порядка не в пространственных структурах, а в социальных, особенно в профессиональных. Например, некоторые демографы изучали эндогамные изоляты среди профессиональных медиков.

В традиционном обществе роли делятся на приобретенные и предписанные, и некоторые приобретенные роли сильно зависят от предписанных ролей. В "массовом" обществе с его быстрыми изменениями гораздо больше ролей, они более специфичны и функциональны. Приобретенные роли многочисленнее, чем предписанные, и именно им придается основное значение. Индустриальное общество, постоянно нуждающееся в новых служащих и специалистах, в новых социальных ролях, требует, чтобы индивиды исполняли социальные роли, отличные от тех, которые исполняли их отцы. Люди мобильны, и наиболее полно мобильность индивидов проявляется, когда их "иррациональный" выбор считается в обществе идеальным. Если у вас нет других резонов выбирать невесту, кроме любви, вы можете ее выбрать где угодно. Это обеспечивает наиболее полную "свободу" выбора и изменения; подвижность определяется наибольшими возможностями в обществе. Данное утверждение не означает, что социальные структуры не ориентируют ваш выбор или что вы становитесь более "свободными", чем если бы невесту вам выбирал ваш отец. Общество принуждает вас в зависимости от своей цели, которой является движение; мы вернемся к этому в восьмой главе.

Идолы, банды, магазины и т. д. молодежной цивилизации выполняют ту же функцию. Побуждая юных индивидов "молодо жить", то есть жить не так, как жили в молодости их родители, молодежная цивилизация устанавливает дистанцию между поколениями, способствуя матримониальному выбору Молодежная цивилизация получила развитие в Соединенных Штатах, в Западной и Восточной Европе потому, что она вытекает из логики индустриального общества. В традиционных деревнях категория возраста также была очень важна, и именно молодым поручалось вести социальную жизнь общины, организовывать праздники. Таким способом молодые люди получали возможность убежать от неделимой семьи, доминирующей над всей их жизнью, как убегают и сегодня, когда хотят основать новую семью. Можно сказать, что индустриальное общество восстановило возрастные категории традиционного общества, но на другом уровне и следуя своей собственной логике.

В маленькой деревне XIX века все знали друг друга. Население было относительно малочисленным, и все жили в своей деревне от рождения до смерти. Вот почему это общество характе-

ризуется как общество всеобщего знакомства. Каждый член такого общества знал все аспекты жизни других членов общества. Любой встреченный на улице человек был вам знаком и являлся не абстрактным индивидом, а Жаном или Пьером из семьи соседей, в которой вы знали всех других членов семьи, экономическую ситуацию (собственник, арендатор, наемный рабочий), религиозные убеждения (ходят ли они к мессе), а также все недостатки каждого из членов семьи.

В массовом обществе индивид знает только отдельные аспекты жизни ограниченного числа других индивидов; в традиционном обществе каждый знает всех остальных и все особенности их жизни. В массовом обществе приходится встречаться с огромным количеством людей, о которых почти ничего не известно, — лишь отдельные черты характера и некоторые детали социальной жизни. Иными словами, в массовом обществе вы встречаете не личность, а роль, социальную функцию. Придя в магазин, чтобы купить рубашку, вы обращаетесь к продавцу, который не имел о вас ни малейшего представления до того, как вы пересекли порог магазина и обратились к нему как к продавцу рубашек, исполняющему эту социальную функцию. Вы ничего не знаете о нем, и вам все равно, женат он или нет и каковы его политические предпочтения — Жискар или коммунисты. Наиболее показателен в этом смысле контролер в метро, которого легко можно заменить машиной.

Конечно, в традиционном обществе тоже существуют функциональные отношения, а в массовом — личностные; но для анализа представляют интерес обычные преобладающие отношения: в одном случае — личностные, в другом — функциональные. При изучении идеального общества (традиционного или индустриального, массового) необходимо акцентировать логические различия, не обращая внимания на менее контрастные проявления.

Рассмотрим еще один пример — некую администрацию, допустим мэрию, бюрократическое учреждение, представляющее национальное общество в локальном учреждении и выполняющее одни и те же функции в городе и деревне. В традиционной деревне, придя в мэрию, вы встречаете там секретаря мэрии, но для вас она прежде всего Марсель или Жанна, дочь хорошо знакомой вам семьи, владеющей соседней фермой; в мэрии она бывает лишь несколько часов в день, но вы всегда можете "найти" ее дома. Придя в мэрию большого города, вы встречаете там обез-

личенного чиновника бюро гражданского состояния, который регистрирует рождение вашего сына, смерть вашей матери или выдает какую-то нужную вам бумагу. В обоих этих случаях заполняются одни и те же бумаги, функционирует одна и та же административная система, но в первом случае она функционирует в обществе, где все друг друга знают, а во втором — в массовом обществе со сложной структурой социальных ролей.

В обычном значении слова "массовый" и "безличный" имеют дополнительный уничижительный смысл: ценности и стереотипы, которыми мы располагаем, в значительной степени выкованы традиционной системой, и мы неуютно чувствуем себя в обществе, которое уничижительно называем "массовым" "Безличный" разговор с чиновником в массовом обществе никогда не сравнится с приятной беседой в мэрии традиционного общества по поводу бумаги, которую надо оформить.

В традиционном обществе, где все друг о друге известно, нет необходимости что-либо изображать перед другими, чтобы подать себя в наилучшем свете; в массовом обществе постоянно приходится преподносить себя; социальная игра базируется на том, как человек подает себя, раскрываясь перед другими. В традиционном обществе, чтобы изменить отношение к себе, основанное на определенном образе, известном всем окружающим, индивиду приходится совершенствовать этот образ, изменяя себя и свою позицию в обществе. В массовом обществе из всех многочисленных ролей и позиций других индивидов люди, как правило, знают одну или две. Ученик знает своего учителя только как учителя; чтобы учителю изменить образ, который сложился о нем у учеников, ему достаточно представить им другой аспект своей личности или социальной жизни. Каждый индивид может в любой момент изменить свой образ в глазах других, обнажая или пряча определенные аспекты своей личности и своей жизни. Вот почему проблема идентификации и индивидуализма сегодня так остро дискутируется (*"Changement"*, глава 8).

В массовом обществе, в отличие от общества традиционного, выражение мнения является фундаментальной характеристикой. Чтобы общаться, в массовом обществе необходимо выразить свое мнение: "Я люблю Брамса" "Мне нравится Жан-Поль Сартр", или: "Я ненавижу Брамса", "Мне не нравится Жан-Поль Сартр" Если вы хотите купить голубую рубашку, вы должны сказать это продав-

цу и таким образом проявить свой вкус, в данном случае — любовь к голубому цвету. Высказывая какое-то мнение, вы открываете свои вкусы и предпочтения другим. В традиционном обществе, напротив, вы не можете выражать свое мнение. Покупая рубашку для работы, вы не должны акцентировать ее цвет, так как все рубашки для работы голубые; следовательно, вам не надо объяснять продавцу свой вкус. Можно даже сказать, что у вас вообще не должно быть индивидуального вкуса. Все прекрасно знают и вас, и ваши глубокие желания; выражать вербально свои мысли даже несколько неприлично, потому что есть вещи, о которых вслух лучше не говорить. Выражать свои чувства вслух не принято.

Отсюда не следует, что в массовом обществе говорят, а в традиционном нет; можно, наоборот, мало говорить в массовом обществе и много — в традиционном. Приняв в качестве индикатора количество слов, сказанных средним индивидом за определенное время, можно найти больше различий между отдельными крестьянскими обществами, чем между городом и селом; в деревенских обществах на юге Франции говорят значительно больше, чем в Париже, а в Париже — больше, чем в западных или центральных районах. Однако в деревне разговор представляет собой социальную игру: рассказывают истории, обсуждают локальные события, говорят: "Урожай хорош" или "Прекрасная погода" Но обмена мнениями не происходит, варьируются чужие мнения. Как же другие узна́ют, что думаете именно вы?

Высказывания типа "Урожай хорош" или "Сегодня прекрасная погода" очевидны для беседующих, это просто выражение вежливости. На юге иметь талант рассказчика и коммуникабельность в разговоре — существенные факторы социального престижа. Но даже блестящая беседа не приводит к реальному общению индивида с индивидом, оставаясь лишь социальной игрой. Более того, слова часто используют, чтобы спрятать свои чувства, а не передать их. Один социолог провел как-то два часа с гасконским крестьянином, не выудив из разговора с ним никакой полезной для своего исследования информации.

В массовом обществе, много или мало говорит индивид, он выражает свои мысли, отправляет собеседнику послания: чувства, мнения или фактическую информацию. Вот почему зондаж общественного мнения считается эффективной исследовательской техникой (см. главу 3).

Мнения — это реакция на новую ситуацию в условиях относительно стабильной ситуации. Следовательно, в традиционном, относительно стабильном обществе индивид может существовать без противостояния новым ситуациям. В то же время в обществе с быстрыми изменениями, каким является индустриальное общество, от индивида требуются мнения, которые также могут изменяться, требуется приспособление стабильного поведения к изменяющимся обстоятельствам. Внешний мир меняется, и люди должны реагировать на эти изменения. Даже если внешние обстоятельства не меняются, индивиды, сами по себе, изменяются. Они проходят путь от студента к профессору и обретают новые перспективы, изменяя свои взгляды, чтобы уяснить новые.

Как происходит, что бретонец, который в своей деревне очень тщательно отправляет все религиозные обряды, прибывая в Париж, в огромном большинстве случаев перестает соблюдать религиозные обычаи? Тротуар у вокзала Монпарнас с его влиянием на религиозную практику дал обильную пищу для размышлений Ле Бра. Не трудно найти аргументы того, что религия бретонского крестьянина — традиционна, что он не является истинно верующим: как только бретонцы освобождаются от социального "контракта" деревни и авторитета приходского священника, они так же мало следуют религиозным обрядам, как и многие другие; ясно, что они по-настоящему не верят в Бога, потому что не следуют религиозным предписаниям, где бы ни находились. Попробуем проанализировать это утверждение.

— В деревне ходить к мессе — еще не значит быть католиком. Религиозность — это глубокое чувство, проявляющееся в определенных действиях, установленных социальной группой.

— Бретонцу, приехавшему в город из деревни, где он никогда не имел привычки устно выражать свои религиозные чувства, кажется, что пойти к мессе в воскресенье — значит подтвердить свою набожность в отличие от тех, кто не ходит к мессе и не подтверждает свою веру Это непривычный и относительно трудный для него демарш. Если он не ходит к мессе в Париже, в Витри или в Шуази, хотя исправно выполнял все религиозные обряды в своей деревне, это еще не говорит о том, верит он или не верит; просто он не приспособился к своему новому социальному кругу и считает неудобным "афишировать" свои чувства.

ТИПЫ ЛЕГИТИМНОСТИ

Теперь, вслед за Максом Вебером, обсудим оппозицию (легально-бюрократическую или рациональную) традиционного типа, характеризующего индустриальное общество и общество харизматическое, которое может существовать как в традиционном, так и в "массовом" обществе, что доказала нацистская Германия. Макс Вебер писал:

> В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований *легитимности* (начнем с них). Во-первых, это авторитет "вечно вчерашнего": авторитет *правов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, — "традиционное" господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного *дара* (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу "легальности", в силу веры в обязательность легального *установления* (Satzung) и деловой "компетентности", обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил — господство в том виде, в каком его осуществляют современный "государственный служащий" и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении[1]

Легитимность рационального типа покоится на убеждении, что процедуры, с помощью которых установлены законы, легальны, а также на вере, что люди, изменяющие или фиксирующие законы, имеют на это право, если они следуют регулярной процедуре. Закон, принятый конституционным путем законно избранными пред-

[1] Эти основания легитимности изложены в статье "Основные социологические понятия", которая представляет собой воспроизведение первых шести (из семнадцати) параграфов первой главы "Хозяйства и Общества" в "Собрании сочинений по наукоучению" *См.*: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 646—647, перевод М.И.Левиной.

ставителями, будет корректен. В данном случае закон правомочен и принимается в качестве обязательного гражданами. В банке или на предприятии внутренний регламент также легитимен, если он выпущен властью, которая имеет право его выпускать, причем эта власть предварительно проконсультировалась со всеми, с кем было необходимо, как того требует закон или регламент (с комитетом предприятия, с административным советом и т. п.).

Традиционная легитимность, напротив, покоится на вере в то, что установлено традициями, священно само по себе и этим обосновано; тот, кто, следуя тем же традициям, обладает авторитетом, обладает и правом им пользоваться. Власть никогда не ставится под сомнение, она легитимна, потому что существует и до некоторой степени имеет божественное происхождение. В ежедневной деятельности традиционного общества "Бог" играет инструментальную роль, которую теряет в индустриальном обществе.

Остается третий тип легитимности — харизматический. Данный термин, заимствованный у историков религии, происходит от греческого слова "харизма", что означает "милость" Харизматическая легитимность покоится на вере в особые качества некоторого индивида, в то, что этот индивид святой или пророк, облеченный божественной властью, или военный начальник, который продемонстрировал героизм и свои выдающиеся способности на поле боя, или, наконец, лидер толпы, демагог (слово в этом смысле не является уничижительным), умеющий гальванизировать толпу, приводить ее в движение и показывать ей дорогу[1]

[1] Макс Вебер так описывал "господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется личной "харизме" "вождя": "...здесь коренится мысль о призвании (Beruf) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне "призванным" руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам "вождь" живет своим делом, "жаждет свершить свой труд", если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев" (*См.*: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 647, перевод М.И.Левиной.) Важно заметить, что немецкое слово "Beruf" переводится и как "профессия", и как "призвание", и эта двузначность термина не случайна. В работе "Протестантская этика и дух капитализма" Вебер, анализируя значение слова "Beruf", приходит к заключению, что двойной смысл данного термина вытекает из понимания профессиональной деятельности как божественного призвания.

По нашему мнению, пророк может быть лжепророком, и герой — лжегероем. Но чтобы охарактеризовать тип авторитета такого индивида, следут сказать, что он обусловлен глубоким доверием, которое оказывают данному индивиду. Авторитет Наполеона или Адольфа Гитлера был харизматического типа. Это не означает, что мы выносим суждение о ценности вышеназванных людей или о режимах, которые они возглавляли.

Ничто не свидетельствует о том, что один тип власти выше другого. Мы можем предпочесть, следуя нашему вкусу, тот или иной. Но "рациональный" тип не имеет никаких преимуществ перед нерациональным, и термин "рациональный" не означает, что это единственный разумный тип власти: каждый соответствует своему типу рациональности и является "иррациональным" по отношению к другим.

Из этих типов легитимности вытекают различные типы власти. Например, для "рациональной" легитимности не характерно послушание ни индивида, ни даже группы индивидов. Власть создается законом, и если кто-нибудь имеет право отдавать приказы, он их отдает в соответствии с регламентом. Закону придает ценность не подпись президента республики "X" а тот факт, что индивид, подписавший закон, является президентом республики. Аналогично на производстве приказ имеет действие не потому, что мсье "Такой-то" — хороший бригадир, или хороший мастер, или хороший инженер, а потому, что у него есть право отдавать приказы. Если кто-то отдаст приказ, выходящий за рамки его компетентности, этот приказ не будет выполнен.

При традиционном типе легитимности имеет место персональный авторитет. Подчинение, характерное для традиционной легитимности, обращается к правящим классам как к таковым и как к людям, занимающим свои руководящие позиции в соответствии с установленными правилами. Послушание феодального сеньора по отношению к своему сюзерену — это не установленные правила королевства, а персональные отношения, связывающие двух индивидов; манера, с которой произносится клятва, когда один индивид объявляет себя вассалом другого, персонально связывает их. Порядок создается не на основании безличного подхода, а на основании личной преданности. Люди, связанные с персоной короля, важны, имеют заметный авторитет: титул камердинера ни в коей мере не позорит человека, а, наоборот, при-

дает ему веса. Аналогично, если руководитель предприятия является представителем древнего рода, с крепкими традициями, послушание подчиненных будет основано на личных связях с патроном и его семьей, воплощающими традиции рода.

При харизматической легитимности послушание также имеет персональный характер: оно покоится на вере в харизматического лидера, на откровениях, которые он способен принести, на индивидуальном убеждении; как и в случае традиционной легитимности, оно персонально, но значительно более хрупко, так как не основано на традиции. Если пророк не совершает больше чудес или разоблачен, если победоносный генерал побит или демагогия привела его войска к поражению, такой "пророк" или "вождь" на войне может потерять всю свою харизму, весь свой авторитет и остаться без власти, в то время как традиционный начальник всегда будет поддержан традицией, даже если он плохой начальник.

Совместимы ли различные типы легитимности, которые мы только что рассмотрели, с формами экономической индустриальной жизни? Традиционные и харизматические режимы мало соответствуют экономике, основанной на долгосрочных инвестициях.

Приказы руководителей в традиционной системе легитимны тогда, когда традиция предполагает, что они легитимны. Такой тип руководства делает экономическую эффективность относительно нестабильной в областях, где решения, не соответствующие традициям, могут быть произвольно изменены. Более того, первая добродетель подчиненного — это не компетентность, а лояльность. То, что подчиненный владеет определенными знаниями, безразлично, но то, что он предан, что его лояльность крепка, как только возможно, в глазах начальства — капитал. Традиционный начальник вознаграждает прежде всего верность себе и не окружает себя теми, от кого он может получить помощь лишь в силу их компетенции.

По этим соображениям в обществе традиционного типа возможности экономического развития ограниченны; в таком обществе трудно делать долгосрочные инвестиции. Долгосрочные инвестиции — это своего рода пари, заключенное при максимуме информации и расчета, но пари всегда ненадежно. Если противник в любой момент может изменить исходные данные игры в свою пользу, пари почти всегда будет проиграно. Другими словами, при традиционной власти, которая свободно вклинивается в

экономическую область, возможен коммерческий капитализм, базирующийся на достаточно быстром обращении капитала, в то время как индустриальный капитализм, основанный на долгосрочных инвестициях, не так очевиден.

Харизматическая легитимность не связана с преемственностью, потому что она покоится на выдающихся качествах и на вдохновении личности. Легитимность может в любой момент измениться в соответствии с желанием властей предержащих. Это принципиальный момент: харизматическая власть представляет собой власть изменений. Начав действовать, она вынуждена решать проблемы, которые с трудом поддаются решению, и, как следствие, изменяется сама. Харизматическая власть несовместима с "рациональным" (т.е. "вычисленным") экономическим поведением там, где подразумевается стабильность правил.

Харизма желает "рационализироваться", чтобы стать источником новых традиций. Харизма героя позволяет, например, его последователям объявить новую традицию. Наполеон III, прославляя харизму Наполеона I, возвеличивал наполеоновскую легенду. Чтобы трансформироваться в режим рационального типа, харизма должна подготовить целую серию правил, которые переживут самого героя и продлят жизнь тому, что он создал (*"Changement"*, глава 7).

Таковы трудности двух типов легитимности, с которыми встречается экономическая активность: традиционного и харизматического. Правда, наблюдается некоторое соответствие, даже совпадение, между рациональным типом и экономической активностью: изменение правил в этом рациональном типе может происходить относительно легко, учитывая хорошо установленную процедуру, освобождающую от дополнительных возмущений. Она объединяет гибкость и непрерывность, необходимые, чтобы дать корректные юридические и социальные рамки экономической активности, соответствующей длительным периодам расчетов. Это рациональный тип, связанный с развитием *бюрократии* (см. главу 9).

В заключение заметим, что переход от традиционного общества к индустриальному может быть проанализирован как процесс рационализации в том значении, которое дал этому термину Макс Вебер. Именно в таком смысле надо интерпретировать "секуляризацию" нашего общества, т. е. все большее расхождение

между верующими и неверующими в обычной жизни, которое анализируется социологами религии одновременно с появлением новых форм "невежественной религиозности" в индустриальном обществе, а также сектантских и мессианских движений в странах с быстрой индустриализацией. Некоторые авторы думают, что рационализация приводит к исчезновению политических и философских идеологий и особенно утопических движений. Еще Токвиль говорил, что демократические общества будут менее страстными, чем предыдущие, но это обобщение годится в качестве исходной базы для исследований, а не в качестве окончательного вывода. Религия и идеология могут исчезнуть в своих древних формах и возникнуть в новых, выполняя новые обязанности в индустриальном и рационализированном обществе.

РОЖДЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Исторические условия перехода от общества традиционного типа (крестьянского или какого-либо другого) к обществу индустриального типа (капиталистического или социалистического) являются сегодня самой важной проблемой, поскольку существует так называемый "третий мир" Экономисты и социологи, у которых спрашивали ответа на протяжении тридцати лет, показали себя полностью неспособными решить эту проблему; экономика промышленного роста, эффективная в индустриальных условиях, мало помогала в исследовании поднимающихся экономик, а социология развития — одновременно болтлива и косноязычна (*"Changement"*, глава 1).

Каковы начальные импульсы рождения индустриального общества? Этот вопрос остается без ответа даже для европейского прототипа. Все великие мыслители XIX века от Маркса до Вебера и многие современные историки хотели понять, каким образом Западная Европа, и только она, изобрела в XVI веке этот новый тип общества? Например, Китай и Индия, которые в ту эпоху были во многих отношениях впереди Европы, не смогли его придумать. По какой причине? Почему именно тогда? Эти вопросы, конечно, в первую очередь адресованы историкам, а не социологам, но иногда полезно выслушать социологов первыми.

Маркс определил шесть принципиальных этапов, которые привели к капиталистической промышленности:

— появление городов в начале средних веков;

— появление купцов и развитие ярмарок и торговых дорог;

— появление мануфактур, концентрирующих ремесленное производство либо в одном месте, либо под руководством одного купца, заставляющего рабочего работать у себя дома;

— развитие большой международной торговли в XVIII веке;

— превращение мануфактур в фабрики.

Эти этапы были в деталях изучены историками. Жордж Дюби настаивал на роли первой аграрной революции XII века в длительной динамике, изменившей сельскую экономику Западной Европы: из домениальной системы каролингской эпохи она превратилась в экономику XIV века, содержащую в зародыше все элементы капитализма; таким образом происхождение нашего общества было передвинуто с XVI на XII век.

Но все эти исследования не позволяют ответить на фундаментальный вопрос, поставленный Максом Вебером: другие общества также знали города и купцов и располагали продуктивным сельским хозяйством. Однако есть города и города: "городская" концентрация обитателей в одном и том же месте прячет различных радикалов; не будем говорить здесь и о теократических городах древнего Среднего Востока или доколумбовой Америки, ограничившись античной Грецией и Китаем XV века. Согласно Максу Веберу, античный город, его правящие слои, капитализм, интересы демократии образуют специфичность античности, направленную на политическую и военную активность. Античный город был, начиная с создания гоплитического порядка, корпорацией воинов. Средневековый город, находившийся под властью цехов, представлял собой общество, ориентированное на экономические организации. Буржуазия могла использовать военную силу, но во внутренних городах эта сила не составляла фундамента экономической активности и не могла выводить на прямую дорогу "рациональную" экономику, поскольку военная сила находилась вовне.

В своем труде о "появлении капитализма в Китае" Этьен Балаш пишет, что: "Китайский город эпохи Тан[1] был городом мандаринов и власти, городом, в котором купцы не имели места. Задача этого города заключалась в том, чтобы показывать власть Империи и Императора"

[1] Династия Тан правила с 618 по 907 г.

Средневековый город, напротив, был городом купцов, чуждых феодальной системе, он развивался там, где феодализм еще не набрал силу (Фландрия, Северная Италия), и благодаря привилегиям, которые давали ему полную автономию и определяли легитимность буржуазии. Когда феодальная система распалась, буржуазия вышла на первый план в обществе и образовала триумфальное шествие экономической логики против логики религиозной и политической. Феодализм, следуя евангельскому принципу ("кесарево Кесарю")[1], отказывался признать купцов, но они в конце концов победили. Это историческое "объяснение" тем не менее не содержит искомого теоретического ответа.

Следующий вопрос Макса Вебера также не имеет ответа: как средневековые купцы превращались в капиталистов XVI века? В работе "Протестантская этика и дух капитализма" Вебер пишет:

> До середины прошлого века жизнь скупщика изделий домашней промышленности (во всяком случае, в некоторых отраслях текстильной промышленности континентальной Европы) протекала, по нашим понятиям, довольно спокойно. Ее можно представить себе следующим образом: крестьяне приезжали в город, где жил скупщик, со своими изделиями, которые подчас (если это были ткани) преимущественно или целиком выделывались ими из своего сырья; здесь после тщательной (в ряде случаев официальной) проверки качества изделий они получали установленную оплату Клиентами скупщика для сбыта товара на дальнее расстояние были посредники, также приезжие, которые обычно приобретали изделия не по образцам, а руководствовались знанием привычных сортов; они брали товар либо со склада, либо же заблаговременно заказывали его; в этом случае скупщик в свою очередь заказывал требуемое у крестьян. Поездки с целью посещения клиентов либо вообще не предпринимались, либо предпринимались редко, с большими промежутками; обычно достаточно было корреспонденции или постепенно внедрявшейся рассылки товаров. Не слишком утомительный рабочий день — около 5—6 рабочих

[1] Мф. 22.21.

часов, — часто значительно меньше, больше лишь во времена каких-либо торговых кампаний, там, где они вообще имели место; сносный заработок, позволявший вести приличный образ жизни, а в хорошие времена и откладывать небольшие суммы; в целом сравнительно лояльные, основанные на совпадении деловых принципов отношения между конкурентами; частое посещение "клуба"; в зависимости от обстоятельств кружка пива по вечерам, семейные праздники и в целом размеренная спокойная жизнь.

Если исходить из коммерческих деловых свойств предпринимателей, из наличия капиталовложений и оборота капитала, из объективной стороны экономического процесса или характера бухгалтерской отчетности, то следует признать, что перед нами во всех отношениях "капиталистическая" *форма* организации. И тем не менеее это "традиционалистское" хозяйство, если принять во внимание *дух*, которым оно проникнуто. В основе подобного хозяйства лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел, традиционные отношения с рабочими и традиционный, по существу, круг клиентов, а также традиционные методы в привлечении покупателей и в сбыте — все это, как мы полагаем, определяло "этос" предпринимателей данного круга.

В какой-то момент, однако, эта безмятежность внезапно нарушалась, причем часто это отнюдь не сопровождалось принципиальным изменением *формы* организации — переходом к замкнутому производству или к введению механических станков и т. д. Происходило обычно, скорее, следующее: какой-нибудь молодой человек из среды скупщиков переселялся из города в деревню, где тщательно подбирал ткачей, значительно усиливал степень их зависимости и контроль над их деятельностью и тем самым превращал их из крестьян в рабочих: одновременно он старался сосредоточить в своих руках весь сбыт посредством установления тесной связи с низовыми контрагентами, то есть с магазинами розничной торговли, сам вербовал покупателей, ежегодно регулярно посещал их и направлял свои усилия на то, чтобы качество продукции отвечало их потребностям и желаниям, "было бы им по вкусу"; одновременно он проводил в жизнь принцип "низкие цены, высокий оборот"

Затем происходило то, что всегда и повсеместно следует за подобным процессом "рационализации": кто не поднимался, тот опускался. Идиллия рушилась под напором ожесточенной конкуренции, крупные состояния, возникшие в новых условиях, не отдавались в рост, а вкладывались в производство. Прежней уютной, спокойной жизни приходил конец, наступала пора суровой трезвости: те, кто подчинялся законам времени и преуспевал, *хотели* не потреблять, а приобретать; другие стремились сохранить прежний строй жизни, но *вынуждены* были ограничить свои потребности"[1].

Города негоциантов и банкиров, например Флоренция Медичи, не привели к индустриальному обществу, которое мы видим впоследствии. Маркс подчеркивал, что капитализм рождается, когда предприниматель решает не рассматривать свои ценности как объекты накопления и ненужных расходов (подобно синьору) или как материал для плодотворных спекуляций (подобно купцу), а способен видеть в них капитал, производящий прибыль, которой он не хочет воспользоваться немедленно: там, где нет капиталиста, нет и капитала. Жажда приобретения одинакова у синьора, торговца и предпринимателя; с другой стороны, аскетизм, отказывающийся от радостей, которые дает в этом мире богатство, одинаков, по крайней мере, у монаха и предпринимателя; наконец, этика труда и профессиональное сознание всегда были у ремесленников. Эти три моральные установки, на первый взгляд противоречивые, вошли в мораль предпринимателя, как и в мораль кальвиниста; отказ от потребления и работа без перерывов позволяют первому аккумулировать капитал, а второму — чувствовать себя праведником. Но как и почему в один прекрасный день родилась эта мораль? Увы, мы не имеем ответа на этот вопрос, впрочем, как и на предыдущий. Противопоставлять Маркса Веберу так же естественно для социологии, как и противопоставлять Корнеля Расину для учеников школы; однако это противопоставление чисто риторическое, и анализы одного и другого являются абсолютно совместимыми и даже дополняющими друг друга.

[1] *См.*: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 86—89, перевод М.И. Левиной.

БЕДНОСТЬ

Рассматривая индустриальное общество XIX века, все наблюдатели сходились в отрицательной оценке капиталистической системы: социалисты, марксисты, либералы и реакционеры объединялись, доказывая, что обогащение одних шло параллельно с пауперизацией[1] других и что нельзя избежать закона прибыли и "железного закона заработной платы" ("выколачивания сверхприбыли", согласно другому словарю). Некоторые делали заключение о неизбежности революции, другие утверждали, что необходимо заниматься благотворительностью среди рабочих и улучшать условия их жизни, но все были едины в пессимизме. XX век, напротив, принес надежду, что возрастание увеличивает пирог, каждый получает все большую часть: неравенство не имеет принципиального значения, и условия жизни у всех улучшаются. Бедность стала постоянной темой беспокойства.

Волнения и скандалы, вызванные этим открытием, не подрывают экономического оптимизма, потому что бедные рассматриваются только как индивиды, которым принадлежит меньше, чем остальным, и которым надо дать больше. В Соединенных Штатах, например, линия, определяющая бедность, расположена на уровне, ниже которого люди считаются бедными, или, более стыдливо, *непривилегированными* (*underpriviledged*); в зависимости от доброты эта линия проходит выше или ниже: от 15 до 25% людей бедны. Данные утверждения обнажают проблему и оспариваются несколькими работами. Развитие индустриального общества захватывает не все слои, оно оставляет в стороне группы, пребывающие в своем состоянии и подвергающиеся пауперизации в сравнении с остальным процветающим обществом. В странах "третьего мира" богатые очень богаты, представители среднего класса — бедны, а бедняки — вообще за гранью бедности. В индустриальных странах при том, что уровень жизни поднимается, бедные пауперизуются и все больше отличаются от большинства, увеличивающего свое потребление.

[1] Пауперизация — процесс все большего и большего обнищания пролетариата по мере развития производительных сил. Согласно "Капиталу" К. Маркса, пауперизация — это не строго экономический механизм, а экономико-социологическая теория.

Изучение социальной политики в Соединенных Штатах и в Европе (бесплатная медицина и т. п.) показывает, что меры, предназначенные для "бедных", не охватывают наиболее бедных, которые не платят налоги, не переселяются в новые квартиры и т. д.; маргинальность этих людей часто усиливается мероприятиями, направленными на них, но их не достигающими. Этнографические исследования бидонвилей позволяют изменить перспективу и не рассматривать бедняков с отрицательной точки зрения как людей, имеющих меньше, чем другие, а, напротив, дают возможность взглянуть на них с положительной точки зрения как на странное племя посреди наших больших городов, имеющее свою логику и свой образ жизни.

Показателен пример бидонвиля Нуази-ле-Гран, изученного Жаном Лаббенсом. Этот временный лагерь переселенцев должен был интегрировать своих обитателей в "нормальную" жизнь. Но рассматриваемая популяция была стабильна во многих отношениях. Лагерь не представлял собой только собрание выходцев из деревни: 15% жителей пришли из деревни, 45% — из городских районов и 40% — из Парижа, причем для 90% жителей бидонвиля их текущая ситуация была как бы наследственной: прежде они жили в аналогичных условиях. Социальное общество лагеря мало-помалу сформировалось и защищало свои семьи от индустриального городского общества, в котором они не нашли себе места; с течением времени поселок привлекает новых членов, многих из которых объединяют родственные связи: более половины обитателей бидонвиля — родственники. Среди жителей временного лагеря женатые пары составляли 51%, сожительствующие — 37% и неженатые — 12%: очевидное доказательство патологической нестабильности этих семей для полезного труда. Изучение показало, что крепость союза, законного или нет, для жителей бидонвиля одинакова: сожительство, с их точки зрения, ничем не менее стабильно, чем женитьба. В обоих случаях мужчина работает, когда может (23% не работают), и приносит заработок жене, которая не работает. Более того, женатые мужчины имеют профессии менее вознаграждаемые, чем профессии сожительствующих мужчин, а сожительствующие женщины работают реже (10%), чем женатые (14%). И женатый и сожительствующий мужчина, не имеющий работы, должен помогать своей жене, приводить в порядок хижину. В

среднем семьи имеют четверых детей (4,3 — у женатой пары, 4,2 — у сожительствующей). Единственной заметной разницей между данными парами является манера определять права и обязанности. У женатых мужчина, как правило, старше женщины, в то время как у сожительствующих мужчина часто бывает моложе женщины; в первом случае более авторитетен мужчина, во втором — женщина.

Дети, изученные с помощью теста Ван Леннепа, обнаруживают очень заметную "слабость я" Они характеризуются чувствами неполноценности и бессилия, делающими их безоружными и пассивными перед судьбой: их надежды и действия нереалистичны и полностью отрицают причинную связь. Девушки мечтают о решениях, которые будут им ниспосланы "свыше", а юноши проявляют агрессивность. Если им повезет и они "выйдут в люди", то лишь благодаря сильным мира сего, благодетелям, о которых юноши будут отзываться неблагоприятно, а девушки говорить как о защитниках. Отсюда понятно, почему дети и их родители не придают большого значения школе и изучению какой-либо профессии. Молодому человеку ищут защитника и помещают его к торговцу или ремесленнику: он будет обучаться работе маргинальной и непостоянной.

Лагерь обещает индивидам и их семьям безопасность, которую общество им не дает; безопасность существует благодаря социальным службам и особенно благодаря взаимопомощи, обеспечивающей поддержку со стороны соседей: тарелку еды или уход за больным. Внутренняя экономическая жизнь, изолированная от внешнего мира и немонетаризированная, имеет свои законы, позволяет жить и переносить бедность.

Описанная выше ситуация не соответствует ситуации в странах "третьего мира", где нищета и бидонвили соединены с массовой эмиграцией из деревни и где наблюдается движение в сторону урбанизации и индустриализации, аналогичное тому, которое Европа познала в XIX веке. Американский этнолог О. Льюис сравнивает бидонвили Мехико и фавелы Рио с негритянскими гетто Нью-Йорка и "сельскими" деревнями Аппалачей: с точки зрения индивидов ежедневная жизнь сравнима, но с точки зрения общества имеются различные феномены с несхожими ролями.

Сегодня в индустриальных странах бедность стабилизирует стремительно исчезающие берлоги и бидонвили, но, благодаря

"инцидентам" в профессиональной и семейной жизни и "инцидентам со здоровьем" рождается новая бедность. Безработица, разводы, тяжелые болезни "сталкивают" индивида в категорию получающих социальную помощь или вообще исключают из общества: его должны взять на содержание семья, родственники или социальные службы, и с этого момента он носит социальное клеймо, от которого очень трудно избавиться. Зная это, многие бедные люди отказываются от помощи, что ухудшает их ситуацию и полностью их маргинализует.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Каково будущее нашего индустриального общества? Некоторые утверждают, что мы живем в постиндустриальном обществе, то есть в обществе, для которого схемы, представленные выше, не описывают фундаментальных структур. На самом деле весь западный мир вошел в стадию деиндустриализации: во Франции доля рабочих достигла своего максимума в 1975 году и с тех пор падает. Расширение непроизводительного сектора в экономике очевидно. Обработка информации становится главной сферой деятельности, в различных формах которой занято более половины активного населения, и ключ к власти осуществляет контроль над знанием. Дэниел Белл первым охарактеризовал постиндустриальное общество[1]; именно он, за неимением более подходящего слова, ввел этот термин, удовлетворившись подчеркиванием его разницы с индустриальным обществом. Белл дал постиндустриальному обществу четыре основные характеристики:

— переход от экономики, производящей блага, к экономике обеспечивающей услуги;

— господство технической компетенции и обработки информации;

[1] Д.Белл впервые ввел это понятие в 1962 г. Впоследствии он развил его в работе "Грядущее постиндустриальное общество" (1974), описав экономические и социальные изменения в конце XX в. Концепция постиндустриального общества развивает популярные в 60-х гг. теории "индустриального общества" Р. Арона и "стадий экономического роста" У Ростоу. Наиболее известные представители данной концепции — Д.Белл, З.Бжезинский, А.Турен, Г.Кан, Дж.К.Гэлбрейт и др.

— теоретические знания лежат в основе социальных новшеств;

— возможность решений принадлежит тем, кто контролирует теоретические знания.

В другой работе Дэниел Белл показывает, что динамика перехода от индустриального к постиндустриальному обществу зависит от соотношения между тремя "логиками" функционирования нашего общества:

— экономика следует рациональности, логике Вебера, она нема перед техническими новациями и создает иерархию;

— политика организует участие всех граждан в политической жизни, она основана на равенстве и следует принципу Токвиля: чем больше равенства, тем невыносимее становится неравенство;

— культура дает смысл жизни индивидам, которые хотят выражать себя: это область личной свободы, толкающей к разнообразию[1].

Технический и экономический прогресс прямолинеен благодаря улучшению техники и накоплению богатств, средств производства и накопления. Культурные особенности цикличны, потому что подвержены моде. Политические изменения вытекают из взаимодействия этих двух логик и интересов социальных групп.

Рекомендуемая литература

Прежде всего — работы классиков:

* Tocqueville, L'Ancien Régime et la Révolution. Paris, Gallimard, 2 vol., 1961, 421 p.

* La Démocratie en Amérique. Paris, Gallimard, 1953, 449 p.

* Durkheim, De la Division du travail social/ Paris, Alca, 1932, 416 p.

* Max Weber, Économie et Société. Paris, Plon, 1971, 651 p.

Черты индустриального, крестьянского и традиционного обществ обсуждаются в следующих работах:

* Raymond Aron, Dix-huit Leçons sur la société industriele. Paris, Gallimard-Idées, 1962, 377 p.

* Peter Laslett, Un monde que nous avons perdu. Paris, Flammarion, 1969, 296 p.

[1] Имеются в виду работы: Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1974 и Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York, 1976.

* Henri Mendras, Sociétés paysannes, éléments pour une théorie de la paysannerie. Paris, Colin, 1976, 237 p.

* Daniel Bell, Les contradictions culturelles du capitalisme. Paris, P.U.F., 1979.

О возрасте людей и его ренессансе в нашем обществе:

* Annick Percheron, "Se faire entendre: morale quotidienne et attitudes politiques des jeunes" и Julian Pitt-Rivers, "Quand nos aînés n'y seront plus" в H. Mendras (издатель), La Sagesse et le Désordre. Paris, Gallimard, 1980, pp. 129-191.

* Paul Paillat, Vieillissement et vieillesse. Paris, P.U.F., 1982, 128 p.

* Oliver Galland, Sociologie de la jeunesse. Paris, Colin (готовится к выходу).

О рождении капитализма, помимо Маркса и Вебера:

* Jean Baechler, Les Origines du capitalisme. Paris, Gallimard-Idées, 1971, 188 p.

* Philippe Besnard, Protestantisme et capitalisme, la controverse post-weberienne. Paris, Coline, 1979, 426 p. Вступление (pp. 7-110) и два текста: McClelland, "Motivation d'accomplissement et développement économique" (pp. 335-355); Wertheim, "Religion, bureaucratie et croissance économique" (pp. 356-372).

О бедности:

* Jean Labbens, Sociologie de la pauvreté. Paris, Gallimard-Idées, 1978.

* Dominique Schnapper, L'épreuve du chômage. Paris, Gallimard, 1981, 222 p.

О постиндустриальном обществе и роли деревенской жизни:

* Daniel Bell, Vers la société post-industrielle. Paris, Laffont, 1976.

* Bernard Kayser, La renaissance rurale. Paris, Colin, 1989.

ГЛАВА 8

СЕМЬЯ: УЗЫ РОДСТВА, ДОМАШНИЕ ГРУППЫ И ЖЕНИТЬБА

Часто говорят, что узы родства — это костяк примитивных и традиционных обществ и что, если определить систему родства, можно понять и само общество. Кроме того, говорят, что семья — фундаментальная ячейка современного общества. Это не означает, что семья не играет роли в системе родства или что узы родства ничего не значат в обществе. Во-первых, термины, связанные с семьей, имеют двойной смысл в нашем языке. С одной стороны, они определяют людей, объединенных родством по крови: мои дяди, тети, дедушки, бабушки, кузены образуют мою семью. С другой стороны, под семьей понимают группу людей, живущих вместе под одной крышей, обычно родителей и детей: студент живет в своей семье или покидает ее, чтобы поехать в университетский город. Наше общество одними и теми же словами определяет два далеких и характерных понятия. Поэтому для анализа необходимо заменить термин "семья" на "группу по происхождению" — в первом случае и на "домашнюю группу" — во втором.

Женитьба и родственная связь представляют собой два механизма передачи: один — передачи женщины, другой — имущества. Женитьба, кроме того, еще и механизм передачи благ, а наследство одновременно передает нематериальные блага — религиозные, духовные, культурные обычаи. В сельскохозяйственном обществе благами являются земля и скотина. Передача земли следует принципам, очень близким к принципам передачи женщин, которые в некоторых обществах приравнены к имуществу и сравнимы с землей; скотиной же часто "оплачивают" женщину.

Для социологии и для этнологии родство — это феномен социальный, а не биологический. Изучая родство, познают социальную систему, частично связанную с биологическими явлениями, но в основном это — система родства, а не биологическая система. Народы, у которых очень утонченные системы родства в сравнении с нашей, имеют весьма примитивные понятия о зачатии. У некоторых народов распространено мнение, что мужчины не важны, что они, как говорится, только "открывают дорогу", а вот женщина реально

рождает ребенка, который происходит от матери и лишь чуть-чуть от отца. У других народов, напротив, мать — только кормилица для ребенка, а отец — это тот, кто дает ребенку жизнь и "наследство" Даже в нашем обществе с высокоразвитой наукой противоречивые концепции являются предметом дискуссий о пилюлях и абортах. Все это — сюжет для идеологических исследований, изучения родственных связей и т. д. в социологии.

СИСТЕМЫ РОДСТВА

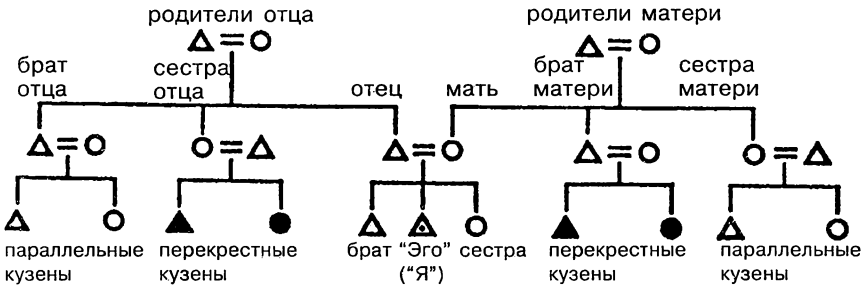
Прежде всего необходимо определить три наиболее часто используемых термина: род, клан и племя. Род — это группа, происходящая от одного предка. Бывает, что род разделяется на несколько ветвей. В некоторых обществах род очень обширен: можно насчитать 8, 9 или 10 поколений и узнать многочисленных родственников в других ветвях того же рода (когната).

Клан представляет собой группу людей, утверждающих, что они происходят от одного предка, но в данном случае невозможно проследить все звенья цепи. Предка такой группы могло вообще не быть; эфемерный, мифический, он уже вроде и не человек. Предком-эпонимом служит растение или животное (тотемизм). Люди, имеющие общего предка-эпонима (т. е. того, кто дал им свое имя), обычно объединяются в общества, которые исследуют этнологи. Такие общества характеризуются серией запретов (что можно делать, а что нет), особенно это проявляется в питании (нельзя есть то-то). В тотемических кланах, например, нельзя есть тотем.

Очень часто термин "клан" используют, чтобы определить популяцию, живущую на данном пространстве или когда говорят о кланах, меняющих своих женщин. Но не следует путать кланы с группами, просто проживающими на одной территории, или с экзогамными группами, которые ищут себе женщин вне группы.

Племя обычно объединяет несколько кланов и определяется посредством территории обитания. Данный термин не имеет точного значения и часто указывает на группу политической природы.

Рассмотрим генеалогическую схему: отец и мать; затем "Эго"; брат и сестра; у матери тоже есть сестра, которая имеет мужа и детей (сына и дочь); а также — брат матери с женой и двумя детьми. Аналогично можно выстроить схему для отца, его брата и сестры.



Таковы элементарные отношения родства. Это фундаментальная структура, повторяющаяся из поколения в поколение, увеличивая число братьев и сестер. Существуют две системы названий родственников:

1. Описательная (наша система): мы используем слова, обозначающие ситуацию и позиции индивидов. У меня — "Эго" — имеется только один отец, следовательно, слово "отец" определяет только моего отца и больше никого. Таким же образом братья моего отца и моей матери все приходятся мне дядями, по отношению ко мне они — в той же позиции.

2. Классификационная (в других обществах). Морган, около века тому назад, впервые разделил описательную и классификационную системы[1]. В классификационной системе различные люди объединены одним названием. Например, в некоторых племенах отец индивида и брат отца — оба являются отцами для этого индивида, он называет так и одного, и другого; аналогично мать индивида и ее сестра — обе его матери, он ведет себя с ними одинаково.

Лафито в 1724 году описал обычаи диких американцев:

> У ирокезов и гуронов все дети хижины считают сестер матери своими матерями, а ее братьев дядями. Они называют "отцом" братьев своего отца и говорят "тетя", обращаясь к его сестрам. Все дети матери и ее сестер, а также отца и его братьев рассматриваются как братья и сестры. Но что касается детей братьев матери и сестер отца — они считаются только кузенами.

[1] *См.*: Morgan D. Social Theory and the Femily. L., 1975.

Другими словами, перекрестные кузены считаются у ирокезов кузенами, а параллельные — родными братьями и сестрами.

Дело несколько усложняется, если вместо того, чтобы считать брата матери дядей, вы относитесь к дяде по материнской линии как к матери и, следовательно, имеете мать — мужчину Аналогично можно иметь отца женщину (сестру отца). Приведенные выше примеры ясно показывают, что нет прямой связи между биологическими и социальными феноменами.

По нашей классификации мы называем "отцом" того, кто женат на матери. Возможно, что кто-то родился не от мужа матери, а от другого мужчины, но, в противоположность "отцу", "отец-производитель" не так важен в нашем мире, что соответствует старому принципу римского права: "Pater is est quem justae nuptiae demonstrant", или: "Дети принадлежат человеку, владеющему постелью" В нашей терминологии, как и в классификационной, надо всегда отличать отца-производителя от того, кого называют "отец", но кто таковым не является в смысле данной номенклатуры.

Можно проследить, как организуется родство. Являются ли две первые пары (на схеме) одинаковыми по отношению к "Эго"? Если вы находитесь в системе родства, основанной на материнстве или отцовстве, важно, кому они приходятся родителями — матери или отцу.

В прошлом веке этнологи жарко дискутировали на тему: существовал ли матриархат при рождении всех народов, которые лишь впоследствии стали патриархальными, или каждый народ развивался по-своему? Одним из толчков к этим дебатам послужил знаменитый текст Тацита, в котором римский историк описал семейные отношения у германцев: братья матери считались у них отцами[1]. Все общества проходили путь от системы без четко выраженных семейных связей к матримониальной, затем к патрилинеарной системе, чтобы прийти к недифференцированной, или билатеральной, системе, в которой мы живем. Этот взгляд, как и все эволюционные взгляды на социальные феномены, вызывает подозрение у социологов, поскольку не имеет доказательств.

[1] Имеется в виду очерк "Германия", посвященный религии, общественному устройству и быту древних германцев ("De origine, situ, moribus ac populis Germaniae"). На русский язык впервые переведен Классовским в 1869 г.

Матримониальная система является наиболее простой: дочь остается с матерью и с братом. Дочь, живущая с братом, сохраняет клан, имя и передает их своим детям. Брат считается отцом ее детей: поскольку она дает свое имя детям, оно совпадает с именем дяди по материнской линии, следовательно, вполне нормально, что дядя рассматривается как отец в том смысле, который мы придаем этому слову.

Возможен вариант, когда "производитель" приходит, "делает ребенка", потом уходит, и никто не знает отца ребенка. Другой вариант состоит в нахождении мужа для жены, но такого, чтобы он жил у своего шурина. В этой системе, матрилинеарной и матрилокальной, мужчина живет у женщины, ее брат (дядя по материнской линии) является отцом семейства, а муж — просто производителем или принцем-консортом. Третий вариант — патриархальный: женщина отправляется жить в семью мужа, что приводит к очевидным сложностям, потому что мать передает своим детям имя, одновременно проживая в семье отца.

Патриархальную систему нам понять проще: я у своих родителей, я мужчина, я передам имя, имущество, семейное наследство своим детям. Я могу принять детей у себя (патрилинеарная и патрилокальная система), а могу отправиться жить в семью своей жены (патрилинеарная и матрилокальная система).

Между прочим, отметим, что терминам "патриархат" и "матриархат" нечего делать в системе родства, они только определяют распределение ценностей в семье.

Наше общество не является ни патрилинейным, ни матрилинейным, оно индифферентно, то есть дедушки и бабушки равнозначны для "Эго" Я считаю своих дедушек и бабушек своими дедушками и бабушками. Теоретически я получаю от них жизненные блага одинаково. В нашей системе имеется некоторое патрилинеарное преимущество, потому что имя переходит от отца к сыну. Мы, следовательно, живем в системе, в которой место жительства не так значимо, как родоначальник. В действительности все наши дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки являются для нас родоначальниками, и все дети, происходящие от этих общих родоначальников, — родственники. Обычно у молодой семья нет особых поводов хотеть жить в одном месте больше, чем в другом; чаще всего молодая семья создает новый "очаг", другими словами, живет на новом месте.

Более того, обязанности часто связывают людей в системе родства. Индивид имеет некоторое количество прав и обязанностей (уважение, поддержка) по отношению к родственникам. Эти права и обязанности определены как функция принципов организации. С другой стороны, в некоторых обществах коды вежливости в лоне семьи значительно более разработаны, чем у нас, и определяют тип отношений между всеми членами семьи.

Наконец, блага распределяются согласно следующим принципам: в патрилинеарной системе я наследую дедушке по отцовской линии через своего отца; в матрилинарной — бабушке по материнской линии через свою мать; и в современной системе — я наследую четырем своим дедущкам и бабушкам через родителей.

С некоторыми родителями устанавливаются отношения любви, взаимопомощи и игры; с другими — отношения власти, почтения и повиновения. Одни и те же люди могут создавать первый или второй тип отношений. В нашем обществе, как правило, отец представляет авторитет, а мать — любовь. Дяди и тети скорее представляют любовь, чем авторитет, но в некоторых родственных системах наблюдается обратная ситуация. Отношения к родственникам связаны с отношениями в обществе (см. главу 1).

Если я определяю брата матери как своего отца, у меня установятся с ним отношения, как у сына с отцом. Если зачавший меня мужчина определен не как мой отец, а просто как муж моей матери, у меня с ним не установятся отношения сына с отцом. В матрилинеарной системе, где брат матери рассматривается как отец, "серьезные" отношения существуют между ним и "Эго", в то время как отношения "Эго" с мужем матери являются обычно сердечными, товарищескими и не имеют элементов авторитета и власти, существующих в отношениях с отцом в нашем обществе. Если я считаю брата матери своей матерью, потому что по некоторым классификациям — это моя "мужская мать", у меня установятся с ним отношения того же типа, что я поддерживаю с моей "настоящей" матерью.

Аналогично все кузены в нашей социальной системе являются относительно удаленными родственниками, с которыми складываются такие же семейные отношения, как и с братьями и сестрами, но менее интенсивные. В обществах, где параллель-

ные кузены рассматриваются как братья и сестры, с ними поддерживаются такие же отношения, как с братьями и сестрами, в то время как перекрестные кузены остаются просто кузенами.

В некоторых ситуациях, когда ожидают отношений авторитета, не имея ни иерархических, ни эмоциональных отношений, часто возникают шуточные, особенно шуточно-агрессивные, отношения. Можно привести большое число примеров таких отношений между кузенами. В нашей системе родства, где ничто так не кодифицировано, как в обществах, изучаемых этнологами, тем не менее есть родственники, над которыми, как правило, шутят больше, чем над другими. Например, с ролью тещи связаны отношения авторитета, агрессивности, и чтобы компенсировать агрессивность, используют шутку.

Теоретически авторитет деда должен быть выше, чем авторитет отца. Но принцип компенсации требует, чтобы стремление к авторитету пропускало одно поколение. Во многочисленных обществах нет отношений авторитета между дедами и внуками; у внука с дедом те же отношения, что и с кузенами. В более сложных системах "Эго" рассматривается как старшее поколение по отношению к брату матери и относится к нему как к своим собственным племянникам. В нашем обществе отношения между дедами и внуками — это отношения любви, что отличает их от отношений авторитарного типа, существующих в большинстве сельских обществ.

Брат матери может рассматриваться как любящая фигура, как маленький отец; это очень точно передается латинским термином *avunculus* — уменьшительное от слова "дед" В патриархальных семьях именно дед располагает максимальным авторитетом, дальше мы увидим почему.

Люди, использующие различные системы родства, испробовали всевозможные способы социальных отношений; даже те, которые кажутся нам, жителям Запада, наиболее абсурдными. "Дикие люди" представляются нам погруженными в интеллектуальную игру к их великой радости, а также к радости этнологов, потому что можно переводить эти системы в математические модели.

СОЮЗЫ И СВАДЬБЫ

Свадьбы имеют фундаментальную функцию — объединять двоих, у которых еще нет связи. В большинстве обществ именно женщине принадлежит роль соединения двух различных составляющих. Женщина является социальной связью, объединяющей в обществе различных людей. С этой точки зрения женщина выполняет функцию обмена подобно тому, как деньги выполняют ее в экономических расчетах. В заметках о неокаледонской этнологии Линхардт так пояснял данную ситуацию: "Женщина — это своего рода швейная иголка, предназначенная для шитья крыш, которая то внутри, то снаружи водит одну и ту же лиану, фиксирующую солому"

Роль женщины базируется на принципах экзогамии: вы должны выбрать женщину вне вашего рода, если хотите поддерживать отношения внутри рода. Правило экзогамии часто считается негативным: "Ты не женишься на своих кузинах и сестрах!" Но в действительности правило экзогамии может рассматриваться как позитивное, утверждающее существование других, среди которых выбирают женщину. Это правило не защищает от опасности биологического кровного родства супругов, но делает необходимым установление социальных отношений между различными родами.

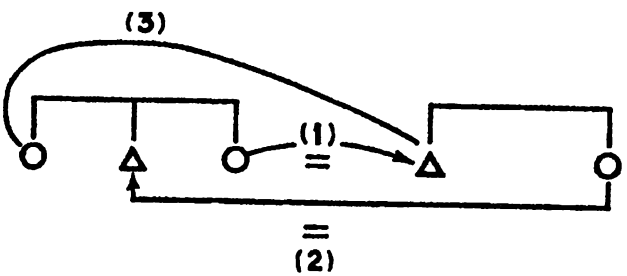
Проблема табу на кровосмешение может быть интерпретирована так: "У тебя не будет сексуальных отношений с сестрой"; или может восприниматься как требование природы: семья, в которой имеются несексуальные отношения с родителями, братьями и сестрами, создает своеобразное отношение "натуральной неприязни" к кровосмешению. Некоторые думают, что все люди прекрасно представляют биологические последствия кровосмешения. Эти представления не отражают феномена ни в общем, ни в частности.

В действительности табу на кровосмешение предназначено для того, чтобы индивиды выбирали женщин не из своей социальной группы. Вы можете претендовать на сестру другого, только отказавшись от собственной сестры, и рассчитывать получить сестру другого, только если готовы отдать ему свою: к этому принципу обмена мы еще вернемся в девятой главе.

Маргарет Мид попросила арапеша изобразить диалог с кем-нибудь, кто захочет жениться на своей сестре: "Ты хочешь

жениться на своей сестре? Ты не хочешь иметь шуринов? Ты не понимаешь, что, если ты женишься на сестре другого человека и кто-то женится на твоей сестре, ты получишь, по крайней мере, шурина и зятя, в то время как, женившись на своей сестре, ты не получишь никого. С кем ты пойдешь на охоту, с кем будешь работать на плантации, к кому отправишься в гости?" У этого дикого человека была прекрасная теория полезности табу на кровосмешение, приносящая ему, в придачу к жене, еще и шуринов с зятьями.

Существуют общества, в которых не запрещается жениться на членах семьи, но имеются рекомендуемые браки, например — женитьба на перекрестных кузенах: "Эго" обязан жениться на дочери брата матери. Свадьбы с перекрестными кузенами встречаются наиболее часто, однако существуют и другие системы, предусматривающие, что в случае смерти супруга оставшийся в живых должен заключить брак с его сестрой или братом. Кроме того, если человек, имеющий сестру, женится на женщине (свадьба № 1), у которой есть брат, то логично замкнуть круг, поженив и их (свадьба № 2).



Обычно обмен женщинами дополняется обменом имуществом. "Эго", чтобы "обеспечить себе женщину" (1), может выдать свою сестру за брата жены (2): обмен реализован, и две ветви ничего не должны друг другу. Если жена "Эго" умрет, то для сохранения равновесия желательно, чтобы у шурина была другая сестра для "Эго" (3). Но здесь возможен риск, поэтому очень редко замена сестры происходит так просто. На практике многочисленные родственники вращаются в большой системе обмена женщинами и компенсации за них товарами (наиболее часто в качестве компенсации используются скот, деньги или драгоценности). "Эго" вместо того, чтобы отдать свою сестру (2) родственнику

жены, делает подарки; это то, что называется выкупом. Если жена умирает, выкуп должен быть возвращен (3); то же — если жена бесплодна; чтобы предупредить риск, "Эго" отдает в момент свадьбы только часть выкупа и остается "в долгу"; можно себе представить, какие сделки, компенсации и переговоры принесут эти "долги" через некоторое время.

Надо подчеркнуть, что выкуп, вносимый женихом, имеет смысл, обратный приданому, известному в ряде сельскохозяйственных и буржуазных обществ: приданое дается в момент, когда жена приходит к мужу и демонстрирует желание оказать помощь в хозяйстве; в случае смерти бездетной жены приданое возвращается в ее семью. Женитьба с приданым — это союз, затрагивающий не только имущественные отношения самих брачующихся, но и взаимоотношения двух родов (например, передача земли, чтобы основать сельскохозяйственное производство). Выкуп предполагает, что женщина рассматривается как источник богатства (дети и работа), в то время как приданое означает, что женщина "стоит" больше, чем она приносит в дом.

Наконец, альянс может рассматриваться как "политическая" стратегия. Суверены женят своих детей, чтобы скрепить союз: Наполеон женился на Марии-Луизе, чтобы укрепить мир с Австрией. Ищут браков с выходцами из богатых и престижных семей, поскольку такие браки способствуют улучшению положения семьи. Обычная матримониальная стратегия приобретения богатства состоит в женитьбе сыновей на богатых невестах, эта стратегия позволяет также укреплять свою власть в обществе или деревне, объединяясь с другими важными семействами.

Теоретически в нашем обществе мы можем выбрать женщину в любой группе. Например, француз может выбрать себе жену в любой группе французов. Идеальная картинка женитьбы — лотерея, в которой выбором командуют случайные законы и идеальная модель, и индустриальное общество вовсю использует эту модель. Социальная, профессиональная и географическая подвижности индивидов не должны ограничиваться правилами женитьбы.

Однако изучение свадеб в различных странах, в частности во Франции, показывает, что выбор женихов и невест в нашем обществе определен структурой общества и его социальными обычаями. В нашем обществе, в отличие от "этнологических", выбором командуют не родственники, а профессиональные группы,

социальная стратификация и географическая близость. А. Жирар ясно показал трудности, с которыми сталкиваются супруги, вступающие в связь, названную им термином "гомогамия" В противоположность эндогамии, гомогамия предполагает, что в брак вступают "похожие" индивиды.

Гомогамия, прежде всего, представляет собой географическое понятие. У вас значительно больше шансов жениться на ком-нибудь, кто географически близок к вам: 57% молодоженов живут в одной и той же коммуне и 81% — в одном и том же округе. Более того, социальная и культурная гомогамия достаточно развиты; от 2/3 до 3/4 людей женятся в своем социальном кругу, или, более точно, в одной социопрофессиональной категории.

Какой социальный механизм заставляет вас жениться на девушке, близкой к вам географически и социально, когда теоретически ваш выбор абсолютно свободен? Обстоятельства свадеб различны: 17% новобрачных встречаются на танцах, 15% — в силу неожиданных обстоятельств, 13% — на работе или на занятиях, 11% имели семейные или детские отношения, 11% — соседские отношения, 11% были представлены друг другу, 10% встретились во время отпуска, 6% — на светских приемах и 6% — на семейных церемониях.

В заключение А. Жирар пишет:

> В действительности, хотя это кажется банальным, не так просто перейти от целибата к браку. Общество приняло в данной области двойные меры предосторожности: с одной стороны, чтобы управлять отношениями между мужчинами и женщинами, оно установило всяческие барьеры — моральные, религиозные или просто социальные, барьеры связанные с воспитанием детей, и все это чтобы удерживать взаимное влечение полов. Но общество настолько преуспело в своем начинании, что потребовалось несколько ослабить барьеры, естественно, под его контролем. Вот откуда, более или менее спонтанно, возникли различные общества, одной из функций которых является сближение людей, имеющих между собой что-то общее, и здесь важную роль играют организуемые обществами праздники, позволяющие молодежи не только знакомиться, но и жениться[1].

[1] *См.*: Girard A. Le Choix du conjoint. P., 1964.

В нашем теоретически моногамном обществе подразумевается, что мужчина не может иметь более одной жены одновременно. Добрачные сексуальные отношения, распространившиеся в последнее время среди молодежи, не ставят под сомнение этот фундаментальный принцип, верность остается преимущественной нормой между супругами. Соответственно сексуальные связи вне брака исключаются, что является характеристикой нашей социальной системы. В многочисленных обществах сексуальная свобода молодежи до брака организуется. Некоторые общества имеют институты (Дома молодежи), организующие отношения между молодыми людьми обоих полов.

Существуют общества полиандрические и полигамические. Среди двухсот пятидесяти обществ, изученных Мердоком, два — полиандрические, 43 — моногамные, 195 — образуют полигамию, но статистически ограниченную — менее 10% "хозяйств" Групповые браки и нестабильные сексуальные связи представлены слабо. Некоторые общества официально гомосексуальны. Наконец, в обществах, где признается различие между отцом и производителем, нет адюльтеров.

ДОМАШНЯЯ ГРУППА

Приведенные ниже схемы позволяют представить три фундаментальных типа семей: это — единая семья, начальная семья и брачная семья (я сохранил здесь данные названия семей для подчеркивания их амбивалентности).

Схема I: единая семья

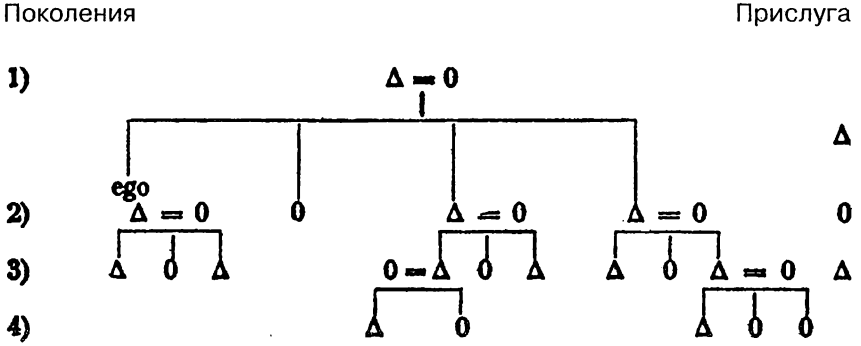
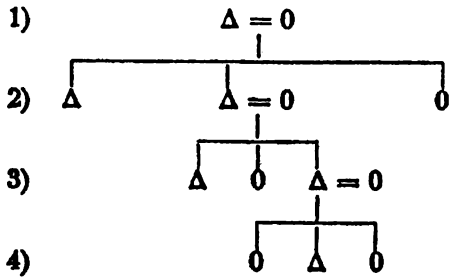


Схема II: начальная семья

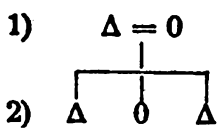


Для описания первого типа семьи применялись различные термины: "патриархальная семья", "большая семья", "joint family" ("объединенная семья"). Термин "единая семья" кажется мне наилучшим. Единая семья объединяет в одну общую семейную группу дедушку и бабушку, их женатых детей, которые также имеют детей (внуки дедушки и бабушки), и детей женатых внуков (правнуков). Все они живут вместе. В такую "домашнюю группу" входят люди, связанные и не связанные кровным родством, но живущие вместе у одного очага и одного горшка, как гласят старые тексты; прислуга также живет "в семье", составляя часть домашней группы.

"Начальная семья" характеризуется наличием нескольких поколений, по крайней мере трех, иногда четырех, но только с одной парой в каждом поколении. Вот почему на графике видны ветви первой генерации, но нет женатых детей, которые ушли из семьи. В этой домашней группе, кроме основной семьи, живут только неженатые.

Наконец, "брачная семья" представляет собой семейную группу, которая нам хорошо знакома, объединяющую у семейного очага только отца, сына и неженатых детей.

Схема III: брачная семья.



В первом случае группа многочисленна (более двадцати человек) в отличие от третьей, имеющей весьма ограниченный состав. Только дедушка и бабушка сохраняют свои позиции. Дети — мужчины и женщины, у которых также есть дети, — являются родителями по отношению к своим детям, а их дети — братьями, сестрами и кузинами по отношению друг к другу. Следовательно, в каждом поколении одни и те же индивиды занимают разные позиции сыновей, дочерей, зятьев, невесток. Дети "Эго" приходятся племянниками его братьям и сестрам и одновременно кузенами друг другу.

Все это очевидно, и может показаться странным, что я уделяю данному вопросу столько внимания. Однако из приведенных выше рассуждений следуют довольно важные выводы. В подобной структуре брачная ячейка, соответствующая брачной семье (схема III), не является "фамилией", можно даже заключить, что она не существует, поскольку входит в состав единой семьи. Дети и племянники "Эго" в равной степени его дети; а для детей "Эго" отец и мать несущественно отличаются от дяди и тети; все дети третьего поколения находятся в положении аналогичного типа с представителями предыдущего поколения. И если поколения пересекаются, можно заметить, что дети четвертого поколения оказываются в той же позиции, что и дети третьего поколения в другой ветви. Это игра социальных позиций, в которой одни спорят с другими, а не игра индивидуальных, особых для каждого из участников, позиций.

Вторая важная характеристика данной группы — ее непрерывность. Будучи многочисленной, она может потерять нескольких своих членов без ущерба для существования самой группы. Если какая-нибудь ветвь уйдет, группа станет меньше, но продолжит свое существование, руководствуясь теми же принципами. Если Поль, Жюль или Дениза умрут, это не отразится на структуре группы. Персоналии не имеют большого значения в общей структуре.

Дедушка с бабушкой занимают уникальную позицию внутри группы, можно даже подумать, что с их исчезновением исчезнет и группа. Здесь заключена основная проблема такой семейной структуры. После смерти дедушки каждая из ветвей может требовать независимости, чтобы получить, с меньшим числом людей, точно такую же группу. Если братья и сестры останутся

вместе, старший брат с этого момента будет считаться старшим в семье, "патриархом"

В обоих случаях все предписано заранее. Брачная семья создается в момент свадьбы, укрепляется с рождением детей, уменьшается, когда у детей появляются свои дети, и исчезает со смертью одного из супругов.

Начальная семья внешне представляет собой промежуточный тип, но радикально отличается по своим принципам. По числу поколений она схожа с первой, но позиция каждого из индивидов в своем роде уникальна. Как и в единой семье, дедушка с бабушкой занимают особую позицию, но здесь к ним присоединяются и родители. Дядя или тетя, живущие в такой семье, остаются неженатыми. Внуки являются единственными "детьми", и их родители ("единственные" родители) не смешиваются с дядями и тетями.

Обычно единые и начальные семьи владеют имуществом, которое создает экономическую базу семьи и позволяет ей жить. Владение и управление имуществом принадлежит деду — главе семьи. Данный тип распространен в некоторых традиционных обществах крестьян, в отдельных буржуазных обществах и ремесленных группах. Один из наиболее известных примеров — это южнославянские Задруги.

Если ликвидируется патриархальное хозяйство, единая (неделимая) семья разделяется, поскольку каждый вынужден искать себе средства к существованию и нет никакого смысла всем оставаться вместе лишь для того, чтобы потреблять. Семья представляет собой как ячейку производства, так и ячейку потребления, и активность производства, необходимая для ее существования, развивается в процессе патриархата. Продолжение патриархата наблюдается в общей собственности единой семьи. В начальной семье единство имущества сохраняется в силу ухода или безбрачия детей. Семья и единство имущества — основа существования каждого из членов семьи.

В брачной семье нормальный способ зарабатывать на жизнь — это активность мужчины и, реже, женщины. Патриархальные устои не имеют значения. Доход от работы одного или обоих родителей обеспечивает экономическое существование данной группы, уже не производящей, а лишь потребляющей, поскольку наиболее часто работа производится вне семьи. Незыблемость семьи теря-

ет смысл: любой индивид может заработать, чтобы прокормить себя и своих детей. Подвижность семей становится важным элементом функционирования общества, что мы уже отмечали выше.

Теперь перейдем к внутренним отношениям в семье. В нашей современной системе эти отношения являются существенно эмоциональными. Именно взаимное влечение приводит к браку и к созданию совместной семьи. Эмоциональная связь между родителями передается и детям. В единой семье формы выражения другие. В частности, семейная ячейка имеет мало автономии, в силу чего эмоциональные связи выражены слабо. Поводом для свадьбы обычно служит не любовь, а требования функционирования фамилии, например — расширение владений. Социальные условия, экономические интересы и материальное положение родственников прямо влияют на выбор. Для функционирования единой семьи чувства не обязательны.

Остановимся на некоторых особенностях воспитания и образования. В брачной семье авторитет, как правило, принадлежит отцу. В единой семье — патриарху (в патриархальной системе) или бабушке (в матриархальной системе). "Патриархальный" авторитет подкрепляется функцией управления имуществом, которое принадлежит исключительно патриарху. Все прочие, занимающие позиции ниже патриарха, какими бы ни были их кровная связь и перспектива занять его место, авторитета не имеют. Однако это не означает, что у них нет никакого влияния и власти.

Груз воспитания и образования детей лежит на патриархе и на бабушке, а не на родителях, а также на всей семейной группе в целом. Поскольку детей много, образование осуществляется коллективно: все старшие (отец, мать, дяди, тети и даже прислуга, часто именуемая "дядя" или "тетя") учат детей, а дедушка с бабушкой олицетворяют последний оплот авторитета. Образование, базирующееся на коллективных социальных отношениях, не проявляет себя, ибо не является необходимым структурным элементом. В единой семье все члены семьи, подчиненные отцу, равны и могут восставать против его авторитета, только все вместе: восстание является единственной возможной формой действия.

Нет необходимости в долгих исследованиях, чтобы показать, что в брачной семье, напротив, авторитет и образование индивидуализированы и основаны на эмоциях. Это область обучения самостоятельности, равенству и индивидуализму.

Начальная семья может показаться промежуточной группой, но в действительности она имеет собственное происхождение. Ее экономическим фундаментом был патриархат; эмоции не играют здесь большой роли; но, поскольку имеется только одна пара родителей, эмоции не компенсируются многочисленностью ролей. Очень важны отношения "родители-дети" и отношения дедушки и внуков, поскольку отец находится в постоянных отношениях ребенка со своим отцом, соответственно с дедом своих детей. Следовательно, ситуации двух основных поколений аналогичны, но существует некоторая двусмысленность в положении отца: с одной стороны — со своим отцом, с другой стороны — со своим сыном.

С точки зрения чистой логики эта система должна иметь максимум несбалансированных напряжений. В единой семье напряжение компенсируется многочисленностью ролей и размерами группы. В брачной семье — активными, достаточно сильными связями. В начальной семье, напротив, напряжение постоянно: конфликты дедушки и бабушки с родителями о влиянии на детей; конфликты экономического порядка между дедом — владельцем хозяйства и отцом — главным тружеником; конфликты между бабушкой, считающей, что она должна управлять домом, и ее невесткой и т. д. Социальная система, объединяющая семью, должна, следовательно, включать крайне жесткие меры укрепления семьи, почтения к авторитетам, уважения к старшим, чтобы трения, не скомпенсированные в самом начале, были бы скомпенсированы жесткими правилами общества, подразумевающими воспитание детей в строгом подчинении иерархии авторитета.

Ле Пле считал эту "основную семью" идеальной и полагал, что она войдет во все социальные системы в результате "социальной реформы", что проявляет его симпатии к социальным нормам общества, в котором были такие семьи, характеризующиеся авторитетом, традициями и "христианскими ценностями", как он их понимал.

Единые семьи исполняли определенные функции по отношению к своим членам. Они защищали детей против опасностей общества и болезней. Семья поддерживала всех своих представителей при любых обстоятельствах. В ограниченной группе брачной семьи предположить, что семья могла бы сражаться со всем

миром как единый коллектив, просто невозможно. Следовательно, необходимо создание других институтов, чтобы укрепить защиту против социальных рисков и болезней.

Такая же ситуация с образованием. В единой семье дети могли пройти полный курс образования внутри домашней группы, и, строго говоря, само образование имело мало значения. Дети наблюдали роли родителей, дядей, теток, дедушек и бабушек, узнавали необходимые обязанности мужчин и женщин. Они могли полностью образоваться в этой системе. В домашней группе брачного типа родители зарабатывают на жизнь вдали от семейной ячейки и не способны обеспечить воспитание своих детей, которые к тому же часто выбирают другие профессии. Значит, надо открывать школы, чтобы обеспечить воспитание и образование детей.

Единые семьи, будучи многочисленными, не имеют проблем с обеспечением развлечений своим членам. Как гласит пословица: "Чем больше сумасшедших, тем больше веселья" В таких семьях все поколения (мальчики и девочки, мужчины и женщины) представлены большим количеством индивидов. Домашние группы брачного типа, напротив, не могут одновременно удовлетворить желания детей и родителей: дети любят шуметь, родители предпочитают тишину, чтобы, например, послушать музыку. Это чревато конфликтной ситуацией, и, следовательно, необходимо, чтобы вне семьи были места, где можно провести досуг, различные для родителей и детей, для мужчин и женщин.

Об исследованиях социальных ролей внутри семьи, а это целый раздел социологических исследований, мы здесь лишь упомянем. Каковы отношения между отцом и матерью? Как определить семейные роли отца и матери — воспитателей и членов семьи? В традиционной брачной семье отец зарабатывает на жизнь, мать обеспечивает тепло очага. Отец олицетворяет в глазах детей авторитет, а мать — понимание и любовь. С другой стороны, можно представить себе иную систему, которая развивается в Америке: авторитет принадлежит матери, потому что именно она остается у очага, а отец в большей степени проявляет эмоции по отношению к своим детям. Вот почему говорят о тенденциях к матриархату в некоторых слоях американского общества. Нестабильность супружеских пар может привести к тому же результату: мы уже говорили, что внебрач-

ные связи наделяют женщину доминантной ролью. Наиболее сильные связи возникают между матерью и детьми, если мать содержит семью после развода.

С другой стороны, в "патологических" ситуациях, когда отец не зарабатывает на жизнь (например, если он безработный), внешняя социальная роль отца не выполняется, и его роль внутри семьи также не имеет больше подтверждений. Это приводит к многочисленным трудностям в семейной жизни безработных.

Наконец, отношения между родителями и детьми имеют тенденцию меняться в соответствии с изменениями цивилизации. Можно наблюдать преимущественные отношения мужчин и женщин, или, наоборот, между поколениями, между отцами и детьми, между отцами и дочерьми, между матерями и сыновьями и т. д. В соответствии с этими типами отношений в недрах семьи существуют различные типы воспитания, образования и формирования личности.

СЕМЬЯ, РОДСТВЕННИКИ И ОБЩЕСТВО

Отношения между глобальными социальными структурами и структурами семейными, которые мы сейчас описываем, могут быть различного порядка. В частности, ошибочно думать, что индустриальное общество и домашние группы, уменьшенные до брачного типа, равны. В большинстве "примитивных обществ" домашняя группа и является брачной; она обеспечивает производство и объединена в очень сильную систему родства. В полигамных обществах все женщины могут жить вместе с детьми и мужьями других женцин в единой домашней группе; но каждая из них может также иметь свой "очаг" (дом и кухню), в то время как ее муж питается последовательно у каждой из своих жен. Наиболее "элементарной" домашней группой, следовательно, является группа "мать-дети", встречающаяся в некоторых обществах.

В крестьянских и буржуазных обществах, которые отличаются по роду взаимодействия между ячейками производства и потребления, в начальных и единых семьях первостепенный смысл имеют не узы родства, а экономическая и семейная ячейки. В городских индустриальных обществах семья — это ячейка потребления, а не производства, образующая пару с относительно

слабой системой родства. Можно построить систему, в которой сольются сильные родственники и единая семья, и тому находятся примеры. Каждое общество устанавливает родство, экономическую систему, домашние группы, что делает его характер особым и единственным. Американский этнолог Мердок, проанализировавший с этой точки зрения несколько сотен обществ, показал их невероятное разнообразие.

В нашем современном индустриальном обществе, основанном на супружеском союзе, имеется тенденция к преуменьшению роли родителей, поскольку мы продолжаем жить в крестьянских и буржуазных моделях, в которых домашняя группа является фундаментальной структурой, а родители — второстепенной. Сегодня, напротив, ослабление домашних групп компенсируется усилением влияния родства. Принципиальная причина такого усиления кроется в увеличении средней продолжительности жизни, благодаря чему никто, статистически, не рискует остаться сиротой: "мачеха" XIX века — персонаж, исчезнувший из нашей социальной жизни. Отрок вполне может иметь трех или четырех живущих бабушек и дедушек и, по крайней мере, одну прабабушку Короче, новое поколение оказывается связанным с родственниками; пока общий предок жив, боковые ветви поддерживают отношения; как следствие, представителей родителей "Эго" теперь гораздо больше, чем ранее.

Это хорошо видно на примере французского общества: семейные праздники, проводящиеся чаще, чем раньше, объединяют все большее число родственников. В Европе, как и в Соединенных Штатах, даже в городах, дети живут недалеко от своих родителей: в Сан-Франциско 42% женщин и 22% мужчин видят своих матерей каждый день; в Лондоне — 41% женщин и 19% мужчин; во Франции 75% молодых семей живут менее чем в двадцати километрах от своих родителей. Так развивается структура, назовем ее "локализованными родственниками", которая играет все большую роль как в Соединенных Штатах, так и во Франции.

Английский этнолог Элизабет Ботт в деталях изучила на материале двадцати лондонских семей распределение обязанностей между супругами и взаимоотношения внутри домашних групп, с родственниками и соседями. Замеченные ею различия не могут быть объяснены ни городскими кварталами, ни социальными

классами. Э.Ботт зафиксировала три способа распределения обязанностей между супругами:

— независимые роли у мужчины и женщины без какого-либо взаимодействия;

— дополняющие роли: ситуация, в которой активность мужа и жены имеет различную направленность, но между ними существуют и функциональные связи неразделимости;

— безразличные роли: активность проявляется у мужа и жены одновременно, но не имеет значения, кто проявляет активность — мужчина или женщина.

Далее Э. Ботт охарактеризовала отношения с родственниками, с друзьями и соседями. Она обратила внимание на следующее: чем сильнее сдавлены звенья социальной цепи, другими словами, чем активнее домашняя группа вовлечена в жизнь родственников, соседей и друзей, тем больше семейная жизнь начинает зависеть от отношений членов семьи. И наоборот: чем слабее внешние условия, тем безразличнее друг к другу супружеские роли. На более абстрактном языке можно сформулировать положение, названное мной "законом Ботт": "Степень разделения брачных ролей меняется как функция плотности родственных и социальных связей, в которые заключена домашняя группа" (Gluckman (Глюкман), *"Textes"*, pp. 199-209).

Этот закон, очевидно, неприложим к современным внебрачным связям, характеризующимся смешением ролей и правил. В принципе никакая работа не является мужской или женской, все может выполняться как той, так и другой стороной. Данное правило предполагает постоянный торг между супругами (кто из них сделает то или иное) и естественную склонность объединять усилия в каждом деле. Описания, которыми мы располагаем в области распределения обязанностей у женатых и неженатых пар, говорят об очень скромных изменениях за последние двадцать лет; модельные представления, напротив, изменились очень существенно. Мужчины и женщины считают, что все задачи должны распределяться поровну и что именно так, по крайней мере на их взгляд, обстоят дела у них в семьях. Однако обследование бюджета времени опровергает эти высказывания.

Франсуа де Синьи исследовал соотношения между уровнем образования, профессионального успеха и семейного положения мужчин и женщин. Женатый мужчина делает карьеру эффектив-

нее, чем холостой. У женщин, напротив, незамужние, как правило, добиваются большего успеха в карьере, чем замужние. Дети подчеркивают контраст еще сильнее: каждый ребенок коррелируется со снижением среднего дохода матери и повышением у отца. То, что женитьба и дети мешают карьере женщины, известно; но одновременно эти же факторы ускоряют карьеру мужчины. Данный эффект может объяснить, почему в высших слоях общества детей в семьях больше, чем в средних слоях. Франсуа де Синьи также отмечает, что женщины, "удачно" вышедшие замуж и, следовательно, имеющие профессиональную ситуацию ниже, чем у мужа, склонны к упрощению своей профессиональной деятельности или даже к полному отказу от нее; те же, что "плохо вышли замуж" (т. е. имеют профессиональное положение лучше, чем у мужа), делают успехи в карьере.

Социальный статус семьи зависит от положения родителей, причем профессиональная деятельность отца здесь определяющая. Дети получают тот статус, который дается им семьей. Когда они выходят из семьи и оказываются в школе, среди ровесников, в уличной компании или в местной банде, они частично теряют преимущества семейного статуса и должны принять свой персональный статус: "хороший ученик" или "главарь" банды. Необходимость самому определить свой статус создает определенное беспокойство и, по логике вещей, способствует большему пониманию той безопасности, которую дает семья; однако ребенок восстает против этой "семейной" безопасности, ничем не помогающей ему во внешнем мире. Подобные трудности характерны для юношества. Когда ребенок покидает родительскую семью, чтобы создать свою, он должен оборвать все связи с прежней семьей, потерять безопасность, которую она ему давала, чтобы укрепить собственную роль в новой семье. В отрочестве он учится разрывать эти связи, чтобы жить в системе приобретаемых и противоречивых ролей, что объясняет важность данного возраста в нашем обществе.

Период входа в жизнь длится от окончания школы до момента, когда человек "устроен": имеет жену, ребенка и стабильную работу. Примерно между восемнадцатью и двадцатью пятью годами большинство молодых людей живет в профессиональной и эмоциональной нестабильности: безработица и временная работа идут рука об руку с различными формами сожительства, более

или менее продолжительными. И этот период входа в жизнь напоминает такую же возрастную категорию в традиционных обществах (см. главу 1).

С другой стороны, удлинение продолжительности жизни и установление всеобщих пенсий создало третий возраст, характеризующийся оппозицией к зрелому рабочему возрасту. Действительно, увеличение доли пожилых людей (более 20% в западных странах), снижение пенсионного возраста и тот факт, что пенсионеры получают деньги не работая, создали новую категорию, общую для всех социальных слоев (подобно молодежи): в этой категории есть как богатые в финансовом и культурном отношении, так и по всем статьям бедные. Более высокая продолжительность жизни оказывает влияние и на потомство. Между дедами и их внуками устанавливаются совершенно новые отношения, усиливающие роль родителей, в отличие от социальной структуры, которая уменьшает роль домашней группы.

Рекомендуемая литература

Прежде всего — главная работа, посвященная семье, и книга, ставящая точку:

* Martine Segalen, Sociologie de la famille. Paris, Colin, 1981, 288 p.

* André Burguière et al., Histoire de la famille. Paris, Colin, 1986, 4-х томах.

О родственниках можно прочитать две небольшие работы, одну — теоретическую, другую — описательную:

* Louis Dumont, Introduction à deux théories d'anthropologie sociale: groupes de filiation et alliances de mariage. Paris, Mouton, 1971, 141 p.

* Robin Fox, Anthropologie de la parenté, une analyse de la consanguinité et de l'alliance. Paris, Gallimard, 1972, 268 p.

* Claude Lévi-Strauss, Les Structures élémentaires de la parenté. Paris, P.U.F., 1949, 636 p., главы I-IV и XXIX.

О проблемах современной семьи:

* Talcott Parsons, Éléments pour une sociologie de l'action. Paris, Plon, 1955, главы I,II,III (pp. 109-182).

* Andrée Michel, Sociologie de la famille. Paris, Mouton, 1970, 318 p.

* Alain Girard, Le Choix du conjoint. Paris, P.U.F., 1964, 204 p., новое издание 1980.

* Louis Roussel, La Famille après le mariage des enfants. Paris, P.U.F., 1976, 258 p.

* Agnès Pitrou, Vivre sans famille? Toulouse, Privat, 1978, 235 p.

* Louis Roussel, La Famille incertaine. Paris, Odile Jacob, 1989.

* François de Singly, Fortune et infortune de la femme mariée. Paris, P.U.F., 1987.

* Sabine Chalvon Demersay, Concubins, concubines. Paris, Seuil, 1983.

* Jean Kellerhals и др., Mariages au quotidien. Lausanne, Favre, 1982.

ГЛАВА 9
ОБМЕН, КЛИЕНТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБМЕН ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ

Вся социальная жизнь состоит из обменов: обменов вежливостью, благами, женщинами, властью. Взыскательность на основе взаимности в социальных актах живо ощущается индивидами во всех обществах и во всех цивилизациях, и большая часть правил и установлений направлена на кодификацию и организацию обменов. Социология попытается рассматривать некоторые элементарные и фундаментальные социальные взаимоотношения в различных контекстах и с различных точек зрения. Женитьба и табу на инцесты были объяснены в предыдущей главе как формы взаимности. Экономисты изучают обмен благами, а этнологи неоднократно описывали церемонии обмена среди различных народов. Клод Леви-Стросс описал обычаи вежливости, сопровождающие обед в ресторанах на юге Франции:

> В маленьких ресторанчиках вино обычно включено в стоимость блюд, и каждому из гостей приносят скромную бутылку, содержимое которой часто оставляет желать лучшего. Бутылки у всех посетителей, как и порции мяса или овощей, распределяемые официантом по кругу, ничем не отличаются; единственную разницу можно заметить лишь между едой и напитками — жидкое или твердое. Пища служит для удовлетворения потребностей тела, а вино — для удовольствия. Одно — для еды, другое — для чести (...). В отличие от пищи вино — это социальная стоимость. Маленькая бутылка может содержать всего один стакан; иногда какой-либо индивид наливает ее содержимое в стакан соседа, который, в свою очередь, отвечает тем же. Как это понять? Две бутылки одинаковы по объему, вино одного качества. Оба участника описываемой сцены получают ровно столько, сколько вложили сами. С точки зрения экономики никто ничего не выиграл и никто ничего не проиграл. Дело в том, что в обмене ценен сам факт обмена.

Эта апология и ее мораль могли бы послужить заголовком для длительной дискуссии о соотношении экономического и

социологического анализа. Коротко говоря, экономист интересуется обмененными вещами, а социолог — процессом обмена. Из приведенного выше текста вытекает, что обмен предусматривает рассмотрение другого индивида как человека, с которым можно обменяться сестрами, благами или вежливостью. Этот "другой индивид" не должен быть неизвестным, "варваром" Касты в Индии имеют очень жесткие правила о людях, от которых можно получать пищу.

Обратимся еще раз к Леви-Строссу: "Примитивные люди знают только две характеристики чужаков (иностранцев): хорошие или плохие. Но наивная традиция местных терминов не должна сеять иллюзии. "Хорошие" — это те, которым, без дискуссий, предоставляют гостеприимство, дарят наиболее дорогие подарки, а "плохие" — это враги, от которых ожидают страдания и смерть и которым, в свою очередь, обещают при первой возможности ответить тем же. С одними — дерутся, с другими — обмениваются"

Когда иноплеменник приближается к чужому лагерю, он выжидает и держится на некотором расстоянии, пока к нему не обратятся аборигены, чтобы выяснить, кто он такой. Чаще всего ему задают вопрос: "Кто отец твоего отца?" Выяснив генеалогию чужака, аборигены удовлетворяют свой интерес, и в отношениях иноплеменника с каждым из спрашивающих появляется ясность. После этого иноплеменника принимают в лагере, где ему представляют каждого мужчину и каждую женщину с указанием степени родства с остальными. Если один абориген встречает другого аборигена, они могут быть либо родственниками, либо врагами, в последнем случае необходимо воспользоваться первой возможностью, чтобы убить врага, иначе он убьет тебя.

Есть люди, с которыми обмениваются, на которых женятся и с которыми воюют. Обмен и сражения по-своему близки, что проявляется у некоторых народов в обычаях свадеб, когда символически воспроизводятся битвы или похищение человека: например, похищение женщины в социальной группе, которая противится предстоящему браку и при похищении держит оборону. Свадьба, как уже говорилось, это форма обмена, потому что женщина рассматривается как имущество. Но сказанное не означает, что женитьба просто является формой экономического обмена. Между двумя крайними положениями — свадьбой и продажей — имеется целый ряд промежуточных форм обмена,

нерасторжимо переплетающих "экономический" и "социальный" аспекты.

Учитывая, что наше общество "рационализируется", уточняется, специализируется, экономическая эффективность имеет тенденцию отделяться от других аспектов социальной жизни. Но существует много областей, где происходит перемешивание экономического и социального. В обществах, называемых примитивными, экономический обмен по сравнению с тем, который известен в нашем обществе, невелик. Как писал Марсель Мосс в "*Эссе о даре*": "Мы живем в обществе, резко разграничивающем вещное и персональное право, вещей и людей. Это различие фундаментально. Оно даже образует часть наших систем собственности, отчуждения и обмена. Оно также отлично от прав, которые мы сейчас будем изучать. Более того, наши цивилизации после семитической, греческой и римской, резко различают бесплатное представление, с одной стороны, и дар — с другой. Но не являются ли эти различия довольно частыми в праве великих цивилизаций? Не проходили ли они предшествующую стадию, в которой не было такого холодного и расчетливого менталитета?"[1]

Земля — высшая ценность в аграрном обществе, однако это особая ценность, и часто ее нельзя обменивать. В противоположность женщинам, являющимся предметом обмена, земля принадлежит семье, роду и, следовательно, должна сохраняться от поколения к поколению внутри рода, а не передаваться другому роду. Но если, в силу экономических условий, передача земли станет неизбежной, юридические процедуры, скорость, с которой передается земля, могут привести к "исчезновению" земли. Например, в вавилонском праве предусмотрено, что необходимо взять ком земли с поля, предназначенного к продаже, и бросить его в реку, где он растворится. Таким образом символически уничтожают старое поле и получают новое, ранее не существовавшее, поступающее во владение новому племени. Блага, не входящие в систему обмена, рассматриваются экономистами как экономические.

В нашем обществе женитьба, которая должна быть наиболее личным и сентиментальным актом, довольно часто становится актом экономическим. Доказательством является брачный контракт, закрепляющий передачу собственности от одной семьи к

[1] *См.*: Mauss M. Sociologie et antropologie. Paris, 1950.

другой и ее возвращение в исходную семью в случае смерти невесты. В примитивных обществах за жену дают компенсацию (дорогие вещи или скотину) ее роду. Если жену рассматривают как источник дохода, в ней как бы олицетворяется капитал, который должен компенсироваться другим производительным капиталом; в то же время, если женщина рассматривается как "повод для издержек", она должна принести с собой свои автономные ресурсы, чтобы не быть "в тягость" семье, в которую она входит. Если работа новобрачных заменяет капитал, женитьба из акта экономического все больше превращается в акт персонального права.

Древнее романское право различает *familia* — добро, принадлежащее семье, которое теоретически не может уйти из семьи, и *pecunia* — движимое имущество, которое может увеличиваться или уменьшаться, как стада (*pecus*), увеличивающиеся в хорошие годы и уменьшающиеся во время засухи. Гражданский Кодекс различает недвижимость, являющуюся "имуществом" семьи, и движимое, менее благородное имущество, имеющее меньше гарантий, чем недвижимое.

Примитивные народы также различают объекты, предназначенные для коммерции и для благородного обмена. Это наглядно видно на примере Тробриандских островов. Малиновский описывает крайне развитую систему обмена, *кула,* между племенами, разбросанными на нескольких маленьких островах[1].

Во время ритуальных праздников благородные люди одного племени отправляются на каноэ к островам другого племени и преподносят им подарки двух видов: *мвали*, представляющие собой вырезанные и отполированные браслеты, которые носят по большим праздникам, и *сулава* — ожерелья из скорлупы орехов. Те, что привозят мвали, получают в обмен сулава, причем сулава перемещаются с востока на запад, в то время как мвали — в противоположном направлении. Социальная активность этих племен выражается в том, чтобы навещать друг друга и обмениваться дарами, не имеющими никакой ценности, но являющимися украшениями, которые некоторое время хранят, которыми гордятся и хвастаются. Для обмена этими богатствами установлен специальный ритуал. Приезжающие с красивыми мвали надеются увез-

[1] *См.*: Malinowski B. Les Argonautes du Pacifique occidental. Paris, 1963.

ти еще более красивые сулава, чтобы затем обменять их на еще более красивые мвали и т. д.

Такой обмен, не имеющий никакой экономической базы, ритуализирован в постоянный праздник. Но одновременно происходит экономический обмен, когда обмениваются блага с различной ценностью; туземцы четко разграничивают декоративный обмен и экономический обмен полезными товарами, который носит название *гимвали.* Производя декоративный обмен, вы утверждаете, что преподносите дар и недостойны получить такой же хороший подарок взамен. При экономическом обмене товарами, не являющимися благородными, вы агрессивно торгуетесь "за каждый грош": "Я вам дам то, что вы хотите, но моя вещь стоит гораздо дороже, чем та, которую вы предлагаете в обмен" Если вы получите очень красивую сулаву вместо вашей мвали, вы увеличите свое богатство, потому что украшения в цене. Чем больше у вас красивых мвали и сулава, тем вы богаче, тем выше ваш "социальный статус", как сказали бы на нашем жаргоне.

Другой тип обмена — *потлаш* — практикуется у индейцев квакиутл на западе Канады. Суть этого обычая заключается в том, чтобы сделать другому подарок и получить от него взамен еще более богатый подарок. Если тот, кому подарены богато вытканные покрывала и медная пластина с узорным орнаментом, не может ответить более дорогим подарком, он унижен, и даритель торжествует. Кула представляет собой необязательную игру, а полташ — агрессивную и властную. Но в обоих случаях игра базируется на трех фундаментальных правилах, или обязательствах: давать, получать и возвращать. Принятые в этот круг, вы обязаны делать подарки, если хотите иметь социальный статус. Если вам что-то дарят, вы должны принять это. Если вы ничего не дарите, то ничего и не получаете, и, как говорят индейцы квакиутл, являетесь "сплюснутым" недостойным имени человека, то есть теряете лицо.

Некоторые обычаи нашей цивилизации относятся к тому же типу: делать подарки и получать что-то взамен. У буржуазии принято обмениваться обедами, как покрывалами или браслетами у тробриандцев или квакиутл. И для хозяйки дома очень важно, чтобы ее обед был чуть-чуть лучше, чем у других, но не настолько, чтобы унизить приглашенных. Выражения "нельзя быть последними" или "мы должны отблагодарить"

показывают, что фундаментальная взаимность живо чувствуется и воспринимается.

То же можно сказать о подарках, которые становятся все более и более важными в социальной и светской жизни. Подарки на свадьбу и на рождение, подарки на Рождество, на годовщины и т. п. Рождество можно рассматривать как огромный потлаш или кула. Каждый дарит и каждый получает, причем нередко аналогичные вещи; приходят с коробкой шоколада к старой тетушке и уходят с коробкой шоколада, которую подарила тетушка. Праздники и подарки становятся все более связанными, часто подарки дарят, "чтобы устроить праздник" Все обмены очень кодифицированы и представляют собой социальную игру, но наряду с этим обмены имеют и важный экономический аспект. Можно "разориться на подарках" Подарки — это вещи особого рода: "их никогда не купят для себя" Они не относятся к вещам первой необходимости, без них вполне можно обойтись: это — "безрассудства", от которых часто отказываются. Индустрия и коммерция активно предлагают себя, чтобы поддержать эту игру, дающую им половину доходов в декабре.

ДВА ТИПА КЛИЕНТУРЫ

До сих пор мы говорили только о симметричных обменах, когда дарят некий предмет и получают взамен аналогичный. Данный вид обмена важен в социальной жизни и позволяет в социологии выделить принцип соответствия. Разделение труда приводит к необходимости обмениваться услугами и товарами между производителями и потребителями. В идеальной модели примитивного клана, где все участвуют в собирательстве и производят одинаковые предметы домашней утвари, невозможно обменять что-либо, чего другой не производит сам. Но даже в этом случае существует распределение обязанностей между полами.

Как только появляются специалисты, например кустари, их производство и их услуги должны быть оплачены тем или иным способом. Обычно их труд не "оплачивают", но он создает своего рода долги, за которые расплачиваются едой или услугами. В деревне или в племени образуются "клиентура" и различные специалисты, причем клиентура может походить на посетителей со-

временных магазинов, а может соответствовать римскому значению этого слова[1] Различие клиентуры "экономической" и "социальной" представляет большой интерес, хотя очень часто на практике трудно отделить одну от другой.

В традиционной сельской экономике местом экономического обмена являются ярмарка или рынок. Но ярмарка или рынок — это еще и праздник, повод встретиться, обменяться новостями, возобновить отношения и, наконец, отдохнуть. Народная ярмарка в Париже или ярмарка скота в Партене, не имеют одинаковых экономических и социальных функций, но обе называются ярмарками; в разговорном языке часто говорят "побывать на ярмарке"

Для экономиста ярмарка — это идеальная реализациия "рынка", куда приходят продавцы и покупатели и где идет конкурентная игра спроса и предложения. Однако точный анализ торговых сделок показывает, что это не совсем так. На Гаити, например, рынки чрезвычайно развиты. На трехстах рынках страны торговлю ведут шестьдесят пять тысяч продавцов, хотя все население страны равно всего трем с половиной миллионам человек. Каждый рынок функционирует раз в неделю, и густая, эффективная сеть автомобильных сообщений позволяет продавцам перемещаться от одного к другому, где они находят оптовиков, так что вся страна охвачена коммерческой системой.

Если рассмотреть эту систему вблизи, то за внешне безукоризненной системой конкуренции можно заметить, что каждый продавец — не просто атом в аморфной массе крестьян и оптовиков, а владелец определенной "клиентуры" из крестьян,

[1] Клиентура, клиенты, или клиентела (*лат.* clientela, от cliens, *букв.* послушный), в римском значении этих слов, представляют собой социальную зависимость, характерную для ранней стадии рабовладельческого строя в Италии (6—3 вв. до н.э.). Засвидетельствована, помимо областей Лация, также у сабинов и этрусков. Клиентела выражалась в персональном или коллективном подчинении клиентов главе рода или большой семьи, которому клиент был обязан прежде всего сельскохозяйственными повинностями с надельной земли и военной службой. Клиентами становились либо чужеродные, а позднее иноплеменники, попавшие в зависимость в результате завоевания, либо младшие сородичи. Опираясь главным образом на свидетельства Дионисия Галикарнасского и Тита Ливия, многие ученые рассматривали клиентелу как основной источник происхождения римского плебса. У знаменитых римских полководцев в клиентеле пребывали целые завоеванные ими народы. Цезарь и Помпей черпали политических сторонников среди своих бесчисленных клиентов.

приносящих ему свои товары, которые он продает одним и тем же оптовикам. Так устанавливаются относительно стабильные торговые сети, и продукция крестьян попадает к оптовикам через одних и тех же торговцев. Эта система имеет много преимуществ. Во-первых, она устанавливает социальные связи между партнерами и позволяет избежать анонимности в коммерческих связях на огромном пространстве рынка. Во-вторых, она создает определенный порядок отношений между торговцами и оптовиками, обеспечивающий некоторую безопасность сбыта для крестьян.

Между перекупщиком и его "партнерами" устанавливается режим взаимных обязательств, который похож на описанный выше обычай обмена дарами. Обмен "дарами", будучи чисто "социальным", является также и экономическим. На гаитянском рынке, наоборот, чисто экономический обмен имеет и "социальный" характер. Это показывает, что вся экономическая активность, создающая социальные отношения, записана в социальной системе. Экономическая рациональность и конкуренция дублируются в социальных отношениях.

В индустриальных обществах, в Соединенных Штатах или в Западной Европе, решения крупных фирм выражаются не только в экономических терминах. Политические и социальные требования висят тяжелым грузом на предприятиях, имеющих высокий статус в политике своих стран, поскольку этим предприятиям необходимо укреплять свою репутацию в общественном мнении. Исследования больших и средних предприятий также показывают, что каждый хозяин проводит политику, вытекающую из социальной ситуации на данном предприятии и из индивидуального темперамента самого хозяина: некоторые хотят быть "хорошими управляющими", другие ищут прежде всего экспансии, третьи стремятся находиться на острие технического прогресса и т. д. Экономическая жизнь ставит, таким образом, проблемы психологического и социологического анализа, которые не следуют экономическому анализу, а, в противоположность схемам экономистов, имеют свою собственную логику.

Теоретическое равенство между сторонами редко реализуется, что хорошо известно экономистам, изучающим эффект власти. Социологи и этнологи настаивают на иерархических аспектах социальных или экономических обменов. Тробриандцы обмени-

ваются мвали и сулава, чтобы поднять свой престиж, индейцы квакиутл стремятся "сплюснуть" своего соперника, а крестьяне Гаити всегда немного обязаны перекупщику.

В обмене благами тот, кто дает, может быть выше или ниже того, кто получает, и обмен усиливает эти иерархические отношения. Если "дающий" стоит выше "получающего", последний не всегда отдаст равное тому, что получил. Таков механизм милостыни. В нашем западном обществе высший дает что-то "без надежды на возвращение" низшему. Это прежде всего механизм подарков. Родители дарят подарки детям. Люди, находящиеся выше на социальной лестнице, дарят подарки занимающим более низкие ступени. Таким образом подарки, постепенно дробясь, спускаются вниз по социальной лестнице.

В других обществах можно наблюдать иной механизм: нижестоящий дарит подарки вышестоящему. На востоке Франции вы не можете представиться "синьору", не принеся ему подарков. Даже сегодня во многих крестьянских обществах Франции испольщик должен принести что-то владельцу хозяйства, когда идет к нему по какому-либо вопросу; например, принося арендную плату, он присовокупляет к ней продукты со своего птичьего двора. Чтобы прийти с просьбой к кюре, также нужно что-нибудь принести ему — курицу или дюжину яиц. В этих случаях подарок подтверждает места на социальной лестнице, и не ожидается никаких ответных действий со стороны того, кому он преподнесен. В "Войне с Туркоманами" Гобино[1] объясняет, что солдат, чтобы быть рекрутированным, должен платить унтер-офицеру, который, в свою очередь, платит лейтенанту, лейтенант — капитану, и так далее до генерала и шаха; это означает, что солдат берет все, что может, у крестьян в деревне или у лавочника на базаре, которых он призван защищать. У нас подобное называется рэкетом, но в Персии — это система государственного взимания и принцип функционирования "восточного деспотизма"

[1] Один из основоположников расизма и расово-антропологической школы в социологии, французский социолог и писатель Жозеф Артюр де Гобино (1816—1882) оставил нам интересные этнографические работы по Востоку, с которыми стоит познакомиться: "Essai sur l'inégalité des races humaines" (2-е изд. 1884), "Les religions et les philosophies dans l'Asie centrale" (1886), "Histoire des Perses" (1868).

Однако всегда имеется механизм компенсации чисто социального порядка. Если вы занимаете более высокую позицию на социальной лестнице, чем человек, которому вы делаете подарок, вы привязываете его к себе. Он должен быть вам признателен за этот подарок и соответственно превращается в вашего должника. Другими словами, он становится в некотором смысле вашим клиентом и признает ваше главенство. В зондажах общественного мнения четко обозначены люди, делающие подарки, и люди, получающие их. Разница между этими двумя категориями людей подразумевает фундаментальную форму клиентуры, благодаря которой функционирует наше общество. Римская клиентура была аналогичной.

В нашем обществе, как и на Востоке, существует также другая форма даров, когда вы приносите что-либо вашему покровителю, потому что ждете от него милости или защиты. Например, приносите курицу кюре, чтобы он помог вам поговорить с Богом; подарки "господину", чтобы он вас защищал или просто не делал вам плохо, чтобы заручиться его добрым отношением.

Феодализм установил связи с клиентами в фундаментальной структуре общества: сюзерен дает ленное владение своему вассалу, и последний клянется ему в верности. Каждый год вассал демонстрирует свою преданность, припадая к стопам господина, принося ему ком земли, символизирующий ленное владение, чтобы подчеркнуть, что оно получено от сюзерена. Все вассалы должны были с оружием сопровождать своего сюзерена, когда он уходил на войну.

Система покровительства, преобразованная в сеть политического влияния, превращается в существенный механизм политического функционирования парламентских режимов. Избиратель голосует, чтобы его депутат, будучи избранным, "представлял" его в Париже, т. е. защищал его политические и экономические интересы, пробивал его интересы в министерствах, требовал подведения воды, добивался различных субсидий. Избранный, в свою очередь, чтобы "отблагодарить избирателей за их доверие", должен осыпать их милостями и привилегиями, и если его деятельность не будет эффективной, его могут больше не избрать. Многие избиратели голосуют за депутата партии власти, поскольку депутат оппозиции имеет значительно меньше возможностей, чтобы пробивать те или иные привилегии.

Во всех странах мира политик — это человек, к которому обращаются во всех трудных случаях, не предусмотренных правилами: найти деньги для ребенка, не имеющего на них право, помочь кому-либо, у кого нет законных поводов для помощи, и т. д. Мертон хорошо показал эти функции на примере политической машины и *боссов* в Соединенных Штатах.

Даже в гигантских организациях отношения с клиентурой считаются очень важными и в некотором смысле компенсируют бюрократические принципы функционирования. Конечно, диплом необходим для поступления на службу, но часто выбор зависит от личных отношений; чтобы устроиться на выгодную работу, надо иметь хорошие отношения, например, с мсье "X". В развивающихся странах посредник, нашедший работу рабочему, хорошо оплачивается. На другом конце иерархической лестницы, когда директор переходит с одной службы на другую, он обычно берет с собой своих верных сослуживцев, командный состав своей армии, другими словами — своих клиентов, которые ему преданы, потому что "он делает карьеру"; благодаря клиентам такой руководитель имеет власть: власть одного и карьера других идут рука об руку.

СЕТИ

То, что можно сказать о клиентах, напоминает сказанное в скобках в предыдущей главе: существуют сети социальных отношений, объединяющие индивидов помимо социальных институтов, — например, крестьянские деревни или современная бюрократия. Крестьяне ищут жен в соседних деревнях; родители устанавливают социальные связи между деревнями. С другой стороны, эмиграция в города происходит благодаря уже устроенным там родственникам: молодой племянник приезжает помогать своему дяде, торгующему дровами в Париже, а затем открывает уже свою коммерцию дровами и углем, мечтая однажды затмить мсье Каза, патрона Липпа в Сен-Жермен-де-Прэ.

Анализ в терминах ролей и позиций (см. главу 4) позволяет посмотреть на общество как на огромную схему управления; анализ связей (см. главу 2) определяет сети влияния и позволяет рассматривать общество как огромную сеть запутанных связей, более или менее искусно переплетенную или, наоборот, относительно слабо связанную. Эти сети переплетаются и расплетают-

ся в соответствии с обстоятельствами. Политики — большие мастера по плетению подобных сетей, манипулированию ими, что объясняет, как бывшие троцкисты стали преуспевающими бизнесменами, основавшими FNAC и Средиземноморский клуб (*"Changement"*, глава 7), или как они приняли эстафету от профсоюзов, организовав движение студентов и санитаров. Модернизация сельского хозяйства Франции в пятидесятые и шестидесятые годы происходила благодаря JAC (организации "Христианская сельскохозяйственная молодежь"), которая представляла собой огромную сеть, имеющую многочисленных сторонников, осуществлявших различные мероприятия: курсы по техническому образованию, большие манифестации и сборища. JAC внедрила собственную педагогику и институты народного образования, уникальные по своей ценности и последствиям.

Связи в относительно небольших сетях (например, близкие родственники, религиозные движения или революционеры) могут быть очень тесными. Тесные связи часто приводят к созданию небольших групп, замкнутых на самих себе: если "А" имеет прямые связи с "В", а "В" с "С", есть вероятность, что существуют также отношения у "А" с "С" В больших сетях, напротив, связи достаточно слабые, но они черпают силу даже из собственной слабости и из связей с другими сетями. Слабые связи переплетают различных людей и группы с сильными связями. Например, вы ищете работу, и для вас важно иметь связи, благодаря которым вы сможете узнать о наличии мест на различных предприятиях. Для экономиста рынок труда является более или менее "сегментированным" а для социолога — это красная нить коммуникации. Более того, за двадцать лет увеличения ассоциаций было создало подобное переплетение связей между руководящими классами, активными во многих ассоциациях, и оживляющими обширные сети членами, более или менее активными. Наконец, в терминах сетей анализируется общественная жизнь. В правящих классах слабые связи распространены шире, чем в народных кругах: это связи с большим количеством людей, которые, в свою очередь, поддерживают отношения с еще более обширным кругом людей. В то же время рабочие поддерживают отношения с коллегами по работе, со своими соседями и близкими родственниками. Хорошим индикатором является процент пребывания в профессиональных ассоциациях.

Профессия	Процент вступления в общества
Профессора	80,3
Социальные работники	74,6
Общественные работники	75,4
Инженеры	74,2
Свободные профессии	64,2
Другие промежуточные (переходные) профессии	61,1
Сельскохозяйственные работники	61,3
Коммерсанты и владельцы предприятий	59,8
Публичные чиновники	52,6
Другие чиновники	46,2
Квалифицированные рабочие	46,3
Неквалифицированные рабочие	38,1
Сельскохозяйственные рабочие	25,5

В этой области в настоящее время этнологами и социологами проводятся активные исследования, поскольку они важны как для обществ с небольшим числом членов, так и для индустриальных массовых обществ.

ОРГАНИЗАЦИИ И СТРАТЕГИИ

Перечень персональных типов противоречит развитию индустриального бюрократизированного и рационального (в значении, которое дал Макс Вебер) общества. Не видно, какое влияние большие организации, публичная администрация и частные предприятия могут оказать на этот обмен услугами, подарками, престижем. Можно даже сказать, что человеческие отношения являются существенным препятствием, задерживающим страну на пути экономического развития.

Вебер первым описал теоретическую схему бюрократии как форму организации, соответствующей своему легально-рациональному типу (см. главу 7).

Бюрократия характеризуется некоторым набором черт. Можно выделить:

1) Строгое разграничение между частной и организованной собственностью. Фуке не делал различия между своей и королевской казной; сегодня директор большого завода редко явля-

ется его хозяином, а если является, то строго разделяет "свой" завод и свой фамильный капитал.

2) Человек не владеет функцией, которую он исполняет, и не может передать ее своему сыну. Конечно, даже сегодня офицер в некотором смысле "собственник" своего звания, а нотариус покупает свою практику, но на самом деле это юридическая фикция в первом случае и анахронизм — во втором. Участие в функционировании не связано с богатством.

3) Бюрократия функционирует по правилам и не поддается влиянию человека. Функционирование "бюрократии" слепо, она рассматривает частные ситуации как исключения. Публичная администрация и большие предприятия следуют ими же созданным правилам.

4) Компетенция каждого служащего строго определена. Определение компетенции — один из важных элементов функционирования бюрократии.

5) Определению полномочий каждого поста соответствует специализация функций и компетенция индивидов, их замещающих. Любая задача должна быть поручена индивиду, способному ее выполнить. Квалификация определяется также на основании бюрократического подхода: наличия диплома.

6) Бюрократическая организация основывается на принципе иерархии: каждый находится на своем посту и имеет подчиненных и старших начальников.

7) Наконец, бюрократия использует функционеров, т. е. специалистов, работающих на полной ставке, которые делают личную карьеру.

Передовые индустриальные общества организовали крупные, часто гигантские организации, следующие принципам Вебера. Администрация и большие национальные или транснациональные фирмы капиталистических стран могут анализироваться таким же способом, что и социалистические и этатистические формы экономической жизни в социалистических странах.

В начале века на основании научного изучения труда рабочих в мастерских Ф.У Тейлор ввел понятие научной организации труда (O.S.T., также называемой "тейлоризмом"). Согласно Тейлору, действия испытуемого должны быть разделены на самые простые элементы (жесты), что позволит затем выстроить их в "рациональной" и, насколько это возможно, экономичной после-

довательности: действия всех рабочих должны соответствовать действиям лучших из них (*the one best way*); это правило предписывалось испытуемым. Рабочие места в мастерской должны быть оснащены "рационально", то есть наилучшим образом. Концепция Тейлора, согласно которой можно наилучшим образом организовать работу (причем у этой концепции не было конкурентов), полвека доминировала в промышленности. Она дополнялась очень экономичным взглядом на работника и его мотивации (кем является *l'homo oeconomicus*, приводимый в движение финансами, — патроном или рабочим?), а также очень жесткой концепцией иерархий: применялся единственный метод (*the one best way*) передачи рабочих под власть бригадира. Как говорил Тейлор рабочим: "Вы здесь не для того, чтобы думать, за это платят другим" Порядок действий, будучи наилучшим, должен быть принят без колебаний, как в армии[1]

Социологические опросы тридцатых годов (особенно проводимые в "Вестерн электрик", см. главу 2) показали, что военный, механистический взгляд на организацию трудового процесса был несколько упрощенным, в частности, выяснилось, что "мораль" рабочих имеет существенное значение для доходности предприятия. Это "открытие" привело к тому, что, как реакция на тейлоризм, началось движение, названное "человеческими отношениями" Мастерская является социальной группой, а предприятие — социальной системой, и их нужно изучать соответственно. Чем больше предприятие, тем важнее "человеческие проблемы": эмоциональный климат, чувство участия, связи между индивидом и группой изучаются целыми армиями социальных психологов, которых нанимают владельцы предприятий в надежде, что оптимальные "человеческие отношения" позволят разрешить все про-

[1] Концепция Тейлора, подразумевавшая реорганизацию управления, получила также название "научного менеджмента" Тейлор выдвинул три основных принципа необходимой на его взгляд реорганизации управления: 1. Высокая степень разделения труда, специализация, способствующая более высокой эффективности, и деквалификация (вследствие упрощения трудовых задач), которая позволит нанимать более дешевую неквалифицированную рабочую силу. 2. Полный менеджерский контроль на рабочем месте. 3. Подсчет расхода рабочего времени. Научный менеджмент предполагал одновременно два крупных преобразования производства: 1. Устранение квалифицированного физического труда и организацию автономии работников низшего уровня. 2. Разделение ролей менеджмента и владельца собственности.

блемы функционирования организации. Существенное значение имеют также тип командования и возможность делегировать власть.

Представляя эти американские исследования промышленной социологии, Фридман показал их ограничения и настоял на необходимости изучения работы на заводе и в бюро с более социологических позиций. Под влиянием его точки зрения социология труда во Франции интересовалась, с одной стороны, связями между техническим прогрессом и формой организации работ, а с другой — отношениями между группами и категориями внутри организации. Рено Ален Турен показал три технологических этапа и их формы, соответствующие различным формам рабочей компетенции и профсоюзной активности (“*Changement*” глава 4).

Мишель Крозье и его команда, со своей стороны, предложили метод анализа развивающихся организаций и стратегий. Следуя веберовским принципам, большая организация может принимать весьма различные формы. Чтобы упростить вопрос, можно противопоставить два типа: органичный и механический. “Механический” тип организации характеризуется:

1) Полной и точной, следовательно, негибкой схемой исполнения команд каждым сотрудником.

2) Очень слабыми связями (как по вертикали, так и по горизонтали) между сотрудниками, которые исполняют рутинные задачи.

3) Большой централизацией власти на верхних ступенях иерархии, где решаются все проблемы, не предусмотренные рутиной.

Французская администрация и крупные предприятия хорошо воплощают этот тип; дипломы определяют касту, члены которой располагаются в соответствии с местами, предусмотренными иерархией; переместиться на более высокие места очень трудно: инженер, не являющийся выпускником Политехнического института, не может претендовать на руководящие посты. “Боязнь прямого взгляда”, характеризующая, согласно Крозье, социальные отношения во Франции, позволяет членам одного общества говорить “по-товарищески” между собой, с более молодыми или с более старыми, даже если они принадлежат к различным службам в общественном или частном секторе, но с членами иерархической организации такой разговор невозможен. Более того, чле-

ны различных структур не могут говорить между собой вне иерархических, очень точно очерченных, отношений.

"Органичный" тип характеризуется следующим:

1) Схема исполнения команд каждым сотрудником предусматривает, что функции могут изменяться в зависимости от компетенции.

2) Связи между людьми, исполняющими сложные и простые функции, должны быть очень развитыми, а иерархия — слабой.

3) Возможность выбора решения значительно раздроблена, на каждом уровне патрон стимулирует работу и выступает в качестве арбитра, а не решает и не командует. Гетерономный персонал (выражение Рисмана) лучше подготовлен к такому роду действий.

Очевидно, что организация данного типа значительно лучше приспособлена к переменам в обществе, к развивающейся технологии и к переменчивому рынку. Все современные движения, "объективное управление" (D.P.O.) и "развитие организаций" представляют этот тип как модель для изменения управления. Тем не менее организации "механического" типа могут очень хорошо сохранять свой тип функционирования и даже улучшать его в условиях изменений; этим занимались некоторые французские администрации, создавшие ассоциации частного права для работы в бюро как в частных организациях.

Даже в организациях наиболее "механических", жестких и одеревенелых индивид сохраняет поле для маневра; у него есть собственные желания, он принадлежит к группе, имеющей определенные ценности (см. главу 5), и отвечает за свои нормы и требования. В хорошо организованных мастерских рабочие могут провести "сдерживание", зафиксировав для себя нормы, меньшие, чем установлены. Тот, кто ломает нормы, перевыполняя их, немедленно ставится группой на место: индивид или группа могут, таким образом, всегда быть поставлены на место. Высший член иерархии должен обеспечивать хорошее взаимодействие, чтобы не сказать преданность, своих подчиненных, поскольку они способны поставить перед ним непосильную задачу, которую нельзя выполнить быстро и качественно, и могут заблокировать прохождение информации. Даже не прибегая к саботажу, просто задерживая информацию и неуверенно выполняя свою работу, они вставляют спицы в колеса организации.

Очевидно, что развитие принципов легально-рациональной организации во всех областях социальной жизни должно привести к отступлению в отношениях с клиентурой. Макс Вебер отмечал, что бюрократия уничтожает инициативу и автономию индивида. В то же время бюрократия сопровождается развитием персональных отношений клиентов, так что функционирование массового общества базируется на элементарных многочисленных группах, как было показано во второй главе.

Макс Вебер не рассмотрел все необходимые элементы, наиболее значимые в функционировании бюрократии. Внутри организации различные специалисты склонны объединяться по профессиям, каждое объединение имеет свои обычаи и нормы: инженеры противопоставляют себя "администраторам", сохраняют дистанцию юристы. Эта прогрессивная "профессионализация" различных специалистов переплетается с сугубо профессиональными правилами организации. Более того, создаются службы, предназначенные для развития "корпоративного духа" и защиты прав. Каждая из групп давления или клиентуры, каждый из индивидов имеют собственную индивидуальную и коллективную стратегию как функцию карьеры, власти, защиты и т. п.

Мишель Крозье так резюмирует принципы "стратегического анализа":

1) Организационная ситуация никогда полностью не ограничивает действующее лицо. Последний всегда сохраняет *свободу действий* и переговоров.

2) Эта свобода действий является *источником неуверенности* как для партнеров действующего лица, так и для ансамбля организаций, с которыми он связан, поскольку предоставляет им роль партнеров в непредсказуемой партии.

3) Благодаря свободе действий каждое действующее лицо имеет *власть над другими действующими лицами*; данная власть велика настолько, насколько существенен источник неуверенности, который эффективно предоставляет возможности в стратегических играх.

4) Из трех вышеизложенных принципов вытекает, что каждое действующее лицо стремится подчинить себе других и избежать собственной зависимости. Эти положения приводят к гораздо более сложным принципам организации.

Игра стратегий тем более важна, что бюрократическое функционирование полностью предсказуемо, в то время как предсказуемость функций — лучший способ их контролировать. В организации индивид может делать карьеру, а группа укрепляет свою власть, играя с организацией и с другими индивидами и группами. Если подчиненный способен предвидеть реакции своего начальника, он может создать ему комфортные условия, и тогда командовать будет подчиненный. Способ укрепить власть состоит в том, чтобы стать непредсказуемым: начальник, решения которого невозможно предвидеть сохранит свою власть. Компетенция увеличивает непредсказуемость: чтобы предвидеть реакцию индивида, необходимо быть таким же компетентным, как он; вот почему для укрепления власти и свободы маневра специалисты стремятся использовать свою компетенцию как бастион.

Старое бюрократическое общество, изученное Мишелем Крозье, участвует в этой игре стратегий, где каждая группа и каждый индивид рассматриваются организацией и другими индивидами на основании полностью предсказуемых правил; индивид хочет иметь абсолютную безопасность карьеры и знать, какие правила действуют на работе, чтобы никто не мог контролировать ни его работу, ни его карьеру; таким образом он надеется получить свободу действий. Профессор, вооруженный определенным статусом и привилегиями, не должен отчитываться перед директором лицея, если пунктуально выполняет свои функции; в теории никто не может судить о качестве его преподавания. Бывает, что лицеи превращаются из учебных заведений в администрации, нанимающие профессоров. В этом секрет французских чиновников, так удивляющих заграничных наблюдателей.

Отношения внутри коллектива, куда включается и постоянная оценка начальника его подчиненными, желающими делать карьеру, а также оценка компетенции и преданности работников с точки зрения начальника, очевидно, служат прекрасным противоядием против бюрократических методов, являющихся болезнью организаций. Социологический анализ позволяет избежать чрезмерных упрощений, которые разоблачают коррупцию политических нравов и связанные с ней притеснения администрации; чем больше общество "рационализируется", тем важнее отношения с сотрудниками.

Рекомендуемая литература

Основной работой, анализирующей обмен, является "L'Essai sur le don" М. Мосса, которую можно дополнить этюдами о кула и потлачах:

* Marcel Mauss, Sociologie et anthropologie. Paris, P.U.F 1950, 389 p.

* B. Malinowski, Les Argonautes du Pacifique occidental. Paris, Gallimard, 1963, 608 p.

Социология организаций в последние годы развивается очень быстро:

* Crozier et Friedberg, L'Acteur et le système, les contraintes de l'action collective. Paris, Seuil, 1977, 440 p.

* Philippe Bernoux, Sociologie des organisations. Paris, Seuil, 1985.

О клиентуре в традиционных и в современном французском обществах:

* Luc de Heusch, Le Rwanda et la civilisation interlacustre. Institut Solway, Bruxelles, 1966, 471 p.

* Pierre Grémion, Le pouvoir périphérique. Paris, Seuil, 1976, 478 p. (вторая часть: политико-административная локальная система, стр. 154—344).

О французской административной системе:

* F Dupuy et J.-C. Thoenig, Sociologie de l'administration française. Paris, A. Colin, 1983, 206 p.

* Michel Crozier, Le Phénomène bureaucratique. Paris, Seuil, 1964, 414 p.

О работе и предпринимательстве:

* G. Friedmann, P Naville, Traité de sociologie du travail. Paris, Colin, 1965, в 2-х томах.

* Renaud Sainsaulieu, Sociologie de l'organisation et de l'entreprise. Paris, F.N.S.P.-Dalloz, 1987

* Pierre Desmarez, La sociologie industrielle aux États-Unis. Paris, Colin, 1986.

ГЛАВА 10
КЛАССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

НЕРАВЕНСТВА И СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Само собой разумеется, нам не удалось бы на нескольких страницах системно изложить все то, что составило предмет огромной теоретической и дискуссионной литературы: сказать, что представляют собой сегодня социальные классы, перечислить проблемы, которые возникают в связи с классовым взглядом на общество, и средства изучения классов. Мы попытаемся просто сформулировать проблему, отталкиваясь от расхожих определений, таким образом, чтобы высказываемые нами предположения могли быть подвергнуты объективной проверке и позволили бы увидеть в деталях возможные инструметы такой проверки.

Первая установка, не лишенная здравого смысла, принимается всеми: в обществе в целом, и даже в сообществах животных, в отношениях между индивидами существуют определенные неравенства. Для большей точности скажем, что существуют роли и неизбежные различия между ними. Например, есть роли, в которых мы выступаем как руководители, и есть другие роли, в рамках которых мы оказываемся руководимыми. Есть директора предприятий, кадры управленцев, но есть и простые работники. Есть директора учебных заведений и учащиеся. Короче, можно противопоставить друг другу индивидуальные роли руководителей и подчиненных. Я не случайно использую определение "индивидуальные": до тех пор, пока мы остаемся на уровне взаимоотношений между отдельными индивидами, проблемы социальных классов не существует. Хотя и существуют различия в доходах: врач не имеет такого дохода, как специалист по газовому оборудованию; зарплата директора весьма отличается от заработка стенографистки и т. д. Наконец, существуют роли более уважаемые, чем другие. Ненужных профессий, как гласит народная мудрость, не бывает; однако, если вы выбрали работу мусорщика, в нашем обществе вам этот выбор

престижа не добавит. И наоборот — министерский пост принесет вам существенный рост престижа.

Подобные неравенства интерпретируются различными способами. Например, выделение класса власть имущих, или начальников, может объясняться в соответствии с задачами и смыслом функционирования организации, разделения труда: необходимо, чтобы были люди, которые командуют, и люди, выполняющие команды. Данное предположение слишком расплывчато, чтобы претендовать на универсальность, однако, как таковое, оно вряд ли может быть опровергнуто: в группе индивидов, в любой группе, начиная с момента, когда все уже не занимаются одним и тем же делом, когда уже нет простого сотрудничества между людьми, которые имеют идентичные задачи, появляется разделение функций на властные и исполнительские. В общем и целом можно сказать, что некоторые неравенства в отношении к власти связаны с разделением труда.

Определенные неравенства в доходах людей могут интерпретироваться таким же образом. Мы говорим: справедливо (причем, мы не удосуживаемся спросить себя в этот момент, а что собственно значит "справедливо" каковы критерии данной "справедливости"), что кадры управленцев оплачиваются лучше, чем простые рабочие, поскольку им приходится больше учиться для того, чтобы перейти в разряд "кадров", или в силу того, что их задача намного сложнее, или же потому, что без такой дифференцированной зарплаты не удавалось бы рекрутировать в соответствующую сферу нужное количество "кадров" Экономисты развили этот аргумент в теории "человеческого капитала"

Наконец, можно сказать, что неравенство престижа закономерно и сравнимо с арифметической разностью: врач оказывает больше услуг, чем мусорщик. Подобному рассуждению трудно придать строгую форму, поскольку, начиная с момента, когда некоторая функция становится необходимой, размещать ее на более низком уровне по отношению к другим функциям уже не удается с прежней легкостью. Действительно во многих случаях подобное различение, основанное на престижности, утратило актуальность, стало раритетом, то есть все более напоминает критерий с той же природой, что и предыдущий, экономический, критерий. Вместе с тем следует заметить, что доходы и престижность не

всегда идут рука об руку: некоторые социальные роли наделяются высоким уровнем престижности и сравнительно невысоким уровнем доходов, и наоборот. Упрощая, скажем, что в зависимости от конкретных случаев возможны интерпретации в смысле полезности, в смысле нормального функционирования общества либо в смысле справедливости. Короче, дифференцирование ролей можно попытаться истолковать организационными потребностями.

Однако одной констатации существования неравенства недостаточно для того, чтобы получить право рассуждать о социальных классах. В противном случае можно было бы допустить, что в обществе существуют большие различия по уровню доходов и по отношению к власти и в то же время не существует социальных классов. То есть существование социальных классов предполагает нечто большее.

"Класс", в логическом смысле данного термина, — это категория людей, обладающая определенным набором признаков: подобным образом к одной категории могут быть отнесены все "красные" овощи (то есть овощи красного цвета) — морковь, редис, томаты и т. п. Аналогично уровень дохода, равный тридцати тысячам франков в месяц, позволяет выделить определенную категорию людей, в которой соседствовали бы коммерсанты, министерские руководители, крупные земельные собственники, управленческие кадры предприятий. Эта категория представляет собой простой класс, критерием выделения которого служит уровень доходов. Люди, составившие этот класс, не имеют ни общих идей, ни общего дела, что превращает их в реально существующую социальную группу: это не более чем удобная статистическая категория. Иначе говоря, для того, чтобы существовали социальные классы, необходимо распределение (и перераспределение) людей по реальным социальным группам, которые проявляли бы свою общность: например, общее дело, если группа имеет общие интересы и если бы она могла организоваться (сплотиться) с целью их защиты или хотя бы соответственным образом реагировать на свои интересы либо чтобы существовала достаточная схожесть ситуаций, позволяющая предвидеть общие реакции.

Обособление позиций, даже в обществе с высокой степенью рационализации жизни, никогда не является обособлением ис-

ключительно индивидуальным, и в основе ролевых различий редко лежит абсолютный и общий социальный консенсус. Первый момент: имели бы место социальные классы, если бы не существовало никакой социальной преемственности? Если бы у сына врача было столько же шансов стать врачом, сколько у сына рабочего? То, что определяет ситуацию отдельного индивида, профессиональная роль, которую он мог бы исполнять, — это не только его индивидуальные способности. Нет такого общества, где шансы всех индивидов были бы одинаковыми в начале карьеры. Другими словами, знаменитое равенство прав всех людей никогда не было действительным (фактическим) равенством. Итак, первый вывод: социальные классы существуют в силу определенной системы наследования (социальных) позиций.

Второй момент: в нашем обществе неравенства, существующие между разными социальными ролями, не принимаются повсеместно. Другими словами, можно сказать, что в нашем обществе каждый чего-то требует, каждый сравнивает себя с окружающими и каждый подвергает сомнению ситуацию, принимаемую другими группами. Функционеры смотрят на людей, которые работают в частном секторе экономики, и различия между ними в уровне заработной платы являются поводом для недовольства и споров. Рабочий смотрит на служащего и находит, что между почасовой оплатой труда и окладом имеется большая разница, и не принимает этой дифференциации принципиально. Одним словом, нет такого консенсуса, который придавал бы этим неравенствам "рациональный" вид и оправдывал бы их. Споры и недовольства являются составной частью жизни, в том числе и нашего общества, где нет социальной иерархии, с которой были бы согласны все, даже если в действительности факт ее существования, как правило, признается. Идея нашего общества глубоко эгалитарна, а идея "естественной" иерархии и различий между людьми неприемлема, в то время как в Индии, например, она никого не шокирует.

Христианство подтвердило идею равенства всех людей перед Богом; это, впрочем, не исключает того, что здесь, на земле, между людьми может сохраняться неравенство, в противоположность равенству той, загробной, жизни, которое должно компенсировать неравенства жизни земной. Прогрессирующая секуляризация жизни общества привела к появлению Декларации прав челове-

ка и гражданина[1], провозгласившей, что все люди рождаются равными. Такое противоречие между эгалитаризмом в сфере идеологии и иерархическим укладом в реальной жизни кажется фундаментальным для классового разделения общества: если неравенство узаконить, тогда не будет классов, но зато будут рабство, крепостная зависимость, касты, сословия или ордена. Как в шутку говорил Пруст: "Девицы из Германта восхваляли ум, не допускали, чтобы кто-либо в их присутствии подвергал сомнению равноправие людей, и все это сводилось, в известном смысле, к тому же результату, как если бы они решились проповедовать совершенно противоположные максимы, то есть мечтали выйти замуж за очень богатого графа"

Рабство и крепостничество признают только тех, что обладают свободой, и тех, что лишены ее и принадлежат первым. Раб является вещью своего хозяина, который владеет всеми правами на него. Крепостной привязан к своему хозяину или к своей земле, которую он не может покинуть; однако за ним признается определенная правосубъектность: он не может быть продан. В некоторых обществах распространена такая форма полурабства, при которой должник отдает в залог кредитору или "покровителю" самого себя. Если такая ситуация приобретает массовый характер, тогда мы становимся свидетелями рождения нового типа рабства, подобно тому как это имело место в балканских странах Европы в XVIII и XIX вв. и как это имеет место в случае с некоторыми аграрными обществами "третьего мира" в настоящее время.

Касты — это социальные группы, между которыми проложены очень четкие и строгие иерархические границы в соответствии с определенной системой критериев, основанных на представлениях о достоинстве, престиже и "чистоте", признаваемых и принимаемых всеми членами общества. Каждый индивид рождается в касте, пределов которой он не может покинуть, в пределах которой он должен выбрать себе спутника или спутницу жизни, причем каждый знает, к какой касте он принадлежит. Кастовая система зиждется на религиозном фундаменте; например, в Индии таким фундаментом выступает то обстоя-

[1] Политический манифест Великой французской революции, принятый Учредительным собранием 26 августа 1789 г.

тельство, что некоторые общественные функции являются сакрализованными ("священными"), а другие считаются непристойными ("нечистыми"). Принадлежностью к касте определяется профессия человека и особые права, отличающиеся от касты к касте; принадлежностью к касте определяется также степень обладания властью, на которую человек может претендовать. В Руанде тутси и хуту образуют две касты, которые находятся в конфликтных отношениях, периодически приобретающих кровавые очертания. В то же время товарные отношения на индивидуальном уровне связывают хуту-земледельцев с тутси-скотоводами и землевладельцами, они-то (последние) и обладают властью (Maquet (Маке),"*Textes*", pp. 211-220).

При Старом порядке[1] сословия обладали разными правами. Государственные функции были закреплены за одним сословием, но исполнение некоторых других функций для этого сословия находилось под запретом; например, дворянин считался отступником и терял права дворянства, если он начинал заниматься определенными видами экономической деятельности. Аналогично духовенство имело различные привилегии, в частности, в отношении налогов, но вместе с тем существовали и особые правовые ограничения: поскольку священники не могли жениться, не было и наследования соответствующих функций. Но было обособление прав некоторой социальной группы с ее привилегиями, авторитетом и пределом этих привилегий и авторитета. Наконец, третьим сословием, на что и указывает название данной социальной группы, считались все остальные, то есть те, что не относились ни к дворянству, ни к духовенству. Характерным для сословий было их юридическое обособление: они обладали правовым статусом.

О классах, напротив, говорят, когда разделение общества на группы не имеет под собой законной почвы. Все знают о великом споре XIX века, который поставил по разные стороны барьера "социалистов", а вместе с ними всех, кто хотел защищать интересы "народа", и "юристов", для которых с 1789 года во Франции

[1] Имеется в виду классический образец сословной организации — феодальная Франция, где с 14 – 15 вв. общество делилось на высшие сословия (дворянство и духовенство) и непривилегированное третье сословие (ремесленники, купцы, крестьяне). О Старом порядке и революции см: Токвиль Ф. де Старый порядок и революция. М., 1997.

больше не существовало социальных классов[1] Если в конституции записано, что все люди рождаются и живут равными в правах, следовательно, между людьми сохраняются только фактические различия, связанные с их индивидуальными способностями. В ответ на эти рассуждения было заявлено, что все-таки есть неравные группы, хотя бы потому, что перед сыном рабочего с момента его рождения раскрываются совершенно иные перспективы, нежели перед сыном буржуа.

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ КЛАССОВ

Маркс дал четкое определение классов в одной из глав "Капитала", которая так и не увидела свет, поскольку автор умер, не успев ее закончить. В других своих трудах Маркс очень много говорит о социальных классах, но, к сожалению, делает это несистематично, а иногда и противоречиво. Можно было бы устроить своего рода игру, сопоставляя одни тексты с другими, ибо в них есть утверждения совершенно противоположного содержания. Или попытаться найти последовательность в мысли автора. Но такого рода "игры" подходят только для работы критиков и для дискуссий.

Класс рабочих Маркс прежде всего определяет как профессиональную группу: рабочие — это те, кто занят ручным трудом в промышленности. Данное определение указывает если не на отдельную профессию, то, по крайней мере, на совокупность профессий. Однако для Маркса класс не определяется профессиональной принадлежностью; он считает ошибкой попытки свести проблему класса к проблеме профессий. Лучшим доказательством этому, говорит Маркс, служит то, что если мы вознамеримся определять классы по профессиональной принадлежности, сразу станет ясно, что различные профессии вступают в конфликтные отношения друг с другом и не дают нам никакой идеи по поводу того обширного образования, которое мы называем классом. Аналогично, когда мы вспоминаем о классе рабочих, прежде всего на ум приходит определенный уровень дохода, и мы думаем, что чертой, отличаю-

[1] Имеется в виду Великая французская революция 1789—1794 гг. В 1789 году депутаты третьего сословия объявили себя Национальным, а затем и Учредительным собранием. В том же году была принята Декларация прав человека и гражданина.

щей этот класс от других классов, является более низкий уровень дохода. В том же месте Маркс специально подчеркивает, что "не толщина кошелька" отличает классы друг от друга.

Но тогда возникает вопрос: что же все-таки стоит за понятием "класс"? Осознание того, что люди принадлежат к одной определенной группе? Тот факт, что они чувствуют себя членами одного социального класса? Ответ Маркса совершенно однозначен: социальный класс определяется не сознанием. Не имеет значения, какую цель ставит перед собой в данный момент тот или иной пролетарий либо весь пролетариат; важно то, что пролетариат есть и то, что он, пролетариат, должен делать в историческом плане в соответствии со своей природой. Цель и историческая задача пролетариата ясно и однозначно запечатлены в его собственной ситуации существования, как и во всей организации современного буржуазного общества. Маркс напоминает, что большая часть английского и французского пролетариата уже осознала свою историческую миссию и не прекращает попыток придать своему (классовому) сознанию всю необходимую ясность и полноту[1] На первый взгляд, в этих рассуждениях содержится парадокс: Маркс начинает с того, что неважно, о чем думают люди, важно, что они есть, но лучшим свидетельством их существования оказывается то, каким образом они думают. Противоречие легко снимается; не положение (ситуация) людей определяется тем, что они думают, но склад их мыслей мало-помалу будет определяться ситуацией, и классовое сознание связано, таким образом, с положением класса, которое было предопределено независимо от сознания капиталистическим способом производства.

Наконец, последний вопрос: сколько классов в обществе? Это вопрос, на который мы не найдем ответа у Маркса, вернее, мы найдем много вариантов ответа. В частности, анализируя революцию 1848 года и государственный переворот Наполеона III или немецкое общество, он различает большое число классов. В рамках режима Луи-Филиппа Маркс выделяет не только буржуазию,

[1] Здесь Л. Мендра рассматривает работу К. Маркса "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.", подготовленную между январем и октябрем 1850 г. но появившуюся в виде брошюры под этим названием лишь в 1859 г. Она состоит в основном из серии статей, опубликованных в первых номерах "Новой Рейнской газеты"

рабочих и крестьян, но и много отдельных типов буржуазии: финансовую буржуазию, коммерсантов и т. д., и называет классами семь или восемь групп населения. В других своих известных работах Маркс говорит, что есть только два класса: класс рабочих и класс буржуазии. Итак, перед нами Маркс, который констатирует многообразие социальных классов и определяет их, используя очень разные критерии для выделения крестьян и горожан, буржуазии и рабочих, финансовой и коммерческой буржуазии.

Помимо Маркса констатирующего есть еще и Маркс теоретизирующий, который пытается упростить классовую систему и свести ее к оппозиции двух больших групп. Попытки сгладить эти противоречия были бы бесполезны; зато стремление показать различные аспекты теории подталкивает к тому, чтобы ухватиться за ее центральную часть и понять, как Маркс определяет класс: позиция в процессе производства. Важность этого определения состоит в том, что оно ясно выражает суть определения класса: класс — это отношение к другим классам. Решающим фактором для подтверждения существования "классов" а не просто профессиональных групп с общим положением является то, что все рабочие имеют одну общую черту — они эксплуатируются другим социальным классом, буржуазией. Это равносильно утверждению, что определение классов неотделимо от борьбы классов. Не будем злоупотреблять терминологическими уловками и говорить, что определением классов является наличие борьбы между ними. Тем более что в нашем распоряжении яркий пример в виде первых строк "Манифеста коммунистической партии"

Здесь мы не станем в деталях излагать суть марксистской экономической теории. Скажем лишь, что, по Марксу, работники производят прибавочную стоимость (разница между потребительной стоимостью их труда и стоимостью этого труда на рынке); характерным для класса буржуазии являестя то, что буржуазия присваивает себе эту прибавочную стоимость, а для класса рабочих — то, что рабочие подвергаются эксплуатации, поставляя эту прибавочную стоимость другому классу Присвоение прибавочной стоимости становится возможным благодаря праву собственности на средства производства. Другими словами, оппозиция между двумя классами может сводиться к оппозиции между

теми, что не имеют собственности и вынуждены продавать свою рабочую силу, и теми, что имеют собственность и присваивают произведенную прибавочную стоимость с помощью данной экономической системы.

Это первый момент; второй, не менее важный, заключается в том, что данное соотношение отнюдь не постоянно, оно содержит в себе определенную динамику. Экономическая система трансформируется, и именно потому, что существует аккумуляция капиталов со стороны капиталистов и пролетаризация с другой стороны — это последний момент, составляющий предмет знаменитого спора о "пауперизации" В усугубляющейся оппозиционности этих двух групп нет и намека на возможное эволюционирование в направлении состояния равновесия. Мало-помалу концентрация капитала станет все более подчеркнутой, как и пролетаризация, и все легче будет распознавать небольшое меньшинство эксплуататоров, противопоставленных огромному большинству эксплуатируемых. Как следствие, классовая борьба должна постепенно обостряться до момента, пока эта система окончательно не развалится, за чем последуют революция и трансформация самой классовой системы.

У Маркса класс является глобальным понятием, вбирающим в себя все разнообразие характеристик, которые мы только что упоминали, рассуждая о неравенствах. Различие образов жизни интерпретируется как типовое разнообразие классового поведения; идеи тоже представляют собой явления (феномены) с печатью классовости: идеями, доминирующими в обществе, оказываются идеи доминирующего класса, другими словами, нет разделения между миром идей, ценностей, миром искусства, права, политики и феноменом социальных классов. Аналогично феномены власти являются классовыми феноменами. Не существует власти, которую можно было бы отделить от власти социального класса, доминирующего в конкретный исторический момент. Государство в обществе, где доминирующим является класс буржуазии, может быть только буржуазным государством, то есть средством, с помощью которого буржуазия отстаивает свои привилегии и утверждает свои права. Государство является инструментом доминирующего класса, а отнюдь не арбитром в отношениях между различными классами. Власть и собственность очень тесно связаны друг с другом; классы существуют,

потому что существует частный способ присвоения средств производства. Различия в отношении к власти, в престижности, в образе жизни и в идеях отражают различия в позициях по отношению к собственности.

Видимое противоречие, связанное с тем, что в некоторых своих произведениях Маркс говорит о различных классах, а в других утверждает, что есть только два основных класса, легко снимается. С одной стороны, речь идет о констатации фактов, с другой — об определении "модели" динамики некоторого общества. Согласно этой модели, различные группы, отличные от буржуазии и от класса рабочих, постепенно исчезают, растворяясь в одном из названных классов, причем это происходит либо путем полного поглощения (как, например, в случае с крестьянами и ремесленниками, однажды превратившимися в наемных работников), либо путем образования коалиции вокруг двух основных групп, которые становятся доминирующими элементами в экономической борьбе, трансформирующейся в борьбу политическую. Такая поляризация классов связана с самой динамикой борьбы: мы имеем дело с борьбой, которая влечет за собой поляризацию классов.

Описание социальных классов в трудах Маркса очень тесно связано с его ви́дением общества и экономики и с проповедью относительно будущего этого общества.

Справедливо будет сказать, что такое толкование понятия "класс" неотделимо от философии истории. И подобно всякой модели исторической философии, это толкование дает повод для соблазна считать, что оно представляет собой полное и подробное объяснение, хотя уверенность в правильности толкования оказывается очень зыбкой, поскольку достаточно затесаться в это масштабное архитектурное сооружение одному слабому элементу, чтобы постепенно рухнули основы здания. Что касается самого слабого элемента, не будем искать его во всей совокупности марксистского учения, достаточно того упрощения, которому подверглись классовая борьба и распределение индивидов по двум центральным классам. Действительно ли оно есть в нашем обществе? Действительно ли мы являемся свидетелями феномена подобного рода? Единственное (и самое большее), что мы можем сказать, это то, что данное утверждение весьма спорно.

Лучшим свидетельством его актуальности могут служить дебаты вокруг "абсолютной" или "относительной" пауперизации пролетариата и вокруг "средних" классов. Георг Зиммель был первым в конце прошлого века, кто решительно выступил против марксистских пророчеств. Согласно Зиммелю, зарождение среднего класса означает конец классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом[1]

Очень трудно однозначно сказать, какое место занимают средние классы в процессе производства. Участвуют ли они в присвоении прибавочной стоимости, продают ли свою рабочую силу? К какому классу относятся инженеры или функционеры? Необходимо признать, что проблема эта очень непростая. Одним из возможных решений может послужить предложение считать эти классы служащих нанятыми и делегированными классом буржуазии для наблюдения за классом рабочих. Но здесь опять-таки возникают серьезные трудности. Эта "наблюдательная" группа оказывается заметно раздутой и может составить "новый" средний класс (класс технических работников и управленческих кадров) наряду с уже существующим средним классом, который объединяет мелких коммерсантов, предпринимателей и мелких землевладельцев-крестьян, не относящихся ни к классу наемных рабочих, ни к классу капиталистов. Причем оба этих "средних класса", если уж мы заговорили о них, не следует рассматривать как придатки или как сателлитов другого класса. В шестидесятые годы разразились дебаты, в ходе которых одни доказывали, что общество присутствует при рождении "нового класса рабочих" а другие видели в этом процессе лишь новый этап дифференциации в недрах все того же класса рабочих.

В игру, где все должно было свестись к противопоставлению двух центральных групп, вступил третий партнер, которого нельзя определить, используя те же критерии, что и для определения первых двух. Его характеристики не укладываются в рамки привычной схемы, и усилия, прилагавшиеся для того, чтобы попытаться все-таки втиснуть его в эти рамки, выглядели очень неуклюжими, искажающими одновременно и воображаемую модель,

[1] В работе "Философия денег" (1900) немецкий философ и социолог Георг Зиммель (1858–1915), один из основоположников формальной социологии, полемизирует также с марксистской трудовой теорией стоимости.

и реальность. Если же правдой является то, что схема несводима к борьбе двух групп, тогда и все остальное подлежит сомнению. Во всяком случае, следовало бы создать теорию промежуточного уровня, которая согласовывалась бы с главной теорией, учитывая, что последняя считает все свои постулаты проверенными. Эта теория промежуточного уровня, может быть, и представляет для нас интерес, ибо именно она в большей степени близка к социологии, чем к философии истории, именно она привела к изменению в некоторых элементах основной теории.

Для того чтобы избавиться от этого противоречия, чрезвычайно актуального в ходе развития капитализма в конце XX в., некоторые современные теоретики-марксисты стали углублять анализ отношений между понятиями способа производства и общественной формации. Согласно Никосу Пулантцасу "способ производства" есть формально-абстрактный концепт, который распространяется "одновременно на производственные, политические и идеологические отношения: например, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и т. д. способы производства. Но эти способы производства существуют и могут быть воспроизведены только в рамках определенной "общественной формации", которая детерминирована исторически: Франция, Англия, Германия... и т. д., в тот или иной момент развития исторического процесса, причем общественные формации всегда сохраняют свою оригинальность как реально-конкретные и единственные в своем роде явления. Вместе с тем общественная формация включает в себя большое число способов производства, пребывающих в специфической взаимосвязи. Например, в капиталистических обществах Европы начала XX в. были представлены элементы феодального способа производства, а именно простой торговой формы производства и мануфактуры (переходная форма от феодализма к капитализму), и капиталистического способа производства в его конкурентной и монополистической формах. Но несмотря на это, данные общественные формации являлись капиталистическими формациями: значит, доминирующим был капиталистический способ производства" (Les classes sociales dans le capitalisme d'aujourd'hui, p. 25). Если мы можем в какой-то конкретный момент (в рамках конкретной "общественной формации") провести глобальный анализ состояния общества как совокупности способов производства, то таким

же образом мы можем объяснить параллельное сосуществование социальных "классов", имеющих разные формы и логику. Но данное "теоретическое" построение, которое обладает определенным преимуществом когерентности и учитывает анализируемые факты, является всего лишь интерпретацией *ad hoc*, которая полностью трансформирует понятие класса, каким оно представлено у Маркса, и, если быть честным, здесь возникает вопрос: можно ли по-прежнему говорить о социальных классах в строгом смысле этого слова? Или, вернее, не существует ли сразу несколько иерархических систем, причем каждая — со своей специфической проблематикой? Наконец, не являемся ли мы свидетелями разрушения проблемы социального класса в том виде, как ее выдвигал Маркс, и не разделяется ли она на определенное число частных проблем?

МАКС ВЕБЕР: СТАТУС, ВЛАСТЬ И КЛАССЫ

Вебер выделяет три типа стратификации: социальные класы как таковые, иерархию социальных статусов и, наконец, иерархию политической власти.

В отношении социальных классов Вебер исходит из известной марксистской идеи, однако трансформируя ее: он соглашается с тем, чтобы определять классы некоторой экономической ситуацией. Но мы не можем сказать о марксистской теории, что это экономическая теория классов, поскольку речь здесь идет об общей ситуации в производственной сфере, которая является одновременно как экономической, так и социальной. Вебер, напротив, пытается дать классовой ситуации определение в исключительно экономическом смысле, указывая на то, что эта ситуация представляет для индивида уникальный шанс стать обладателем благ. Другими словами, для Вебера точкой отсчета является индивидуальная экономическая ситуация. Индивиды, в силу происхождения, профессиональной принадлежности, размера капиталов, которыми они обладают, особенностей региона, где они живут, или в силу любого другого определяющего фактора, имеют неравные, неодинаковые возможности добиться (экономического) успеха. Эти различия определяют положение разных классов. Класс, в представлении Макса Вебера, это всего лишь базисные предпосылки, часто используемые для общих действий. Люди с одина-

ковым положением могут осознать эту общность и предпринять совместные действия.

Вслед за Марксом Вебер показывает, что собственники имеют неоспоримые преимущества в конкурентном соревновании за право обладать общественными благами; они, в частности, могут монополизировать благоприятные условия и капиталы и, одновременно, функцию предпринимателя, а также преимущества, которые с этой функцией неразрывно связаны. Итак, собственность и отсутствие собственности являются базовыми категориями для положения всех классов. Но с одной стороны, деление по данным категориям не обязательно, поскольку иногда какое-то положение может преобладать, а с другой — в пределах этих категорий (собственники и не-собственники) отчетливо проявляются функции индивидов в соответствии с видом собственности или видом услуг, предоставленных на рынке. Таким образом, Вебер приходит к заключению, которое не совпадает с выводами Маркса, а по некоторым пунктам — прямо противопоставлено им.

Наконец, данное определение совершенно четко привязывает положение класса к существованию рынка. Можно ли обнаружить социальные классы и классовое противостояние в рамках экономических теорий, не являющихся рыночными экономическими теориями? Вебер отвечает: нет. Класс определяется как особое положение в конкурентной борьбе, и положение класса есть положение по отношению к рынку Таким образом, простое разделение труда в сельском хозяйстве не создает условий для образования классов. Аналогично в древних обществах между категориями рабов и городской черни не пролегало классового различия, в собственном смысле этого слова. Различия были несколько иного социального типа, который называется орденами (сословиями) или кастами: типа, имеющего под собой юридическую почву и никак не связанного с рынком.

Какие же социальные классы можно выделить, используя данное определение? Вебер никогда не предлагал исчерпывающего списка этих классов; рабочие все больше становятся классом по мере того, как прогрессирует механизация производства и группа рабочих становится более однородной; то же самое можно сказать и о группе руководителей; мелкая буржуазия (конгломерат мелких независимых горожан, торговцев, ремесленников и т. п.) превращается в отдельный класс, оказываясь в общей экономи-

ческой ситуации по отношению к рынку в процессе формирования общности интересов индивидов, ее составляющих, даже если они до конца и не отдают себе в этом отчета. То же самое происходит и с интеллигенцией, группой людей, которые не имеют собственности, делающей их независимыми, и чье общественное положение основывается на техническом образовании (инженеры, кадры управленцев, функционеры); несмотря на существенные различия представители интеллигенции оказываются в положении одного общего класса и могут сформировать отдельный класс.

Классовые интересы не обязательно проявляются в общих действиях, но это касается только тех действий, которые Макс Вебер называет массовыми действиями, то есть простых следствий общей ситуации, причем когда общность еще не осознана.

Классовое действие, наоборот, является отзывом на чувство общности интересов и ориентировано на совместное отстаивание этих интересов. Классовое действие складывается только при условии, что контрасты между различными классами достаточно сильны, чтобы вызывать данное действие. До тех пор, пока индивиды считают, что их положение происходит из природы вещей, не может возникать классовых действий, поскольку причины, определяющие классовое положение, не представляются им причинами, на которые можно как-то воздействовать. Так было в большом количестве земледельческих (крестьянских) систем: отдельные субъекты не искали ни причин, ни виновников своего (бедственного) положения.

О классовых столкновениях (именно о столкновениях как о реальных событиях, в отличие от абстрактной классовой борьбы) можно говорить лишь при условии, что имеются не только классовые интересы, объективно взятые, но и (субъективное) осознание классовых интересов. У Маркса же, наоборот, классы получают определение, потому что имеет место классовая борьба. Для Вебера классовая борьба и проявления этой борьбы, трансформирующиеся по мере эволюции экономической системы, существуют потому, что есть классовая дифференциация на рынке. Во времена античности столкновения возникали главным образом между крестьянами и ремесленниками, должниками и кредиторами. То же самое происходит и сегодня в развивающихся странах, где борьба за потребительский кредит приводит к конфрон-

тации двух основных позиций (или ситуаций), достаточно ясно выраженных для того, чтобы подчиненная группа осознала свою ситуацию и отреагировала на нее соответствующим образом. В средние века конкурентная борьба распространялась прежде всего на рынок продуктов первой необходимости и касалась цен на хлеб, на хранение зерна и т. п. Сегодня наконец главной проблемой оказывается проблема определения стоимости труда, проблема зарплаты.

Второй уровень анализа затрагивает то, что Вебер называет статусом. Мы выше употребили этот термин в гораздо более широком значении глобального положения в смысле понятия, связанного с понятием роли. У Вебера термин "статус" обозначает определенное место в иерархии престижей, которое характеризуется соответственным образом жизни, способом потребления, обустройством жилища, внешним видом, браком, а также формами воспитания.

Позиция статуса определяется, таким образом, как некоторая возможность доступа к "социальному почету", если следовать терминологии Вебера.

В наших "демократических" обществах некоторые группы становятся законодателями моды, которая затем распространяется в слегка банализированных формах на другие статусные группы. В этом проявляются одновременно и связь, и различие между уровнем дохода и статусной группой; для того чтобы следовать моде, необходим высокий уровень доходов, но этого оказывается недостаточно. Статусные группы определяют возможности брака. Можно говорить о существовании тенденции вступать в брак в рамках своей статусной группы. Статусные группы определяют также и возможности заниматься тем или иным видом профессиональной деятельности. Стать членом профессиональной группы — значит не только обладать необходимыми способностями для того, чтобы занять предлагаемый вам пост, но и стать носителем главных знаков принадлежности к группе, в состав которой вам предстоит войти. Было бы занятно и не составило бы особого труда создать профессиональные словари современной Франции, чтобы показать, в какой мере эти словари выступают для индивида средством демонстрации своей принадлежности к определенной статусной группе. Статусные группы имеют тенденцию к закреплению своих привилегий, к приданию

им общепризнанной и официальной формы, то есть к узакониванию (своего рода освящению) такого юридического порядка, который обеспечивает выделение этих статусных групп.

Нам остается рассмотреть третий тип классификации по Максу Веберу: распределение политических партий. Политическая партия — это группа, вступление в которую в принципе является делом свободного волеизъявления, в отличие от двух предшествующих групп, где принадлежность к группе никак не зависела от воли индивидов. Такое объединение имеет целью обеспечить власть группе руководителей, стремящейся получить материальные выгоды и престижное положение в обществе для своих членов. Выгоды состоят в реализации некоторой политики или в получении определенных личных преимуществ для членов партии либо и в том и другом одновременно.

Партии могут образовываться с целью защиты интересов определенных классов — явление далеко не исключительного порядка, но также и не универсального. Из всей политической палитры Франции только коммунистическую партию, с некоторыми оговорками, но и без особых дискуссий, можно выделить как классовую партию. Другие партии с трудом определяются в соответствии с классовым подходом: как противопоставить друг другу, в классовых терминах, республиканцев, "независимых" и социалистов? Если коммунистическую партию можно рассматривать как партию рабочего класса, то партии, представляющей крестьянство, во Франции никогда не существовало. В партии, которая не является партией классового типа, классовые интересы могут проявляться, не выдвигаясь на роль основного критерия, подталкивающего людей к объединению в рамках этой партии.

Итак, в общем и целом имеют место три различных классификации: экономическая, социальная и политическая. По определению Вебера, под властью мы понимаем шансы человека или некоторой группы людей реализовать свою волю в совместном действии, даже если для этого придется преодолеть сопротивление других людей, которые принимают участие в данном действии. Обладать властью — значит иметь возможность провести свою волю, даже при наличии сопротивления. Власть располагает экономическими источниками. А экономическая власть чревата политическими последствиями. Но экономика не единственный источник власти, и наоборот, экономическая власть может

происходить из других сфер власти. Существование власти гарантировано законом, однако закон не является для нее самым главным источником. Наконец, обладание политической властью отнюдь не ведет неизбежно к престижности положения. В самых общих чертах можно сказать, что экономическая власть — это, в частности, деньги и совсем не обязательно признаваемая всеми основа для общественного престижа, так же как и власть — это далеко не единственная основа для общественного престижа. Следует различать три явления: экономические возможнсти людей, образ жизни, который они ведут, и их место в политическом устройстве общества. Эти три вида стратификации не могут быть сведены в одну, и возникает вопрос: существуют ли общества, где одна из предложенных стратификаций выступает на первый план по отношению к другим. Скажем, что есть общества преимущественно экономические, есть общества преимущественно политические и есть общества, где решающее значение имеет престиж.

Под таким углом зрения марксистский анализ может показаться блестящим анализом определенного общества в определенную эпоху: констатации Маркса вполне подходят для Франции и Англии конца XIX в. Сведение всего анализа к экономической ситуации соответствовало бы тому, что мы назвали либеральным государством, которое практически не вмешивается в экономическую жизнь общества и уделяет мало внимания исправлению результатов деятельности экономической власти, допуская вместе с тем существенное смешение политического и экономического порядков. Затем организовалась политическая власть самых слабых. Деятельность рабочих партий во Франции, в Германии и Англии мало-помалу привела к нарушению политического равновесия (к изменениям в раскладе политических сил). Точно таким же образом развитие социальной законодательной базы можно интерпретировать как изменения во властном равновесии, как повторное вмешательство политической власти в экономический порядок.

Анализируя различные источники стратификации, Макс Вебер описал движение в этих обществах в период с конца XIX — начала XX в. до момента, когда общество, которое рассматривал Маркс, оказалось в состоянии трансформации. В анализах Маркса проявился макросоциологический и динамический характер, Вебер же более охотно занимал место отдельного индивида и

пытался проанализировать, с точки зрения преимущественно микросоциологической, отношения между индивидами и группами и между группами. Марксистское понимание общественного класса явилось своего рода идеальным типом, который свел функционирование викторианского капитализма к конфликту двух макрогрупп, и эта схема не исключает возможности проведения другого анализа — в соответствии с системой групповой и статусной иерархии.

Ральф Дарендорф предлагает новое видение классов, на которое наложили свой отпечаток идеи Маркса и Вебера[1] По Р Дарендорфу, две антагонистические макрогруппы, выведенные Марксом, больше не соответствуют действительной ситуации, установившейся в нашем обществе, как и статусные группы Вебера. Зато множатся группировки с самыми разнородными интересами, вступающие в конфликт друг с другом: профессиональные группы, группы престижа, представители разных секторов экономики, идеологические, политические и религиозные объединения и т д. Высоко индустриализованные общества оживляются противостоянием и групповыми конфликтами, которые придают их развитию особую динамику Эта динамика может перейти к относительно стабильному равновесию, если группы станут нейтрализовывать друг друга; но может привести и к столкновению между макрокоалиционными групповыми образованиями. Таким образом, отдельные нарушения равновесия влекут за собой конфликты, в результате которых возникает новый расклад сил, а взаимодействие и взаимовлияние этих диспропорций и конфликтов объясняет ту видимость перманентных изменений, текучести, что проявляется при взгляде на наше общество.

Такое видение и объяснение общества в соответствии с групповым и "конфликтным" подходом воспроизводит макросоциологическое видение Маркса, но, насчитывая гораздо большее число групп, оно не исключает возможности дальнейшей иерархизации и, следовательно, сравнимо с анализом в соответствии с подходами, базирующимися на понятиях стратификации и соци-

[1] Среди основных работ немецкого социолога Ральфа Дарендорфа (род. 1929), посвященных теории классов, можно выделить следующие: "Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе" (1959), "Конфликт после класса" (1967), "Общество и демократия в Германии" (1967), "Новая свобода" (1975), "Жизненные шансы" (1979).

альной мобильности, направлениями, представители которых, ученые-социологи разных стран, собрали и обобщили богатые материалы по данной проблеме.

Анализ в соответствии с классовым подходом имеет макросоциологический характер: он располагается на национальном уровне, на уровне общественной формации, как говорят марксисты. Но этот же анализ имеет место и на локальном уровне, в силу чего возникает очень деликатный вопрос о конгруэнтности локальных (местных) и общенациональных "классов" ("*Changement*" гл. 2).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

В нашем обществе профессиональная система играет ведущую роль как для определения статусных групп, так и для определения уровня доходов. Во многих отношениях именно профессиональная принадлежность главы семьи позволяет определить престиж и социальный статус семьи. Иначе говоря, она позволяет классифицировать людей по разным уровням пирамиды доходов и престижа. Можно ли, отталкиваясь от профессионального фактора, построить пирамиду с точными критериями, которые способствовали бы введению в описания общества более простого параметра?

Первый тип пирамиды представляет собой попытку распределить в рамках одной классификации, учитывающей одновременно и престиж, и уровень экономического развития, самые крупные профессиональные группы. Американские социологи часто различают: 1) свободные профессии; 2) собственников, руководителей предприятий и функционеров; 3) служащих и примыкающие к ним группы; 4) квалифицированных рабочих, мастеров; 5) рабочих низкой классификации и, наконец, 6) неквалифицированных рабочих. Внутри каждой группы можно провести еще одно разделение. Достаточно просто перечислить названия групп, чтобы стало видно, что в основу классификации положено распределение по профессиональным группам в собственном смысле этого слова, где определяющую роль играет тип профессии, тип (уровень) образования; фактором, позволяющим сблизить эти профессиональные группы, выступает не общий стиль жизни, а несколько смутное представление, что они имеют либо одинако-

вый уровень доходов, либо, может быть, близкую друг к другу степень экономического влияния. Однако уподобление земледельцев-собственников, с одной стороны, и коммерсантов, с другой, управленцев самого высокого уровня и того же уровня функционеров привело бы, очевидно, к образованию совершенно разношерстной группы, оправданному разве что с точки зрения уровня доходов.

Подобная классификация имеет очевидный недостаток, который заключается в смешении двух или трех плохо очерченных критериев: прежде всего — уровня доходов и типа профессии. Такие социально-экономические классификации весьма неопределенны, но удобны; в любом случае мы не смогли бы превратить их в "классы" в собственном смысле этого слова или принять их за уровни пирамиды в строгом значении термина. Невозможно было бы сказать, какому критерию отвечает такая пирамида и какой параметр она измеряет.

Среди пирамид престижа наиболее известной и, соответственно, наиболее подробной является пирамида Норта и Хатта: авторы использовали список профессий в выборочном опросе населения страны, который должен был распределить все профессии по различным классам. Опрашиваемым предлагалось совершить простейшую операцию — оценить по пятибалльной системе каждую из профессий; затем на основе полученных данных определялась средняя оценка. Такая методика позволила дать каждой профессии типовую оценку престижа. Причем опрос проводился с соблюдением строгих методологических правил: порядок презентации профессий варьировался с целью избежать переоценки профессий, которые приводились первыми. Кроме этого, участников опроса просили обосновать свои ответы, объяснить, из чего они исходили, когда соотносили ту или иную степень престижа с той или иной конкретной профессией. Наконец, организаторы попытались понять, получается ли в результате достаточное единство взглядов; средний балл, естественно, имеет совершенно разную объективную ценность, если складывается из всей шкалы оценок — от 1 до 5 — или если в его основе лежат только оценки 3 и 4.

В Соединенных Штатах список возглавил пост судьи Верховного суда, на втором месте шли врачи и губернаторы штатов. Выявилось и несколько забавных совпадений: на соседних пози-

циях оказались пилот регулярных авиалиний, художник, картины которого выставляются в галерее, владелец завода (количество рабочих на заводе должно быть не менее 100 человек) и... социолог!

Здесь возникает несколько проблем. Первая проблема: имеет ли место достаточный консенсус, чтобы рассматривать данные цифры как объективные, или это всего лишь статистические выкладки? Действительно, есть определенные различия в оценках между регионами США (на Юге профессии ученых котируются несколько ниже, чем на Северо-Востоке), между городом и сельской местностью (где наблюдается тенденция наделять большей степенью престижности сельскохозяйственные профессии, ущемляя при этом профессии диктора радио и певицы кабаре), между молодыми и пожилыми (позиция предпринимателя, как правило, несколько ниже котируется у молодых людей, не достигших 20-летнего возраста), между мужчинами и женщинами (мужчины высоко оценивают позицию владельца завода). Очень большие расхождения в оценках вызвала профессия бармена. Она гораздо более уважаема у мужчин, чем у женщин, и особенно у мужчин в возрасте от 30 до 40 лет. Последний факт говорит об анекдотичности социологической ситуации в Соединенных Штатах. Наиболее образованные люди отдают предпочтение ученым профессиям, менее образованные слои населения испытывают большее уважение к профессиям чисто экономическим. Но в конечном итоге эти различия очень незначительны, и можно говорить об общем консенсусе — что выглядит удивительно, поскольку речь идет о классификации профессий. Итак, опыт показывает, что даже на основании суждений совершенно разных людей можно выстроить пирамиду престижа, отвечающую требованиям когерентности.

Теперь рассмотрим вторую проблему: является ли данная пирамида престижа единственно возможной? Нет никаких оснований утверждать, что люди должны классифицироваться по ступеням какой-то одной пирамиды. Можно наделить престижностью профессии крестьян, с одной стороны, и профессии врачей — с другой. Существует большое количество параметров престижности. Можно уважать врача за то, что он является представителем ученой профессии, министра — за то, что он обладает властью, а крестьянина — за его труд; укладываются ли три названных мотива определения престижности в основание одной и той же пира-

миды? Необходимо определять различные аспекты престижа, то, что Норт и Хатт называют "situs": частные пирамиды престижа, относящиеся лишь к небольшому числу профессий, в рамках которых, однако, проводится очень строгая классификация. Пользуясь лестницей Гуттмана, позволяющей провести строгую классификацию, Норт и Хатт приходят в конечном итоге к различению восьми "situs" престижа, хотя сближение различных "situs" имеет гораздо более неопределенный характер. Первый "situs" — политический — располагается на самых верхних, национальном и локальном, уровнях. Второй — относится к представителям интеллектуального труда: верхние позиции занимают независимые профессии, внизу — точные науки, еще ниже — прикладные науки и на последнем уровне — функционеры, наиболее размытая категория в этой группе. Третий "situs" — деловой, в его пределах различия связаны преимущественно с масштабами предприятий. Четвертый "situs" получил название "рекреационно-эстетический": на верхней позиции — живопись; затем идут журналисты, работники радио и т. п. Есть также и сельскохозяйственный "situs", "situs" представителей ручного труда, "situs" военных профессий, "situs" работников сферы услуг и т. д. Такая пирамида не дает всеохватывающей классификации общества. Это инструмент, с помощью которого следует определять недостатки, если мы хотим эффективно использовать его в качестве индикатора стратификации.

Подобные пирамиды, с более или меннее утонченным подбором критериев, используются для определения потребительского спроса. Потребление варьируется в зависимости от уровня доходов и, как следствие, в зависимости от социальной стратификации (*"Changement"* гл. 8). Допустим, перед нами стоит задача попытаться спрогнозировать характер потребительского спроса во Франции в предстоящие годы; предположим, что мы хотим узнать, каким образом увеличение семейных доходов, явление достаточно хорошо известное, повлияет на характер потребления: одинаковым ли будет рост спроса на мясные продукты и на автомобили? Социально-экономические пирамиды, которые определяют не только уровень доходов, но и тип бюджета, позволяют спрогнозировать, в каком направлении будет изменяться потребительский спрос. Рассматривая категорию с покупательской способностью, равной 100, и категорию, где этот показатель равен 120, мы можем предположить: увидев, что ее доходы увели-

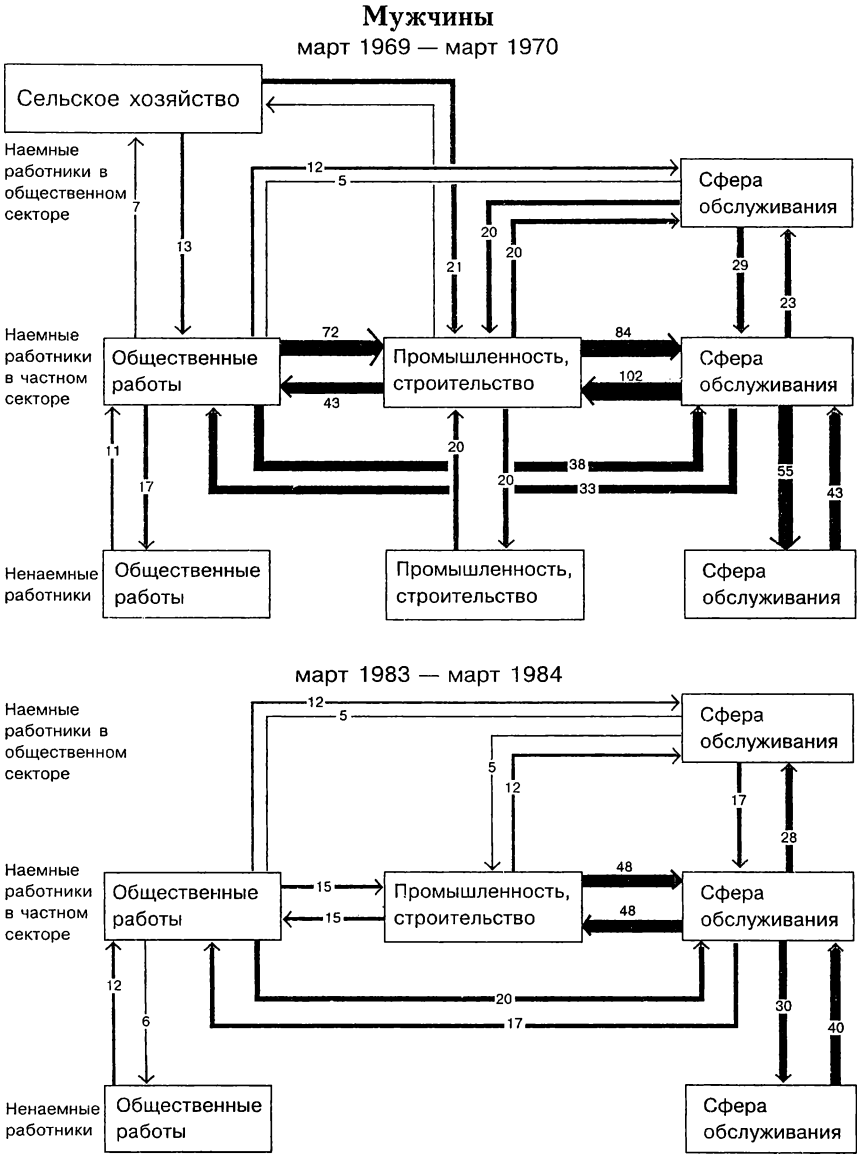
чиваются на 20%, первая категория поведет себя примерно так же, как и вторая, если образ жизни данных категорий имеет аналогичные черты. Например, когда доходы рабочих, проходящих специализацию, возрастают, их тип потребления постепенно приближается к потребительскому типу профессиональных рабочих.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

За последние годы наука, изучающая социальную мобильность, сделала большой шаг вперед. Вместе с тем социальная мобильность остается для статистиков явлением очень сложным и трудно поддающимся анализу. Сначала можно изучить *внутригенерационную мобильность*, то есть социально-профессиональную карьеру индивидов, которую они проходят в течение своей жизни. Есть профессии, предполагающие постоянный рост в карьере: так обстоит дело с функционерами, в частности с офицерами, которые выходят из стен военного училища с одной нашивкой на рукаве, а при завершении офицерской карьеры чаще всего имеют пять таких нашивок; удачливые генералы уходят в отставку с двумя, а то и с тремя звездами на погонах, некоторые получают четвертую, а пять звезд — большая редкость. Положение представителей других профессий остается стабильным в течение всей их жизни: нотариусы, врачи, ремесленники открывают мастерские кабинеты или ателье, где и принимают в течение всей своей жизни клиентов; они могут преуспеть в большей или меньшей степени, но не могут сделать карьеры. То же относится и к большей части рабочих; управленцы, в отличие от них, карьеру делают; эта же черта характерна для кадров, которым предприятия предлагают перспективы по карьере. Сегодня много внимания уделяется организации производства таким образом, чтобы и у рабочих появились перспективы карьерного роста, поскольку модель карьерного роста стала доминирующей с того момента, как доля наемных работников превысила 85% от всего работающего населения страны; пятьдесят лет назад наиболее распространенной была модель стабильного положения.

В течение своей жизни индивиды могут менять профессию или сферу деятельности: такое явление называется *профессиональной мобильностью*. За экономическим ростом следуют преобразования в структуре профессий, из-за чего многие люди вынуждены менять род занятий. Такая профессиональная мобиль-

ность была очень высокой в пятидесятые и особенно в шестидесятые годы. Начиная с 1975 года она значительно снизилась, как это показано на схемах:



Основные направления потоков мобильности в течение года между различными секторами экономики — для мужчин в 1969 и в 1983 гг.

В 1969 — 1970 годах основные направления потоков мобильности шли от сельского хозяйства в сектор строительства и общественных работ и в промышленный сектор. В 1983 году мобильность была намного ниже, и массовый исход населения из сельскохозяйственного сектора прекратился. Для сферы обслуживания характерным направлением мобильности является движение от свободных профессий в частный и общественный сектор.

Такая глобальная трансформация социальной структуры механически влечет за собой оживление социальной мобильности, называемой "структурной" Данный вид мобильности может быть проанализирован лишь на отрезке в несколько десятилетий при сравнении профессиональной принадлежности молодого поколения и поколения отцов. Нельзя проводить такое же сравнение для женской части населения, поскольку прежде многие женщины не имели профессий, а крестьянки учитывались как "активные": уровень женской занятости понижался до 1968 года (28%), а затем стал расти. В данном случае речь идет о *межгенерационной мобильности*: чтобы не учитывать межгенерационную мобильность, прибегают к сравнению мужчин, которым сегодня от 40 до 59 лет, с их отцами, когда они были в том же возрасте: то есть с профессиональной принадлежностью отцов в период, когда сыновья только начинали свою профессиональную карьеру

В 1946 году во Франции работники сельского хозяйства составляли 33%, в то время как сегодня их не более 6%. Понятия (управленческих) кадров вообще не существовало: соответствующие профессиональные позиции составляли лишь 6% от всего активного населения, а сегодня — 20%. Поэтому невозможно допустить, чтобы дети всех тех, что в 1946 году были заняты в сельском хозяйстве, пошли бы по стопам своих родителей, и, выражаясь терминами кадровиков, невозможно, чтобы все управленцы были детьми управленцев. В результате те, что в 1985 году занимались сельским хозяйством, почти все (90%) были детьми крестьян, но при этом лишь 30% детей крестьян сохранили профессию своих родителей. Аналогично 77,5% управленцев не являются детьми управленцев (30% — дети рабочих), но 60% детей управленцев стали управленцами: рост штатов позволил "подняться" детям рабочих, по-прежнему оставляя детям управленцев позиции их отцов. Тем не менее сыновья чаще предпочитают позиции своих отцов, чем какие-либо другие. Таблица внизу

показывает, что 59,8% сыновей управленцев являются управленцами, 83,9% занимают места в трех высших категориях и только 3% — рабочие. Аналогично почти половина сыновей рабочих остаются рабочими и только 7,7% стали управленцами.

Социо-профессиональные группы сыновей в сравнении с группами отцов

Социо-профессиональная группа отцов	Социо-профессиональная группа сыновей							Все вместе
	3.0	2A	4	2B	5	6	1	
3 Управленцы	**59,8**	3,4	20,7	5,8	6,0	3,8	0,5	100
2A Руководители предприятий	30,6	**20,2**	12,3	23,2	0,7	10,0	3,2	100
4 Профессионалы среднего уровня	31,8	1,1	**31,3**	8,8	8,8	18,0	0,1	100
2B Начинающие ремесленники	18,4	2,6	20,0	**24,9**	7,9	24,4	1,8	100
5. Служащие	22,8	0,8	31,7	8,9	**13,9**	21,5	0,3	100
6. Рабочие	7,7	0,6	22,0	9,3	10,2	**48,9**	1,4	100
1 Работники сельского хозяйства	5,0	0,6	12,0	8,1	6,8	33,6	**33,8**	100
Неопределенный род занятий	6,8	0,7	17,0	9,4	12,2	52,9	1,0	100
Все вместе	15,4	1,4	20,7	11,2	9,0	33,8	8,4	**100**

Интерпретация данных таблицы: из 100 сыновей управленцев 59,8% стали управленцами, 3,4% руководителями предприятий, 15,4% мужчин в возрасте от 40 до 59 лет являются управленцами.

Источники: INSEE, опрос "Профессиональное образование-квалификация" 1985.

На примере данной таблицы можно проследить тенденцию к снижению и прекращению социальной мобильности по диагонали. Мы видим, что эта мобильность особенно незначительна на крайних позициях социальной иерархии. Иначе говоря, существует эффект "потолка" и эффект "пола", а на уровне средних кате-

горий мобильность выглядит намного более активной. Сыновья представителей профессий среднего уровня (переходных профессий) в том же количестве становятся управленцами, в каком сохраняют профессиональную принадлежность отцов; сыновья служащих имеют большие возможности для мобильности, а именно для восхождения по ступеням социальной пирамиды до уровня управленцев; для двух этих категорий также высоки шансы спуститься по ступеням пирамиды вниз, поскольку 18% первых и 21,5% вторых оказываются среди рабочих.

Подобная таблица, так называемый график мобильности, может быть выстроена различными способами. Данная нацелена на определение судьбы как жизненного удела: она показывает, кем становятся дети представителей изучаемых социальных категорий. Аналогичные таблицы могут быть нацелены на определение происхождения или динамики кадров: они покажут, например, кем в профессиональном плане были отцы нынешних управленцев высшего звена или отцы нынешних ремесленников. Сравнение данных, выводимых на полях (в нашем случае — в нижней строке), показывает противоречия, причиной которых является трансформация глобальной структуры общества, на основании чего мы делаем выводы о структурной мобильности. Анализ самих таблиц позволяет проследить всю динамику мобильности, иначе говоря — *общую (тотальную) мобильность*. Разницу между структурной мобильностью и мобильностью тотальной будет составлять *"чистая мобильность"*, иначе говоря, прирост мобильности, который, однако, не является механическим следствием трансформации общества. Можно воспроизвести модель такого общества, где мобильность была бы тотальной, если бы позиция сыновей не имела никакой связи с позицией отцов. Затем, сравнивая фактические цифры с теоретическими, можно рассчитать показатели отсутствия мобильности (неподвижности)

Клод Тело показал, что в шестидесятые годы тотальная мобильность была очень сильной и выросла "чистая" мобильность. Выражаясь другими словами, Франция пережила период интенсивной мобильности, связанной как с социально-демографической модернизацией, так и с "размягчением" прежде более жестких рамок социальных структур, что позволило индивидам быть более мобильными. Он показал также, что, если французское общество и стало мобильнее, основные пути (каналы), используе-

мые мобильными потоками, существенно не изменились. Социальные траектории индивидов по-прежнему относительно короткие: сыновья не удаляются на значительные расстояния от позиций своих отцов, невелико число тех, что совершают восхождение к социальным высотам, особенно редки случаи такого восхождения для представителей нижних уровней социальной пирамиды. Переходные социальные категории проявляют большую подвижность (текучесть): сыновья представителей профессий переходного уровня и сыновья служащих имеют хорошие шансы стать управленцами (31,8% и 22,8% соответственно) при почти ничтожной вероятности того, что они станут рабочими (18% и 21,5%). У детей педагогов наибольшие шансы взойти на самый верх по ступеням социальной пирамиды.

Колея родового (профессионального) прошлого уводит еще дальше. Анализ позиций дедов выявляет следующее генеалогическое явление: у сыновей управленцев, ставших рабочими, часто кто-то из дедов был рабочим. Матери также оказывают влияние на позицию своих детей: сын высококвалифицированного управленца имеет 80% шансов получить диплом бакалавра, если у его матери есть университетское образование, и лишь 64% — если она в университете не училась. Наконец, мобильность по линии тесть/зять несколько более заметна, чем мобильность по линии отец/сын; это лишний раз показывает, что женитьба также играет роль в динамике мобильности, как уже было сказано в восьмой главе.

В отдельных странах может быть сильная восходящая мобильность и слабая нисходящая, или наоборот. Например, ситуация во Франции отмечена сильной восходящей мобильностью и слабой нисходящей по сравнению с Соединенными Штатами. Если мы сравним, как происходит в разных странах движение из сферы представителей ручного труда или средних классов в направлении "элиты" иначе говоря, движение с наиболее полной амплитудой, национальные различия приобретут более четкие очертания (*"Changement"*, гл. 6).

Если учитывать только названные вариации, то материалы исследований, которыми мы располагаем, не показывают значительных различий между индустриальными странами. Более того, они не выявляют четких связей между уровнем развития и степенью мобильности: другими словами, достаточно стране встать на путь индустриализации, и экономическое развитие больше не

вызывает роста мобильности. Этот неожиданный результат, идущий вразрез с общепринятыми представлениями, был многократно перепроверен: заключения, которые можно сделать на основании проверок, перед нами. Повторим только, что мобильность в индустриальных странах намного сильнее, чем в других.

Этот результат тем более удивляет, что стремительному и массовому развитию системы образования во всех индустриальных странах в немалой степени способствовало откровенное стремление усилить мобильность и уравнять шансы детей, выходцев из всех слоев общества, на получение самых высоких постов. Идеология экономического роста замешана на идее, согласно которой в силу увеличения числа постов, требующих высокого уровня компетентности (то есть высокого уровня образования), было просто необходимо "приступить к поискам одаренных людей во всех слоях общества"; как следствие, достигалась гармония между социальной справедливостью и экономическими императивами. В то же время исследования, проводившиеся в Соединенных Штатах и в странах Скандинавии, привели американского социолога Андерсона к довольно неожиданному и с первого взгляда парадоксальному заключению: в индустриализованных обществах уровень образования существенно не влияет на мобильность. Увеличивает ли уровень образования шансы восхождения сына на более высокий уровень социальной пирамиды по отношению к отцу? Казалось бы, ответ "да" на этот вопрос должен быть очевидным, но данные, полученные в ходе анкетирования, склоняют наблюдателей к отрицательному ответу.

Парадокс Андерсона послужил Р. Будону отправной точкой для того, чтобы попытаться объяснить внешнее противоречие, которое выявляется в ходе исследований на материале индустриальных обществ: при значительных изменениях в образовательных системах наблюдаются незначительные изменения в социальной мобильности с течением времени и в разных странах. Р Будон использовал одновременно системный анализ и имитацию на основе рассчитанных моделей, поэтому его работу нельзя просто резюмировать, а следует читать целиком как методическую модель (см. гл. 6). Мы ограничимся тем, что изложим лишь основные выводы Будона:

1) Неравенство шансов на получение высокого уровня образования обусловлено главным образом самой социальной страти-

фикацией. Различия в уровне культурного образования детей, которое наследуется по принципу семейной преемственности, лишь частично объясняют существующее неравноправие перед выбором школы. (В этом пункте Будон вступает в полемику с Бурдьё и Пассероном — см. гл. 1).

2) Для большинства индустриальных обществ констатируется медленное понижение степени неравенства шансов на получение образования, и это не связано ни с преобразованиями в рамках образовательных систем, ни со смягчением социальных неравенств (что, впрочем, ничем не доказывается), а зависит от общего роста спроса на образование. Другими словами, уменьшение неравенства между детьми связано только с трансформацией в системе социальной иерархии, но не с реформами образования.

3) Увеличение спроса на образование и, как следствие, увеличение числа учащихся приводит к тому, что дети из социальных низов получают большие шансы на то, чтобы дойти до верхних образовательных ступеней, но интенсивность такого роста шансов не выходит за рамки средних показателей.

4) Все эти явления связаны с преобразованиями в социальной структуре (перераспределением имеющихся социальных позиций) и в школьной структуре (перераспределением индивидов по различным школьным уровням): если динамика первого типа преобразований отстает от второго, дети с более высоким уровнем подготовки, чем у их отцов, не могут добиться более высокого социального статуса, и выгоды, извлекаемые детьми средних и низших классов из процесса демократизации системы образования, частично оказываются иллюзорными, то есть надежды не оправдываются из-за общего увеличения числа учащихся (см. гл. 6).

5) Относительная стагнация процессов социальной мобильности даже при все усиливающихся темпах изменений в обществе объясняется, таким образом, "механически" — комбинационной игрой социальной и школьной структур, но не "репродукцией" общества или волей "класса" к власти.

6) Мобильность с маленькой амплитудой встречается чаще, чем мобильность с большой амплитудой, и анализ данных по первому типу мобильности выявляет, во всех странах, существование трех групп социальных категорий, причем внутри них межгенерационная циркуляция (восходящая и нисходящая) достаточно интенсивна, а между ними — малозначительна. Это

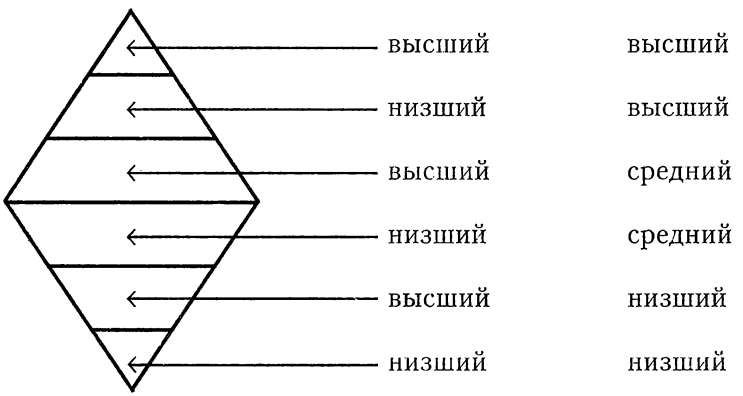
наблюдение не дает оснований утверждать тем не менее, что индустриальные общества включают три "социальных класса"

Как было сказано выше, исследования стратификации и мобильности не могут ответить на вопросы, возникающие в отношении социальных классов: понятие социального класса, в марксистском смысле, никогда не переводилось в оперативных терминах; никогда не удавалось обнаружить признаки, позволяющие ввести это понятие в опросные листы. Жорж Гурвич[1] попытался дать определение (которое сам считал "эмпирическим") социальных классов: он определил их как очень крупные группировки, дистанцированные друг от друга, открытые, надфункциональные (или, в более простых терминах, не определяемые какой бы то ни было функцией из существующих в обществе, в том числе функцией экономической) и не поддающиеся проникновению глобального общества. Поражает исключительная формальность этого определения. Оно описывает некоторый объект; Маркс, теоретик классовой борьбы, не претендовал на описание своего объекта, но выводил идеальный тип и абстрактную модель макросоциальных отношений: он был структуралистом (еще до того, как структурализм стал направлением методологии), идентифицируя элементы модели отношениями, в которые они вступают (борьба), и ничем иным более. Неопределенность этих разнообразных видов исторического анализа показывает, что класс был для Маркса абстрактным концептом, для которого он подыскивал вариант исторической инкарнации (воплощения), но так его и не нашел. Все марксисты, претендующие в определенные исторические моменты на то, чтобы предметно выделить социальную реальность, называемую классом, совершают методологическую ошибку, которая служит очередным упреком в адрес их учителя, более тонкого теоретика, чем они, его последователи. Таким образом, подтверждается истина о том, что строгость метода ослабляет идеологическую значимость главного тезиса.

Подобным образом социологи-эмпиристы, вычисляющие уровни пирамиды, параметры и признаки мобильности общества, встают на ложный путь, когда хотят произвести его классовый

[1] Жорж (Георгий Давыдович) Гурвич (1894 – 1965) – французский философ и социолог, стремившийся строить социологию на основе диалектики, интерпретируемой в духе релятивизма и плюрализма, оказал большое влияние на развитие современной социологии во Франции.

анализ. Ллойд Уарнер исследовал один за другим многие американские города и повсюду "открывал" шесть классов: высший-высший, высший-низший, средний-высший, средний-низший, низший-высший, низший-низший. Это простое перечисление сводится к схеме из трех категорий, каждая из которых, в свою очередь, делится пополам, что говорит об упрощенной логике исследователя, о логике, следуя которой он уподобляется своим опрашиваемым. Данная схема, какой бы упрощенной она ни казалась, позволила Ллойду Уарнеру описать социальную иерархизацию американских городов и игру отдельных противостояний в борьбе за престиж и за власть, а также заставить своих сограждан осознать тот факт, что они живут в чрезвычайно стратифицированном обществе. Но когда он употребляет термин "класс", то имеет в виду, конечно, страт, а не класс в марксистском смысле этого слова[1]



Логически эти два приема несовместимы: нельзя требовать от второго ответов на вопросы первого. Анализ в соответствии с подходом, базирующимся на понятиях стратификации и мобильности, не может приблизить к идентификации противоборствующих классов. Но при анализе конкретного исторического общества эти два приема оказываются абсолютно совместимыми; они помогают друг другу раскрываться. В XIX в., когда большая часть населения была представлена крестьянством и противоборство

[1] *См.* Warner L. Social Class in America: A manual of procedure for the measurement of social status. New York, 1960.

между буржуазией и пролетариатом практически исключало возможность любого взаимоперехода, исследования мобильности могли иметь только неполный, хаотический характер. Сегодня, наоборот, когда заметно увеличилось число переходных слоев и приобрели более четкие очертания траектории мобильности, исследования стратификации и типов мобильности очень уместны для нашего общества и есть все основания спросить: не утратил ли анализ, базирующийся на классовом подходе, той актуальности, которая характеризовала его в прошлом веке?

ВЛАСТЬ, ЭЛИТЫ И КЛАССЫ

Учитывает ли сегодня анализ, базирующийся на понятии стратификации, недавние эволюционные изменения, произошедшие в обществе? Ни борьба классов, ни социальная пирамида не являются адекватными моделями описания. Взяв за основу исследования Дарендорфа и анализы социальной мобильности, можно констатировать "дробление социальных классов" Необходимо, однако, выстраивать и другую модель, где социальные группы распределяются по созвездиям, которые не иерархиезированы по уровням единственно возможной пирамиды, а распределяются в двухмерном пространстве, то есть по космографическому изображению нашего общества, какое я представил читателю во *Второй французской революции*[1]

Некоторые аналитики заинтересовались самыми последними изменениями в сфере властных отношений между категориями руководителей и стали спрашивать себя, не являемся ли мы свидетелями зарождения нового "класса" технократов? В своем аналитическом исследовании на примере нацистской Германии и Советского Союза Бурнхам пытался построить собственную теорию "руководителей" и захвата власти отдельной группой. Даже если его упрощения могут показаться некорректными, он шагнул вперед, сделав акцент на явлении, общем для всех индустриальных обществ: на существенном изменении категории руководителей, высшего звена управленческих кадров наиболее

[1] Имеется в виду книга Анри Мендра "Вторая французская революция 1965—1984" *См.*: Mendras H. La Seconde Révolution française 1965—1984. Paris, 1988.

крупных предприятий и публичной администрации. Все его выкладки сопровождались глубокими интерпретациями явлений, происходящих в среде великих гражданских и военных "технократов", как общественного, так и частного секторов, Советского Союза, США и Западной Европы. С момента публикации эти тезисы стали предметом для бесконечной дискуссии по поводу "понятия категории руководителей или руководящих классов", которая особенно оживилась около двадцати лет назад усилиями Райта Миллса и была возобновлена французскими политологами. Согласно Раймону Арону, неправильно говорить о "руководящих классах"; необходимо говорить о "руководящей категории", поскольку понятие "руководящая категория" относится всего лишь к элементу анализа; говорить о "руководящем классе" — это все равно что считать руководящие категории объединенными в форме класса, который обладает политической властью, что может быть как правдой, так и ложью, в зависимости от ситуации; другими словами, это не более чем эмпирическое предположение, и его нужно перепроверять в каждом конкретном случае.

Таким образом, анализ "партий" Макса Вебера продолжается в работах политических социологов, посвященных исследованиям "элит" или руководителей и группировок с общими интересами, а также групп давления в их борьбе за власть и отстаивание экономических и социальных интересов, которые они представляют. Марксистские социологи поддерживают идею, что такой методологический отказ от понятия класса, с одной стороны, социологами, которые ограничиваются исследованиями стратификации и мобильности, а с другой стороны — политологами, которых интересует только соревнование за власть, есть всего лишь форма идеологии, скрывающаяся за внешней маской социальной науки. На что приверженцы этой "идеологии" отвечают, что желание применять в XX веке дескриптивное понятие XIX века является наихудшей формой "научного" или идеологического консерватизма, поскольку общество за это время значительно эволюционировало.

Социальная иерархия диверсифицировалась на большое количество стратов, среди которых нет больше прежней степени культурной удаленности; уже своим числом они санкционируют существенную социальную мобильность, обусловленную динамикой экономики. С другой стороны, группировки, участвующие в

борьбе за власть, стали многочисленнее, стимулы борьбы — разнообразнее, и нет больше единой площадки для соревнования.

В этом вопросе аналитики, марксисты и немарксисты сходятся. Пулантцас, например, настаивает на растущей автономии политической сферы по отношению к экономическим инфраструктурам и проводит четкое различие между структурами доминирующими и детерминирующими. Если имеется согласие по вопросу о растущей диверсификации индустриального общества, тогда в ходе дебатов сталкиваются три основные гипотезы: первая утверждает, что в конечном счете можно говорить о борьбе между двумя компактными группами, противопоставленными друг другу и несводимыми к еще более мелким образованиям (буржуазией и пролетариатом), и что в случае кризиса все другие группы должны примкнуть либо к одной, либо к другой. Эта гипотеза сохраняет верность марксистским постулатам. Вторая гипотеза рассматривает общество как очень сложное образование, которым манипулирует, в соответствии с логикой капитализма и выгоды, властная элита; в частности, элита может воплощаться в финансовой мощи банковских групп: столкновения групповых интересов (в известных случаях, классов) используются этой элитой и в интересах самой элиты. Вторая гипотеза по разным мотивам отстаивается как марксистами, так и немарксистами. Наконец, детерминисты полагают, что система развивается необратимо, в соответствии со своей собственной логикой, и поле для маневра тех, что думают управлять обществом, практически равно нулю.

Для социологии достаточно того, что приверженцы трех гипотез сходятся в одном диагнозе: данная дискуссия может быть открыта, а аргументы представлены и оспорены именно в той мере, в какой существует этот диагноз. Социологическая наука не претендует на то, чтобы разрешать проблемы общества или раскрывать их глубинные причины. Она ограничивается тем, что расшифровывает отдельный образ, и только в той мере, в какой ей удается это сделать; наиболее противоречивые идеологические позиции должны отдавать себе отчет в ее существовании: ровно настолько же могут сократиться дискуссионные и интерпретационные границы.

Рекомендуемая литература

Социальным классам посвящено море литературы; отметим следующие работы:

*Karl Marx, La Lutte des classes en France. Paris, Éd. Sociales, 1948, 156 p.

*Raymond Aron, La Lutte des classes, nouvelles leçons sur la société industrielle. Paris, Gallimard, 1964, 367 p.

*Georges Gurvitch, Études sur les classes sociales, l'idée de classe sociale de Marx a nos jours. Paris. Gonthier, 1966, 249 p.

*Ralf Dahrendorf, Classes et conflits de classes dans la societé industrielle. Paris, Mouton, 1973.

*Nicos Poulantzas, Les Classes sociales dans le capitalisme d'aujourd'hui. Paris, Seuil, 1974, 365 p.

О различных формах социальной иерархии:

*R. Cornu et. J. Lagneau, Hiérachie et classes sociales, textes. Paris, Colin (U2), 1969, 320 p.

*Louis Dumont, Homo hierarchicus, essai sur le système des castes. Paris, Gallimard, 1966, 445 p.

О стратификации и социальной мобильности:

*Claude Thélot, Tel père, tel fils? Paris, Dunod, 1982, 249 p.

*Raymond Boudon, L'Inégalité des chances, la mobilité sociale dans la société industrielle. Paris, Colin, 1973, 237 p., réédition coll. Pluriel.

*Alain Girard, La Réussite sociale en France. Paris, P.U.F., 1961, 355 p.

*Luc Boltanski, Les Cadres, la formation d'un groupe social. Paris, Éd. de Minuit, 1982, 523 p.

*Alain Touraine, Le Mouvement ouvrier. Paris, Fayard, 1984, 440 p.

*Goldthorpe, Lockwood et al., L'Ouvrier de l'abondance. Paris, Seuil, 1972, 256 p.

*Michel Verret, L'Espace ouvrier. Paris, A. Colin, 1979, 232 p.

*Nicolas Herpin et Daniel Verger, La consommation des Français. Paris, Découverte, 1988.

*Henri Mendras, La Seconde Révolution française 1965—1984. Paris, Gallimard, 1988 (Première Partie: l'émiettement des classes).

О локальном анализе классов:

*O.C.S. L'Esprit des lieux, localité et changement social en France. Paris, C.N.R.S., 1986.

ГЛАВА 11
ИЗМЕНЕНИЕ: КОНФЛИКТ, РЕШЕНИЕ И ИННОВАЦИЯ

С одной стороны, социологи с трудом соглашаются мыслить в терминах "конфликтного" подхода и отказываются анализировать напряжения, которые между тем являются энергетическим источником социальной динамики. С другой стороны, они неизменно настаивают на исследовании изменений — тема, которая входит в повестку дня всех научных конференций. Такое противоречие весьма красноречиво для научногб подхода к предмету В стремлении раскрыть законы, правила, регулярности социолог больше склоняется к анализу нормального хода вещей, регулярному функционированию общества, исходя из установки на поиск некоторого вещественного "порядка" Показателен уже словарь используемых терминов: все, что касается порядка, имеет вид "беспорядка" по отношению к этому порядку, даже если речь идет о "прогрессе" в направлении к новому порядку. Попытки сохранять дистанцию с социальной реальностью ведут к ее сохранению такой, какой она представляется в качестве нормали: "научный" подход в социальных дисциплинах скрыто содержит в себе эту опасность, угрожающую анализу. Именно поэтому "критики" от социологии полагают, что необходимо еще на начальном этапе исследований отречься от установки на вещественный уклад как от некорректной. Только при выполнении этого условия появляется возможность анализировать движение, попутно интересуясь кризисами, столкновениями, конфликтами и напряжением. Подобное "отречение" — хороший мотив для социолога, но непонятно, каким образом оно способствует анализу, поскольку социолог ведет свои исследования с использованием прежних приемов, независимо от того, причисляет он себя к "критикам" или нет.

Попробуем на конкретном примере показать, какие могут быть последствия от таких предвзятых мнений для исследований в целом. Маленький мексиканский городок, Тепотцлан был исследован дважды двумя американскими этнологами. Первый, Роберт Редфилд, искал конкретный материал для своей модели *folk society*; он интересовался культурной и социальной коге-

рентностью города, ее институтами и коллективными проявлениями; результатом работы ученого стала картина мирной и гармоничной жизни этого небольшого городка. Ученик Редфилда, Оскар Льюис (ставший впоследствии знаменитым благодаря записанным на магнитофонную ленту разговорам в трущобах Мехико и Нью-Йорка), предпринял новые исследования на материале того же города, но с другой точки зрения: он рассматривал напряженности и противостояния, драки и ссоры, нарушения закона и проявления насилия. Его книга дает образ города, заметно контрастирующий с тем, который был создан Редфилдом, но при этом не противоречащий ему И мы не видим, чтобы один из этих двух ученых проявил себя меньшим "функционалистом" или большим "критиком", чем другой.

Маркс сумел избежать отвращения, которое испытывают доктринеры и социологи к пониманию мира в терминах "конфликтного" подхода: его макросоциологическая схема превращает классовую борьбу в движущую силу изменений во всех обществах. Сегодня мы еще не располагаем другой моделью макросоциальной динамики, что в основном объясняет попытки социологов-марксистов неизменно ссылаться на механизм, описанный Марксом, для однозначной интерпретации всех изменений и всех конфликтов, проходящих и существующих в современном обществе. Этот *deus ex machina*[1] избавляет их от необходимости искать другие, переходные, источники динамики и предлагает им интерпретацию по-прежнему доступную, но не привносящую ничего нового в социологическую теорию.

Маркс настаивал на том, что роль насилия сравнима с ролью "повивальной бабки истории" Это забавное выражение много раз воспроизводилось как заклинание, чтобы напомнить о роли насилия; вместе с тем о природе войны, революции, драки не так много исследований. Социология международных отношений аккумулировала исследования кризисов, но так и не сумела построить схему теоретического анализа состояний мира и войны между народами (если воспользоваться названием книги Раймона Арона[2]). Пребывающий до настоящего времени в забытьи,

[1] Deus ex machina — бог из машины (*лат.*).

[2] Имеется в виду книга: Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1984.

вытесненный из узкого круга авторитетов от стратегии и военного дела, Клаузевиц несколько лет назад вдруг приобрел необычайную популярность. Его утверждение, что война есть продолжение политики, но другими средствами[1], стало лейтмотивом для этнологических исследований последнего времени, показывающих, что война — это форма социальных отношений между группами. Чтобы вместе сражаться, необходимо знать друг друга, подчиняться одним и тем же правилам и использовать одни и те же виды оружия. Вести войну с кем-то — значит воспринимать противника как постороннего; иначе мы имеем дело со священной войной в духе *"Карфаген должен быть разрушен"* которая не допускает и малейшей возможности того, что после победы одного из противников война будет возобновлена.

КРИЗИСЫ И КОНФЛИКТЫ

Этнологи, частично перекликаясь с Рут Бенедикт, противопоставляют друг другу общества мирные (иренические), в которых принято всегда избегать конфликтов и не допускается подвергать сомнению точку зрения другой стороны или утверждать свои интересы в ущерб интересам других, и общества военные (агонистические), где агрессивность и силовое столкновение в социальных отношениях институционализированы. Так, квакиутл превратили ритуальный конфликт в один из своих главных институтов. В обществах средиземноморского региона нормой считается вражда между мужчинами, а также женские и семейные распри. Лоренс Вилли настаивал на особой роли ссоры в жизни провансальского общества. Представительница американской этнологической науки Эрнестина Фридл описала, каким образом дети одной греческой деревни учатся у взрослых агрессивности: уже с самого раннего возраста маленький мальчик должен быть всегда начеку, потому что его родители и братья устраивают для него ловушки, и если он в них попадает, над ним насмехаются, а если ему удается избежать

[1] Немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал Карл Клаузевиц (1780—1831), будучи последователем философии Г.Гегеля, И.Канта и И.Фихте, сочетал прогрессивные буржуазные идеи с прусским национализмом. Положение о войне как продолжении политики сформулировано в работе "О войне"

ловушек, его поздравляют. Брат всегда должен быть готов защитить честь своей сестры и честь матери, и всякий спор в ресторане или кафе заканчивается известной во всем мире фразой: "Выходи, если ты мужчина" Слова, поступки, подвергающие сомнению достоинство мужчины или честь женщины ("verguenza", как говорят испанцы), считаются в высшей степени оскорбительными и подлежат отмщению в драке. Вендетта, передающая от поколения к поколению долг мести одного рода другому, является формой институционализации данного механизма в корсиканском обществе и в некоторых других. У тедас, чтобы стать мужчиной, необходимо прежде убить представителя другого рода.

Кризисы и конфликты в одних обществах могут приобретать драматические очертания, а в других, наоборот, разрешаются мирно. Однотипные столкновения становятся поводом для массовых побоищ в одном месте и проходят без применения какого-либо насилия в другом. Например, политическая манифестация в англосаксонских странах проходит, как правило, под надзором полиции и без проявления какой-либо агрессивности, исключая разве что словесную перепалку, в то время как в странах Латинской Америки подобная манифестация зачастую может повлечь за собой смерти; события мая 1968 года во Франции[1], когда имели место случаи применения силы, были достаточно драматичными, однако жертв удалось избежать: насилие, но без смертельного исхода — характерная черта поведения протестующих и полицейских во Франции. Вместе с тем необходимо различать формы глубинного кризиса и конфликта. Не потому один народ "более нестабилен", а его конфликты "более глубоки" и не потому он "более неуправляем", чем другой народ, отвергающий путь драматизации конфликтной ситуации, что ему, народу, нравится устраивать для себя сцены с роскошными драками или революцией. Подобный вкус французов к революции мог бы объяснить, почему они использовали механизм изменений, который следовало бы попридержать в запасе; согласно Токвилю, все, что сделала революция, было сделано без ее участия; она явилась всего лишь жестоким и неожиданно быстрым способом, с помощью которого

[1] Имеется в виду крупное событие внутриполитической жизни Франции — Всеобщая забастовка 1968 г.

удалось примирить положение политическое с социальным, факты с идеями, а законы с обычаями[1]

Всякое общество состоит из различных групп, и несовпадающие интересы этих групп периодически вступают в фазу конфликта. Мысль о том, что идеальное общество может представлять собой "полную гармонию" без напряженностей, — не более чем мечта, от которой лучше избавиться. Для анализа необходимо принять противоположную сторону и попытаться определить, каковы обстоятельства зарождения конфликта, кем являются его участники и какими возможностями располагает общество в условиях нормального функционирования, чтобы предотвратить или урегулировать эти конфликты. Роль судей как раз и сводится к разрешению конфликтов между индивидами и между индивидом и обществом, а законы предусматривают специальную процедуру урегулирования. В случае, если ни закон, ни судья не в состоянии разрешить спор, люди обращаются к "суду Божию", к ордалии[2]: тот из двух спорщиков, кто выйдет победителем из

---

[1] Размышляя о причинах Великой французской революции в работе "Старый режим и революция" (1856), Алексис де Токвиль (1805—1859) утверждает, что революция всегда связана с неожиданным резким улучшением или ухудшением социальных условий. "Я всегда считал, что французы гораздо менее преуспели в этом своеобразном предприятии, чем это казалось со стороны и чем это считали они сами, — писал Токвиль. — Я был убежден, что, сами того не сознавая, они заимствовали у Старого порядка большинство чувств, привычек, даже идей, с помощью которых и совершили Революцию, разрушившую Старый порядок. Я уверен, что для возведения нового здания они неосознанно воспользовались обломками Старого режима" Токвиль изучает Францию под определенным углом зрения, сравнивая французскую революцию с религиозной революцией: "Французская революция преобразовывала современный ей мир точно таким же образом, каким религиозная революция преобразовывала свой. Она рассматривала гражданина с абстрактной точки зрения, вне конкретного общества, подобно тому как религиозные революции имели дело с человеком вообще, независимо от страны и эпохи. Ее занимал вопрос не только об особых правах французского гражданина, но и об общих правах и обязанностях людей в области политики. Именно так — восходя к менее частым и, так сказать, более естественным началам общественного строя и правления — она и смогла стать всем понятной и повсеместно доступной подражанию" (Цитаты в переводе М. Федоровой даны по: Токвиль А. де Старый порядок и революция. М., 1997, с. 3, 18.)

[2] Ордалии (*позднелат.*, ед.ч. ordalium, от *англосакс.* ordal — приговор, суд) — то же, что "Божий суд".

испытания, будет считаться получившим божественную помощь и, следовательно, правым.

В предыдущей главе мы показали, что современные организации сами по себе могут быть проанализированы как совокупность отношений соперничества за право обладания властью, которое обычно заканчивается молчаливым согласием: но иногда конфликт приобретает открытые формы, и тогда необходимо прибегнуть к переговорам и помощи институтов арбитража. Описывая особенности общественной жизни африканских племен, английский этнолог Макс Глюкман говорит примерно то же самое: каждая социальная система — это поле напряжения, полное отношений амбивалентности, сотрудничества и соревновательности (вражды). Таковы реалии как относительно статичного общества (Глюкман называет его "итеративным"), так и развивающихся обществ, которые стремительно меняются. В итеративном обществе локализованные и частные конфликты разрешаются не путем перестановок социальных ролей, а путем смены лиц, выполняющих эти роли и функции.

Таким образом, можно разработать общую парадигму для исследования конфликта, не ссылаясь на особые внешние условия. Ж.-Д. Рэйно предлагает рассматривать следующие вопросы:

1) Открытый конфликт — это "момент" в отношениях между партнерами; данные разнообразные отношения следуют и будут следовать друг за другом.

2) Конфликт вскрывает противоречие интересов, которые кроются в разности менталитетов (типов рациональности): общий менталитет (тип рациональности) мог бы способствовать разрешению проблемы без открытого конфликта.

3) Открытый характер конфликта является следствием неудачи обычных процедур умиротворения и очень четко отражает две позиции и двух противников.

4) В ходе конфликта, как правило, можно наблюдать за тем, как действующие лица заново определяют свои позиции, какие трансформации переживают их мотивы и цели. Все стороны конфликта стремятся к наращиванию своих сил, и в этих целях ищут пути к образованию альянсов.

5) Разрешение конфликта предполагает, что сторонам удалось найти почву, на которой может завязаться обмен (мнениями): процедура переговоров и, в определенных случаях, арбитража.

6) Противники принимают возможность компромисса, но чаще всего как временную, плохо регламентированную меру, которая может принести им более выгодные властные позиции в ходе принятых процедур умиротворения.

Для социолога конфликт выступает привилегированным предметом анализа:

1) Противники выступают открыто, в то время как при нормальном течении жизни идентифицировать их было бы невозможно.

2) Альянсы вскрывают общность интересов, менталитета и идеологии.

3) Обретают эксплицитные формы (становятся очевидными) инструменты и методы ведения борьбы.

4) За исключением случаев, когда имеет место возврат к ситуации *ante* ("до"), конфликт может рассматриваться как механизм проведения быстрых социальных изменений.

Наконец, конфликт — это процесс принятия решений и сила, формирующая порядок: без конфликтов, подлежащих разрешению, у судей не было бы повода работать над принятием решений, и тогда не было бы ни обычаев, ни закона. Социальный порядок основан на разрешенных или ритуализированных конфликтах (см. гл. 5 и "*Changement*", гл. 7)[1].

[1] В теоретико-методологическом плане в социологии существуют терминологические и концептуальные трудности при построении содержательной дефиниции конфликта. К.Маркс предложил дихотомическую модель социального конфликта, разделив общество на два основных класса, представляющих интересы труда и капитала. Г.Зиммель не принимал дихотомическую модель Маркса и находил в конфликте позитивные в отношении социальной стабильности функции. Последователи концептуального подхода, ориентированного на актуальные действия, Р.Мак и Р.Снайдер считали конфликт частным видом социального взаимодействия индивидов с взаимоисключающими ценностями и не рассматривали в рамках этого понятия близкие к конфликту явления — соперничество, враждебность и др. Р.Дарендорф полемизировал с этим мнением, считая, что конфликты перекрестны и совпадают. Системный подход позволяет преодолеть трудности в определении конфликта. См.: Simmel G. Conflict and the Web of Group Affiliations. New York, 1955; Mack R.W., Snyder R.C. The analisis of social conflicttoward an overview and synthesis // J. of conflict resolution. 1957 Vol. 2; Darendorf R. Class and conflict in industrial society. Stanford, 1959.

РУТИНА (ОБЫЧАЙ) И ИННОВАЦИЯ

Взгляд на мелкие "примитивные" сообщества и крестьян вызывает ощущение социальной системы, подобной запертой клетке, где каждый элемент тесно и функционально связан с остальными элементами в отдельности и в целом, пребывая под властью традиции: верований, правил поведения, технологий и институтов, управляющих друг другом и дополняющих друг друга. Именно в силу этого многие этнологи соблазнились универсальным функционализмом. Но в такой "запертой клетке" всякое изменение, даже самое незначительное, выглядит разрушением всей системы в целом и влечет за собой нарушение равновесия в искусно отлаженном организме. Блестящую иллюстрацию подобного явления мы находим в исследованиях Мак Ким Мариотта, описывающего, как в одну индийскую деревню приходит прогресс (*"Textes"*, pp. 221-234).

Помимо демографического пресса в недрах таких сообществ отсутствуют какие-либо иные принципы изменения: система находится в состоянии статичного равновесия и полностью ориентирована на поддержание этого равновесия. Если рождаемость повышается, необходимо увеличивать запасы ресурсов, например применяя более интенсивную культивацию больших площадей земли или изыскивая вовне другие средства существования. Как только потенциальные ресурсы начинают истощаться, демографический пресс неизбежно ослабляется за счет повышения уровня смертности. Демографы изучают различные средства, к которым прибегают традиционные общества в целях такого разрешения внутренней демографической ситуации, чтобы она оставалась совместимой с имеющимися в наличии ресурсами. Отметим по ходу, что нашим обществам известны аналогичные механизмы, причем они остаются совершенно необъясненными: начиная с 1965 года все индустриальные страны испытывают понижение уровня рождаемости, не понимая, почему и как это происходит.

В рассматриваемых нами сообществах изменение может прийти только извне. Технические инновации заимствуются в ходе контактов с соседями, более или менее удаленными, располагающими неизвестной технологией, либо посредством путешествующих сородичей, например торговцев или странников. Социальные изменения чаще всего являются результатом отношений между

соседними сообществами или влияния более мощного, поглощающего социума. Соперничество и войны между племенами создают почву и задают рамки для союзов и государств, которые трансформируют системы власти и, как следствие, распространяются на все общество. Аналогично город воздействует на деревню, централизованная власть, к какому бы типу она ни относилась (античному, феодальному или современному — теократическому, военному, индустриальному), воздействует на общества, попадающие в сферу ее интересов, и трансформирует их (*"Changement"*, гл. 2).

Итак, проблема изменений в традиционных обществах — это в конечном итоге проблема прихода новшеств в локальные сообщества. Каким образом внутреннее равновесие нарушается вмешательствами извне и традиция ассимилирует новшества, не изменяясь сама по себе? Историки, а с недавнего времени и этнологи собрали большое количество материалов дескриптивного, локального характера, но мы до сих пор так и не располагаем ни теоретической схемой, ни хотя бы парадигмой анализа глобального изменения совокупности социальной системы на уровне отдельного сообщества или небольшого общества. Вместе с тем мы можем сформулировать ряд тезисов:

1) Чтобы быть принятой, инновация должна адаптироваться в существующей технической системе, улучшить ее и не вступать с ней в конфликт; кроме того, необходимо, чтобы ее встретили с пониманием, обусловленным потребностью, и она не шла вразрез с устоявшимися системами ценностей и власти.

2) После того как инновация была введена отдельным индивидом или маргинальной группой, она должна быть передана от одного поколения к другому, чтобы стать, в глазах нового поколения, составной частью традиции, обычного технического арсенала.

3) Занимая свое место в технической системе, инновация трансформирует ее и, таким образом, может обусловить социальную динамику в различных аспектах; избыток ресурсов позволяет повысить демографическую плотность, и тогда становится возможным технический прогресс на других направлениях. В эпоху средневековья лошадиный хомут, увеличивший силу тяги, позволил строить более тяжелые транспортные средства и производить более глубокую вспашку земли, в результате чего интенсифицировались производство и обмен с внешним миром, а также претерпели изменения и властные отношения.

Можно привести огромное количесто примеров в качестве иллюстрации этих тезисов. Исследуя процессы, происходящие в индийской деревне, Мак Ким Мариотт показывает, что крестьяне прекрасно понимали преимущества зерновых культур, которые им предлагали выращивать, и если они отказывались, то не из-за банальной глупости, а потому, что зерна были слишком твердые и крупные для мельниц с каменными жерновами, приводимыми в движение женщинами, а солома — слишком жесткая, чтобы кормить коров: для перехода на выращивание таких культур необходимо было модернизировать мельницы и подобрать другую пищу коровам. Точно так же крестьяне на юго-востоке Франции не решались выращивать гибридную кукурузу, поскольку полностью отдавали себе отчет в том, что существование всей их поликультурной автаркической системы оказалось бы под вопросом: появилась бы необходимость покупки трактора (затем других машин и горючего), кооперативной торговли (при неизбежной зависимости от ценовых поползновений рынка), необходимость выслушивать советы популяризаторов эффективного ведения сельского хозяйства, одним словом, им пришлось бы покинуть пределы привычной крестьянской экономики и деревенского социума, чтобы интегрироваться в международный рынок и урбанизированную цивилизацию. Примером противоположного опыта могут служить "колониальные" страны, где деревенских жителей силой заставляли заниматься выращиванием тех видов сельскохозяйственных культур, которые не входили в их традиционную систему питания, но являлись коммерчески выгодным продуктом (хлопок, кофе, какао и т. д.); торговля позволяла окупить расходы, включая выплату налогов: это была "культура комендантов" С прекращением принуждения такая культура исчезла.

Техническая инновация иногда может ожидать столетия, прежде чем ее станут применять на практике. Когда император Юстиниан понял, что один из его рабов изобрел гениальную систему для привода в действие мельничных жерновов с помощью силы воды, он поздравил раба, наградил, даровал ему свободу и... запретил рассказывать об изобретении: "А иначе что я буду делать с моими рабами? Твое изобретение отберет у них работу и хлеб" И пришлось ждать до X в., пока сеньоры-феодалы не стали строить водяных мельниц, позволяющих им беспредельно взвинчивать цены за помол крестьянского зерна. Технический прогресс

встречает понимание только в том случае, если оказывается приемлемым для государства и общества.

Рабочие больше всего боятся новых машин, которые являются причиной так называемой "технологической" безработицы или по меньшей мере перераспределения задач и компетенций и требуют получения нового образования. Многие исследования были посвящены техническим инновациям в промышленности, и все они выделяли следующие "социальные" последствия инноваций: переоценка квалификационных ценностей, дробление и оскудение древних профессий, разрушение групповых отношений в цехах и мастерских. Сегодня появление аналогичных проблем связано с компьютеризацией производства и жизнедеятельности крупных организаций.

РЕШЕНИЯ И ВНЕДРЕНИЕ (ДИФФУЗИЯ)

В традиционных, или, в терминологии Глюкмана, итеративных (репетитивных), обществах действующие лица очень боятся ситуаций, когда необходимо принимать решение: при возникновении какой-либо проблемы решение, которое предлагает традиция, кажется наилучшим, и, следовательно, действующие лица приходят к выводу о необходимости повторения одних и тех же приемов поведения в одних и тех же ситуациях. Индустриальные общества, напротив, стараются разнообразить решения и предлагают индивидам на выбор различные варианты. В крайних случаях прибегают к изображению иллюзорных вариантов, когда, при существенной поддержке соперничающих публицистов, предлагается один и тот же продукт, но под разными марками и в разных упаковках. Хозяйка, пришедшая в магазин, должна выбирать между двумя видами стирального порошка, причем оба "стирают чище всех остальных" тогда как ее бабушка использовала для стирки только хозяйственное мыло, а прабабушка сама изготовляла для себя мыло из пепла и золы.

Во второй главе мы уже упоминали труды Левина, посвященные процессу принятия решений в небольших группах, а также исследования Каца и Лазарсфельда о предпочтениях потребителей одного маленького американского города. Психолог анализирует мотивы, двигающие индивидом при принятии решения, социальный психолог исследует сети коммуникации и влияния, в

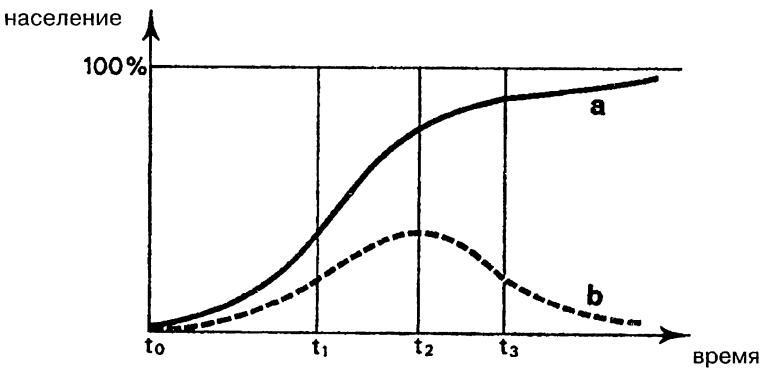
которые включены индивиды, принимающие решения, а социолог имеет возможность изучить отдельную группу как некую целую единицу, которая принимает коллективное решение, отслеживая при этом механизмы, поддающиеся распознанию при помощи анкетного опроса. Социолог организаций стремится понять, каким образом принимаются решения в данной сфере; социолог политики отслеживает переплетения властных отношений в рамках локальной общности или влияние групп давления на принятие правительственных решений: в завершение процесса принятия решения мэр города, или премьер-министр, ставит свою подпись, но это совсем не значит, что решение им принято самостоятельно.

Принято считать, что решение есть действие точечного типа, действие некоторого субъекта, следующего определенной ментальной традиции в определенный момент времени: средства рассматриваются в связи с целями, сопоставляются издержки и выгоды, и в результате "принимающий решение" выбирает из всех возможных лучшее. Исследования показывают обратное, а именно, что принятие решений — это длительный процесс, в течение которого вторгаются многие действующие лица, ставящие перед собой различные цели, степень ясности которых также различна; и решение часто оказывается результатом плохо взвешенных оценок, удовлетворяющих организационным потребностям и максимально приближенных к ситуации статус-кво. Нужно освободиться от иллюзии социального волюнтаризма, понимаемого как волюнтаризм индивидуальный.

Начиная с момента, когда в конце прошлого века Габриель Тард опубликовал свою книгу о законах подражания[1], появилось много исследований, посвященных диффузии (внедрению, распространению) приемов поведения. "Жители городов, как мужчины, так и женщины, захотели одеваться подобно джентльменам, джентльмены, в свою очередь, так же роскошно, как и принцы, сельские жители — на манер жителей городов" Это замечание

[1] Книга французского социолога и криминалиста Габриеля Тарда (1843—1904) "Les lois L,imitation" была издана в 1890 г. Стремление к подражанию Тард сравнивает с кругами на воде: новые изобретения — новые волны подражания. Благодаря подражанию, считал он, общество, с одной стороны, поддерживает свое существование в качестве целостности, а с другой — развивается по мере того, как в различных областях социальной действительности возникают и распространяются изобретения.

кюре Клода Атона, жившего в XV в., представляет собой любопытное наблюдение над функционированием нашего общества с его стремительно меняющимся потребительским вкусом. Действительно, все наблюдения за внедрением какой-нибудь инновации, будь то машина, или технология (например, трактор в сельском хозяйстве или новый медикамент во врачебной практике), или новый предмет для повседневного потребления, показывают на присутствие скачка (кривой), называемого эпидемиологическим, поскольку такой же скачок характерен для распространения вирусной инфекции.



Кривая *a* указывает на число внедряемых объектов, а кривая *b* — на число индивидов, принимающих объект в данный момент времени. Судя по этим кривым, процесс четко разделяется на четыре этапа: между моментом времени "ноль" (когда объект находится в пассиве) и моментом времени "один", когда "новаторы", "пионеры" воспринимают это благо: они в той или иной степени опережают общую волну, играя двойную роль экспериментаторов, и служат примером для остальных; отрезок от t_0 до t_1 может быть более или менее длинным в зависимости от необычности объекта, от особенностей рассматриваемой части населения и от социальных отношений, которые существуют между новаторами (проводниками мнений) и их аудиторией, или от сферы влияния. T_1 указывает на ту стадию, когда широкие, "принимающие", массы решаются сделать шаг навстречу новшеству, и вплоть до T_2 движение проходит по принципу снежного кома; T_2 указывает на кульминационный момент внедрения, момент, когда

две кривые начинают расходиться; число принятых объектов медленно растет, а число (индивидуальных) принятий начинает снижаться. И наконец, t_3 обозначает стадию завершения процесса: в этот период к числу принявших положительное решение добавляются несколько увлекаемых общим потоком опаздывающих, но в то же время несколько индивидов из ранее принявших решение могут изменить свое решение; никогда не воспримут новшество все 100% индивидов, потенциально согласных с ним; всегда будут крестьянские хозяйства без трактора и городские квартиры без телевизора, и этот показатель может быть более или менее высоким в зависимости от характера объектов и типа населения.

Что представляют собой принимающие индивиды и какие отношения они поддерживают с остальной частью населения? В том, чтобы узнать это, и состоит главная проблема. Мы уже говорили в третьей главе, что социальные психологи, изучающие коммуникацию и процесс принятия решений, дают этим "проводникам мнений" индивидуальные характеристики, отличающие их от других индивидов; все индивиды предстают как атомы, вкрапленные в поле социума: железные опилки, когда вдруг объявляется любитель (проводник мнений), организуются (превращаются) в звезды, в сети, в короны и в реле. Социолог, наоборот, рассматривает индивидов в обществе, и определяющими для их роли новаторов выступают позиции, которые они занимают, и группы, к которым они принадлежат. Как было сказано выше, индивиды и маргинальные группы предрасположены к инновациям, как и некоторые группы в позиции "портье": это, например, коммерсанты, которые консультируют своих клиентов и передают опыт одних другим.

Инновации исходят, как правило, от верхних уровней социальной иерархии, что заметил еще кюре Атон. В обществе потребителей люди с высокими доходами первыми покупают новые товары и первыми усваивают новые приемы поведения; они оснащаются видеокамерами, морозильниками и парусниками; они отправляются в дальние странствия, затем вновь становятся домоседами и обзаводятся домами в предместьях больших городов; их пример постепенно "опускается" по ступеням социальной пирамиды по мере того, как товары и приемы поведения становятся менее дорогими и вызывающими. Сто лет назад Ла-

зурный берег посещали представители английской аристократии, затем к ним присоединилась французская буржуазия, а сегодня уже все желающие могут приехать и разбить лагерь вблизи Сен-Тропеза; конечно, "апартаменты больших гостиничных комплексов с видом на море" так же отличаются от кемпингов, как отличаются от этих гостиничных номеров виллы Антибского мыса с частными пляжами. Товары и манеры поведения становятся разнообразнее по мере все более широкого распространения. В своем труде, ставшем классическим и посвященном видам культурной практики французов, Пьер Бурдьё различает высший класс, имеющий власть легитимировать культуру и, как следствие, инновации; средний класс, который являет образцы "доброй воли в области культуры" ассимилируя новшества, вкусы и порядки после того, как они легитимированы высшим классом, и, наконец, народный класс, который сначала отвергает то, что приходит сверху: "это не для нас" затем соглашается принять инновации, когда они пройдут стадию популяризации. Эта схема подобна "пирамидообразному" взгляду на общество. Мы уже говорили, что такой подход не соответствует обществу, ибо оно становится все более разнообразным и в его рамках социальные классы дробятся на созвездия, распределяясь по двум измерениям и девяти параметрам)[1] В таком обществе небольшие маргинальные группы средних классов, например, общественные организаторы в семидесятые годы, выступают пионерами, ведущими к социальным изменениям. Именно в этих группах институционализировалось такое явление, как сожительство молодых людей, имеющее целью внедрение в среду высших классов или в широкие народные массы.

Некоторые новые технологии были бойкотированы высшими классами, например — телевидение на заре своего развития; другие технологии с большим трудом внедрялись в среду нижних классов. Когда появился видеомагнитофон, казалось, что он предназначен только для "культурной элиты", которая теперь могла удовлетворить свой изысканный театральный вкус (а иног-

[1] Наиболее признанной является классификация, предложенная Джоном Голдторпом в работе "Социальная мобильность и классовая структура в современной Британии" (2-е изд. 1987). Голдторп различает одиннадцать социально-классовых категорий, которые могут быть сведены в три основных класса: служебный, промежуточный и рабочий.

да и просто каприз). На самом же деле видеомагнитофон очень быстро внедрился в среде широких народных масс, за чем последовал бум видеоклубов, сеть которых гораздо быстрее охватила бедные кварталы, чем фешенебельные районы крупных городов.

Исследования процесса внедрения гибридной кукурузы показали, что новаторами, первыми (в момент t_0) решившимися на эксперимент с новыми семенами, были мелкие крестьяне, но их примеру не последовали, и только крупные фермеры, поддержав это новшество в момент t_1, смогли быстро увлечь за собой широкие массы земледельцев. Хотя за каждым и сохраняется свобода принимать собственное решение, позиция в сельской социальной иерархии дает в некотором смысле "право" решать за всех. Для социолога все выглядит так, как если бы за решением одних вопросов механически следовало решение других согласно прогнозируемому процессу, и у нас появляются основания говорить о коллективном способе принятия решений и о власти принимающих решение индивидов, стимулирующих других к принятию аналогичных решений.

В сельском социуме только знатные люди находятся в позиции, позволяющей вводить изменения; эти индивиды одинаково могут быть отнесены как к своему селу, так и к буржуазии или к аристократии всего общества в целом. В силу своей причастности к обществу они узнают о новшествах, читая газеты и из разговоров с агрономами. Они обладают достаточным простором для маневра, чтобы предпринять эксперименты, в том числе дорогостоящие: закупить удобрения или машины, отдать земли и посвятить много труда опытам, которые могут закончиться полным фиаско. Бедный селянин, производящий ровно столько, сколько необходимо для прокорма семьи, не может отважиться на такой риск; пойдя наперекор традиции, он устроил бы большой переполох, соседи стали бы насмехаться над ним и незамедлительно принялись бы обращать его к добрым испытанным методам. Знатное лицо, наоборот, будучи маргиналом, может вести себя причудливо, не вызывая возмущения у окружающих: неудача вызовет лишь несколько насмешек, а успех немного больше внимания, чем обычно, не пробуждая тем не менее у соседей желания подражать ему; чтобы кто-то последовал доброму примеру, понадобится время, и, возможно, сменится не одно поколение крестьян. Просвещенные земледельцы и образцовые фермы остаются часто в изоля-

ции со своими прогрессивными методами в окружении традиционных хозяйств.

Впрочем, если представители сельской знати являются единственными, по своей маргинальной позиции, кто имеет власть вводить новшества и экспериментировать, эта же властная позиция в среде сельского социума очень часто удерживает их от изменений, поскольку изменения затрагивают социальный "порядок" иерархию, в которой знати отводится ведущая роль, сулящая немалые выгоды. Всякое техническое нововведение чревато риском социальных изменений и, следовательно, может рассматриваться как еще одна цель в соревновании за власть. Проанализируем некое село, поделенное между двумя кланами: власть находится в руках традиционалистов, и их глава является старостой; сторонники модернизации, представляющие собой оппозицию, хотели бы, чтобы пост старосты занял их лидер. Механизатор, появляющийся в этом селе со своим новшеством и некоторым запасом средств, которые должны обеспечить ему успех, рискует встретить отпор со стороны действующего старосты и радушный прием в лице лидера оппозиции; для оппозиционного лидера любое изменение является подспорьем в борьбе за власть, и он не замедлит призвать своих сторонников воспользоваться преимуществами, которые дает это изменение. Если же официальный лидер причисляет себя к модернистам, главный оппозиционер, в таком случае, вынужден обратиться к традиционализму: "Элита предает наши традиции и память наших отцов, избавимся от этих предателей, от этих нечистивцев и т. п." Каким бы ни был разброс точек зрения, во всех случаях технические изменения, внешне наиболее нейтральные, являются дополнительной ставкой в борьбе за власть: в юго-восточной Франции кукуруза местных сортов считалась культурой левых и антиклерикалов, а гибридная кукуруза — культурой бесспорно "католической" и "правой", поскольку она приносила прибыль крупным землевладельцам и вела к обнищанию мелких крестьянских хозяйств. Те, что считали себя прогрессивными в политике, находились в лагере традиционалистов по вопросам техническим, и наоборот.

Реакция в духе традиционализма и "фундаментализма" ("давайте вернемся к фундаменту, основам нашей цивилизации, нашей религии, нашего народа") чрезвычайно распространена в развивающихся странах. В XIX в. российские славянофилы хотели

прежде всего сберечь русскую душу и ценности, воплощенные в мужике, в отличие от сторонников "европеизации" и индустриализации страны. Сегодня в Африке и Латинской Америке, как в прошлом веке в США, внезапные вспышки религиозных мессианских движений могут интерпретироваться как реакция на конфликт между традиционной цивилизацией и западной индустриальной цивилизацией. Пророки и маги создают культы и новые секты, изобретают синкретические ритуалы, где воедино слились традиционные обряды и элементы "модернизма", предлагают своим последователям практику экстатических состояний, приемов колдовства, мистическую, иногда с элементами галлюцинаций, экзальтацию и обещают спасение, которое якобы позволит людям одолеть их повседневные конфликтные ситуации.

Стратегический анализ показал, что группы и индивиды в крупных образованиях стремятся к реализации независимых планов, а это, в свою очередь, приводит к столкновениям и конфликтам; так, корпорация может в течение некоторого времени видеть в новшестве угрозу, однако данное новшество имеет перспективу позднее превратиться в козырь: например, корпорация "Мосты и дороги" долгое время выказывала враждебность по отношению к автомобильным дорогам, которые вносили изменения в ее административную и технологическую практику, но затем та же корпорация превратилась в ярого сторонника автомобильных дорог и подрядчика на их строительство. Исследования Жаму, посвященные больничной реформе во Франции, блестяще показали решающую роль, которую сыграла маргинальная категория врачей, и выявили источники сопротивления реформе, оказанного более традиционными категориями и самой больничной системой.

Люди, сведущие в вопросах политики, знают, что изменение всегда может привести к противоположному результату по отношению к тому, на что делалась ставка изначально. Для большого города завод выглядит одновременно и желательным явлением, поскольку он сделает городскую общину более богатой, и нежелательным, если привлечет новых избирателей, которые станут "плохо" голосовать. В южной Италии, как первоначально полагали, аграрная реформа должна была вывести правых избирателей на позиции христианских демократов: эта реформа позволила коммунистической партии закрепиться среди исконных жи-

телей, которые теперь стали собственниками, сохраняя свободу в вопросах голосования.

Если соперничество и властные конфликты играют основную роль в механизмах изменения, то нет ничего удивительного в том, что процессы индустриализации развиваются параллельно с плюрализацией ("демократизацией") политических режимов, а война и международные политические конфликты оказывают влияние на ситуацию: не относится ли фраза "насилие — повивальная бабка истории" и к случаям насилия, замаскированного в парламентские одежды?

ВОЗМОЖНА ЛИ ТЕОРИЯ ИЗМЕНЕНИЙ?

Это заключение не предлагает инструментов анализа исторических изменений на уровне мелких сообществ, изучаемых этнологами, или "великих" обществ, исследуемых историками. Проблема была уже сформулирована и касалась зарождения индустриального общества. Механизмы внедрения инноваций, протекания конфликтов и принятия решений, представленные выше, располагают схемами, которые позволяют проанализировать соответствующие процессы и описать изменения как в локальных сообществах, так и в крупных социальных образованиях. Опыт построения макроисторической пирамиды мы наблюдаем на примере великолепной работы Жоржа Дюби[1], в которой рассмотрен переход каролингского общества, базирующегося на примитивном сельском хозяйстве, позволявшем прокормить мелкие господские и крестьянские хозяйства, к обществу XIV в., когда уже появились в зародыше все элементы капиталистического общества. Дюби сумел показать динамику взаимодействия технического прогресса и демографического развития, которые повлекли за собой диверсификацию социальных функций и зарождение социальных классов (в широком смысле слова): сельского, городского и господского (*"Changement"*, гл. 1 и 5).

Марксистская модель классовой борьбы как двигателя всякого общества может, благодаря своему крайне обобщенному

[1] См.: Duby G. L'Économie rurare et lavie des campagnes dans médiéval. Paris, 1962.

характеру, быть применена для анализа любого исторического периода и средневековья, и современного общества. Но в таком случае из термина "класс" будет изъято все его историческое содержание (как пролетариат, так и буржуазия XIX века): анализ, базирующийся на понятии классовой борьбы, лишенный своего исторического контекста, сводится к "стратегическому" анализу властных конфликтов между противоборствующими группами на макросоциальном уровне, к анализу мотивов, инструментов и средств осуществления контроля за "пограничными" зонами.

Другая масштабная модель изменений, предложенная в XIX в. Токвилем, нацелена на определение тенденций демократических обществ, которые должны были претерпеть изменения в силу общего стремления к обогащению и требований равенства: "Чем общество богаче, чем оно более индустриализованное и процветающее, тем разнообразнее и постояннее развлечения большей части населения, тем скорее они воспринимаются как обычные и приобретают вид действительных потребностей" "Я думаю, что демократические нации отличаются естественной склонностью к свободе (...), но к равенству они испытывают просто страсть, неутолимую, вечную, непреодолимую"[1]. Такой анализ, базирующийся на понятии тенденций, так же, как и классовая борьба, показателен для понимания индустриального общества, но тем не менее не предлагает теории. За какой бы уровень пирамиды ни принялся социолог, он повсюду чувствует себя обезоруженным, не решается, и правильно делает, броситься в атаку на предстоящую ему проблему, которая в конечном итоге находится не в его компетенции, но в компетенции философии истории.

[1] Этот анализ демократического общества дан в работе "Демократии в Америке" (1835 – 1840). Цитата, которую приводит А.Мендра, продолжается еще более ярким суждением: "Они хотят равенства в свободе и, если не могут его получить, хотят его также и в рабстве" См.: Tocqueville A. Oeuvres completes. Paris, 1835 – 1840, p. 259.

Рекомендуемая литература

Об изменениях и инновации в промышленности и сельском хозяйстве:

*H. Mendras et M. Forsé, Le Changement social, tendances et paradigmes. Paris, A. Colin, 1983, 284 p.

*Jacques Dofny et al., Les Ouvriers et le progrès technique. Paris, A. Colin, 1966, 272 p.

*Henri Mendras, La Fin des paysans. Paris, A. Colin, 1970, chapitre IV: Une innovation: le maпs hybride, pp. 121 — 155.

Об отношениях между индивидуальными решениями и коллективными действиями и о конфликтах, а также о локальном анализе измений:

*Raymond Boudon, Effets pervers et ordre social. Paris, P.U.F 1977, 286 p..

*Reynaud et Adam, Conflits du travail et changement social. Paris, P.U.F., 1978.

*Hubert Touzard, La Médiation et résolution des confits. Paris, P.U.F., 1977, 420 p.

*Robert Dahl, Qui gouverne? Paris. A. Colin, 1971, 374 p.

*Mancur Olson, Logique de l'action collective. Paris, P.U.F 1978.

*O.C.S. L'esprit des lieux, localités et changement social en France. Paris, C.N.R.S., 1986.

Об изменениях на макроисторическом уровне:

*Georges Duby, L'Économie rurale et la vie des campagnes dans l'occident médiéval. Paris, Aubier, 1962, 2 tomes, 823 p.

О современной Франции:

*Henri Menras (éd.), La seconde Révolution française. Paris, Gallimard, 1988.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
МИФ И ИДЕОЛОГИЯ

Термины "миф" и "идеология" входят в инвентарь средств социологического анализа, но, размышляя над этими словами, мы не можем не задаться вопросом о социальной сцене как таковой: в какой мере она является "научной" или "идеологической" и, как следствие, какова ее роль в истории зарождения и жизни "мифов"? Именно поэтому мы не стали рассматривать миф и идеологию среди прочих вспомогательных средств социологии, а отложили их на самый конец. Смысл этих двух слов живого языка понятен каждому. Греческая мифология относится к истории "человечества", идеологии выявляются из истории идей. Каким образом трансформировать рассматриваемые термины в инструменты в точные и оперативные вспомогательные средства анализа?

Расхожее определение превращает миф в своего рода сон — сон простых народов. В нашем современном обществе мы часто употребляем термин "миф", когда говорим о чем-то несуществующем. В обоих случаях обычное употребление этого слова очень нагружено ценностными и смысловыми оттенками уничижительности. Термин "идеология", пожалуй, выступает в тех же коннотациях. В обиходном языке под идеологией могут пониматься "пустые мечты" некоторого интеллектуала. Интеллектуал, если он занят идеологией, является идеологом, и этот последний термин также окрашен в яркие уничижительные тона. Итак, два слова живого языка вызывают одни и те же чувства.

Для социолога оба этих термина принадлежат к одному понятийному полю, причем "миф" используется для анализа так называемых примитивных обществ, а "идеология" лучше подходит для анализа наших "современных обществ" Действительно, миф и идеология играют совершенно особую роль в функционировании двух разных типов общества, и мы можем провести социологический анализ роли мифа и идеологии в том или ином обществе. Этот анализ будет оличаться от анализа уже рассмотренных идеологий: здесь нам предстоит познакомиться с историей идей, исследованиями содержания и структуры мифов.

Три фундаментальные тенденции, лежащие в основе социологического исследования мифов и идеологии, зародились в кон-

це XIX в. Маркс и марксисты настояли на разнообразии функций идеологии в разных обществах. На рубеже веков этнологи серьезно заинтересовались мифами в примитивных обществах, и марксисты сразу попытались придать этим первым познаниям в области этнологии универсальный характер. Наконец, Фрейд и представители школы психоанализа, также обращаясь к работам этнологов, попробовали показать, что некоторые из открытых ими механизмов поведения индивидов проявляют свое сходство с функциями мифов в примитивных обществах. Так, невроз рассматривается как своего рода создание индивидуальных мифов, за чем следует сравнение с развитием мифов в обществах.

Тайлор говорил, что миф — это "in mistaking an ideal connexion for a real one"[1] Отношенис на уровне идей и отношение на уровне реальности — два основных понятия для исследования мифов и идеологий.

Миф представляет собой интеллектуальную конструкцию, образующую внутреннюю логику какой-то проблемы, истории или специфической социальной ситуации. Итак, с одной стороны, мы имеем интеллектуальную конструкцию, которая должна быть когерентной и логичной, а с другой стороны — реальную ситуацию; это напряжение между реальностью и логической когерентностью и составляет весь смысл и (прагматическое) значение мифа. Леви-Стросс утверждал, что "цель и смысл мифа состоят в том, чтобы предложить логическую модель разрешения противоречия повседневной жизни" Данное высказывание более точно и оперативно выражает то, что говорил Тайлор. Миф позволяет индивиду примирить свои притязания на логичность с внешней алогичностью и противоречиями повседневной жизни.

Фрейд считал, что: "Было бы ошибкой верить, будто индивидов к созданию их первой космологической системы подталкивало только любопытство, только жажда познания. Практическая потребность в подчинении себе мира в немалой степени обусловила эти усилия людей. Удивительно, но анимистическая система имеет неизбежное следствие, а именно — систему знаков, соотносимых с манерами, которые должны характеризовать наше поведение, если мы хотим занимать господствующее положение над

[1] Ошибочный (вымышленный) идеал, свойственный действительности (реальности) (*англ.*).

людьми, животными или вещами или, вернее, умами людей, животных и вещей" Миф помогает занять господствующее положение над реальностью и, по определению, непостижим. Общество и индивиды создают логическую интеллектуальную систему, позволяющую учитывать эту разнообразную, противоречивую и внешне алогичную реальность.

Одним словом, можно сказать, что идеология выполняет в современном мире ту же функцию, какую и миф — в примитивных традиционных обществах. Приведем еще одну цитату из Леви-Стросса: "Ничто так не схоже с мифическим мышлением, как политическая идеология. В наших современных обществах политическая идеология, возможно, просто заменяет собой мифическое мышление. Что, скажем, делает историк, когда говорит о Великой французской революции? Он обращается к череде событий прошлого, далекие последствия которых, пройдя сквозь толщу целой серии необратимых промежуточных событий, безусловно, ощущаются еще и сегодня. Но для политика и для людей, которые его слушают, французская революция — реальность другого порядка, последовательность событий прошлого, а также схема, наделенная неизменной эффективностью, позволяющая интерпретировать социальную структуру современной Франции, ее очевидные антагонизмы и просматривать очертания будущей эволюции"

Другими словами, миф о Великой французской революции имеет в политической жизни Франции точно такие же функции, как и религиозный, магический или космогонический миф в примитивном обществе. Это инструмент, позволяющий придать смысл антагонизмам, социальным и политическим противоречиям современной Франции и, как следствие, воздействовать на них. Воздействовать соответствующим образом на социальную ситуацию или на природу можно только в момент, когда удалось ее осмыслить и подобрать для нее структуру, логическую взаимосвязанность.

Для марксизма идеология также является космогонией, которая позволяет понять мир и господствовать над ним, и эта космогония неосознанно зарождается в социально детерминированных группах не без участия ясных и определенных экономических интересов. Марксизм настаивает на том, что в дифференцированном обществе существует многообразие идеологий, представляющих собой продукт и отражение социальных оппозиций: для социальной группы это — подлинные интеллектуальные инструмен-

ты, с помощью которых можно занять доминирующее положение. В данном смысле буржуазная идеология оказывается космогонией, сфабрикованной буржуазией в качестве глобальной интерпретации эволюции мира и общества и основанной на интересах буржуазии, причем этому анализу и, следовательно, интересам буржуазии подвергается вся эволюция в целом.

Идеология, подобная мифам, имеет двойное фундаментальное требование: внутреннюю логическую взаимосвязанность и применимость к реальности. Из напряжения между двумя этими противоречивыми требованиями рождается эволюция идеологий, их трансформация. Если идеологии удается предложить полностью когерентную интерпретацию некоторой социальной реальности, появляются шансы на то, что эта социальная реальность трансформируется, вследствие чего необходимо будет вновь подвергнуть сомнению идеологию и создать для нее новую ситуацию когерентности. Адаптация к реальности обязывает к трансформации когерентности, а потребность в когерентности ведет к перманентному анализу социальных реалий. Идеология удается только в той мере, в какой она удовлетворяет требованию когерентности индивидов и выступает инструментом, который позволяет выстраивать поведение и овладевать повседневной социальной жизнью.

До сих пор мы избегали слова "религия" В примитивных обществах миф в некотором смысле связан с религией, а в современных — идеология также в некотором смысле связана с теологией, с религиозным видением мира; поскольку человеку недостаточно понять материальный и социальный мир, в котором он живет, возникает потребность рассматривать его в другом, неземном, измерении. В данной перспективе религия предстает формой мифологии, дающей человеку репрезентативную картину вселенной и отвечающей на сакраментальный вопрос: откуда мы пришли и куда идем?

В какой момент происходит переход от научного анализа к идеологическому? С какого момента "научная" теория может восприниматься как эффективная идеология управления людьми? Эта крайне сложная проблема вытекает из социологии познания.

В мало дифференцированном "примитивном обществе" механизмы мифа и идеологии почти никогда нельзя выявить; так, не существует особой социальной группы, главная функция которой

состояла бы в создании мифов и идеологии. В более дифференцированном обществе, напротив, постепенно развиваются социальные группы, создающие идеологию. Опираясь на положения марксистской теории, Антонио Грамши попытался показать, что в обществе XX в. производителями идеологии были "интеллектуалы" Под "интеллектуалами" в данном случае следует понимать не только тех, чьи образование и род деятельности имеют чисто интеллектуальную направленность (преподаватели или ученые), но и (в смысле русского термина "интеллигенция") все люди, выполняющие интеллектуальные функции, а также, в другом значении, все те, что "манипулируют символами" По мере развития капиталистического общества буржуазия выделяет из своих недр социальную группу интеллектуалов, предназначение которых состоит в рафинировании буржуазных идеологий; класс пролетариев, со своей стороны, также выделяет группу интеллектуалов для разработки "революционной" теории.

Дифференциация идеологий — существенный элемент прогрессирующей дифференциации общества. В примитивных обществах имеется только одна "идеология" — мифы. В более сложных обществах появляется противоречивая идеология. В какой степени манипулятор символами, создающий идеологию, понимает свое "отчуждение" от социального класса? Это проблема "ложной" совести. Фридрих Энгельс в *письме к Францу Мерингу* говорил, что идеология представляет собой процесс, который так называемый мыслитель исполняет сознательно, но с "ложной" совестью, а настоящие движущие силы, приводящие процесс в движение, остаются ему неизвестными. Следовательно, этот процесс не является идеологическим, поскольку неясно, ложными или очевидными представляет себе такой мыслитель движущие силы. Он имеет дело только с интеллектуальным материалом и приговорен своей принадлежностью творить интеллектуальную работу.

Снова мы оказались на грани идеологии и науки. Социология познания стремится выяснить, в какой мере социальные "науки" привязанны к различным социальным группам, в какой степени они отражают взгляды общества на эти группы и помогают действию групп на общество? Сегодня только католическая церковь интересуется провозглашением настоящей "социальной доктрины" тогда как лучшие умы XIX века не стеснялись быть доктринерами. Доктрина занимает достаточно важное место меж-

ду "социальной наукой" и программой действий, поскольку может восстановить ценности общества, моральные принципы и политические цели, которые ученый пытается в результате своих исследований свести, среди прочих, к "переменным"

Идеология позволяет воздействовать на общество, ибо помогает понять его: в некотором смысле она способствует движению в обществе, которому предоставила "карту действий" Но кроме того, она является динамическим элементом общества, облаченным в "одежду" мифа, в том смысле, который придает этому слову Жорж Сорель. Миф предлагает социальной группе мотивации к действию, а не только ориентиры для понимания социальной ситуации. Как говорил Жорж Сорель: "Надо призвать образы, способные по первому требованию, до всякого рационального анализа, вызвать в памяти массу чувств, соответствующих войне, объявленной социализмом современному обществу. Профсоюзы прекрасно решают эту проблему, концентрируя весь социализм в драме всеобщей забастовки" Всеобщая забастовка была для Сореля мифом, позволяющим привести в движение рабочий класс.

Наконец, идеология дает самооправдание социальной группе, ее существованию в мире, объясняющему индивиду и группе их место в обществе. Каждая профессия, каждая социальная группа, чтобы укрепиться в собственных глазах, создает свою самоутверждающуюся идеологию.

В XIX веке история часто превращалась в политическую идеологию, как было показано выше относительно Великой французской революции. В результате либеральная и марксистская экономика захотели принять научный вид, но в то же время они были идеологическими схемами, пользуясь которыми либеральная экономика вручила торжествующему капитализму модель и правила повседневного поведения, позволившие ему создать индустриальное общество, а марксизм сыграл ту же роль для пролетариата. В XX веке социология, стремящаяся описать общество, рискует выполнить похожую функцию, потому что хочет создать логическую структуру, способную истолковать различные реальности общества.

Невозможно, чтобы социальная наука не была бы в определенной степени идеологической, как в области производимых ею анализов, так и в области ее применения людьми политики, руководителями в экономике и управлении. Успех практического

применения социологического анализа зависит от его идеологической ценности для тех групп, которые могут найти в нем логическую основу своей повседневной деятельности. Вот почему в СССР не было социологии: логика, данная обществу марксизмом, одновременно представляла собой науку и доктрину. В настоящее время в России развивается "технократическая" социология, которая пытается анализировать социальные механизмы в глубинах общества, чтобы улучшить их функционирование. Это напоминает ситуацию в США: американская социология не затрагивает фундаментальные постулаты общества, она пробует понять основные движущие им механизмы, чтобы улучшить их. "Европейская" социология, напротив, изучает тотальную структуру общества, его основы и постулаты, приближаясь к идеологии (Aron (Арон), "*Textes*", pp. 235-250). Таким образом, данную книгу можно рассматривать как введение в теоретическую и эмпирическую идеологию, однако хотим заметить, что любой научный анализ, если это хороший анализ, представляет собой анализ идеологический.

Рекомендуемая литература

* Claude Lévi-Strauss, La pensée sauvage. Paris, Plon, 1962 и Mythologiques в 4-х томах. Paris, Plon, 1964-1971.

* Raymond Boudon, L'idéologie. Paris, Fayard, 1986.

* François Bourricaud, Le bricolage idéologique. Paris, P.U.F 1980.

* Gérard Dupart (éd.), Analyse de l'idéologie, в 2-х томах. Paris, Galilée, 1980-1983.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ

Не претендуя на введение в социологическую мысль, мы познакомили вас в своей книге с введением в социологический анализ. В нашу задачу не входило представление великих социологов или их работ. Некоторые исторические вехи позволят читателям понять, какое место в науке занимают авторы, упомянутые в книге.

Великие предки

Можно было бы бесконечно перечислять тех, что стояли у истоков социологии, начав, например, с Вобана (1633—1707), который в описании округа Веслей сделал первый прототип региональной монографии. Ограничившись XIX веком, вспомним наиболее часто упоминаемые имена:

* Adolphe Quételet (1796—1884), Physique sociale (1835).
* Auguste Comte (1798—1857), Cours de Philosophie positive (T.I, 1830).
* Alexis de Tocqueville (1805—1889), La Démocratie en Amérique (1835), L'Ancien Régime et la Révolution (1856).
* Frédéric Le Play (1806—1888), Les Ouvriers Européens (1885).
* Karl Marx (1818—1883), Le Capital (том I, 1867).
* Herbert Spencer (1820—1903), Principes de sociologie (1876).
* N.D. Fustel de Coulanges (1830—1889), La Cité antique (1864).

Великие мыслители до 1914 года

Во Франции социология зародилась в конце прошлого и начале нынешнего века; наследники Ле Пле собрались в школе Дюркгейма. Школа "Социальных наук" (названная так по имени ревю "La Science sociale"), находящаяся под влиянием католицизма, продолжала выпускать монографии и совершенствовать перечень социальных факторов, начатый Ле Пле: Henri de Tourville (1842—1903), La Nomenclature des faits sociaux (1886); Paul Bureau (1865—1923), Le Paysan des Fjords de Norvège (1906); Edmond Demolins (1852—1907), основатель l'École des Roches, A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons (1897). Влияние Ле Пле чувствовалось и за границей, особенно в Великобритании (Brandfort и Эдинбургская школа), в Португалии (Paul Deschamps) и в Квебеке (Léon Gérin).

Вокруг Дюркгейма и l'Année sociologique образовалась команда молодых университетских преподавателей, обучавших социологии на филологическом факультете Сорбонны под вывеской философии. Они мало путешествовали и использовали материалы этнографов и историков. Республиканцы-социалисты (Мосс вместе с Жоресом основал

"Юманите"), они хотели, чтобы социология внедрила нерелигиозную педагогику, и включили ее в школьную программу.

Накануне войны 1914 года Дюркгейму удалось создать свою школу, затмившую все остальные. Некоторые ученые представили оригинальные работы, имевшие влияние, особенно в США:

* Gabriel Tarde (1843—1904), профессор в Collège de France: La Criminalité (1886), Les Lois de l'imitation (1890).

* Arnold Van Gennep (1873—1957), Les Rites de passage (1909) и монументальный Manuel de folklore français (10 томов).

* Wilfredo Pareto (1848 1923), профессор в Лозанне, о котором нельзя сказать, кем он был: французом, итальянцем или швейцарцем. Traité de sociologie générale (1917).

В Германии, в противоположность Франции, социология развивалась на основании исторической эрудиции и размышлений о праве; наиболее великие представители:

* Max Weber (1864—1920), Wirtschaft und Gesellschaft (1922).

* Ferdinand Tönnies (1855—1935), Gemeinschaft und Gesellschaft (1887).

* Karl Mannheim (1893—1947), Ideologie und Utopie (1929).

* Georg Simmel (1858—1918), Soziologie, имеющая влияние до сих пор.

* Ernst Troeltsch (1865—1923), Die soziallehren der Christlichen Kirchen und Gruppen (1912), основатель социологии протестантских сект.

В Англии существуют две традиции, связанные с социологией, которые превалируют над социологией в строгом смысле слова.

Изучение социальных проблем современного общества стимулировалось развитием социальных служб:

* Charles Booth (1840—1916), Life and Labor of the People in London (17 томов, 1891—1903).

* Beatrice (1858—1943) и Sydney Webb (1859—1947), основавшие London School of Economics (1895).

* Leonard Hobhouse (1864 1929), Principles of Sociology (1918).

Английские традиции в этнологии способствовали тому, что наука обратила внимание на "примитивные" народы. Этнологические исследования английских ученых были использованы как марксистами (особенно Ф. Энгельсом), так и сторонниками Дюркгейма:

* Lewis Morgan (1818—1881), Ancient Society (1877).

* Sumner Maine (1828—1888), Ancient Law (1861).

* E.B.Tylor (1832—1917), Primitive Society (1871).

* Джон Фрейзер (1884—1941) в Golden Bough дал замечательный этюд о магических и религиозных обрядах и обычаях.

* У Риверс (1864—1922) первым написал монографию о народе тода в Индии.

Активный очаг науки, стимулированный проблемами социальных и аграрных реформ, находился *в России*. Популисты, марксисты и реформисты горячо дискутировали о будущем русского общества и проводили эмпирические исследования.

Один из примеров — работа В.И.Ленина "Развитие капитализма в России" (1899). Некоторые специалисты остались в России после революции и продолжали работать до прихода к власти Сталина: например, Чаянов и Преображенский. Другие эмигрировали в Европу и в Соединенные Штаты: Питирим Сорокин, Георгий Гурвич, Карл Виттфогель.

Между двумя войнами

Это время отмечено некоторой сонливостью социологии в Европе и заметным ее развитием в Соединенных Штатах, в частности, потому, что русская революция, а затем нацизм заставили многих ученых пересечь Атлантику В двадцатых годах заметные очаги сформировались в Восточной Европе:

Вена была, несомненно, наиболее активным центром, где сосуществовали фрейдисты, марксисты, психологи, экономисты и социологи. Затем они все эмигрировали и заняли видные места в американской социологии: например, Пол Лазарсфельд и Мария Ягода.

В Германии: Карл Маннгейм эмигрировал в Англию. Франкфуртская школа, верная марксизму, дала философов (Г. Маркузе), из которых многие занялись социальной психологией (T.Adorno (Т. Адорно): The Authoritarian Personality), а другие увлеклись движением сторонников самоотчуждения человека под влияием социальной структуры, возникшим благодаря психоанализу (E.Fromm (Э. Фрамм): Escape from Freedom).

В Польше: этнолог Б. Малиновский (1884—1942) эмигрировал в Англию, завершив работу о тробриандцах. Социолог Ф. Знанецкий (1882—1958) эмигрировал в Соединенные Штаты, где написал вместе с У Томасом капитальный труд: The Polish Peasant in Europe and in America (Польский крестьянин в Европе и Америке). Польская социология вновь блестяще возродилась после 1958 года.

В Чехословакии "Пражский кружок", организованный лингвистами и логиками, эмигрировал в США и создал прогрессивную лингвистику (Якобсон), затем использованную этнологами и социологами.

Единственное исключение — школа *румынской* сельской социологии, которая не эмигрировала, а работала начиная с 1950 года, накапливая монографии о деревне и этнографические опросы (Demetre Gusti (Димитрие Густи), 1880—1955). Социология и этнология снова обрели мощь в Румынии в шестидесятых годах: H.H.Stahl, Les Anciennes Communautés paysannes roumaines (Paris-Bucarest, 1969). Брейлоу, отец музыкальной этнографии, эмигрировал в Париж.

Во Франции смерти Дюркгейма и некоторых его молодых последователей на войне (Hertz) привели к определенному затуханию собственно социологии, однако смежные дисциплины все более вторгались в социологическую проблематику: человеческая география (Деманжон, Макс Сорре), социальная история (Марк Блох, Люсьен Февр и школа Анналы), демография (Сови), политические науки (Андре Зигфрид). Некоторые последователи Дюркгейма продолжали свои исследования и преподавание.

* Марсель Мосс (1872—1950) стал основоположником нового поколения этнологов.

* Морис Хэлбвог (1877—1945) был единственным социологом, проводившим эмпирические исследования: L'Évolution des besoins dans la classe ouvrière (1933) и Cadres sociaux de la mémoire (1925).

* Люсьен Леви-Бриль (1857—1939), La Mentalité primitive (1922).

* Louis Gernet (1882—1962) изучал древнегреческое общество (Droit et société dans la Grice ancienne, 1955).

* Марсель Гране (1884—1940) занимался классическим Китаем (La Civilisation Chinoise, 1929).

* Жорж Дюмезиль изучал индо-европейскую мифологию.

* Франсуа Симиан (1873—1936) — экономист и социолог, оказал существенное влияние на историков (Le Salaire, l'évolution sociale et la monnaie, 3 тома, 1932).

Основной очаг социологии был в Центре социальной документации l'École normale, возглавляемом Бугле. Центр часто посещали социологи, создавшие свои основные работы после второй мировой войны: Габриэль ле Бра, Жорж Фридман, Раймон Арон, Жан Стотцель, Клод Леви-Стросс, Жорж Гурвич и др.

В Англии социология не сделала больших успехов, но этнология была блистательной. Прежде всего отметим этнологов, посвятивших всю (или почти всю) свою жизнь изучению какого-нибудь народа, например: Radcliffe-Broun (Les Andaman), Evans-Pritchard (Les Nuer du Soudan), Meyer Fortes (Les Tallensi), Raymond Firth (Tikopia).

В Нидерландах традиции, заложенные Тённисом, после 1945 года развивались под американским влиянием, в результате нидерландские социологи стали представителями многочисленной и хорошо оплачиваемой профессии. То же можно сказать и про *Скандинавию*.

В Соединенных Штатах, благодаря притоку европейских ученых, социология, социальная психология и этнология сделали значительный рывок, заняв важные места как в университетах, так и вне их, поскольку отвечали запросам общества. Война не прекратила исследования, а, напротив, стимулировала их.

* Джордж Гэллап изобрел зондаж общественного мнения (1935).

* Элтон Мэйо заложил основы индустриальной социологии и изучения изменений человеческих отношений.

* Чикагская школа (Парк, Берджесс, Уорнер) специализировалась на экологии и на городском обществе. См. Y.Grafmeyer et J.Joseph, L'école de Chicago, Paris, Aubier, 1984.

* Колумбийский университет (Мертон и Лазарсфельд) специализировался на изучении общественного мнения и политики.

* Американская армия субсидировала многочисленные исследования "The American Soldier" под руководством Стоффера.

* Талькотт Парсонс разработал свою великую теорию.

Этнология, со своей стороны, будучи в начале века сосредоточенной на индейцах (Боас, 1858 – 1942), открыла после войны общества крестьян, разбросанные по всему свету (Роберт Редфилд, 1897 – 1958). Движение культурализма было активно перед второй мировой войной и продолжалось по окончании войны (Рут Бенедикт, 1887 – 1948, и Маргарет Мид). Упомянем также: Кройбера (1876 – 1960), Лоуи (1883 – 1957) и Клакхона (1905 – 1963).

Об американской социологии можно прочесть: Nicolas Herpin, Les Sociologues américains et le siècle Paris, P.U.F 1973.

Сегодня

Социология (этнология и социальная психология) распространилась по всему миру, она преподается в университетах почти всех стран, в том числе и социалистических, и не признана только несколькими тоталитарными режимами. Это затушевало национальные особенности, чтобы подчеркнуть специализации по областям (религия, политика, сельское хозяйство и т.д.) или по техническому применению (математическая техника), и оживило конфликты между социологией, названной "критической" и другими течениями, между марксистской и немарксистской социологией. Сегодня мы можем говорить об определенном кризисе в социологии, который, очевидно, является кризисом роста.

Современное состояние социологических исследований во Франции представлено лучшими специалистами в каждой области в книге: Mendras et Verret (йd.), Les champs de la sociologie fransaise. Paris, Colin, 1988.

ТЕХНИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Стратегия исследований

При изучении общественного мнения опросы стали настолько обычным явлением, что превратились в технику исследования в социологии. Однако на практике, в эмпирических исследованиях (здесь не идет речь о теоретических исследованиях) опрашивающий — всего лишь оружие других сотрудников и обычно работает на последнем этапе программы исследований. Исследование социального феномена или структуры включает применение различных приемов: исследование — это стратегия приближения к объекту под различными углами зрения и различными способами: талант исследователя проявляется в адекватном использовании рабочих инструментов для исследования данного объекта и организации применения необходимой техники.

Все исследования, большие или малые, разбиваются на несколько фаз:

1) Изучение документов: необходимо изучить все документы, относящиеся к данному вопросу.

2) Теоретические приготовления: теоретическое и практическое изучение объекта с точки зрения поставленного вопроса. Нельзя добиться успеха в изучении вопроса, который не был четко сформулирован вначале.

3) Технические приготовления: выбор необходимых средств и определение стратегии исследований. Будут ли проводиться статистические или документальные исследования, составление вопросника и особенно плана анализа?

4) Сбор данных: этот этап может быть относительно коротким, если он поручается специализированной в области опросов организации, или длинным, если требуется значительное время, чтобы привыкнуть к объекту, или если исследуемый феномен развивается в течение длительного периода.

5) Обработка полученных результатов; для количественных данных техника статистической обработки значительно улучшилась, благодаря компьютерам; приведение в порядок качественных данных может оказаться очень длительным.

6) Анализ данных и их интерпретация: сравнивают вопросы, поставленные в начале исследования с полученными результатами.

Как правило, необходимо одинаковое время для каждого из трех основных этапов исследования: приготовления, сбора и обработки данных, анализа и редактирования заключительного отчета.

Существует две большие группы исследований: исследование определенной местности и исследование какого-либо социального феномена. Иногда локальные исследования кажутся исчерпанными: все знать о племени, деревне или квартале представляется сегодня неразумным при условии, что социологическая проблематика усиливается. Локальные исследования чаще всего имеют целью вернуть феномен в локальную социальную систему, из которой он вышел, или изучить внутренний порядок небольшого общества, удобного в работе опрашивающего.

Часто предпочитают выбирать местности, отличающиеся друг от друга, чтобы сравнивать различные случаи. Анализ местностей может также служить для анализа изменений, происходящих за много лет в одном и том же месте.

Изучение социального феномена внутри нации или, путем сравнительного анализа, между нациями предполагает использование документальных источников, статистики, количественных и качественных опросов, рассматривая наблюдаемые проблемы и поддающиеся количественному определению переменные.

Наблюдение участника

Несомненно, эта техника наиболее важная и наиболее деликатная. Ничто не заменит прямого контакта наблюдателя с предметом его исследований, и никакая техника не принесет столько новых идей. Этнологическая техника внедряется в совершенно чуждое ей общество: социология пытается ввести в свое рассмотрение маргинальные группы или рассматривает детали повседневной жизни группы: найм на работу в качестве рабочего в мастерскую, вступление в молодежную банду или в милленаристическую секту, увлечение наркотиками и т. д. Рено Сенсольё рассказал о своем опыте наблюдения в качестве участника: L'identite au travail, Paris, FNSP, 1977, глава 1. Чтобы добиться успеха в такой работе, необходимо уметь делать многие вещи: быть токарем или фрезеровщиком, участвовать в молодежном спорте, знать теологию и т. д. Одновременно надо уметь абстрагироваться от наблюдаемых явлений, чтобы записать сделанное наблюдение. Все это снижает риск неправильного понимания информации. Надо ежедневно вести дневник. Практические и детальные советы см. в: Marcel Maget, Guide d'etude directe des comportements collectifs. Можно также делать наблюдения извне, но группы редко дают разглядывать себя "стороннему наблюдателю"

Анализ документов

Наши общества производят огромные массы документов, написанных или нарисованных, которые могут служить материалом для исследования социологам и историкам. Газеты дают практически неисчерпаемый и до сих пор мало использованный источник информации. Источники информации по регионам (официальные или нет) рассказывают

все о жизни учреждений и коллективов: например, о выборах муниципальных советов или комитетов предприятия. Планы, карты, кадастры представляют исчерпывающие сведения. Путеводители, ежегодники, всевозможные списки требуют численного анализа. Фотографии пробуждают иллюстративные мысли. Архивы предприятий и нотариусов являют собой поразительное богатство для социологов. Личные архивы также очень важны. Великий памятник американской социологии The Polish Peasant in Europe and America (Thomas и Znaniecki, 1921) представляет собой труд, значительная часть которого построена на письмах польских эмигрантов своим родственникам, оставшимся в Польше, и ответных письмах из Польши. Наконец, социология может вызвать рождение документов, например — автобиографии опрошенных или задания, данные ученикам школы.

Чтобы проанализировать массу прессы и других документов, используют различные подходы: можно измерять объем, занимаемый в прессе тем или иным фактом в большом количестве текстов одного типа (газетные статьи, прокламации кандидатов, реклама), можно сосчитать, сколько раз была затронута данная тема.

Статистика

Социологи часто жалуются, что статистические отчеты делаются не для них, а для администрации, а с недавних пор — для экономистов. Социальная статистика добилась успеха в INSEE, что отразилось в выпуске серий Economie et statistique и Donnees social. Каждый министр располагает службой статистики, более или менее существенной, и часто исследовательской службой. Национальный институт демографических исследований проводит большие социологические опросы. Многие другие институты имеют подразделения, претендующие на занятия статистикой, например, палаты коммерции и промышленности и другие профессиональные учреждения. Многочисленные опросы собирают данные о самых различных областях французской жизни: домашнем хозяйстве, потреблении пищевых продуктов, свободном времени, жизни в обществе, бюджете времени и т. д.

Начиная с XIX века собираются очень интересные демографические данные. Поименные списки, хранящиеся в мэриях, представляют собой ценнейшие данные для локальных исследований. Учет населения постоянно усложняется, и выдача результатов требует времени. Современные зондажи позволяют быстро получить предварительные результаты.

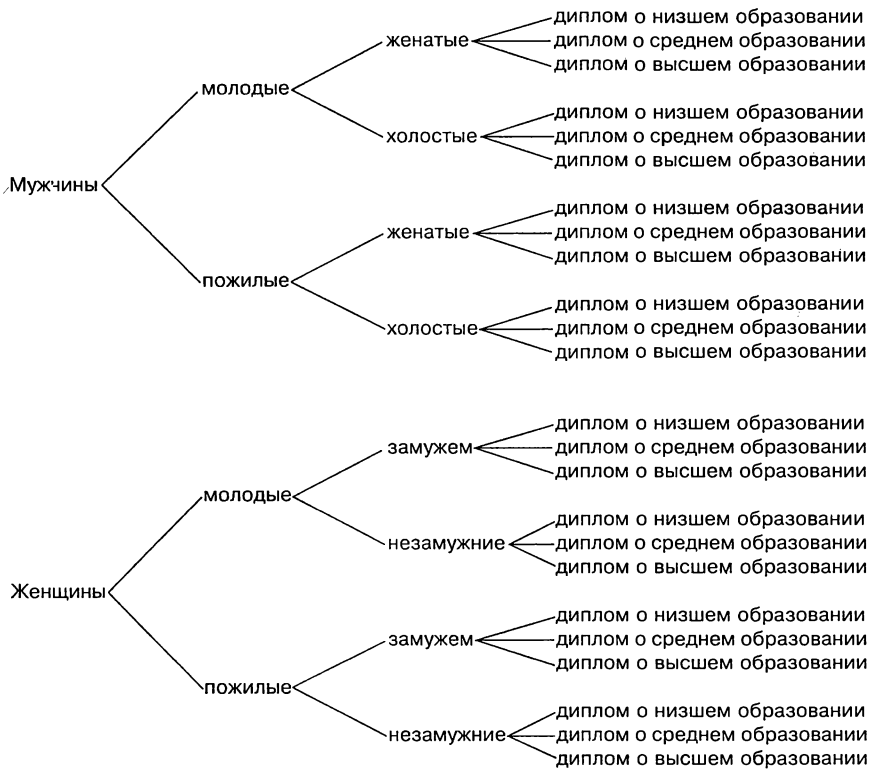
Опросы

Существуют весьма различные формы социологических опросов.

1) Опросы представительной выборки заданной популяции, целью которых является получение количественных данных. Техника подбора респондентов может изменяться, и ее выбор зависит от погрешности,

заданной при опросе, и имеющихся средств. Опросные листы могут распространяться по почте, но в этом случае количество ответов обычно слишком мало для того, чтобы опрос был надежным; следовательно, нужно, чтобы опрашивающий встречался с респондентами, ставил вопросы и заполнял опросные листы.

В научных исследованиях представительность не всегда необходима, поскольку в них дают не описание, а объяснение. Строят "планы анализа", в которых различные люди встречаются в одинаковом количестве, чтобы сравнение было возможно; наиболее часто производят дихотомию, ограничиваясь рассмотрением только крайних категорий, чтобы усилить контраст, например, рассматриваются молодые и пожилые люди, без лиц среднего возраста, в соответствии с нижеследующей схемой:



Для четырех переменных можно насчитать двадцать четыре группы, что определяет число опрошенных как функцию количества людей в каждой группе.

2) Качественный опрос характеризуется малым числом опросов (несколько десятков) и техникой, которую используют для определения мотивов покупки потребителями. Это также техника, используемая в научных исследованиях. Вопрос ставится не в директивной форме ("расскажите о вашем отпуске"), и испытуемому дается возможность говорить на заданную тему, следуя ассоциациям своих идей. Для того чтобы его разговорить, повторяют последнюю фразу, которую он произнес. В опросе "полудирективном" используют более или менее длинный словарь. Опросы не настолько многочисленны, чтобы стать представительными; обычно довольствуются выбором опрашиваемых в различных социальных категориях, интересных как объект опроса, согласно сокращенному плану анализа.

Составление вопросника операция, требующая высокой компетенции. Необходимо найти вопросы, позволяющие определить искомые переменные, и часто многие вопросы нужно использовать вместе, чтобы составить представление о предмете исследования. С другой стороны, вопросы должны быть понятны всем участвующим в опросе категориям людей; часто одно и то же слово имеет различный смысл у рабочих, крестьян и руководящих работников, у молодых и пожилых. Следовательно, необходим предварительный опрос, чтобы узнать, как различные категории людей решают свои проблемы. С помощью материалов, полученных на этой предварительной стадии, формулируют вопросы, причем таким образом, чтобы не ориентировать ответы. Подготовленный тест проверяют на людях, принадлежащих к различным социальным категориям. Данная проверка позволяет, в случае необходимости, заново сформулировать вопросы.

Существуют вопросы, устанавливающие факты: "Были ли вы вчера вечером в кино?", и вопросы, устанавливающие мнения: "Любите ли вы Миттерана?" В закрытых опросах ответы предсказаны и надо только выбрать из нескольких ответов: "да", "нет" или "крайне правый", "правый", "центр", "левый" "крайне левый" В открытых опросах ответы даются своими словами: "Что вы думаете об эвтаназии?" Открытые вопросы представляют собой более богатый, но и более сложный для анализа материал: необходимо создание кода для ответов и кодировака каждого вопроса.

3) Изучение статистических данных включает серию процедур слишком сложных, чтобы представлять их здесь: кодирование, регистрацию, составление таблиц, подбор переменных, факторный анализ (имеющий много разновидностей) и т. д.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Предлагаемый список содержит начальные сведения для формирования небольшой библиотеки и одновременно — программу чтения, основанную на французских работах или книгах, переведенных на французский язык. Ознакомившись с "наличным багажом" и с некоторыми рабочими инструментами, можно начать путешествие по смежным дисциплинам в соответствии со своими интересами; различные частные вопросы освещены в рекомендуемой литературе по главам.

I. Начальный багаж

а) Три предка:

* Émile Durkheim, Le Suicide. Paris, P.U.F., 462 p. (1-е изд. 1897).

* Max Weber, L'Éthique protestant et l'esprit du capitalisme. Paris, Plon, 325 p. (1-е изд. 1904).

* Marcel Mauss, Sociologie et anthropologie. Paris, P.U.F., 1950, 389p.

б) Немного эпистемологии:

* Emile Durkheim, Les Règles de la méthode sociologique. Paris, P.U.F., 149 p. (1-е издание в 1895; некоторые главы устарели, другие сохранили актуальность: контраст назидателен).

* Gaston Bachelard, La Formation de l'esprit scientifique. Paris, Vrin, 1960, 357 p. (особенно три первые главы).

в) Два мэтра из-за Атлантики:

* Robert K. Merton, Éléments de téorie et de methode sociologique. Paris, Plon, 1966, 514 p.

* Talcott Parsons, Elements pour une sociologie de l'action, Paris, Plon, 1955, 355 p.

г) Два примера экспериментальных исследований актуальных проблем современного общества и попытка диагностики французского общества:

* Michel Crozier, Le Phénomène bureaucratiqe. Paris, Seuil, 1963, 412 p.

* Raymond Boudon, L'Inégalité des chances, la mobilité sociale dans les sociétés industrielles. Paris, Colin, 1973, 236 p.

* Henri Mendras, La Seconde Révolution française 1965-1984. Paris, Gallimard, 1988.

II. Несколько рабочих инструментов

а) Сборник текстов

* O.P Birnbaum et F. Chazel, Théorie sociologique. Paris, P.U.F., 1975, 598 p.

б) Словари и энциклопедии

— два маленьких словаря, удобных в работе, и один большой, очень теоретический:

* R. Boudon et al., Dictionnaire de la sociologie. Paris, Larousse, 1989, 236 p.

* Panoff et Perrin, Dictionnaire de l'ethnologie. Paris, Payot, 1973, 283 p.

* R. Boudon, F Bourricaud, Dictionnaire critique de la sociologie. Paris, P.U.F 1982, 650 p.

— две главные энциклопедии, составленные специалистами, содержат статьи о социологических понятиях:

* Encyclopaedia Universalis.

* La Grande Encyclopédie Larousse.

— на французском языке нет эквивалента книгам:

* Gould et Kolb, A Dictionnary of the Social Sciences (подготовлена под эгидой ЮНЕСКО).

* The Encyclopaedia of the Social Science.

в) Обозрения, отражающие науку в процессе ее создания:

* Actes de la recherche en sciences sociales, Maison des Sciences de l'Homme.

* Année sociologique, P.U.F

* Archives européennes de sociologie, Cambridge U.P

* Cahiers internationaux de sociologie, P.U.F

* Revue française de sociologie, éd. du C.N.R.S.

* Sociologie du travail, Dunod.

г) I.N.S.E.E. публикует социальную статистику и исследования все более полезные для социологии:

* Economie et statistique, ежемесячное обозрение.

* Données sociales, выходит раз в три года.

III. Методы и техника исследований

а) Два труда, представляющиеся основными:

* R. Ghiglione et B. Matalon, Les enquêtes sociologiques. Paris, Colin, 1978.

* B. Matalon, Décrire, expliquer, prévoir. Paris, Colin, 1988, 271 p.

б) Методология:

* R. Boudon et P. Lazarsfeld (éd.), Le Vocabulaire des sciences sociales. Paris-La Haye, Mouton:

Tome I: Concepts et indices, 1965, 309 p.

Tome II: L'Analyse empirique de la causalité, 1966, 304 p.

Tome III: L'Analise des processus sociaux, 1970, 413 p. (в сотрудничестве с F Chazel).

* J. Peneff, La méthode biographique. Paris, Colin, готовится к печати

* J. Piaget, Epistémologie des sciences de l'homme. Paris, Gallimard, 1972, 383 p.

* J.-L. Loubet del Bayle, Introduction aux méthodes des sciences sociales. Toulouse, Privat, 1989.

в) Статистика и применение математики:

* J.-L. Boursin, Comprendre les statistiques descri ptives. Paris, Colin, 1988.

* Ph. Cibois, Analyse des données sociologiques. Paris, P.U.F., 1984, 218 p.

* H. Rouanet, M.-Cl. Bert, B. Le Roux, Statistiques en sciences humaines, procédures naturelles. Paris, Dunod, 1985.

* M. Deroo, A.-M. Dessaix, Pratique et analyse des enquêtes par sondage. Paris, P.U.F 1980, 302 p.

* A. Blanchet et al., L'entretien dans les science sociales. Paris, Dunod, 1985.

* C. Javeau, L'enquête par questionnaire, manuel à l'usage du praticien. Bruxelles, Institut de sociologie, 1971.

IV. Смежные дисциплины

а) Демография:

* R. Pressat, L'analyse démographique. Paris, P.U.F 1969 (2-е изд.), 323 p.

* G. Tapinos, Élementes de démographie. Paris, Coline, 1985, 365 p.

* J. Dupaquier, Histoire de la popuation française. Paris, P.U.F 1988, в 4-х томах.

* Population, revue de l'Institut national d'études démographiques.

б) Этнология:

* R. Cresswell (éd.), Éléments d'ethnologie. Paris, Colin, 1975.

Tome I: huit terrains.

Tome II: problèmes et concepts.

* A. Leroi-Gourhan, Le geste et la parole. Paris, A.Michel.

Tome I: Techniqe et langage, 1964, 323 p.

Tome II: La mémoire et les rythmes, 1965, 285 p.

* Poirier, Ethnologie générale. Paris, Gallimard, 1968, 1909 p., Coll. La Pléiade.

* L'Homme, Mouton, ревю, публикуемое Laboratoire d'Anthropologie sociale du Collège de France.

в) Политические науки

* P Birnbaum, F Chazel, Sociologie politique, Textes. Paris, Colin, 1978, 277 p., Coll. U2.

* F Goguel, A. Grosser, La vie politique en France. Paris, Colin, 1984, 283 p.

* M. Grawitz, J.Leca (dir.), Traité de science politique. Paris, P.U.F., 1985, в 4-х томах.

* Revue Française de science politiques, публикуемое Fondation nationale des sciences politiques.

г) Социальная психология:

* S. Moscovici (éd.), Introduction à la psychologie sociale. Paris, Larousse, в 2-х томах, 1972, 332 p. и 1973, 363 p.

* J. Stoetzel, La Psychologie sociale. Paris, Flammarion, 1963, 316 p.

* Doise, Deschamps, Mugny, Psychologie sociale expérimentale. Paris, Colin, 1978, 264 p.

е) История:

* P Nora, Faire l'histoire. Paris, Gallimard, 1974, 3 тома.

* P Veyne, Comment on écrit l'histoire. Paris, Le Seuil, 1978, 384 p.

Среди исторических обозрений укажем на наиболее близкое по тематике социологам:

* Annales, économie, sosiété et civilisation.

д) Экономика:

* A. Mingat, P Salmon, A. Wolfelsperger, Méthodologie économique. Paris, P.U.F., 1985.

Экономических обозрений очень много.

ГЛОССАРИЙ

Любая наука оперирует определенной терминологией. Ссылки на страницы в данной книге показывают, где то или иное понятие комментировалось и уточнялось.

АВТОРИТЕТ, АВТОРИТАРНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ 38, 56, 58, – 62, 64, 78, 197 (*см. также* Легитимность)

АГРЕССИВНОСТЬ: тенденция, осуществляемая в реальных или фантазматических обстоятельствах, которая проявляется в том, чтобы вредить другим, унижать и уничтожать противника. Агрессивность может быть следствием незаконного лишения чего-либо, фрустрации – 25, 33, 39, 60, 61, 125, 187, 197, 275, 276

АКСИОМА: в системе гипотетико-дедуктивной – положение, очевидное или нет, не вытекающее из другого, которое ставят в начале рассуждений – 151, 152 (*см.* Постулат и Гипотеза)

АКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ, ДЕЙСТВИЕ: совокупность форм деятельности индивидов, осознанно направленной на решение задач, стоящих перед обществом, классом, социальной группой в конкретный исторический период – 115, 131, 155 – 159, 218

АНАЛИЗ СИСТЕМНЫЙ: *см.* Система

АНАЛИЗ ФАКТОРНЫЙ: группа методов многомерного статистического анализа, которые позволяют установить скрытые закономерности в ансамбле переменных – 78, 312

АНАЛОГИЯ: метод исследования, базирующийся на подобии феноменов, позволяющий набросать гипотезу, обычно непроверяемую, в противоположность сопоставлению – 149, 154

АНОМИЯ: от *греч.* "а" без и "nomos" закон; термин, введенный в социологию Э.Дюркгеймом, означает отсутствие, недостаточность или противоречивость норм, когда индивид не знает, как себя вести – 12, 14, 15, 119, 122, 125, 126 (*см.* Интеграция)

АТТИТЮД: скрытая величина (не наблюдаемая непосредственно), которая служит для объяснения и предсказания мнений и поведения – 74, 76, 78, 80 – 84, 87, 88, 90

БАНДА – 65, 170, 212, 309

БЕДНЫЙ, БЕДНОСТЬ – 185 – 188

БИОЛОГИЯ (в противоположность социологии) 10, 11, 28, 29, 32, 38, 81, 134, 191, 194

БОРЬБА КЛАССОВАЯ – 241 – 255

БУРЖУАЗИЯ 242 - 246, 269, 271, 298
БЮРОКРАТИЯ: от *франц.* bureau — канцелярия и *греч.* kratos — власть, господство, сила. По концепции М.Вебера, это форма социальной организации осуществления властных функций, основанная на легитимности рационального типа. Характеризуется отделением функций от людей, компетенцией как критерием выбора и рационализацией механизмов власти 136, 227, 228, 233
ВЕЖЛИВОСТЬ — 116, 117
ВЕРА — 74, 78, 81, 128—130, 174
ВЛАСТЬ 39, 130—132, 233, 268, 270
ВЛИЯНИЕ — 71, 72
ВОЗМУЩЕНИЕ, БЕСПОКОЙСТВО — 129
ВОЗРАСТ (категория возраста): классификация по возрастным категориям, особенно существенная для молодых и старых — 170—174, 212, 213
ВОПРОСНИК 79 (*см.* Приложение 2)
ВОСПИТАНИЕ — 23, 27, 28, 35—38, 44, 45, 81, 201, 206—209, 251 (*см.* Социализация)
ВОСПРИЯТИЕ 81—84
ВРЕМЯ — 40—43, 109
ВСЕОБЩЕГО ЗНАКОМСТВА ОБЩЕСТВО: общество, в котором каждый знает все аспекты жизни остальных индивидов — 171—173 (*см.* Общество традиционное)
ВЫБОРКА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ: техника, благодаря которой из популяции выбирается определенное количество индивидов, причем представительная выборка соответствует выбранной популяции — 79, 310
ВЫКУП: противоположность Приданому 200
ГАБИТУС (Habitus): состояние индивида, привитое образованием, которое заставляет его следовать нормам своей группы — 27, 109 (*см.* Культура)
ГИПОТЕЗА: положение, сформулированное в научных терминах и предназначенное для эмпирического подтверждения — 10, 24—31, 150, 271
ГОМОГАМИЯ: стремление жениться на подобной (подобном) — 201
ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЙ — 124, 202
ГОРОД 67, 162, 163, 166—169, 171, 173, 181—184
ГРУППА ДОМАШНЯЯ: группа людей, живущих вместе, связанная или нет кровным родством — 167, 191, 202—209
ГРУППА ПО ИНТЕРЕСАМ: социальная группа, разделяющая одни и те же интересы или одну и ту же идеологию и организованная для их защиты — 237

ГРУППА РЕФЕРЕНТНАЯ: группа, реальная или воображаемая, системы норм и ценностей которой являются для индивида эталоном — 95, 113
ГРУППА ЭЛЕМЕНТАРНАЯ: социальная единица малого объема, в которой существуют персональные отношения между всеми членами (*primary group*) — 47—73
ДАР — 154, 175, 217 219, 222
ДЕМОКРАТИЯ — 56, 58—61, 64, 65, 154, 161, 164, 180, 181, 251, 266, 291, 292
ДИНАМИКА ГРУППЫ 47, 53, 55, 73 (*см. также* Элементарная группа)
ДИССОНАНС ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ: противоречия между познаваемыми элементами — 83
ДОКТРИНА: в противоположность теории (*см.* Теория) доктрина предписывает действия — 5, 8—10, 12, 75, 147, 298, 300
ЖЕНЩИНА, МУЖЧИНА — 38—40, 91, 92
ЗАДРУГА: распространенная у южных славян фамилия — 205
ИДЕНТИФИКАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ: механизм, с помощью которого индивид конструирует свою идентичность, принимая или отвергая символы и группы — 34, 35, 38, 105
ИДЕОЛОГИЯ: система верований, более или менее рационализированная, которая дает объяснения социальной и природной реальности 5, 25, 40, 64, 109, 111, 137, 161, 180, 254, 265, 270, 271, 279, 294—300 (*см.* Доктрина, Теория, Миф.)
ИЗМЕНЕНИЕ — 49, 66, 75, 273—293
ИЗОЛЯТ: группа, избегающая контактов с посторонними — 169
"ИМЕНИТЫЙ": глобальный посредник в сельском обществе — 71, 72
ИНДИВИДУАЛИЗМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ: подход, заключающийся в рассмотрении всех коллективных действий как результата индивидуальных — 156 (*см.* Действие)
ИНДИКАТОР: эмпирические данные, показывающие присутствие или интенсивность данного феномена или переменной 14, 15, 17, 40, 75, 126, 173, 226, 258
ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ: *см.* Цивилизация, Общество.
ИННОВАЦИЯ (INNOVATION) — 273, 291
ИНСТИНКТ — 81
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ: *см.* Организация.
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ 258, 295
ИНТЕРАКЦИОНИЗМ: анализ общества как продукта взаимодействия между индивидами — 155
ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ: механизм, с помощью которого индивид принимает нормы своей группы или своего общества — 117, 118 (*см.* Социализация)

ИНЦЕСТ: (табу на инцест) запрет на сексуальные отношения и на браки между близким родственниками — 215
КАДРЫ — 96, 121, 235—237, 246, 250, 259, 261—263, 269
КАПИТАЛИЗМ — 9, 13, 44, 110, 111, 144, 145, 161, 164, 179, 181, 182, 184, 247, 254, 271, 299
КАСТА: традиционная система социальной иерархии в Индии. Социальная группа, характеризующаяся религиозными правилами и профессиональной специализацией. В широком смысле о "кастах" или "кастовом духе" говорят по поводу этнически или профессионально замкнутых групп 131, 165, 168, 216, 230, 239, 240, 249
КАТЕГОРИЯ: ансамбль элементов, представляющих общие характеристики, объединенные в одну группу при классификации; отлично от "групп" — 85, 108, 237 (*см.* Группы)
КИНО — 57, 66, 126 (*см.* Коммуникации)
КЛАН: социальная группа, считающая себя происходящей от общего предка, мистического или реального. Не путать с племенем 130, 192, 195, 220, 289
КЛАСС СОЦИАЛЬНЫЙ — 25, 28, 131, 143, 144, 148, 164, 235—241
КЛИЕНТУРА: в античном Риме тип персональных отношений между вольноотпущенником и его прежним хозяином. В других обществах персональная связь, в которой "патрон" дает защиту своему "клиенту", отвечающему верностью — 215 234
КОММУНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: во Франции — общество, члены которого объединены сильным чувством участия. Отличать от Организации, Ассоциации
КОНСЕНСУС: от *лат.* consensus — согласие, единодушие, соучастие; наличие между двумя или более индивидами сходных ориентаций в каком-либо отношении или в ситуациях, требующих общего решения — 238, 257
КОНФЛИКТ — 121, 122, 207, 208, 240, 254, 275—279
КОРРЕЛЯЦИЯ: статистические соотношения между двумя переменными — 15, 50, 61, 77
КРЕСТЬЯНИН: *см.* Крестьянское общество
КРИЗИС 139, 140, 271, 273—279
КУЗЕНЫ — 191, 193, 194, 196, 197, 199, 204
КУЛЬТУРА: идеал интеллектуальной жизни, синоним цивилизации — 26, 38 (*см.* Цивилизация)
ЛЕГИТИМНОСТЬ — 175—180
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ — 146
ЛИЧНОСТЬ (социальная): совокупность свойств, которые индивид получает от общества в процессе социализации — 23—31
ЛЮБОВЬ — 14, 29, 34, 129, 196, 206, 208

МАГИЯ: изменение нормального течения событий с помощью потусторонних сил, чтобы воспрепятствовать злым силам — 127—132
МАРКСИЗМ: *см.* Маркс
МАССА (культура, общество): *см.* Общество индустриальное
МАТРИАРХАТ: социальный строй, при котором женщины располагают властью; в противоположность патриархату — 40, 194, 195, 208
МАТРИЛИНЕАРНЫЙ: общество, где родство идет от матери к детям — 195, 196
МАТРИЛОКАЛЬНЫЙ: система, в которой мужчина живет в семье своей жены — 195 (*см.* Патрилокальный)
МАТЬ: *см.* Матрилинеарный
МЕТОД, МЕТОДОЛОГИЯ — 10—14, 134—160
МИФ: символический текст, дающий "рациональное" и последовательное изложение социальной или природной реальности — 294—300
МНЕНИЕ: выражением мнения называют формулу, которая по данному поводу и в данное время получает согласие индивида 17, 18, 54, 74—89, 174 (*см.* Аттитюд)
МОБИЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ: переход индивидов от одной группы к другой внутри социальной системы 169, 259—269
МОДЕЛЬ, МОДЕЛИРОВАНИЕ — 147—155, 259, 263, 265, 267
МОЛОДЕЖЬ — 170, 201
МОНОГРАФИЯ: книга, посвященная социальному процессу или ансамблю процессов, четко ограниченных социальной группой (деревня, семья, администрация и т. д.) или явлением (самоубийство) — 10, 16, 127, 154
МОРАЛЬ — 107, 108, 110—113, 146, 184 (*см.* Ценность)
МОТИВАЦИЯ: глубокие чувства, определяющие поведение индивидов — 80, 81, 105 (*см.* Аттитюд)
МУЖЧИНА: *см.* Женщина
НАПРАВЛЕНИЕ — 55—61
НЕРАВЕНСТВО 235—241
НОМИНАЛИЗМ — 143
НОРМА: закон, правило или принцип, предназначенные для ориентирования людей 111 119
ОБМЕН — 198, 199, 215—233
ОБРЕЗАНИЕ — 129
ОБРЯДЫ: установленные и неизменные обычаи — 127—132
ОБЩЕСТВО ИНДУСТРИАЛЬНОЕ — 13, 63—73, 161—188
ОБЩЕСТВО МАССОВОЕ: *см.* Общество индустриальное
ОБЩЕСТВО ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ — 188, 189
ОБЩЕСТВО СЕЛЬСКОЕ — 161—188
ОБЩЕСТВО ТРАДИЦИОННОЕ — 161—188

ОЖИДАНИЕ 90--100
ОПРОС: метод сбора первичной информации в социологических исследованиях при помощи устного или письменного обращения к определенной совокупности индивидов с вопросами по изучаемой проблеме и последующая их обработка и интерпретация — 16, 19 (*см.* Приложение 2)
ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ: Э.Дюркгейм придал этому термину А.Смита социологический смысл (*см.* Солидарность)
ОРГАНИЗАЦИЯ: ансамбль норм и ролей, определяющих, что законно, а что нет в данной социальной группе 118, 128, 130, 131
ОРГАНИЗАЦИЯ: институт, координирующий активность своих членов в соответствии с собственными целями. Теория организаций — инструмент социологического анализа — 118, 227—233
ОРГАНИСТИЧЕСКИЙ: теория, согласно которой общества являются организмами, аналогичными живым существам — 10
ОТЕЦ: *см.* Патрилинеарный
ОТКЛОНЕНИЕ, ОТКЛОНЯЮЩИЙСЯ: состояние, при котором не принимают мнений или норм группы, частью которой являются — 119—127 (*см.* Приспособленность)
ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ — 17, 49, 227, 229, 307
ПАТОЛОГИЯ — 19, 25, 125
ПАТРИЛИНЕАРНЫЙ 192—198
ПАУПЕРИЗАЦИЯ: регулярное и неминуемое обеднение группы или класса — 185, 244, 246
ПЛЕМЯ: социальная группа, которая все время подвергается опасности разделения — 24, 25, 31, 131, 168, 186, 192, 193, 217
ПОЗИТИВИЗМ, НАУКИ ПОЗИТИВНЫЕ — 7
ПОЛИГАМИЯ, ПОЛИАНДРИЯ 202
ПОСТОЯНСТВО — 13, 81
ПОСТУЛАТ: положение, не очевидное само по себе, с которого начинают рассуждения и которое не надо доказывать — 25—31 (*см.* Аксиома, Гипотеза)
ПОТЛАШ: ненужный и служащий основой для соревнования обмен, ритуализированный некоторыми племенами Северной Америки — 219, 220
ПРАВО — 278, 288, 304
ПРЕДРАССУДОК: стереотипное мнение, присущее индивиду 33, 34
ПРЕДСКАЗАНИЕ — 9, 22
ПРЕССА — 66 (*см.* Коммуникации)
ПРЕСТИЖ — 14, 58, 84, 98, 103, 104, 128, 173, 223, 227, 236, 237, 239, 245, 251—258, 268
ПРИДАНОЕ — 200

ПРИСПОСОБЛЕННОСТЬ: нормы поведения группы, противоположные отклонению — 119—126 (*см.* Отклонение)
ПРОЛЕТАРИАТ: *см.* Рабочий
ПРОРОЧЕСТВО О СОЗИДАНИИ (или РАЗРУШЕНИИ): предсказание, приводящее к своей реализации (или нереализации) — 18
ПРОРОЧЕСТВО — 13, 18
ПРОСТРАНСТВО 40—43
ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ: тенденция людей, имеющих одинаковую профессиональную компетенцию соединяться, чтобы защищать свои интересы внутри и вне организации 232
ПСИХОАНАЛИЗ: *см.* Фрейд. Психодрама
ПСИХОДРАМА: терапевтическая техника, изобретенная Морено, основанная на использовании драматических сцен, разыгрываемых пациентами — 50
ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНАЯ — 6, 15, 20, 49, 63, 75, 78, 87, 111, 116, 133, 152, 169, 286, 305 307
РАБ (РАБСТВО): человек, принадлежащий своему хозяину как вещь, которого могут продать и убить — 164, 239 (*см.* Сервы)
РАБОЧИЕ — 13, 17, 26, 49, 56—58, 61, 63, 64, 75, 82, 84, 101, 108, 114, 121, 125, 150, 157, 158, 162, 164, 165, 171, 181, 183, 185, 188, 225—229, 231, 236, 238, 241—259
РАДИО — 66—68, 110, 126 (*см.* Коммуникации)
РАСА, РАСИЗМ: *см.* Предрассудок
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ, РАЦИОНАЛЬНЫЙ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ — 175—180
РЕАЛИЗМ: методическая ошибка, заключающаяся в том, что путают понятия и реальность, которую должны описывать эти понятия (*см.* Номинализм)
РЕВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКАЯ — 269, 296, 299
РЕГУЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ: совокупность способов, с помощью которых общество заставляет уважать свои нормы — 97—100, 107—133
РЕЛИГИЯ —6, 8, 16, 33, 99, 109, 120, 127, 128, 128, 141, 167, 171, 174, 176, 180, 191, 226, 239, 259, 289, 290, 297
РОД: группа людей, происходящих от одного общего предка, члены которой устанавливают родственные отношения, объединяющие их между собой и с общим предком — 192—213
РОДСТВЕННИКИ: обозначает единокровные связи, сложившиеся в обществе — 192—213
РОЛЬ: совокупность правил, управляющих поведением индивида в заданных положениях — 34—37, 39, 40, 51, 64, 66, 69, 72, 81, 84, 90—105, 118, 121, 124, 131, 136, 138, 143, 156, 164, 168—172, 176, 197, 207—213, 225, 235, 237, 238, 251, 278

САМОУБИЙСТВО 12, 16, 125, 126 (*см.* Аномия)
СВАДЬБА (ЖЕНИТЬБА) — 198—202
СВЯЗИ — 61—63, 68—73
СВЯЗЬ ОБРАТНАЯ: механизм, с помощью которого феномен реагирует на действующие на него факторы, как усиливая их, так и ослабляя (*англ.* feed back) — 142
СЕКС: *см.* Мужчина, Женщина.
СЕМЬЯ — 191—213 (*см.* Родители, Домашняя группа, Свадьба)
СЕРВЫ: люди, привязанные к земле и к своему сеньору, но не рабы (*см.* Раб)
СЕТЬ: конфигурация социальных связей, поддерживаемая людьми — 225—227
СИМВОЛ: то, что фигурально представляет другую вещь на основании аналогичных свойств — 127—132
СИСТЕМА: ансамбль элементов, между которыми существуют такие отношения, что все изменения одного элемента влекут за собой изменения других элементов — 147—155
СОЖИТЕЛЬСТВО — 186, 187, 212, 287
СОЗНАНИЕ КЛАССОВОЕ — 242, 250
СОЛИДАРНОСТЬ (механическая, органическая): у Дюркгейма этот термин характеризует социальные связи в традиционном и современном обществах 162
СОЦИАЛИЗАЦИЯ: механизм, с помощью которого общество передает ценности, нормы и верования своим членам — 31—38
СОЦИАЛЬНАЯ ПРИЧИННОСТЬ: применяется к процессам взаимного усиления причин и следствий — 14, 141, 142
СОЦИАЛЬНО-ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ: взаимозависимость между элементами социальной системы и между членами одного общества, из которой вытекает его сплоченность (*см.* Аномия, Консенсус)
СОЦИОГРАММА: техника графического изображения социометрических отношений — 51—53 (*см.* Социометрия)
СОЦИОДРАМА: в противоположность психодраме, социодрама ищет терапевтический эффект в группах участников — публике и актерах — 50 (*см.* Психодрама)
СОЦИОМЕТРИЯ: специальная техника анализа отношений внутри малых социальных групп 51, 52, 67, 72
СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА: в марксистской терминологии — отношения производителей, орудий труда и владельцев средств производства
СРАВНЕНИЕ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД — 152—154
СТАРЫЙ ПОРЯДОК — 9, 10, 240

СТАРЫЙ: *см.* Возраст
СТАТИСТИКА — 16, 17, 85, 152, 259, 308, 310, 314, 315
СТАТУС: ансамбль позиций индивида, который определяет его положение на социальной лестнице — 102—105
СТЕРЕОТИП: полностью законченное клише, картинка, которое общество дает своим членам — 64, 68, 70, 83, 88, 93, 126, 169, 172
СТРАТЕГИЯ (стратегический анализ) 114, 157, 159, 200, 227—233
СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ: разделение общества по престижу, власти или богатству — 38, 101, 104, 132, 152, 168, 169, 201, 255—259
СТРУКТУРА: тип организации общества или группы — 142—147
СТРУКТУРНЫЙ (анализ) и структурализм: метод социологии, сконцентрированный на анализе структур и систем, позволяющий выяснить значение отдельного социального явления для социального целого — 142—147
СУМАСШЕДШИЙ, СУМАСШЕСТВИЕ 123—125, 208
ТАБУ: запрет, касающийся человеческого существа, животного или растения, в соответствии со священным смыслом, который им приписывается — 127, 198, 199, 215
ТАВТОЛОГИЯ — 56, 57
ТЕЙЛОРИЗМ — 228, 229
ТЕЛЕВИДЕНИЕ — 66, 68, 70, 126, 287 (*см.* Коммуникации)
ТЕОРИЯ — 8, 10—14, 16, 19, 147—155
ТЕХНИКА ИССЛЕДОВАНИЯ — 6, 14—17 (*см.* Приложение 2)
ТИП ИДЕАЛЬНЫЙ: по Максу Веберу система отношений, предписанная исторической реальностью, которую мы снова объединяем в силу ее культурной значимости — 164—168 (*см.* схему)
ТОТЕМ (тотемизм) — 192
ТРАДИЦИИ: "Авторитет вечного вчера" (Макс Вебер) — 36 (*см.* Традиционное общество)
ТРАДИЦИОНАЛИЗМ: в нетрадиционном обществе — обращаться к реальному или мифическому прошлому, чтобы легитимизировать идею или поступки — 289
УТОПИЯ 7, 137
ФЕОДАЛИЗМ: общество, основанное на отношениях военного и сельскохозяйственного типа — 166, 182, 224, 247
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ — 8, 245, 247, 292
ФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ: в марксистской терминологии общество (нация) в данный исторический момент
ФУНКЦИОНАЛИЗМ: течение в социологии, рассматривающее общество как полностью солидарное и сплоченное, ищущее выгоду и порядок во всех своих частях — 134—137, 146

ФУНКЦИЯ: от *лат.* functio исполнение, свершение; роль, выполняемая определенным объектом социальной системы в ее организации как целого, зависимость между социальными процессами и характеристики, свойственные объекту, входящему в ансамбль, части которого взаимозависимы — 134—159
ХАРИЗМА: по Максу Веберу это — тип легитимности, основанный на выдающихся качествах руководителя 175—179
ХОЛИЗМ — 155
ЦЕННОСТЬ — 107—111
ЦИВИЛИЗАЦИЯ: совокупность правил поведения, веры, материальной и духовной культуры, характеризующая социальный ансамбль — 26, 38 (*см.* Культура)
ЧУЖИЕ 32
ЭВОЛЮЦИОНИЗМ: доктрина, согласно которой существует генеральный закон развития общества, позволяющий выстроить общества от наиболее архаичных к самым современным 163
ЭДИПОВ КОМПЛЕКС — 27, 46, 81
ЭКЗОГАМИЯ: *см.* Эндогамия
ЭКОЛОГИЯ: в социологии изучение взаимного влияния обитающей на данной территории группы и окружающей среды — 169, 307
ЭЛИТА — 269—271
ЭМПАТИЯ: способность индивида встать на место другого, чтобы понять его реакции — 69
ЭМПИРИЧЕСКИЙ: то, что является результатом эксперимента или научного наблюдения и не следует ни из какого закона — 7, 12, 21, 26, 74, 104, 108, 137, 143, 144, 149, 150, 267, 270, 300
ЭНДОГАМИЯ: тенденция членов группы выбирать себе жену или мужа только в пределах своей группы (противоположность экзогамия) — 201
ЭТОС: совокупность правил и верований, которые управляют поведением членов данного общества 109—111, 183
GEMEINCHAFT — 162
GESELLSCHAFT: *см.* Gemeinschaft

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адорно, Теодор 78
Альберт Великий 108
Андерсон 265
Аристотель 7, 108
Арон, Раймон 161, 165, 188, 270, 274, 300
Асх 54
Атон, Клод 285, 286

Бавела, Алекс 62, 63
Балаш, Этьенн 181
Беккер, Говард 123, 156
Белл, Дэниел 188, 189
Бенвиль, Жак 153
Бенедикт, Рут 24, 111, 275, 307
Берно, Люсьен 31, 37
Бине, Леон 82
Бланкар, Рене 31, 37
Ботт, Элизабет 128, 210, 211
Будон, Раймон 147, 150, 151, 153, 156, 265, 266
Бурдьё, Пьер 27, 266, 287
Бурнхам, Джеймс 269
Бэкон, Фрэнсис 141
Бэнфилд, Эдуард 109

Ван Геннеп, Арнольд 128
Ван Леннеп 187
Вебер, Макс 8, 13, 44, 110, 144—147, 156, 162, 175, 176, 179—181, 184, 189, 227, 228, 232, 248—254, 270
Вилли, Лоренс 31, 37, 275

Глюкман, Макс 211, 278, 283
Гобино, Жозеф Артюр де 223
Горе, Дж. 30
Грамши, Антонио 298
Гурвич, Жорж (Георгий) 267
Гуттман, Луи 77, 258
Гэллап, Дж. 18, 75

Дампьер, Эрик де 26
Дарендорф, Ральф 254, 269
Декарт, Рене 142
Достоевский, Федор 30
Дэвис, Кингсли 136, 159
Дюби, Жорж 181, 291
Дювиньё, Жан 41
Дюркгейм, Эмиль 12, 14, 27, 97, 108, 125, 126, 136, 138, 153, 155, 162, 163

Жаму, Гарун 290
Жирар, Алан 201

Зиммель, Георг 156, 246

Ибн Хальдун 7
Инкель, Алекс 35, 36

Кант, Иммануил 107
Кац, Э. 66, 283
Клакхон, Клайд 136
Клаузевиц, Карл фон 275
Конт, Огюст 8
Кош, Лестер 55
Крозье, Мишель 37, 38, 136, 230, 232, 233
Кули, Чарлз 48
Кювье, Жорж 155
Кюстин, маркиз де 30

Лаббенс, Жан 186

Лазарсфельд, Поль Феликс 66, 283
Лайкерт Р 77
Лафито, Жозеф-Франсуа 193
Ле Бра, Габриэль 5, 174
Ле Пле, Фредерик 10, 22, 207
Левин, Курт 53, 54, 113, 283
Леви-Стросс, Клод 20, 127, 147, 159, 215, 216, 295, 296
Лейт, Натан 31
Ленин Владимир 31
Ленский Дж. 104
Либерман 84, 99, 121
Линхардт, Морис 198
Липпит, Дональд 58
Льюис, Оскар 187, 274

Маке, Жан-Жак 131
Малиновский, Бронислав 129, 136, 218
Маркс, Карл 9, 21, 138, 144, 155, 164, 180, 184, 185, 241—245, 248—250, 253, 254, 267, 274, 295
Мариотт Мак Ким 280, 282
Мердок, Жорж 154, 202, 210
Мертон, Роберт Кинг 11, 12, 18, 113, 123, 139, 159, 225
Метро, Рода 30
Мид, Маргарет 198
Милгрэм, Стенли 119, 120
Миллс, Райт 270
Мишле 135, 136
Монтескьё Шарль Луи 7, 8, 23, 24, 147
Мор, Томас 7
Морган, Льюис 193
Морено, Якоб 50, 51
Мосс, Марсель 154, 217
Мэйо, Элтон 49, 50, 53, 64

Надель 102
Ницше, Фридрих 24
Норт, Дуглас 258

Оуэн, Роберт 8

Павлов, Иван 33
Парсонс, Талькотт 21, 147
Паскаль, Блез 23
Пассерон, Жан-Клод 38, 266
Пиаже, Жан 42, 43
Питтс, Джесс 37
Платон 7
Поллак, Михаэль 124
Протагор 40
Пулантцас, Никос 247, 231

Редфилд, Роберт 161 – 163, 166, 273, 274
Рисман, Давид 44, 45, 231
Рошеблав-Спенле, А.М. 91
Рэдклифф-Браун, Альберт 135, 136
Рэйно, Жан-Даниэль 278

Сен-Симон Клод Анри де Рувруа 8, 9
Сенсольё, Рено 113, 156
Сен-Пьер Б. де 135, 136
Синьи, Франсуа де 211, 212
Сорель, Жорж 299
Спенсер, Герберт 10, 135
Сталин, Иосиф 31
Стотцель, Жан 76, 89, 111, 112, 117

Тайлор, Эдуард Барнетт 295
Тард, Габриэль 284
Тацит 194
Тейлор Ф.У 228, 229
Тело, Клод 263
Тённис, Фердинанад 162, 306
Терстоун, Л. 77
Токвиль, Алексис де 9, 10, 156, 180, 276, 292
Трашер, Фредерик 65
Трубецкой Н.С. 147
Турвиль, Анри де 10
Турен, Ален 157, 188, 230

Уайт, Уильям 58, 65, 156

Уарнер, Ллойд 268

Февр, Люсьен 41
Фестингер, Леон 114
Фрейд, Зигмунд 27, 33, 50, 81, 295
Френч, Джон 55
Фридл, Эрнестина 40, 275
Фридман, Жорж 162, 230
Фурье, Шарль 8

Хатт, П. 258
Хиршманн, Альберт 123
Хэлбвоч, Морис 82

Чаянов 108

Шильз, Эдвард 64
Шомбар де Лоу, Поль-Генри 53
Шомски, Ноам 147

Энгельс, Фридрих 298

Ягода, Мария 77
Яновиц, Морис 64

БИБЛИОГРАФИЯ

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Казань, 1997

Аверьянов Л.Я. Искусство задавать вопросы: заметки социолога. М., 1987

Американская социология. М., 1972.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.

Андреева Г.М. О соотношении микро- и макросоциологии // Вопр. философии. 1970. № 7

Антипина Г.С. Теоретико-методологические проблемы исследования малых социальных групп. Л., 1982.

Антонов А.В. Информация: восприятие и понимание. Киев, 1988.

Арон Р Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

Асеев В.Г. Структура мотивации поведения // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М. 1988.

Ашин Г.К. Доктрина "массового общества" М., 1971.

Ашин Г.К. Современные теории элиты. М., 1985.

Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология М., 1972.

Беккер Г Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961.

Белкин П.Г., Емельянов Е.Н., Иванов М.А. Социальная психология коллектива. М., 1987

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Блунчли И.К. История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время. СПб., 1874.

Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М. 1978.

Бодалев А.А. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970.

Брушлинский А.В., Поликарпов В.М. Мышление и общение. Минск, 1990.

Бурдьё П. Начала. М. 1994.

Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

Буржуазная социология на исходе XX века. М., 1986.

Бурлацкий Ф., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.
Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
Бутенко И.А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентом. М., 1989.
Вачеишвили А.Ш. Методические вопросы исследования малых социальных групп. Тбилиси, 1978.
Вебер М. Избранное. Образ общества. М., "Юрист" 1994.
Вебер М. Избранные произведения. М. 1990.
Витаньи И. Общество, культура, социология. М., 1984.
Волков Г.Н. Социология науки. М., 1968.
Волков И.П. Социометрические методы в социально-психологических исследованиях. Л., 1970.
Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.
Гаджиев Ч.М. Социально-психологические проблемы коллективного творчества. Баку, 1982.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989.
Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994.
Гутман Л. Основные компоненты шкального анализа // Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966.
Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М., 1976.
Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977
Десев Л. Психология малых групп: Социальные иллюзии и проблемы. М., 1979.
Дмитриев А.В. Политическая социология США: очерки. Л., 1971.
Дробницкий О.Г Понятие морали. М., 1974.
Духовные ценности: производство и потребление М., 1988.
Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии М., 1991.
Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. СПб. 1912.
Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л., 1985.
Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974.
Здравомыслов А.Г Потребности. Интересы. Ценности. М. 1986

Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
Индивиды в международной политике. М., 1996.
Исследования по общей этнографии. М., 1979.
История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979.
Каган М.С. Мир общения. М., 1988.
Кайдалов Д.П., Суименко Е.И. Психология единоначалия коллегиальности. М. 1979.
Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1883.
Кваша А.Я. Основы демографии. М., 1989.
Кейзеров Н.М. Власть и авторитет. М., 1973.
Келле В.Ж. Наука как компонент социальной системы. М., 1988.
Китов А.И. Психология управления. М., 1979.
Ковалев А.Г Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М., 1978.
Ковалевский М.М. Современные социологии. СПб., 1905.
Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах. Минск, 1976.
Кон И.С. Открытие "Я" М., 1978.
Кон И.С. Социология личности. М., 1967
Концепции зарубежной этнологии. М., 1976.
Кудряцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
Лапин Н.И. Проблема неформальной группы в "индустриальной социологии" // Социальные исследования. Вып. 2. М., 1968.
Лебедев П.Н. Планирование социального развития: проблемы и перспективы. М. 1986.
Лебон Г Психология народов и масс. СПб., 1896.
Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. 1983.
Лекции по методике конкретных социальных исследований. М., 1972.
Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974.
Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.
Локк Д. Избранные философские произведения. В 2-х т. М. 1980.
Мак-Дугалл В. Основные проблемы социальной психологии. М. 1916.
Маркович Д. Социология труда. М. 1988.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.
Мертон Р Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.

Методологические проблемы социального предвидения. Киев, 1977
Методы социальной психологии. Л., 1977
Миллз Т.М. О социологии малых групп // Американская социология. М., 1972.
Миллс Р Властвующая элита. М., 1959.
Миллс Ч. Социологическое воображение. М., Издательский Дом "Стратегия", 1998.
Михайлов Н.Н. Потребности как социологическая категория. Челябинск, 1974.
Монтескьё Ш. Избранные произведения. М., 1955.
Мораль: сознание и поведение. М., 1986.
Морено Д.Л. Социометрия. М., 1958.
Нарта М. Теория элит и политика. М., 1978.
Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988.
Ницше Ф. Соч. в 2-х тт. М., 1990.
Ноэль Э. Массовые опросы. М., 1978.
Общественное сознание и его формы. М., 1986.
Общечеловеческое и классовое в морали. М., 1990.
Ольшанский В.Б. Психологическое тестирование межличностных отношений // Психологическая диагностика. М., 1981.
Омаров А.М. Руководитель: Размышления о стиле управления. М., 1987
Осипов Г.В. Социология и социализм. М. 1990.
Основы научного управления социально-экономическими процессами. М., 1989.
Паниотто В.И. Качество социологической информации. Киев, 1896.
Петровский А.В. Личность, деятельность, коллектив. М., 1982.
Петровский А.В., Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980.
Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М., 1973.
Познание и общение. М., 1988.
Попов С. Сознание и социальная среда. М., 1979.
Пригожин А.И. Современная социология организаций. М. 1995.
Пригожин А.И. Социология организаций. М., 1980.
Проблема человека в западной философии. М., 1988.
Прогнозирование в социологических исследованиях. М., 1978.
Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальный наук. М., 1972.
Работы М. Вебера по социологии и идеологии. М., 1985.

Риккерт Г Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1903.
Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р Коммуникация в организациях. М., 1980.
Родионов Б.А. Коммуникация как социальное явление. Ростов, 1984.
Рукавишников В.О., Паниотто В.И., Чурилов Н.Н. Опросы населения. М., 1984.
Руководитель коллектива. М., 1974.
Руткевич М.Н. Диалектика и социология. М., 1980.
Руткевич М.Н., Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М. 1988.
Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р Социальное перемещение. М., 1970.
Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.
Свенцицкий А.Л. Социальная психология управления. Л. 1986.
Смелзер Н. Социология. М. 1994.
Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов М., 1962.
Современная зарубежная психология. М., 1984.
Сорокин П.А. Система социологии. В 2 т. Пг., 1920.
Социальная психология личности. Л. 1974.
Социальные движения и развитие общественной мысли М., 1981.
Социологический опрос. М., 1990.
Социология преступности. М. 1966.
Социология сегодня: проблемы и перспективы. М. 1965.
Социология. М., 1990.
Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. М., 1998.
Теория государства и права. Л., 1987
Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982.
Типология потребления. М., 1978.
Титаренко А.И. Структуры нравственного сознания. М., 1974.
Токвиль А. де Старый порядок и революция. М. 1997
Тощенко Ж.Т. Социология. М., Прометей, 1994.
Тэрнер Дж. Структура социологической теории. М., 1984.
Угринович Д.М. Введение в религиеведение. М., 1985.
Филиппов Ф.Р Социология образования. М., 1980.
Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.

Фром Э. Иметь или быть? М. 1990.
Хартман Г Современный факторный анализ. М., 1972.
Харчев А.Г., Алексеева В.Г. Образ жизни, мораль, воспитание. М., 1977
Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Тт. 1, 2. М., 1986.
Черри К. Человек и информация. М. 1972.
Что такое мораль. М., 1988.
Шепель В.М. Управленческая психология. М., 1984.
Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М, 1973.
Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
Шиллер Х. Манипуляторы сознанием. М., 1980.
Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. М., 1979.
Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. М., 1978.
Щедрина Е.В. Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива. М., 1979.
Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.
Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991.
Энциклопедический социологический словарь. Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995.
Эпштейн С.И. Индустриальная социология в США. М., 1972.
Яблоков И.Н. Социология религии. М., 1979.
Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. М., 1987
Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.
Яковлев Г.С. Аппарат управления: принцип организации. М., 1974.
Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. М. 1974.

Њuvres complutes d'Alexis de Tocqueville. Vol. 1—10. P 1967
Abrams, P Historical Sociology. Shepton Mallet, 1982.
Ackoff R. Redesigning the future: A system approach to societal probelms. N.Y., 1974.
Adam, B. Time and Social Theory. Camb., 1990.
Adorno, T.W Prisms: Cultural criticism and society. L., 1967
Anders G. Die Antiquiertheit des Menschen. Mьnch., 1984.
Aufgabe Zukunft: Qualitat des Lebens. Bd. 1—10. Frankfurt a M., 1972.

Becker, H.S. Outsiders: Studies in the sociology of deviance. Glencoe, 1963.
Bell D. The Coming of postIndustrial society. N.Y., 1974.
Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y 1976.
Bell D. The end of ideology. N.Y., 1965.
Bell W., Mau J. The sociology of the future. N.Y 1971.
Berger, P.L. Berger, B. Sociology: A biorgaphical approach. Harmondsworth, 1976.
Blau P.M. Exchange and power in social life. N.Y., 1964.
Blau P Inequality and heterogeneity: A primitive theory of social structure. 1977
Bott, E. Family and Social Network. L., 1957
Bottomore T.D. Elites and society. Middlesex. 1966.
Bourdieu P Le sens pratique. P Les editions de minuit, 1980.
Cartwright D., Zander A. Group dynamics: Theory and research. L., 1968.
Cicourel A. Cognitive sociology. Oxf., 1978.
Cohen A. Deviance and control. New Jersey, 1966.
Cohen, P.S. Modern Social Theory. L., 1968.
Collins R. Theoretical sociology. SanDiego et. al, 1988.
Comte A. Catйchisme positiviste on somaire expostion de la religion universelle. P., 1966.
Comte A. Oeuvres choisies. P 1963.
Comte A. Systeme de politique positive. 4 vol., P., 1929.
Cooley Ch. H. Human nature and social order. N.Y 1964.
Cooley, C.H. Social Organization. N.Y 1909.
Coser L. The function of social conflict. N.Y., 1956.
Dahrendorf R. Class and conflict on industrial society. Stanford, 1959.
Dahrendorf R. Pfade aus Utopia. Mьnch. 1967
Davis, K. "The urbanization of the human population" in Cities, Harmondsworth, 1967
Democracy at the polis: A Comparative study of competitive national elections. Wash. (D.C.), 1981.
Deutsch M. and Kraus R.M. Theories in social psychology. N.Y., L., 1965.
Douglas M. Purity and danger. L.: Routledge, 1964.
Durkheim E. Education et sociologie. P 1966.
Durkheim E. La Sociologie. Avec M. Mauss., P., 1915.

Durkheim E. Lecons de sociologie. Physique des moeurs et du droit. P., 1950.
Durkheim E. La Regles de la methode sociologique. P., 1956.
Durkheim E. La Sociologie dans l'enseignement secondaire. P 1900.
Durkheim E. Montesquieu et Roousseau, precurseurs de la sociologie. P., 1953.
Durkheim E. Pragmatism et sociologie. P 1955.
Durkheim E. Sociologie et philosophie. P 1963.
Durkheim E. Sociologie et sciences sociales. P., 1909.
Edition definitive publiee sous la direction de Jacob Peter mager. P., 1967
Electoral change in western democracies: Patterns and soursces of electoral volatility. Z., Sudney, 1985.
Elias N. Ьber den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische and psychogenetische Untersuchengen. Fr.a.M., 1980. Bde. 1—2.
Festinger, L. A Theory of Cognitive Dissonance. Evanson, 1957
Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood-cliffs (New jersey), 1967
Giddens A. New rules of of sociological method. London etc.: Hutchinson, 1976.
Ginner S. Mass society. L. 1976.
Good W., Hatt P. Methods in social research. N.Y., 1952.
Gouldner A. The coming crisis of Western sociology. L., 1970.
Gurvich G. Dialectique et sociologie. P 1962.
Habermas J. Theorie des kommunikativen Handens. Fr.a.M., 1985. Bde. 1—2.
Hallpike C.R. The principles of social evolution. Oxf., 1986. P. 33—36.
Hare A.P Hanbook of small group research. N.Y 1963.
Hargrove B. The sociology of religion. Illin., 1979.
Harrй R. The social being. Oxford: Blackwell, 1979.
Higley J. Elitism. L., 1980.
Hill M. The socililgy of religion N.Y 1973.
Homans G.C. Social behavior. Its elementary forms. N.Y 1961.
Homans G.C. The human group. N.Y 1950.
Huber J. Wer sole das alles anderh? Die Alternativen der Alternativbe-Wegung. B., 1981.
K. Jaspers. Max Weber. Gedenkrede. Tьbingen, 1926.
Kornhauser W. The politics of mass society. L., 1960.

Lenski, G.E. "Status crystallization: a non-vertical dimension of social status", in American Sociological Review, vol. 19, pp. 405—14.
Liphart A.Class voting and religious voting in European democracies. Glasgow, 1971.
Mack R.W Snyder R.C. The analysis of social conflicttoward an overview and synthesis // J. of conflict resolution. 1957 Vol. 2.
Madsen K.B. Modern theories of motivation. Copenhagen, 1974.
Malinowski, B. A Scientific Theory of Culture. Oxf., 1944.
Marcuse H. Reason and revolution. N.Y., 1941.
McQuail D. Communication. L., N.Y., 1984.
Mead G.H. Mind, self and society Chicago, 1934.
Merton R.K. Social theory and social structure. N.Y 1957
Merton R.K. The sociology of science. Chicago, 1973.
Miller N., Dollard I. Social learning and imitation. New Haven, L., 1962.
Morgan D. Social Theory and the Femily. L., 1975.
Nisbet R. The socilolgical tradition. N.Y 1976.
O'Dea T. The sociology of religion. N.Y 1966.
Pareto V Fatti a teorie. Florence, 1920.
Pareto V Transformazioni della democrazia. Milan, 1921.
Pareto V Trattato di sociologia generale. Firenze, 1923.
Parsons T. Social system and the evolution of action theory. N.Y., 1977
Parsons T Sociological theory and modern society. N.Y., L. 1976.
Parsons T The structure of social action. 1937
Parsons T., Smelzer N. Economy and society. N.Y., L., 1956.
"Politique d'Anguste Comte" Extraits prйsentes par Pierre Arnaud. P 1965.
Popper K. The open society and its enemies. L., 1942.
Radcliffe-Brown, A.R. Structure and Function in Primitive Society L., 1952.
Redfield, R. Tepoztian a Mexican Village: A Stady of folk kife. Chicago, 1930.
Risman D. Lonely crowd: A study of the canging american character. N. Y., 1967
Ritzer J. Socilolgy: A multiple paradigm science. Boston, 1976.
Rostow W The stages of economuc growth. Cambr., 1960.
Sainsaulieu, R., L'identitй au travail. P 1977
Schьtz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt: Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Wien, 1932.

Sherif M. An outline of social psychology. N.Y., 1948.
Simmel G. Conflict and the Web of Group Affiliations. N.Y 1955.
Simmel G. Soziologie. Berlin, 1908.
Simmons J.L. Social psychology. N.Y 1981.
Social behaviour: Its elementary forms. N.Y., 1974.
Social stress and family development. N.Y., L., 1988.
Spenser H. Principles of Socililgy., N.Y., 1879—96.
The principles of sociology. L., 1896.
Thurstone L.L., Chave E.J. The measurement of attitude. Chicago, 1929.
Torgerson W.S. Theory and methods of scaling. N.Y 1958.
Touraine A. La sociйtй postindustrielle. P., 1969.
Tцnnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. 8. Aufl. Leipzig, 1935.
Van Gennep A. Les Rites de passage. P., 1969.
Weber M. Gesammetle Aufsatze zur Religionssoziologie. Bd. 1—3. Tub., 1920—1921.
Weber M. Gesammelte Aufsatze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tub., 1924.
Weber M. Gesammelte Aufsatze zur Wissenshaftslehre. Tub., 1951.
Weber M. Grundriss der Sozialokonomik. Tub., 1921.
Weber M Wirtschaft und Gesellschaft. Tub., 1956.
Weinstein J. Socilogy-technology: Foundations of portacademic social science. N.Y 1982.
White W The organization man. L., 1963.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 5

Что такое социология? 5
Великие предки ... 7
О методе 10
Техника исследования 14
Социология и действие 17
Рекомендуемая литература 21

Глава 1. **ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО** 23

Личность и цивилизация ... 23
Гипотезы, постулаты и примеры ... 25
Развитие общественных отношений у детей 31
Мужчины и женщины 38
Время и пространство 40
Заключение 44
Рекомендуемая литература 45

Глава 2. **ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ГРУППЫ В ОБЩЕСТВЕ** ... 47

Предвестники ... 49
Вожаки и направления 55
Внутренние связи 61
Элементарные группы и массовые общества ... 63
Массовые коммуникации 68
Рекомендуемая литература 73

Глава 3. **МНЕНИЯ И АТТИТЮДЫ** ... 74

Определения 76
Генезис и динамика аттитюда 80
Коллективное мнение и коллективные аттитюды 84
Рекомендуемая литература 89

Глава 4. **ПОЗИЦИЯ, РОЛЬ И СТАТУС** 90

Микросоциологический анализ ... 90
Макросоциологический анализ 94
Социальное регулирование и конфликт ролей 97
Типология позиций и ролей ... 100

Социальный статус 102
Рекомендуемая литература 106

Глава 5. **СОЦИАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ: ЦЕННОСТЬ, НОРМЫ И ОБЫЧАИ** 107

Ценности 107
Нормы и обычаи 111
Соответствие, отклонения и аномия 119
Обряды и символы 127
Рекомендуемая литература 132

Глава 6. **АКТЕРЫ, СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИИ** 134

Функционализм и его избыток 134
Правила функционального анализа 137
Причины и причинность 141
Структуры и структурализм 142
Системы, модели и теории 147
Возвращение активного участника 155
Рекомендуемая литература 159

Глава 7. **ТРАДИЦИОННЫЕ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА .** 161

Три типа: индустриальный, традиционный, крестьянский 164
Общая характеристика 168
Типы легитимности 175
Рождение индустриального общества 180
Бедность 185
Постиндустриальное общество 188
Рекомендуемая литература 189

Глава 8. **СЕМЬЯ: УЗЫ РОДСТВА, ДОМАШНИЕ ГРУППЫ И ЖЕНИТЬБА** 191

Системы родства 192
Союзы и свадьбы 198
Домашняя группа 202
Семья, родственники и общество 209
Рекомендуемая литература 213

Глава 9. **ОБМЕН, КЛИЕНТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ** 215

Обмен экономический и социальный 215
Два типа клиентуры 220
Сети 225

Организации и стратегии 227
Рекомендуемая литература 234

Глава 10. **КЛАССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ** 235

Неравенства и социальные классы 235
Марксистская теория классов 241
Макс Вебер: Статус, власть и классы 248
Социальная стратификация 255
Социальная мобильность 259
Власть, элиты и классы 269
Литература 272

Глава 11. **ИЗМЕНЕНИЕ: КОНФЛИКТ, РЕШЕНИЕ И ИННОВАЦИЯ** .. 273

Кризисы и конфликты 275
Рутина (обычай) и инновация 280
Решения и внедрение (диффузия) 283
Возможна ли теория изменений? 291
Литература 293

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 294

Миф и идеология 294
Рекомендуемая литература 300

ПРИЛОЖЕНИЯ 301

Приложение 1. **ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ** 303
Приложение 2. **ТЕХНИКА ИССЛЕДОВАНИЙ** 308
Приложение 3. **ГЕНЕРАЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ** 313
Приложение 4. **ГЛОССАРИЙ** 317
Приложение 5. **УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН** 327

БИБЛИОГРАФИЯ 330

Анри Мендра
ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ
Учебное пособие для вузов

Редактор Е. О. Пучкова
Корректор Н. И. Маркелова
Компьютерная верстка Л. А. Быковой

ЛР № 065828 от 20.04.98 г.
Подписано в печать 25.06.98
Гарнитура Кудряшов. Формат 60x90/16
Усл. печ. л. 21,5. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1006

Издательский дом NOTA BENE
Г 19, Москва, ул. Знаменка, 10
Тел. 291-87-34

Анри Мендра, первоначально занимавшийся вопросами сельской социологии, в настоящее время возглавляет исследования по сравнительной социологии различных стран Западной Европы и Северной Америки, являясь руководителем в CNRS (Национальный Центр научных исследований) и профессором Института политических исследований в Париже. Книга «Основы социологии» выдержала во Франции четыре издания.

NB
NOTA BENE

ISBN 5-8188-0006-7

9785818 800066 >